Лингвистическое Наследие XX века

А. И. Соболевский

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

УРСС

ББК 81.2я44 63.2 63.3

Соболевский Алексей Иванович

Лекции по истории русского языка / Предисл. В. К. Журавлева и И. В. Журавлева. Изд. 5-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 328 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

ISBN 5-354-01094-2

Предлагаемая читателю книга выдающегося русского филолога-слависта А. И. Соболевского (1806–1908) является стереотипным переизданием с 4-го издания (Москва, 1907). В основу книги легли лекции, которые он читал на протяжении многих лет с университетской кафедры сначала в Киеве, а затем — в Петербурге. В основном, в них делается упор на фонетику и морфологию: излагаются история гласных и согласных звуков, история форм склонения и спряжения, проблема смешения именных и местоименных основ. Материалами для исследования истории русского языка послужили рукописные книги за время от XI по XIV вв., грамоты, опытные наблюдения автора за речью носителей различных русских говоров.

Книга рекомендуется филологам-русистам, студентам и аспирантам филологических факультетов, всем интересующимся историей русского языка.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 17.01.2005 г.
Формат 60×90/16. Печ. л. 20,5. Зак. № 2-1683/840.

Отпечатано в типографии ООО «РОХОС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ISBN 5–354–01094–2

© В. К. Журавлев,
И. В. Журавлев,
предисловие, 2005
© Едиториал УРСС, 2005

Издательство УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в *Internet*: http://URSS.ru
Тел./факс: 7 (095) 135–42–16
Тел./факс: 7 (095) 135–42–46

3064 ID 25690

«Лекции по истории русского языка» А. И. Соболевского и их научный контекст

А. И. Соболевский — русский филолог, славист, специалист по истории русского языка, диалектологии, сравнительной грамматике славянских языков и славяно-русской палеографии. Действительный член Академии наук по ОРЯС (с 1900 года).

Вряд ли можно более точно охарактеризовать научную деятельность этого выдающегося ученого, чем это сделали его почитатели и ученики. Вот слова, с которыми они обратились к А. И. Соболевскому по случаю его семидесятилетия: «До Вас были попытки охарактеризовать особенности древнерусского языка, но Вам принадлежит бесспорно честь быть первым историком его. Вами создана русская палеография, как система знаний. Вы объединили материал и построили схему русской диалектологии как древнего времени, так и нового, положив твердую базу для дальнейших изучений. В области славянской филологии Вы значительно углубили сделанное Вашими предшественниками и подарили науке ряд ценных наблюдений, гипотез и выводов. Русская этнография обязана Вам, кроме единственного в своем роде свода великорусских песен, — рядом остроумных и значительных по содержанию, несмотря на краткость, исследований и статей. История русской литературы, как древней, так и новой, — всегда занимала Вас; но в особенности важны Ваши работы для освещения переводной литературы до-монгольского и московского периода. Немало времени и сил отдали Вы изучению проблемы славянской и русской археологии, в частности же — древнерусскому искусству» [1].

Алексей Иванович Соболевский родился в Москве 26 декабря 1856 года (7 января 1857 года по новому стилю) в семье чиновника. Учился в 1-й Московской гимназии, а затем на историко-филологическом факультете Московского университета, который окончил в 1878 году. Осенью 1882 года он защищает магистерскую диссертацию «Исследования в области русской грамматики», которая сразу выдвинула его в ряд ведущих специалистов по сравнительно-исторической грамматике славянских языков: здесь был собран и проанализирован значительный материал по истории русского языка, были заложены основы исто-

---

[1] Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. Т. CI. № 3. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1928. С. I.

рической диалектологии восточно-славянских языков. В 1882 году А. И. Соболевский становится доцентом, а в 1884 году (защитив докторскую диссертацию) — профессором Киевского университета. В докторской диссертации, которая называлась «Очерки из истории русского языка», Соболевский установил особенности древних галицко-волынского и псковского диалектов, исследовал древнекиевский и смоленско-полоцкие говоры в их истории. К киевскому периоду также относятся его «Статьи по славяно-русскому языку» (Варшава, 1883), знаменитые «Лекции по истории русского языка» (первое издание: Киев, 1888), где была дана характеристика звуковых и морфологических особенностей русского языка разных периодов его истории, и «Общеславянские изменения звуков» (Варшава, 1889). Эти работы строятся на обширном фактическом материале, почерпнутом не только из печатных и рукописных текстов, но также из наблюдений над живыми говорами.

В 1888 году Соболевский переезжает в Петербург, где до 1908 года заведует кафедрой русского языка и словесности Петербургского университета и одновременно является профессором Археологического института, читая лекционные курсы по истории и диалектологии русского языка, старославянскому языку, славяно-русской палеографии, древнерусской литературе. Одним из первых он предпринимает систематическое описание фонетики старославянского языка, которое публикует под названием «Древний церковнославянский язык. Фонетика. Из лекций» (М., 1891). Следует особо отметить работу А. И. Соболевского «Опыт русской диалектологии» (вып. 1, СПб., 1897), которая представляла собою свод данных о живых русских говорах, составленный на основании печатного материала. Примечательная черта этой работы состоит в том, что здесь весьма подробно характеризовались отдельные говоры, вскрывались различия, существующие между ними.

Будучи последователем и учеником основоположника исторического изучения русского языка Ф. И. Буслаева, Соболевский не мог обойти проблему отношений между историей языка и историей народа. Он участвует в проведении трех археологических съездов (1893, 1896, 1900) и славяно-русской палеографической выставки (1899), с научной целью посещает Чехию, Австрию, Сербию и Болгарию (в 1895-96 гг.), публикует работы литературоведению, этнографии, топонимике и другим дисциплинам, например: «Образованность Московской Руси XV–XVII веков» (СПб., 1892), «Церковно-славянские стихотворения конца IX – начала X веков» (СПб., 1892). Эти исследования имели важное значение для реконструкции истории культуры славянских народов в целом. Несколько позже он опубликует небольшую работу, в которой впервые будет предпринята попытка определения абсолютной хронологии языковых процессов путем сопоставления исторических событий с данными относительной хронологии[2)].

[2)] *Соболевский А. И.* Древнейшие славянские названия монеты и хронология общеславянского смягчения гортанных // Русский филологический вестник. 1910. Т. XIV. С. 92–95.

Изучая южнославянское и западнославянское влияние на формировани русского языка, Соболевский обращает особое внимание не только на памятник письменности и свидетельства живых говоров, но и на историю самой письменнс сти. Результатом его исследований становятся, помимо многочисленных статей книги «Славяно-русская палеография» (СПб., 1901–1902), «Палеографически снимки с русских рукописей XII–XVII веков» (СПб., 1901), «Новый сборни палеографических снимков с русских рукописей XI–XVIII вв.» (СПб., 1906; а также изданные совместно с С. Л. Пташицким «Сборник снимков со славяно русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопе чатания» (ч. 1 и 2, СПб., 1895)[3] и «Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в.» (СПб., 1903).

В 1908 году А. И. Соболевский уволился из Петербургского университе та, не прекратив, однако, научную деятельность[4]. Переехав после революции в Москву, он прочитал курсы по истории русской культуры (в Московско археологическом институте), исторической этнографии (в Московском универ ситете), палеографии (на Архивных курсах, созданных Московским областны управлением архивного дела), в 1925 году возглавил комиссию по подготовк Словаря древнерусского языка при ОРЯС АН[5]. 24 мая 1929 года А. И. Соболев ский скончался.

Научные интересы А. И. Соболевского касались самых разных проблем и об ластей: это развитие славянской письменности и история книгопечатания, осо бенности языка древнейших памятников, развитие звукового и грамматическог строя старославянского языка, современное состояние славянских языков, ис торическая и описательная диалектология, русская и славянская историческая лексикология, ономастика, топонимика, история литературы, а также этнография археология и т. д. В общей сложности им опубликовано более 450 научных трудов

«Лекции по истории русского языка» были написаны столетие назад. В связи с этим мы считаем необходимым напомнить читателю о том, как развивалась наука, имеющая своим предметом историю русского языка. Нам нужно будет показать, в каком виде застал эту науку А. И. Соболевский, и, разумеется, каковы были пути ее дальнейшего развития.

История русского языка как самостоятельная научная дисциплина скла дывалась в XIX веке усилиями многих выдающихся ученых (А. Х. Востоков Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Потебня и др.). И все же это были еще

---

[3] Первая часть (посвященная XV и XVI векам) написана С. Л. Пташицким, вторая (посвященная XVII веку) — А. И. Соболевским.

[4] См., например, его работу «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии» (СПб., 1910).

[5] После смерти А. И. Соболевского эту работу продолжил профессор Б. А. Ларин.

только поиски, пробные исследования, не имевшие четко оформленной методологической базы. По словам В. В. Виноградова, перед исследователями конца XIX века «была груда недоброкачественного материала, из которого надо было с опаской извлекать ценные крупицы; методы лингвистических изучений не были установлены ни по отношению к памятникам, ни к живой речи; палеография подавляла историю языка; изучение народных говоров не было оценено в достаточной мере...; путь исторического развития русского языка в его разветвлениях не был обозначен четко. Словом, был хаос — не упорядоченный исторически, и неизвестен был подход к созданию из него научной системы» [6]. Создание основ такой системы применительно к истории русского языка и легло на плечи лингвистов конца XIX и начала XX века, прежде всего А. И. Соболевского (наибольшее внимание уделившего изучению древних памятников) и А. А. Шахматова (который, в отличие от Соболевского, основным источником исторического изучения русского языка считал живые говоры). Расхождений во взглядах Соболевского и Шахматова мы касаться здесь не будем, отметим лишь, что эти расхождения только способствовали научному развитию и того, и другого ученого, и, разумеется, сами их концепции вовсе не были полностью противоположными.

Так или иначе, первое, что бросается в глаза при чтении «Лекций» А. И. Соболевского, — это богатство фактического материала и бережное обращение с памятниками письменности. При этом, однако, сама история языка здесь как бы превращается в историю памятников, она реконструируется еще не как самостоятельная история языковых изменений, но как история свидетельств, зафиксированных в письменном виде. История языка как бы просвечивается через историю памятников. Столетие назад иначе и быть не могло, ведь именно факты, извлекаемые из древнейших текстов, представлялись наиболее надежным научным свидетельством о том или ином явлении или процессе.

Историческая фонетика, вполне сформировавшаяся к тому времени, уже располагала богатейшим материалом, но... для истории букв, а не звуков. Именно поэтому в «Лекциях» Соболевского в разделе фонетики речь в первую очередь идет об истории букв. Чтобы разглядеть за ней звуковые изменения, было необходимо выйти за рамки основного корпуса фактических данных истории, за рамки памятников письменности. Такой выход означал обращение к фактам живой речи в ее современном состоянии, т. е. к синхронной фонетике родственных языков и диалектов. И, конечно, сам Соболевский, «озвучивая» древние тексты, не мог не сделать этот шаг (еще более решительно он был сделан А. А. Шахматовым [7]).

---

[6] *Виноградов В. В.* Алексей Александрович Шахматов. Пб.: Колос. 1922. С. 33.

[7] Ср. слова А. А. Шахматова: «Письменные памятники не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших эпох; действительно, преемственность письма, книжного языка, да и самой литературы неминуемо ведет за собой перенесение из одной литературной эпохи в другую звуков и форм, давно исчезнувших в языке, чуждых живому произношению... Главный

Самый первый опыт «озвучивания» букв древнеписьменного языка путем анализа данных живого произношения в родственных языках был предпринят еще А. Х. Востоковым в его знаменитом «Рассуждении о церковнославянском языке» (1820). Правда, современники не заметили здесь зарождение метода, который впоследствии А. А. Потебня назвал сравнительно-историческим[8]: вывод Востокова о том, что древнеславянские «юсы» следует читать как носовые гласные на том основании, что в живом польском произношении в тех же морфемах звучат именно носовые гласные, показался ведущему слависту того времени Е. Копитару «по меньшей мере смехотворным»... Дело в том, что в европейской компаративистике первой половины XIX столетия речь шла прежде всего о буквенных соответствиях: перенесение внимания исследователя с древних текстов на факты живого языка — заслуга так называемого младограмматического направления последней трети XIX века. Лишь после того, как Ф. И. Буслаев начал читать в Московском университете курс сравнительной грамматики индоевропейских языков, вклад Востокова в методологию компаративистики стал осознаваться.

И уже Р. Брандт, вслед за Шахматовым и Соболевским, в своих «Лекциях по истории русского языка» четко формулировал: «При рассмотрении звуков языка мы должны строго различать звуки и буквы. <...> Рассматривая начертания древних времен, мы должны стараться угадать из-за них живые звуки тогдашней поры. Это бывает не так легко, и нам приходится часто жалеть, что писцы были слишком грамотны и соблюдали условное написание, скрывая особенности своей родной речи»[9].

Концепция фонетических законов, сформулированная младограмматиками, позволяла установить некоторую связь между отдельными звуковыми изменениями и их хронологическую последовательность. Но вопрос, почему данное изменение произошло в данном месте в данную эпоху, оставался неразрешимым. Констатируя те или иные звуковые изменения, исследователи конца XIX и начала XX века стремились дать по возможности полное их описание, классифицировать их, не обладая еще методологическим аппаратом, который позволил бы вскрыть их причины. Именно такой подход к звуковым изменениям мы и находим в лекциях А. И. Соболевского. Классифицируя изменения звуков в русском языке, Соболевский разделяет их на естественные (физиологические), подчиненные «более или менее строгим законам», и психологические, характеризующиеся «полной случайностью». «Причины звуковых изменений в языке мало ясны, —

источник, откуда извлекается надежнейший и важнейший материал для исторической грамматики — это, конечно, современные живые говоры» (цит. по: *Виноградов В. В.* Алексей Александрович Шахматов. Пб.: Колос. 1922. С. 41).

[8] *Потебня А. А.* Рец. на книгу: Житецкий П. Обзор звуковой истории малорусского наречия // Записки Императорской Академии наук. Т. 33. Приложение. СПб., 1878.

[9] *Брандт Р.* Лекции по истории русского языка, читанные в Императорском Московском Археологическом Институте имени Императора Николая II. М., 1913. С. 18.

заключает он. — Наблюдаемая изредка разница в отдельных особенностях языка у старшего поколения в селе с одной стороны и у младшего (взрослого) поколения с другой позволяет догадываться, что большая часть изменений происходит при усвоении детьми речи родителей. Как известно, дети лишь постепенно усваивают родительскую речь, и то не все; часть детей превращается во взрослых, удерживая большее или меньшее количество особенностей детского произношения (картавят, шепелявят и т. п.). Если в селе все дети близкого возраста, постоянно общаясь между собою, усваивают одну и ту же звуковую особенность и потом, вырос-ши, сохраняют ее и передают следующему поколению, то получается звуковое изменение в языке данного села» [10].

Для сравнения можно привести слова, сказанные чуть позже В. К. Поржезинским: «В изменениях, которые происходят в звуковой стороне слов языка в течение его жизни, мы должны различать две категории фактов. Изменения эти 1) могут происходить таким образом, что причиною их является изменение в условиях образования данных звуков речи, и 2) тем путем, что один звук речи или их комплекс заменяется в данном слове другим звуком речи или их комплексом под влиянием других слов, связанных с данном словом по закону психической ассоциации. Явления первого типа называются фонетическими, явления второго типа — изменениями звуковой стороны слов под влиянием аналогии или короче — явлениями нефонетическими» [11]. И далее: «...фонетические изменения происходят тем путем, что раз в силу каких-либо причин возникает стремление изменить условия образования того или другого звука в том или другом направлении, это стремление должно сказаться по отношению к данному звуку речи во всех случаях, где он существует в данное время в языке в одинаковых условиях: действие данного стремления может найти себе препятствие в известной обстановке того или другого конкретного случая, представляющего в звуковой стороне или не все нужные условия, или имеющего условия, препятствующие данному стремлению. Особо мы должны выделить те случаи, в которых действие психической ассоциации нарушает результаты закономерного действия фонетического стремления. Если факты этого последнего рода и не поддаются такому строгому учету, как факты в области фонетических изменений, то это не значит, понятно, что они ничем не мотивированы. Несомненно, в каждом конкретном акте существовали известные причины, вызвавшие действие психической ассоциации, но установить эти причины нам весьма нелегко, а иногда и даже невозможно, так как для этого пришлось бы воскресить всю сложную картину психического содержания данного индивидуума или данных индивидуумов в момент действия данной ассоциации» [12].

---

[10] См. наст. изд. С. 1.

[11] *Поржезинский В. К.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1916. С. 160.

[12] *Поржезинский В. К.* Указ. соч. С. 168.

Отметим, однако, что поиск причин звуковых изменений вне системы данного языка (в психологии и психофизиологии, в истории народа) продолжался еще многие десятилетия. Это вполне понятно, ведь в центре внимания исследователя были прежде всего артикуляционные навыки [13]. Детей не учат точно артикулировать, а сходный акустический эффект можно получить при различной артикуляции. Артикуляционные навыки могут меняться и при усвоении чужого языка. Завоеванный народ, усваивая язык, не может точно усвоить чуждую артикуляцию и привносит свои артикуляционные навыки в усваиваемый язык. Примерно так же рассуждали и при анализе грамматических изменений (например, подобные рассуждения можно найти у А. Мейе и Г. Ланта [14]). Но почему как бы вдруг все дети в данном языковом коллективе, явно не сговариваясь, меняют именно данную, а не какую-то другую артикуляцию? Почему обобщается именно данная флексия, а не другая, сливаются именно два данных, а не других падежа? Почему один и тот же язык или даже родственные языки при наличии разных субстратов меняют артикуляцию одних и тех же звуков в более или менее сходном направлении? Явно независимо друг от друга развилось русское и словенское аканье, русское и словенское чоканье и т. п. Явно независимо друг от друга почти во всех славянских языках исчезла категория двойственного числа, исчезли формы простых прошедших времен и т. д.

Столкнувшись с такими трудностями, некоторые исследователи стали постулировать *многообразие причин*, действовавших в каждом конкретном случае. «Всюду утверждают, что причины фонетических изменений неизвестны и таинственны, — писал М. Граммон. — Это неточно. Их существует много» [15]. Основных причин, по его мнению, семь: 1) влияние расы, 2) влияние климата, 3) влияние государства, 4) неисправленные ошибки детей, 5) закон наименьших усилий, 6) мода, 7) аналогия [16], — и все они лежат вне системы данного языка.

Хотя совершенно очевидно, что однофакторный подход слишком узок при решении проблем причинности, механическое соединение многих факторов вряд ли могло быть более эффективным. Историческая фонетика, как и историческая грамматика, позволяла лишь *описывать*, но не *объяснять* историю языка. Вот, например, весьма характерное утверждение Л. Блумфильда: «Хотя в результате многих звуковых изменений происходит сокращение языковых форм, упрощение фонетической системы или вообще какое-либо другое облегчение произносительных усилий, все же ни одному исследователю не удалось установить связь

---

[13] Ср., однако, уже у А. А. Шахматова: «Ошибочно было бы думать, что звуковые изменения вызываются физиологическими причинами» (*Шахматов А. А.* Курс истории русского языка. СПб., 1908. С. 11).

[14] См, например: *Lunt H. G.* The old church slavonic aorist: A problem in generative description // Xenia Slavica: Papers presented to Gojko Ružičić. The Hague: Mouton, 1975. P. 121–122.

[15] *Grammont M.* Traité de phonétique. Paris. 1939. P. 175.

[16] *Grammont M.* Op. cit. P. 166–171.

между звуковым изменением и каким-либо предшествующим ему явлением: причины звуковых изменений неизвестны... Никакой постоянный фактор не может объяснить тех конкретных изменений, которые происходят в данное время, в данном месте» [17].

Наука оказалась перед выбором: либо безоговорочно принять это положение, либо сосредоточить усилия на выяснении причин языковых изменений вообще и звуковых в частности. Многие лингвисты полагали, что звуковой строй языка изменяется лишь под давлением внешних факторов, сам же он лишен атрибута развития, самодвижения. Но некоторые пошли по другому пути. Их концепция стала оформляться как раз тогда, когда основоположник американской лингвистики сформулировал свой категорический тезис.

Диахроническая фонология, как первая глава диахронической лингвистики, выдвинула в центр внимания связи, взаимосвязи и взаимообусловленность элементов в рамках целостной системы. Нет звуковых изменений вне данной системы. Изменяется не отдельный звук, а вся фонологическая система как целостная совокупность взаимосвязанных элементов. По словам Н. С. Трубецкого, «фонологическая эволюция приобретает смысл, если используется для целесообразной перестройки системы... Многие фонетические изменения вызваны... потребностью к созданию устойчивости... к соответствию „структурным законам звуковой системы“» [18]. Разработка методов диахронической лингвистики позволила сформулировать *принцип иерархичности звуковых изменений* и выделить следующие их этапы:

1) фонетический (аллофоннос варьирование в синхронном состоянии, подчиняющееся фонетическому закону младограмматиков и обусловленное позицией),
2) фонологический (фонологизация аллофонов, освобождающая их от позиционной зависимости и прекращающая действие фонетических закономерностей путем порождения «исключений»),
3) морфонологический (способ проявления фонологизации, усиливающий взаимовлияние слов и форм и увеличивающий независимость функционирования прежних аллофонов от позиций через увеличение числа «исключений» — именно это младограмматики называли аналогией),
4) социолингвистический (социализация результатов звуковых изменений) [19].

Применение методов диахронической фонологии к реконструкции истории языка позволило исследователям XX века не только освободиться от необхо-

---

[17] *Блумфильд Л.* Язык. 2-е изд. М.: УРСС, 2002. С. 420.

[18] *Troubetzkoy N. S.* Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme // TCLP. 1929. I. S. 65.

[19] *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М.: УРСС. 2004. С. 199. Ср. также: *Журавлев В. К.* Постулат непреложности фонетических законов и современная компаративистика // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 27–36.

димости восстанавливать ход развития звуковой стороны языка по памятникам письменности (т. е., фактически, по истории букв), но и расширить границы самой истории, «проникнуть» в дописьменный период и реконструировать эволюцию фонологической системы праязыка [20].

Что касается морфологии, то в ней поначалу сложилась парадоксальная ситуация. Классический сравнительно-исторический метод давал возможность установить историю любой флексии; если же вместо ожидаемой флексии обнаруживалась другая, то ее «незаконное» появление объяснялось действием аналогии. Поиски причин и механизмов языковых изменений привели компаративистов к понятию «фонетических законов» в фонетике, в морфологии же — наоборот, к представлению о «закономерном» отступлении от законов, о «закономерности» аномалий и исключений... Лишь после работ И. А. Бодуэна де Куртенэ, К. Ю. Аппеля, Г. Пауля, В. А. Богородицкого антиномия фонетического закона и аналогии была снята. Так, представление об иерархичности процессов грамматической аналогии позволило В. А. Богородицкому поставить проблему восстановления хронологии морфологических процессов [21]. Впоследствии проблемой аналогии занимались Г. А. Ильинский, Л. А. Булаховский, Р. О. Якобсон и др.

Для И. А. Бодуэна де Куртенэ аналогия была явлением исключительно психологического плана, как, между прочим, для В. Вундта, Г. Пауля, В. А. Богородицкого, Е. Ф. Будде и многих других исследователей. Для Р. Якобсона, грамматиста и фонолога, психологические критерии были уже нерелевантны [22]. Впрочем, отказ от психологической трактовки морфологических процессов был характерен уже для А. А. Шахматова [23]. Само построение его «Исторической морфологии», которая целиком была посвящена истории склонения, наталкивает на мысль о том, что история склонения — это история морфологических противопоставлений и условий снятия этих противопоставлений.

Элементы такого подхода можно найти и в разделе о склонении в «Лекциях» А. И. Соболевского. Вся история склонения рассматривается им как процессы утраты и перестройки противопоставлений, как история «смешения» основ, падежей, чисел и родов. Здесь можно увидеть первые проблески методологии новой науки — диахронической морфологии, — получившей свое оформление лишь к концу XX века. Дело в том, что еще долго после А. И. Соболевского и А. А. Шахматова объектом многих исследований по исторической морфологии были отдельные формы, а не их взаимодействие, не их оппозиции. И только

---

[20] Ср. работы М. Комарека, Н. Ван Вейка, А. Мартине; см. также: *Журавлев В. К.* Развитие групового сингармонизма в праславянском языке. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1963.

[21] *Богородицкий В. А.* Об основных факторах морфологического развития языка // Русский филологический вестник. 1895. Т. 23. № 2.

[22] *Якобсон Р.* Морфологические наблюдения над славянским склонением // Материалы дискуссии IV Международного съезда славистов. М., 1962. Т. 2. С. 47.

[23] *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.

экстраполяция методов диахронической фонологии в область морфологии позволила исследователям выйти за рамки изучения отдельных элементов и форм (существительные, прилагательные, местоимения, глаголы), выдвинуть на первый план процессы взаимодействия между ними, перенести акцент на динамику внутренних взаимосвязей и взаимодетерминацию всех элементов целостной системы [24]. Так, например, неожиданно увязались между собой процессы падения двойственного числа, развитие категории одушевленности и эволюция всей системы славянской и балтийской деклинации [25]. При этом удалось еще раз продемонстрировать, что грамматическая аналогия в такой же мере закономерна, как и явления, подводимые под фонетические законы [26].

Какое же место в истории нашей науки занимают предлагаемые сейчас читателю «Лекции» А. И. Соболевского? В свое время они, по авторитетному мнению А. А. Шахматова (который сам был автором множества работ по истории русского языка), «получили значение последнего слова исторической науки о русском языке». Приведем также слова еще одного составителя одноименного курса — профессора Р. Брандта: «В 1871 году проф. Митрофан Алексеевич Колосов попытался представить историю русского языка. Он излагал особенности языка по столетиям, но эта задача ему не удалась. Современник Колосова проф. Александр Афанасьевич Потебня ограничивался исследованием отдельных вопросов. Проф. (теперь академик) Алексей Иван. Соболевский называет свое изложение развития русского языка „Лекциями по истории русского языка“ (4 издания, последн. 1907 г.), т. е. не находит возможным назвать его историей. „Лекции по истории русского языка“ издал также проф. Евгений Федорович Будде (Казань, 1907 г.). Проф. Василий Алексеевич Богородицкий издал „Общий курс русской грамматики“, 4-е изд. 1913 г. Лучшее из этих руководств — лекции Соболевского» [27].

Эти лекции выходят сейчас в свет одновременно с другой книгой А. И. Соболевского, его «Славяно-русской палеографией».

В. К. Журавлев, И. В. Журавлев

---

[24] См. работы Ф. Мареша, а также первую монографию по диахронической морфологии: *Георгиев В.* Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969. См. также: *Журавлев В. К.* Введение в диахроническую морфологию // Linguistique balkanique, XIX. 1976. № 2. С. 49–71. № 3. С. 23–47.

[25] См.: *Журавлев В. К., Мажюлис В. П.* Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Вильнюс, 1978; *Журавлев В. К.* Диахроническая морфология.

[26] *Журавлев В. К.* Диахроническая морфология. С. 35–54.

[27] *Брандт Р.* Указ. соч. С. 3.

Лингвистическое Наследие XX века

ЛЕКЦІИ
ПО
ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. И. Соболевскаго,

завѣдывающаго Отд. Академіи Наукъ и профессора Имп. С.-Петербургскаго Университета.

А. И. Соболевский

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Предисловие
доктора филологических наук,
профессора *В. К. Журавлева*,
кандидата психологических наук
И. В. Журавлева

Издание пятое, стереотипное

УРСС
МОСКВА

I. Введеніе.

Русскій народъ въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ одно цѣлое.

Инородческая, финская кровь, входившая въ обиліи въ теченіе многихъ вѣковъ и входящая даже доселѣ въ сѣверо-восточную отрасль русскаго народа—въ великорусское племя, не сдѣлала русскихъ сѣверянъ ни финнами, ни финно-руссами, какъ увѣряютъ даже въ наши дни, со словъ печальной памяти Духинскаго, нѣкоторые мало знающіе русскій народъ и русскій языкъ иностранцы. Она не оказала ни малѣйшаго вліянія на единство русскаго языка. Кромѣ нѣсколькихъ словъ, существующихъ въ окраинныхъ сѣверныхъ и восточныхъ великорусскихъ говорахъ и чуждыхъ русскому литературному языку, финны не внесли въ русскій языкъ ничего. Когда-то думали, что мы обязаны финнамъ полногласіемъ и а́каньемъ, но этого мнѣнія теперь уже почти никто не держится, въ виду его очевидной неосновательности; полногласіе существуетъ вездѣ, гдѣ живетъ русскій народъ, между прочимъ за Карпатами и передъ Карпатами, гдѣ исторія не знаетъ финскихъ поселеній даже въ самыя древнія времена, а а́канье отсутствуетъ именно у тѣхъ русскихъ, въ которыхъ течетъ особенно много финской крови,—у сѣверныхъ великоруссовъ.

Исторія русскаго языка, отличающагося сравнительнымъ консерватизмомъ, за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка

вполнѣ сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что лишь о нѣсколькихъ карпатскихъ и закарпатскихъ говорахъ, въ виду ихъ смѣшаннаго характера, возможенъ вопросъ: слѣдуетъ ли ихъ считать говорами русскими, или же польскими, словацкими. Кое-кто изъ ученыхъ дѣлитъ русскій языкъ на два языка, хотя и близко родственные между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, рѣзко отличные другъ отъ друга,—великорусскій и малорусскій, причемъ одни причисляютъ бѣлорусское нарѣчіе къ первому языку, другіе—ко второму. Эти лица дѣлаютъ крупную ошибку. Они берутъ для сравненія, на которомъ потомъ строятъ выводы, съ одной стороны тотъ великорусскій говоръ, который по звукамъ наиболѣе отличенъ отъ говоровъ малорусскихъ,—а́кающій московскій, и съ другой—тѣ говоры малорусскіе, которые наиболѣе удалены отъ великорусскихъ,—украинскій и галицкій, часто имѣющіе *і* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*. Сѣверная часть малорусскихъ говоровъ, говоры, имѣющіе *у*, *уо* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, а иногда и *е* на мѣстѣ *ъ*, оставляются ими безъ вниманія; а между тѣмъ эти говоры по своимъ фонетическимъ особенностямъ близки къ великорусскимъ о́кающимъ говорамъ, болѣе близки къ нимъ, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ—къ украинскому, галицкому: Въ этомъ можетъ безъ труда убѣдиться всякій: стоитъ только сравнить сѣверно-малорусскія 1) в*у*лъ, в*уо*лъ, 2) вюлъ, вюолъ съ одной стороны — съ великорусскими 1) волъ, 2) вёлъ, съ другой—съ украинско-галицкимъ в*і*лъ. Если мы возьмемъ всю массу великорусскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и бѣлорусскихъ, такъ какъ бѣлорусское нарѣчіе есть, конечно, часть великорусскаго нарѣчія) и сопоставимъ ихъ со всею массою малорусскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основанія видѣть въ каждой группѣ особый, самостоятельный *языкъ*.

Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то о единствѣ древне-русскаго языка, напримѣръ, XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно, — не можетъ быть даже и вопроса.

Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.

Наблюдая исторію языка, мы замѣчаемъ, что онъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи собственнаго опыта, мы удостовѣряемся, что говорящіе вовсе не имѣютъ желанія измѣнять свой языкъ и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи явленій намъ становится ясно, что измѣненія звуковъ бываютъ двоякаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки измѣняются постепенно, переходя изъ одного оттѣнка въ другой. Это—естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физіологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ измѣненіе *е* въ *о* въ словѣ *мёдъ*: въ древности здѣсь слышался звукъ *е*; теперь въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ здѣсь слышится звукъ *о*. Къ нимъ принадлежитъ измѣненіе мягкаго *ж*. въ твердое въ словѣ *жиръ*: нѣкогда оно звучало съ *и* послѣ *ж*; теперь въ великорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ *жыръ*; и т. п.

Въ другихъ случаяхъ звуки и звуковыя сочетанія измѣняются рѣзко, безъ постепенности. Это—также естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физіологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ диссимиляція плавныхъ (замѣна *р* черезъ *л*) въ словѣ *пролубь*; въ древности здѣсь было два звука *р*; теперь мы произносимъ одинъ *р* и одинъ *л*.

Въ третьихъ случаяхъ измѣненія обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію аналогіи, вліянію однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ однихъ звуковъ или звуковыхъ сочетаній въ словѣ другими. Такъ, форма повелительнаго наклоненія *пеки* образовалась изъ болѣе древней формы *пьи* подъ вліяніемъ формъ *пеку*, *пекутъ* и другихъ, гдѣ издревле слышится звукъ *к*. Измѣненія звуковъ дѣйствіемъ аналогіи находятся въ зависимости не отъ органовъ рѣчи, а отъ дѣятельности ума, и такимъ образомъ носятъ психологическій характеръ.

Измѣненія физіологическаго характера въ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тожественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *е* въ *о* не въ одномъ великорусско-бѣлорусскомъ мёдъ, а во всѣхъ словахъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, въ которыхъ *е* слышалось подъ удареніемъ передъ послѣдующими твердыми согласными. Такимъ образомъ эти измѣненія подчинены болѣе или менѣе строгимъ законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблю-

дается лишь въ той или другой части тожественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы видимъ замѣну *р* черезъ *л* при диссимиляціи плавныхъ въ про*л*убь, но не встрѣчаемъ ея при тожественныхъ условіяхъ въ про*р*ѣзь. Особенно много случайности въ сокращеніи словъ (въ выпаденіи и отпаденіи звуковъ), такъ какъ оно имѣетъ мѣсто по преимуществу въ тѣхъ словахъ, которыя употребляются въ рѣчи и очень часто, и безъ желанія со стороны говорящаго обратить на нихъ вниманіе слушающихъ.

Измѣненія психологическаго характера отличаются полною случайностью, хотя иногда мы наблюдаемъ ихъ въ очень значительномъ количествѣ тожественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствію звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *ц* у насъ никогда не переходитъ въ *к*, сохраняется; но благодаря дѣйствію аналогіи мы наблюдаемъ исключеніе—появленіе *к* на мѣстѣ *ц* въ формѣ *пеки* и во всѣхъ однородныхъ формахъ повелит. накл.

Должно замѣтить, что законы измѣненій звуковъ въ одномъ и томъ же языкѣ, нарѣчіи, говорѣ могутъ быть различны (до извѣстныхъ предѣловъ) въ различныя эпохи жизни этого языка, нарѣчія, говора. Такъ, мы наблюдаемъ въ древнѣйшую, общеславянскую эпоху—законъ смягченія *т* въ русское *ч* (свѣча), а въ эпоху болѣе позднюю, въ области бѣлорусскаго нарѣчія,—законъ смягченія *т* въ мягкое *ц* (свѣ*ц*ицъ).

Причины звуковыхъ измѣненій въ языкѣ мало ясны. Наблюдаемая изрѣдка разница въ отдѣльныхъ особенностяхъ языка у старшаго поколѣнія въ селѣ съ одной стороны и у младшаго (взрослаго) поколѣнія съ другой позволяетъ догадываться, что большая часть измѣненій происходитъ при усвоеніи дѣтьми рѣчи родителей. Какъ извѣстно, дѣти лишь постепенно усваиваютъ родительскую рѣчь, и то не всѣ; часть дѣтей превращается въ взрослыхъ, удерживая большее или меньшее количество особенностей дѣтскаго произношенія (картавятъ, шепелявятъ и т. п.). Если въ селѣ всѣ дѣти близкаго возраста, постоянно общаясь между собою, усваиваютъ одну и ту же звуковую особенность и потомъ, выросши, сохраняютъ ее и передаютъ слѣдующему поколѣнію, то получается звуковое измѣненіе въ языкѣ даннаго села.

II. Источники.

Мы имѣемъ огромное количество источниковъ для исторіи русскаго языка: рукописныхъ книгъ за время отъ XI по XIV в. включительно до насъ дошло болѣе 500; грамотъ (документовъ) за то же время сохранилось около 150. Число рукописныхъ книгъ и грамотъ за время отъ XV по XVII в. включительно трудно опредѣлить даже приблизительно.

Главныя хранилища древнихъ русскихъ рукописныхъ книгъ— С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Московская Синодальная Библіотека и Московская Типографская Библіотека. Коллекціи рукописей Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея составились изъ пожертвованій и покупокъ отъ частныхъ лицъ; поэтому въ этихъ учрежденіяхъ мы находимъ древнія рукописи изъ разныхъ концовъ Россіи. Въ основу Синодальной и Типографской Библіотекъ легло то собраніе рукописей, которое было составлено патріархомъ Никономъ предъ началомъ исправленія богослужебныхъ книгъ; тогда было прислано къ патріарху изъ церквей и монастырей московской Руси большое количество находившихся въ нихъ древнихъ списковъ богослужебныхъ и иныхъ книгъ, изъ которыхъ одни вошли въ Типографскую, другіе въ Синодальную Библіотеку. Между прочимъ, въ Синодальной Библіотекѣ теперь находятся рукописи московскихъ Чудова и Новоспасскаго монастырей, Успенскаго и Архангельскаго соборовъ. Сверхъ этихъ главныхъ хранилищъ рукописей, есть еще нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ. Это — библіотеки Духовныхъ Академій: С.-Петербургской, Московской, Казанской и Кіевской. Библіотека рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ коллекцій: 1) новгородскаго Софійскаго собора и 2) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря;

огромная часть находящихся здѣсь рукописей писана или въ Новгородѣ, или на новгородскомъ сѣверѣ, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сравнительно однообразнымъ матеріаломъ. Библіотека Московской Духовной Академіи заключаетъ въ себѣ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря, по большей части поздпія, XVI—XVII вв., и Троицкой Духовной Семинаріи, куда они были взяты изъ Троицкой Лавры. Библіотека Казанской Духовной Академіи состоитъ изъ рукописей Соловецкаго монастыря; древнихъ рукописей здѣсь также почти нѣтъ. Что касается Кіевской Академіи, то находящіяся въ ея библіотекѣ и въ состоящемъ при ней Церковно-Археологическомъ Музеѣ рукописи пріобрѣтены въ разное время различными путями и между ними очень немного такихъ, которыя бы имѣли цѣну для лингвиста. Немало рукописей хранится въ библіотекахъ Виленской Публичной, Троицко-Сергіевой Лавры, Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ (послѣднему принадлежитъ собраніе рукописей купца Хлудова), Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, Академіи Наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Историческаго Музея (здѣсь, между прочимъ, собраніе П. И. Щукина), старообрядческаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, Общества любителей древней письменности въ С.-Петербургѣ, Синодальнаго Архива также въ С.-Петербургѣ, Новороссійскаго Университета, Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ, Ростовскаго Музея церковныхъ древностей, Тверского Музея, Ставропигійскаго Музея во Львовѣ (въ Галиціи) и др. и между ними есть очень цѣнныя. Отдѣльныя древнія рукописи хранятся въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, отчасти мало доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ для ученыхъ; такъ ярославскій Успенскій соборъ владѣетъ Евангеліемъ начала XIII в., кіевскій Никольскій монастырь имѣетъ Евангеліе 1411 г. Наконецъ нѣкоторыя собранія рукописей составляютъ собственность частныхъ лицъ; таковы собранія графовъ Уваровыхъ, И. А. Вахромеева, Е. В. Барсова, Н. П. Лихачева, Е. Е. Егорова и др.

Главными хранилищами грамотъ служатъ Московскій Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находятся почти всѣ древнѣйшіе государственные и дипломатическіе акты, московскіе и пов-

городскіе, и Московскій Архивъ Министерства юстиціи, гдѣ находится значительное количество актовъ юридическихъ. Сверхъ того, грамоты находятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Рижскомъ городскомъ архивѣ, въ Вилепскомъ и Кіевскомъ Центральныхъ Архивахъ и въ Археографической Комиссіи въ Петербургѣ.

Изъ указанныхъ собраній рукописей не всѣ имѣютъ печатные каталоги. Хорошіе каталоги имѣетъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей; они для Румянцевскаго собранія составлены Востоковымъ [1]), для другихъ собраній составлены или изданы Викторовымъ [2]). Синодальная Библіотека имѣетъ: 1) краткій указатель, составленный архимандритомъ Саввою, и 2) подробное ученое описаніе, не оконченное, принадлежащее Горскому и Невоструеву (пять томовъ) [3]). Типографская Библіотека владѣетъ пока лишь четырьмя выпусками подробнаго описанія [4]). Каталогъ той половины библіотеки Московской Духовной Академіи, которая поступила въ нее изъ Іосифова монастыря, составленъ іеромонахомъ Іосифомъ [5]), а о другой половинѣ, «фундаментальной», принадлежавшей нѣкогда Троицкой Лаврѣ, сообщены свѣдѣнія архимандритомъ Леонидомъ [6]). Рукописи Соловецкой библіотеки, принадлежащія теперь Казанской Духовной Академіи, частію уже описаны, частію описываются (вышло два полныхъ тома и часть третьяго тома описанія [4]). Каталоги рукописей Кіевской Духовной Академіи и ея Церковно-Археологическаго Музея составлены Петровымъ [8]). Рукописи Виленской Публичной Библіотеки описаны Добрянскимъ [9]), Троицко-Сергіевой Лавры—іеромонахомъ Арсеніемъ [10]), Воскресенскаго монастыря—архимандритомъ Леонидомъ [11]), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря (=собранія Хлудова)—Поповымъ [12]), Флорищевой пустыни—Георгіевскимъ [13]), Общества любителей древней письменности — Лопаревымъ [14]), Археографической Комиссіи — Барсуковымъ [15]). Сверхъ того, имѣются печатныя свѣдѣнія о рукописяхъ библіотекъ: Императорской Публичной [16]), Академіи Наукъ [17]), Общества исторіи и древностей [18]), ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря [19]), Ростовскаго Музея [20]), Тверского Музея [21]), Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института [22]), Синодальнаго Архива въ С.-Петербургѣ [23]), графовъ Уваровыхъ [24]), И. А. Вахромеева [25]), П. И. Щукина [26]), нѣсколькихъ епархіальныхъ «древлехранилищъ», львовскаго Ставропигійскаго Музея.

Описаніе грамотъ одной изъ коллекцій Румянцевскаго Музея сдѣлано Лебедевымъ [27]); свѣдѣнія о древнѣйшихъ грамотахъ Архива Министерства юстиціи сообщены Мейчикомъ [28]); есть описаніе грамотъ въ собраніи графовъ Уваровыхъ [29]).

[1]) „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея", Спб. 1842.—[2]) „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго", М. 1870.—„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева", М. 1871.—„Собраніе рукописей П. В. Севастьянова", М. 1881.—„Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева", М. 1881.—Свѣдѣнія о другихъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ, поступившихъ въ Музей, находятся въ „Отчетахъ" Музея.—[3]) „Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библіотеки, составленъ синодальнымъ ризничимъ архимандритомъ Саввою". Изданіе 2-е. М. 1858.—„Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки", М. 1855—1869.—Рукописи Новоспасскаго монастыря описаны Поповымъ: „Рукописи Московской Синодальной (патріаршей) Библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. М.— Рукописи Успенскаго собора описаны въ „Описи книгъ библіотеки московскаго Успенскаго собора". Чтенія Московскаго Общества ист. и древн., 1895 г., кн. 3.—[4]) „Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Выпускъ 1-й. Сборники. Описалъ А. Орловъ. Выпускъ 2-й. Сборники и лексиконы. Вып. 3-й. Псалтыри. Выпускъ 4-й. Матеріалы и оригиналы вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ В. Погорѣловъ". М. 1896—1903.—[5]) „Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской Духовной Академіи". Чтенія Московскаго Общества исторім и древн., 1881 г., кн. 3.—[6]) „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища свято-Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г.". Чтенія 1883 г., кн. 1, 1884 г., кн. 3 и 4, 1885 г., кн. 1.—[7]) „Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи". Казань, 1881—98.—[8]) „Описаніе рукописвыхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ". Три выпуска. М. 1891—1904.—„Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи". Три выпуска. Кіевъ, 1875—79.—Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ Музей послѣ 1879 г., находятся въ „Отчетахъ" Церковно-Археологическаго Общества („Труды Кіевской Духовной Академіи", и отд.).—[9]) „Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ". Вильна, 1882.—[10]) „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки свято-Троицкой Сергіевой Лавры". Чтенія 1878 г., кн. 2 и 4; 1879, кн. 2. Дополненіе (описаніе рукописей, хранящихся въ ризницѣ Лавры) въ Чтеніяхъ 1880 г., кн. 4.—[11]) „Описаніе славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря". Чтенія 1872 г., кн. 1.—Другое описаніе той же библіотеки принадлежитъ арх. Амфилохію: „Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки.

Съ приложеніемъ снимковъ". М. 1876.—[12]) „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова", М. 1872. „Первое прибавленіе", М. 1875.—[13]) „Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе, съ рисунками. Въ приложеніи: Описаніе рукописей, каталогъ старо-печатныхъ книгъ и собраніе грамотъ и актовъ, принадлежащихъ пустыни. В. Георгіевскаго". Вязники, 1896. Теперь рукописи Флорищевой пустыни находятся въ Владимирскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ.—[14]) „Описаніе рукописей Имп. Общества любителей древней письменности. Трудъ Хрисанѳа Лопарева". Три части. Спб. 1892—1899.—Въ 1902 г. вышло въ свѣтъ также описаніе принадлежащаго Обществу собранія рукописей (позднихъ) кн. П. П. Вяземскаго.—[15]) „Рукописи Археографической Комиссіи". Спб. 1882.—[16]) Находящееся въ Публичной Библіотекѣ собраніе рукописей графа Толстого описано въ книгѣ: „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ". М. 1825. „Первое прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1825. „Второе прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1827. — Часть сборниковъ собранія Погодина описана Бычковымъ: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки", Спб. 1882.—Свѣдѣнія о поступившихъ въ Библіотеку собраніяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ находятся въ ежегодныхъ „Отчетахъ" Библіотеки, въ послѣднія сорокъ лѣтъ подробныя.—Новѣйшее крупное пріобрѣтеніе Публичной Библіотеки—собраніе Титова—описано бывшимъ ея владѣльцемъ: „Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи... А. А. Титова. Описано собирателемъ А. Титовымъ". Пять томовъ. Спб. 1893 — М. 1906. [17]) „Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библіотекѣ находящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—„Каталогъ обстоятельный рукописнымъ книгамъ, священнаго писанія... касающимся, въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—Описаніе нѣкоторыхъ рукописей академической библіотеки сдѣлано Востоковымъ: „Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова", Спб. 1865.—Описаніе новѣйшихъ пріобрѣтеній академической библіотеки, сдѣланное В. И. Срезневскимъ, помѣщено въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ" 1899—1907 гг.—[18]) „Библіотека Имп. Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Составилъ П. Строевъ". М. 1845.—Вып. 2-й. Трудъ Е. П. Соколова. М. 1905.—[19]) „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ Архіерейскій Домъ. Составилъ ризничій іеромонахъ Владиміръ". М. 1881.—[20]) „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церковныхъ древностей. Составилъ А. Титовъ". Яр., 1886—89.—[21]) „Описаніе рукописей Тверскаго Музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго". М. 1891.—Вып. 2-й. Тверь, 1905.—[22]) „Описаніе рукописей библіотеки Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Составлено подъ редакціей М. Сперанскаго". М. 1900.—„Рукописное собраніе

библіотеки. Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Пріобрѣтенія 1901—1905 гг.“.—Описано М. Сперанскимъ. Нѣж. 1905.—[23]) „Описаніе рукописей хранящихся въ Архивѣ Св. Синода“. Составлено А. Никольскимъ. Томъ I и часть 1-ая тома II-го. Спб. 1900—1906.—[24]) „Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ. Составилъ архимандритъ Леонидъ“. М. 1893—1894. [25]) „А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромееву“, пять выпусконъ. М. 1888—Сергіевъ посадъ, 1906.—[26]) „Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина“. А. И. Яцимирскаго. М. 1896.—[27]) „Собраніе историко-юридическихъ актовъ Н. Д. Бѣляева“. М. 1882.—[28]) „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерста юстиціи. Изслѣдованіе“. М. 1883.—[29]) „Описаніе собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе, описанные А. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго“. М. 1905.

Наибольшее значеніе при изученіи исторіи русскаго языка принадлежитъ рукописямъ съ XI по XIV ст. включительно, которыхъ, какъ уже было сказано, до насъ дошло болѣе 500. Изъ нихъ огромная часть—списки богослужебныхъ книгъ: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, тріоди и т. п. Далѣе, довольно значительное количество древнихъ рукописей—списки житій святыхъ и твореній отцовъ церкви. Лѣтописи сохранились въ трехъ древнихъ рукописяхъ: въ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ сводѣ 1377 года (лѣтописи Несторова, кіевская и суздальская), въ Ипатскомъ лѣтописномъ сводѣ XIV—XV в. (лѣтописи Несторова, кіевская и волынская) и въ Синодальномъ спискѣ первой половины XIV в. (1-я Новгородская лѣтопись). Русская Правда дошла до насъ въ одномъ спискѣ конца XIII вѣка и въ другомъ XIV—XV вѣка. Затѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое количество грамотъ XII—XIV стол., увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ концу XIV в.: къ XII в. относятся только двѣ грамоты, къ XIII—около 15, къ XIV в.—около 100.

При столь значительномъ количествѣ матеріала, изслѣдователь исторіи русскаго языка находится въ затруднительномъ положеніи. Большая часть рукописей XI—XIV вв.—списки богослужебныхъ книгъ, твореній отцовъ церкви и т. п. произведеній, переведенныхъ съ греческаго на церковно-славянскій языкъ, ведущіе свое начало отъ южно-славянскихъ оригиналовъ, привезенныхъ въ Россію въ разное время. Такимъ образомъ въ этихъ рукописяхъ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ языкомъ, а съ церковно-славянскимъ, измѣ-

ненным русскими переписчиками, которые внесли въ него въ большемъ или меньшемъ количествѣ особенности родного языка. Вслѣдствіе этого количество заключающагося въ такихъ рукописяхъ матеріала для исторіи русскаго языка сравнительно незначительно, иногда даже ничтожно; сверхъ того, часто бываетъ трудно отдѣлить въ нихъ то, что принадлежитъ русскимъ переписчикамъ, отъ того, что находилось въ ихъ южно-славянскихъ подлинникахъ. Затѣмъ, огромная часть рукописей не имѣетъ никакихъ датъ, такъ что приходится опредѣлять время ихъ написанія по палеографическимъ даннымъ, которыя вообще не даютъ точныхъ рѣшеній и иногда позволяютъ дѣлать крупныя ошибки. На основаніи этихъ данныхъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что такая-то рукопись относится къ XI в.: почерки рукописей XI в. и рукописей первой половины XII в. до того схожи, что между ними невозможно положить никакой границы; приходится говорить, что рукопись относится къ XI — XII в.; точно такъ же приходится опредѣлять рукописи XII—XIII в., XIII—XIV в. и т. д. Что касается мѣста написанія рукописей, то при отсутствіи прямыхъ указаній мы можемъ опредѣлять его только на основаніи данныхъ языка. Но эти данныя таковы, что изъ массы рукописей, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и не имѣющихъ датъ, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать только о сравнительно немногихъ, что они написаны въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой области; относительно ряда другихъ рукописей безъ датъ мы только можемъ догадываться, откуда ведутъ они свое происхожденіе. Сверхъ того, данныя языка рукописей иногда бываютъ совершенно безцвѣтны и не позволяютъ дѣлать никакихъ выводовъ, иногда представляютъ странную смѣсь. Писцы, переписывая рукописи, вообще старались сохранить текстъ подлинника въ цѣлости, и поэтому сѣверно-русскій писецъ, списывая съ южно-русскаго оригинала, часто сохранялъ въ своемъ спискѣ южно-русскія особенности подлинника; южно-русскій писецъ, въ свою очередь, сохранялъ сѣверно-русскія особенности, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и свои мѣстныя, и т. д.; отсюда смѣшеніе въ одной и той же рукописи различныхъ данныхъ и иногда невозможность разобраться въ нихъ.

Что касается грамотъ, написанныхъ почти всегда на чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси церковно-славянскаго элемента,—

то хотя до насъ дошло ихъ порядочное количество, особенно отъ XIV вѣка, онѣ имѣютъ сравнительно мало цѣны, ибо по большей части онѣ или очень невелики по объему, или представляютъ матеріалъ болѣе или менѣе однообразный; многія изъ нихъ чрезвычайно сходны другъ съ другомъ и, имѣя незначительныя отличія, заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же слова, одни и тѣ же выраженія.

Изъ древне-русскихъ рукописей особенно важны слѣдующія:

XI вѣка. Остромирово Евангеліе, написанное въ 1056—57 годахъ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира (Публичн. Библ.) [1]); два Сборника Святославовыхъ, написанныхъ въ Кіевѣ для великаго князя Святослава, одинъ въ 1073 г. (Синод. Библ.) [2]), другой въ 1076 г. (Публичн. Библ.) [3]); Архангельское Евангеліе 1092 г., названное такъ потому, что найдено въ Архангельской губерніи (Румянц. Муз.); три новгородскія Минеи 1095, 1096 и 1097 гг. (Типографск. Библ.) [4]).

Къ этому столѣтію или началу слѣдующаго можно также отнести Пандекты Антіоха, написанные едва ли не въ Кіевѣ (библ. Воскресенскаго монастыря), 13 словъ Григорія Богослова (Публичн. Библ.) [5]), Путятину Минею (Спб. Дух. Ак.), Поученія Кирилла Іерусалимскаго и Ефремовскую Кормчую [6]) (Синод. Библ.).

Сверхъ того, сохранились коротенькія надписи—нѣсколько на монетахъ Владимира Св., Святополка и Ярослава I [7]) и одна на такъ называемомъ Тмутороканскомъ камнѣ, найденномъ около Керчи; послѣдняя относится къ 1068 году [8]).

[1]) „Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и грамматическими объясненіями". Спб. 1843.—„Остромирово Евангеліе 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Иждивеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова". 1-ое изданіе, Спб. 1883. 2-е изданіе, Спб. 1889.—[2]) „Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. Изданіе Общества древней письменности". Спб. 1880. Неточности этого изданія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, VII.—[3]) Дважды издано (дурно) Шимановскимъ, въ первый разъ въ книгѣ: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 г." Варш. 1887.—[4]) „Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича". Спб. 1886.—[5]) Изданы (не вполнѣ удовлетворительно) Будиловичемъ: „XIII слов

Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI в.". Спб. 1875.—[6]) Издана Бенешевичемъ: „Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій". Томъ I. Спб. 1906.—[7]) Снимки въ трудѣ графа Толстого: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго. Нумизматическій опытъ". Спб. 1882.—[8]) Снимокъ въ приложеніи къ 1-му изданію труда Срезневскаго: „Древніе русскіе памятники языка и письма", Спб. 1863.

XII вѣка. Мстиславово Евангеліе около 1115 г., названное такъ потому, что написано—вѣроятно, въ Кіевѣ—для Мономахова сына Мстислава (Синод. Библ.) [1]); Юрьевское Евангеліе около 1120 г., написанное — вѣроятно, въ Кіевѣ — для новгородскаго Юрьева монастыря (Синод. Библ.); Галицкое Евангеліе 1144 г., едва ли не западно-русскаго происхожденія (Синод. Библ.); галицко-волынское Добрилово Евангеліе 1164 г. (Румянц. Муз.) [2]); изъ двухъ послѣднихъ первое имѣетъ свое названіе потому, что нѣкогда хранилось въ Крылосѣ, около Галича (южнаго), второе—потому, что написано попомъ Добриломъ; два новгородскихъ Стихираря: 1157 г. (Синод. Библ.) и около 1163 г. (между 1156 и 1163 г. Спб. Дух. Ак.).

Къ XII или къ началу XIII столѣтія относятся также: Успенскій Сборникъ, заключающій въ себѣ, между прочимъ, житіе Ѳеодосія Печерскаго и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (Синод. Библ.) [3]), галицко-волынскій Выголексинскій Сборникъ (Румянц. Муз.) [4]), галицко-волынское Типографское Евангеліе № 6 (Типогр. Библ.) [5]), галицко-волынскій Христинопольскій Апостолъ [6]), Пантелеймоново Евангеліе (Спб. Дух. Ак.), Тріодь, написанная Моисеемъ кіевляниномъ (Типогр. Библ.), Слово св. Ипполита объ антихристѣ (Синод. Библ.) [7]), Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго (Синод. Библ.) и Житіе св. Епифанія Кипрскаго (Спб. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ къ XII в. относятся кіевская, великаго князя Мстислава Владимировича, 1130 г. и новгородская, преп. Варлаама Хутынскаго [8]); сверхъ того, мы имѣемъ надписи на новгородскомъ Стерженскомъ крестѣ 1133 г. [9]), на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича, до 1151 г. [10]), на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. (эта надпись сдѣлана галицко-волынскимъ уроженцемъ) [11]), на западно-русскомъ Рогволодовомъ камнѣ 1171 г. [12]) и на фрескахъ кіевскаго Кириллова монастыря XII в.

[1]) Описано Карскимъ въ Р. Филолог. Вѣсти. 1895 г., № 4.— [2]) Описаніе этого памятника въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка". Кіевъ, 1884.—[3]) Половина его издана въ Чтеніяхъ 1899 г. (и отд. М. 1899). Сверхъ того, изъ этого Сборника Житіе Ѳеодосія издано въ Чтеніяхъ 1879 г., кн. 1. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—тамъ же, 1870 г., кн. 1, нѣсколько другихъ статей—въ „Библіографическихъ матеріалахъ" Попова (тамъ же, 1879 г. кн. 1, и отд.). [4]) Описаніе сдѣлано нами въ Р. Филолог. Вѣстн. 1884 г., № 3.—[5]) Описаніе въ нашихъ „Очеркахъ".—[6]) Изданъ Калужняцкимъ: „Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice, ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti." Vindobonae, 1896.—[7]) Одна часть издана Невоструевымъ: „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка", М. 1868, другая—Срезневскимъ: „Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ". Спб. 1874.—[8]) Изданы въ снимкахъ въ приложеніи къ 1-му изданію „Древнихъ памятниковъ" Срезневскаго.—[9]) Издана (между прочимъ) въ „Описаніи Тверского Музея", Жизневскаго. М. 1888.—[10]) Издана Бычковымъ въ „Запискахъ" Имп. Археологич. Общества, т. III.—[11]) Издана въ брошюрѣ: „Историческія свѣдѣнія о жизни преп. Евфросиніи княжны Полоцкой", Спб. 1841.—[12]) Издана (между прочимъ) въ книгѣ Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва", Спб. 1890.

XIII вѣка. Новгородское Милятино Евангеліе 1215 г. (Публ. Библ.); ростовское Житіе Нифонта 1219 г. (Троицкая Лавра); ростовскій Апостолъ 1220 г. (Синод. Библ.); новгородская Тріодь Саввина до 1226 г. (Сп. Дух. Ак.); новгородскій Трефолой 1260 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1262 г. (Хлудова=Никольск. мон.); галицко-волынское Галицкое Евангеліе около 1266 года (Публ. Библ.) [1]); галицко-волынское (съ южно-славянизмами) Евангеліе 1283 г. (Румянц. Муз.) [2]); новгородское Евангеліе 1270 г. (Румянц. Муз.); новгородскій Паремейникъ 1271 г. (Публ. Библ.); новгородская Кормчая, съ приложеніемъ Русской Правды и другихъ русскихъ статей, около 1282 г. (Синод. Библ.) [3]); рязанская Кормчая 1284 г. (Публ. Библ.); Псалтырь 1296 года, повидимому, западно-русская (Синод. Библ.); новгородскіе (или псковскіе) Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синод. Библ.).

Къ этому же столѣтію или къ началу слѣдующаго можно отнести также Толстовскій сборникъ (Публ. Библ.); и пять галицко-волынскихъ памятниковъ—Житіе Саввы Освященнаго (Общ. др. письменн.) [4]), Бесѣды на Евангеліе папы Григорія Великаго (Публ. Библ.), Архивскую Лѣствицу (Архивъ Мин. иностр. дѣлъ) [5]),

Холмское Евангеліе (Румянц. Муз.) [6]) и Бучацкое Евапгеліе (Ставроп. Музей во Львовѣ).

Изъ грамотъ къ этому вѣку относятся два договора смоленскихъ князей съ Ригою, одинъ 1229 года (дошелъ въ двухъ экземплярахъ), другой около 1230 г., нѣсколько мелкихъ смоленскихъ и рижскихъ грамотъ, договоры новгородцевъ съ нѣмцами и грамоты ихъ къ нѣмцамъ [7]), первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями [8]) и духовная новгородца Климента до 1270 г. [9]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“. — [2]) Описано нами въ Чтеніяхъ въ истор. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 12.—[3]) „Палеографическій снимокъ текста Русской Правды по новгородской Кормчей книгѣ XIII вѣка. Скопированный съ подлинника... подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго“. Спб. 1888.—[4]) Издано Обществомъ др. письм. (подъ редакціею Помяловскаго).—[5]) Описана нами въ Р. Филолог. Вѣстн. 1884 г., № 3.—[6]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—[7]) Нѣсколько документовъ издано въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ, собранныхъ К. Е. Напьерскимъ“. Спб. 1868.—[8]) Новѣйшее изданіе этихъ договоровъ у Шахматова: „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“, Спб. 1886 (оттискъ изъ „Изслѣдованій по русскому языку“, Акад. Наукъ, т. I).—[9]) Издана (по литографир. снимку Сахарова) Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ“, № XXXV, Спб. 1867 г.

XIV вѣка. Галицко-волынское Поликарпово Евангеліе 1307 г. (Синод. Библ.) [1]); два псковскихъ Апостола, одинъ 1307 г., другой 1306—1312 г. (тамъ же) [2]); новгородская Тріодь 1311 г. (тамъ же); Евангеліе 1317 г. (Академія Наукъ); московское Евангеліе 1339 г. (Антоніевъ-Сійскій монастырь); переяславское Евангеліе 1354 г. (Синод. Библ.); новгородское Евангеліе 1355 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1356 г. (Типогр. Библ.); Евангеліе 1357 года, писанное въ сѣверномъ Галичѣ (Синод. Библ.); Евангеліе 1358 года, писанное въ московской области (тамъ же); новгородское Евангеліе до 1362 года (Типогр. Библ.); суздальскій Лаврентьевскій списокъ лѣтописей 1377 г. (Публ. Библ.) [3]); Паремейникъ 1378 г., вѣроятно, московскій (Публ. Муз.); два псковскихъ Параклитика, одинъ 1369 г., другой 1386 г. (Синод. Библ.); псковскій Прологъ 1383 г. (Типогр. Библ.) [4]); Стихирарь 1380 г., написанный, повидимому, ученикомъ и біографомъ преп. Сергія Епифаніемъ (Троицк. Лавра); московское Евангеліе 1393 г. (Публ. Библ.); оно принадлежитъ тому же писцу, которымъ написана кіевская Псалтырь 1397 года (Общ.

др. письм.); новгородскій Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала (Публ. Библ.); Евангеліе 1399 года, писанное, вѣроятно, въ московской области (Типогр. Библ.); новгородскій Служебникъ 1400 года (Синод. Библ.).

Изъ памятниковъ, не отмѣченныхъ годомъ, относятся къ XIV столѣтію: Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи (Синод. Библ.) [5]); три галицко-волынскихъ Евангелія: Луцкое (Румянц. Муз.) [6]), Путенское (монастырь Путна, въ Буковинѣ) [7]) и Верковича (Публ. Библ.) [8]); Мстижское Евангеліе (Виленская Публ. Библ.); Чудовской Новый Завѣтъ, писанный, по преданію (недостовѣрному), митрополитомъ Алексіемъ [9]); Новгородскій Требникъ гр. Шереметева (Общ. др. письм.) [10]), Хронографъ Георгія Амартола, повидимому, западно-русскій (Моск. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ этого столѣтія значительная часть приходится на долю Новгорода; онѣ тянутся чрезъ все столѣтіе [11]); за ними слѣдуютъ грамоты московскія (древнѣйшая — духовная Ивана Калиты около 1327 года, въ двухъ экземплярахъ) [12]), рязанскія (князя Олега), смоленскія, полоцкія; ко второй половины XIV в. относятся грамоты южно-русскія (галицкія и волынскія), западно-русскія, выданныя отчасти литовскими князьями и польскими королями, съ примѣсью польскихъ элементовъ въ языкѣ [13]), и молдавскія (съ южно-русскою примѣсью въ языкѣ) [14]); къ самому концу XIV в. и къ первой половинѣ XV в. относится рядъ двинскихъ грамотъ (изъ Двинской области, по нижнему теченію Сѣверной Двины) [15]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“ — [2]) Описаны тамъ же. [3]) Мы пользуемся первымъ изданіемъ Археографической Комиссіи 1872 г.—Несторова лѣтопись по Лаврентьевскому списку издана Археографическою Комиссіею въ снимкѣ, Спб. 1872.—[4]) Эти три псковскихъ рукописи описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—[5]) Изданъ Археографическою Комиссіею, между прочимъ, въ снимкѣ: „Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку“, Спб. 1875.—[6]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“. — [7]) Издано Калужняцкимъ: „Monumenta linguae palaeoslovenicae. I. Evangelium Putnanum“, Viudobonae. 1888.—[8]) Описано Никольскимъ въ Р. Филолог. Вѣстн. 1894 г., № 4.—[9]) Изданъ въ снимкѣ митрополитомъ Леонтіемъ: „Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Руси“. М. 1892.—[10]) Изданъ въ снимкѣ Обществомъ др. письм.—[11]) Значительное число грамотъ XIV в. разныхъ областей Россіи (въ томъ числѣ одна псковская и одна рязанская) изданы въ снимкахъ Археологическимъ Институ-

томъ, Спб. 1903 (подъ редакціею нашею и Пташицкаго).—Новгородскія изданы одни въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ“, другія у Шахматова. — [12]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I. М. 1813.—[13]) Южнорусскія грамоты (часть) описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—[14]) Изданы Уляницкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи... въ XIV—XVI вѣкахъ“. М. 1887. [15]) Изданы Шахматовымъ: „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.“ Спб. 1903.

Если мы теперь обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ писаны рукописи XI—XIV вв., то увидимъ, что по нимъ достаточно характеризуется только одинъ новгородскій говоръ, памятники котораго непрерывно тянутся съ половины XI до конца XIV в. Достовѣрные памятники кіевскаго говора, дающіе впрочемъ очень мало матеріала, имѣются только за XI и отчасти за XII вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора. Галицко-волынскій говоръ имѣетъ памятники съ половины XI в. до конца XIV в. Смоленскій и полоцкій говоры имѣютъ небольшое количество грамотъ за XIII и XIV в. и затѣмъ теряются для изслѣдователя. Для западно-русскаго (=бѣлорусскаго) говора вполнѣ достовѣрныя данныя начинаются только съ XIV в. Для характеристики средне-русскихъ говоровъ мы имѣемъ матеріалъ отъ начала XIII в. (въ частности для московскаго говора—отъ первой половины XIV в.). Псковъ и Двинская земля оставили намъ по небольшому количеству памятниковъ, первый отъ начала, вторая—отъ самаго конца XIV в. и отъ XV в. Для говора Тмутороканской земли всѣ данныя заключаются въ маленькой надписи на Тмутороканскомъ камнѣ. Что касается до говоровъ Чернигова и Переяславля южнаго, то мы не имѣемъ съ XI по XIV в. никакого ни достовѣрнаго, ни недостовѣрнаго матеріала для ихъ характеристики (кромѣ надписи на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича).

Изъ памятниковъ позднѣе XIV вѣка можно отмѣтить какъ особенно важные: коломенскую Палею 1406 г., списанную едва ли не съ новгородскаго оригинала и изданную учениками Тихонравова (Троицкая Лавра); псковское Лукино Ев. 1409 г. (Синод. Библ.; описано въ нашихъ „Очеркахъ“); галицко-волынскій списокъ поученій Ефрема Сирина 1492 г. (Публ. Библ.; описанъ тамъ же); западно-русскую Четью (Минею) 1489 г. (кіевскій Церковно-Археолог. Музей: описана Карпинскимъ въ Р. Филол. Вѣстн. 1889 г. № 1); Ипатскій списокъ лѣтописей XIV—XV в., новгородскій списокъ съ галицко-волынскаго оригинала (изданъ Археографическою

Комиссіею, Спб. 1871); западно-русскія Страсти Господни XV в. изданныя Обществомъ др. письменн. № CXL, на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; Кіевскій Помянникъ XVI в., изданный въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора лѣтописца, кн. 6 (Кіево-Печерск. Лавра); печатную западно-русскую Библію Скорины 1517—1519 гг.; печатный зап.-русскій Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.; печатный зап.-русскій Литовскій Статутъ 1588 г.; печатное зап.-русское Евангеліе, такъ наз. Евангеліе Тяпинскаго, на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; зап.-русскую Псалтырь XVI в., на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ, описанную Карскимъ (Рум. Муз. № 335); западно-русскій Познанскій сборникъ повѣстей, описанный Брюкнеромъ и изданный (отчасти) Веселовскимъ; южно-русское Пересопницкое Евангеліе 1561 г., южно-русскую передѣлку зап.-русскаго текста, находящагося въ Евангеліи Тяпинскаго (библ. Переяславской Дух. Семинаріи; описано и частію издано Житецкимъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго Съѣзда“ и отдѣльно: „Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в.“ Кіевъ, 1876); московскій Судебникъ 1550 г. (изданъ впервые Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1819) Домострой по списку Общества исторіи и древностей XVI в. (изданъ въ Чтеніяхъ 1881 г., кн. 2); печатную Книгу о ратномъ строеніи 1647 г.; печатное Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г., и Повѣствованіе о Россіи Котошихина, второй половины XVII в. (издано Археографическою Комиссіею).

Ссылки изъ поименованныхъ выше памятниковъ — на Остромирово Евангеліе сдѣланы нами по изданію Савинкова, на Сборникъ 1073 г.—по изданію Общества др. письм., на Минеи 1095—1097 гг.—по изданію Ягича, на Житіе Ѳеодосія Печ. и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ — по изд. Попова и Бодянскаго, на Слово Ипполита—по изд. Невоструева и Срезневскаго, на Христинопольскій Апостолъ и на Путенское Евангеліе—по изд. Калужняцкаго, на Чудовской Новый Завѣтъ—по изд. м-та Леонтія, на Требникъ гр. Шереметева—по изд. Общества др. письм., на Русскую правду—по изд. подъ руководствомъ Срезневскаго, на Лаврентьевскій и Ипатскій списки лѣтописей—по *печатнымъ* изданіямъ Археографической Комиссіи, на Новгородскую лѣтопись — по фото-литографированному изд. той же Комиссіи, на грамоты и надписи (кромѣ духовныхъ московскихъ князей и молдавскихъ) — по снимкамъ и печатнымъ изданіямъ, на молдавскіе документы—по изданію Уляницкаго. *Здѣсь цифра при ссылкѣ означаетъ страницу изданія.*

Ссылки на другіе памятники (если не указанъ печатный источникъ) сдѣланы нами по оригиналамъ. *Здѣсь цифра означаетъ листъ рукописи* или (если памятникъ—старо-печатная книга) *подлиннаго печатнаго изданія.*

III. Главныя звуковыя особенности русскаго языка.

Отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ въ ту отдаленную эпоху, отъ которой дошли до насъ первые письменные памятники русскаго языка, было не таково, какъ въ настоящее время. Хотя и теперь для русскаго болѣе или менѣе понятна рѣчь серба, словака, поляка, однако онъ встрѣчаетъ у нихъ много формъ, много словъ для него неясныхъ; рѣчь же чеха, лужичанина можетъ считаться для русскаго почти совсѣмъ непонятною. Но въ половинѣ XI вѣка русскій языкъ былъ настолько близокъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, что русскій могъ свободно пользоваться болгарскими книгами, говорить съ полякомъ и сербомъ. Тѣмъ не менѣе русская рѣчь уже въ XI вѣкѣ имѣла свои характеристическія особенности. Онѣ слѣдующія.

Отсутствіе носовыхъ гласныхъ. На мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ въ русскомъ языкѣ мы видимъ *у* (*ю*), которое является также въ языкахъ сербскомъ и чешскомъ; въ польскомъ языкѣ церковно-славянскому ѫ соотвѣствуютъ носовые звуки *ę* и *ą*. Церковно-славянскій ѧ имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ языкѣ въ *а* (*я*); въ польскомъ языкѣ ему соотвѣтствуютъ *ę* и *ą* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ чешскомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ въ настоящее время соотвѣтствуетъ нѣсколько звуковъ, но въ древности ему соотвѣтствовало *а* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ сербскомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ соотвѣтствуетъ *е*. Не слѣдуетъ однако думать, что отсутствіе носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ есть явленіе исконное. Въ половинѣ XI в. носовыхъ звуковъ дѣйствительно уже не было, но раньше, когда начались у насъ сношенія съ жителями Скандинавіи, съ варягами, когда нача-

лось вліяніе на русскій языкъ языка скандинавскаго, въ то время носовые звуки еще существовали въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, если сопоставимъ нѣсколько древне-русскихъ словъ, ведущихъ начало отъ скандинавскихъ, съ этими послѣдними: *варягъ*= старо-сканд. varingr, греч. *Βάραγγος*; *кълбягъ* (названіе народа)= старо-сканд. kylfingr, греческое *κοὐλπιγγος*; *Судъ* (названіе пристани въ Константинополѣ, τὸ Στενόν, Золотой Рогъ)=старо-скандинавское sund (морской проливъ); *ябетьникъ*—сравни старо-скандинавское ämbiti (служба). Если бы въ древне-русскомъ языкѣ, когда начались сношенія русскихъ съ скандинавами, не было носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не *варягъ* (изъ *варѧгъ*), *Судъ* (изъ *сѫдъ*), а *варенгъ*, *Сунъдъ* и т. д. Данныя, извлеченныя изъ сопоставленія русскихъ словъ съ скандинавскими, находятъ себѣ подтвержденіе въ сопоставленіи греческаго, латинскаго и нѣмецкаго названій мадьяръ съ ихъ русскимъ названіемъ — въ сопоставленіи греч. *οὔγγαροι*, *οὔγγροι*, латинск. ungari, hungari, нѣмецк. ungarn съ русск. *угре* (имен. п. ед. *угринъ*). Названіе *угре* могло явиться въ русскомъ языкѣ приблизительно въ началѣ IX в., когда русскіе славяне впервые встрѣтились съ мадьярами; очевидно, тогда въ русскомъ языкѣ еще существовалъ носовой звукъ и слово угре произносилось *жире*. Въ концѣ X в. носовыхъ гласныхъ, повидимому, уже не было. Константинъ Багрянородный, писавшій въ это время свое сочиненіе «Объ управленіи государствомъ», приводитъ въ числѣ названій днѣпровскихъ пороговъ слова Νεασήτ=*неясыть* (церк.-слав. *неѧсыть*), Ναπρεζή = *напрязи* (церк.-слав. *напрѧзи*), Βερούτζη=*въручи* (церк.-слав. *вържити*, прич. наст. вр. женск. р.), гдѣ мы уже находимъ чистые гласные звуки. Что въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ уже не было, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній: Остромирово Ев. представляетъ довольно значительное число случаевъ замѣны церк.-слав. ѫ и ѧ черезъ *у*, *ю*, *а*, *я* и наоборотъ (вин. ед. вод*у*, вѣр*у*, им. мн. овьц*а*, род. ед. воля, дат. ед. сѣдящ*ѫ*, род. ед. мор*ѧ* и др.), которая показываетъ, что писецъ Остромирова Ев. не имѣлъ понятія о носовомъ произношеніи какихъ-либо гласныхъ звуковъ. Въ другихъ памятникахъ XI в. мы находимъ еще большее смѣшеніе церк.-слав. юсовъ съ *у*, *ю*, *а*, *я*; въ памятникахъ же XII в. ѫ-са уже почти совсѣмъ не встрѣчаемъ, а ѧ по значенію нисколько не отличается отъ ѧ.

Смягченіе зубныхъ согласныхъ въ *ж* **и** *ч*. Между тѣмъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ изъ *dj* образовалось *жд*, а изъ *tj* и изъ группы: гортанный+мягкое *т*—*шт*, въ русскомъ языкѣ этимъ *жд*, *шт* соотвѣтствуютъ *ж* и *ч*, при западно-славянскихъ *dz* (*z*) и *c*. Примѣры: церк.-слав. ви*жд*ѫ (*жд* изъ *dj*)=древне-русск. ви*ж*ю=польск. wi*dz*ę; церк.-слав. хо*шт*ѫ (*шт* изъ *tj*)=русск. хо*ч*ю=польск. ch*c*ę; церк.-слав. пе*шт*ь (*шт* изъ *кт'*)=русск. пе*ч*ь=польск. pe*c*. Такимъ образомъ русскій языкъ отличается отъ церковно-славянскаго и западно-славянскихъ тѣмъ, что употребляетъ 1) *ж* вм. *жд*, *дз* и 2) *ч* вм. *шт*, *ц*. Должно имѣть въ виду, что въ русскій литературный языкъ вошло изъ церковно-славянскаго языка множество словъ, въ ихъ числѣ и слова съ *жд*, *щ*: оде*жд*а, осу*жд*ать, во*жд*ь, зна*ющ*ій, похи*щ*ать, и*щ*а и т. п.

Церковно-славянскій языкъ смягчалъ зубные не только передъ *j*, но и передъ *рj*, *вj*: умѫ*жд*ряти, изо*шт*ряти, ухы*шт*ряти, умръ*шт*вляти или умръ*шт*вляти. Русскій языкъ въ подобныхъ словахъ не знаетъ смягченія. По крайней мѣрѣ въ древнихъ памятникахъ мы не находимъ достовѣрныхъ его примѣровъ (умужеряетъ, Архивск. Лѣств. XIII в. 24 об., изъочрѣніе паче мечя Румянц. Сб. XV в. № 406, 31 об. и т. п. не внушаютъ довѣрія), а современный языкъ имѣетъ *д* и *т*: умудрять, ухитряться. Находящіяся въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ: изощрять, ухищреніе, умерщвлять—заимствованы изъ церковно-славянскаго языка.

На мѣстѣ церк.-слав. *жд*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *зд* и *зг*, въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: а) въ серединѣ словъ въ большинствѣ случаевъ *жж* или *ждж*, въ меньшинствѣ *жч*; въ западно-славянскихъ языкахъ мы находимъ обыкновенно: въ чешскомъ *žd'*, въ польскомъ *ždž*, рѣже: въ чешскомъ *šč*, *št'*, въ польскомъ *szcz* (*щ*); б) при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами въ древнѣйшихъ памятникахъ—*ж*; старо-польскіе памятники здѣсь имѣютъ *ždž*.

На мѣстѣ церк.-слав. *шт*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *ст* или *ск*, въ русскомъ языкѣ является какъ въ серединѣ словъ, такъ и при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами—*щ* (=*шч*, *жч*), причемъ мы находимъ въ чешскомъ *šč*, *št'*, въ польскомъ *szcz*.

Примѣры: а) церк.-слав. *яждж*, *яждати*=русск. ѣ*ж*жю, ѣ*ж*-

жять=польск. je*ždz*ę, чешск. jí*žd*ěti; церк.-слав. мо*жд*ити (при мозгъ)=русск. мо*жж*ить, мо*жж*ечокъ=польск. mó*ždž*ek; церк.-слав. пу*штѫ*=русск. пу*шш*ю=польск. pu*szcz*ę; церк.-слав. дъ*жд*ь, малорусское и бѣлорусское до*жч*ь или до*щ*ь, древне-чешское d*šč*íti дождить (въ Виттембергской Псалтыри XIV в.), de*šč*, de*šť* дождь, польск. de*szcz*; б) ц.-слав. и*жд*ити=др.-русск. и*ж*ити=ст.-пол. *ždž*yć; ц.-слав. бе-*жд*ьзла (безъ жезла)=др.-русск. бе-*ж*ьзла (Слова Григ. Бог. XI в. 345 об.). Изъ древне-русскаго *жж* уже на русской почвѣ возникли *жг* и *жд*: др.-новгородск. пригво*жг*енъ, Минея 1095 г. 128, 130; ѣ*жд*ю Ипатскій сп. лѣт. 320, 347, 420; соврем. сѣв.-малорусск. одъі*жд*яти и т. п., сѣв.-великорусск. во*жд*яться, уѣ*жд*ять и т. п.

Что до *зж* въ соврем. русск. уѣ*зж*ать, по*зж*е, во*зж*и и т. п., то въ немъ мы имѣемъ дѣло съ неправильностью правописанія.

Мягкое *л* **послѣ губныхъ изъ** *j*. При такъ называемомъ смягченіи губныхъ въ русскомъ языкѣ изъ *j* постоянно образуется мягкое *л*, которое почти всегда отсутствуетъ въ западно-славянскихъ языкахъ и не всегда находится въ церковно-славянскомъ языкѣ; примѣръ: русск. люб*л*ю, польское lu*b*ię, церк.-слав. люб*лѭ* и люб*ьѭ*, люб*ѭ*. Впрочемъ должно замѣтить, что глаголы уязв*л*яю и умерщв*л*яю съ своими производными и вообще слова съ нѣмымъ согласнымъ передъ губнымъ въ русскихъ памятникахъ до XV в. обыкновенно являются безъ *л*: уяз*в*яю, уяз*в*енъ, умьрщ*в*яю, умьрщ*в*енъ. Сверхъ того, слово зе*мл*я иногда является въ памятникахъ въ видѣ зе*мя*: откуду ѥсть пошла руская зе*мя*, Лаврент. сп. лѣт.; на тыхъ зе*мя*хъ, двинская грамота XIV—XV в.; зе*мя* и пожни, грам. 1518 г. Ак. Юр. 269,447. Это слово въ древности не имѣло *j* послѣ *м* (сравни литовск. žemē).

Отсутствіе *д* **передъ** *л* **и** *н*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ *д* и *т* передъ *л* выпадаютъ: мо*л*ити изъ мо*дл*ити, шь*л*ъ изъ шь*дл*ъ, пле*л*ъ изъ пле*тл*ъ, вѧнѫти изъ вѧднѫти. То же мы видимъ въ русскомъ языкѣ; но въ западно-славянскихъ языкахъ *д* удерживается: польск. mo*dl*ić, чешск. mo*dl*iti, польск. sze*dł*, wió*dł*, pló*tł*, чешск. pa*dl*, ple*tl*, če*tl* (но še*l*, š*l*a), чешск. va*dn*outi, pa*dn*outi и т. п.

Полногласіе. Однимъ изъ видныхъ отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ является сочетаніе гласныхъ съ плавными согласными. Мы считаемъ установленнымъ, что русскій языкъ

имѣетъ два вида полногласія—такъ называемыя первое полногласіе и второе полногласіе.

Первое полногласіе имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ явленіяхъ.

1) Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала звуковая группа *ăр* или *ăл*, за которою находился еще согласный звукъ (согласный+*ăр*, *ăл*+согласный), то это *ăр*, *ăл* въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ языкахъ является въ видѣ *ра*, *ла*, въ польскомъ языкѣ—въ видѣ *ро*, *ло*, въ русскомъ—въ видѣ *оро*, *оло*. Примѣры: обще-слав. *бăрда* (сравни нѣмецк. b*art*) дало въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ *брада*, въ польскомъ b*roda*, въ русскомъ *борода*; обще-славянск. *гăлва* (сравни литовск. g*alva*) дало въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ *глава*, въ польскомъ g*łowa*, въ русскомъ *голова*.

Глаголы въ родѣ по*вора*чивать, вы*кола*чивать, не встрѣчающіеся въ древне-русскихъ памятникахъ, вѣроятно,—сравнительно позднято происхожденія, равно какъ и соотвѣтствующіе имъ въ польскомъ языкѣ глаголы съ *ra* (не *ro*): w*rac*ac и т. п.

Русскія слова съ церковно-славянскою вокализаціею, въ родѣ *хра*бръ, *мла*дъ, *сла*докъ,—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка.

2) Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовало *ер*, за которымъ находился еще согласный (согл.+*ер*+согл.), то въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ изъ *ер* получилось *рѣ*, въ польскомъ—*ре*, въ русскомъ—*ере*; примѣръ: обще-славянское *берг*ъ (сравни нѣмецк. b*erg*) дало въ церк.-славянскомъ *брѣг*ъ, въ сербскомъ *брijег*, въ чешскомъ b*řeh*, въ польскомъ b*rzeg*, въ русскомъ *берег*ъ.

Это правило имѣетъ одно исключеніе. Это—др.-русск. *срѣбро* (встрѣчается нерѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ: на монетахъ вел. кн. Владимира Св., въ Минеѣ 1096 г. 188, въ Стихирарѣ 1157 г. 40 об., въ Милятиномъ Ев. XII в., въ Житіи Нифонта 1219 года 125 об. и др., въ Галицкомъ Евангеліи около 1266 года, въ Галицкомъ Ев. 1283 г. и др.), современное малорусское *срібро* или *срібло*; сравни чешск. st*ř*íbro (изъ *срѣбро*); рядомъ съ нимъ мы имѣемъ полногласное *серебро* (уже въ Святосл. Сборн. 1073 г.).

Русскія слова какъ-бы съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ въ родѣ *брегъ*, *вредъ*, *время*—заимствованія изъ церковно-славянскаго

языка (съ *ѐ* вм. ц.-слав. *ѣ*, подъ вліяніемъ русскаго *е* въ берегъ и т. п.).

3) Въ томъ случаѣ, когда въ общe-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала группа *ел*, за которою находился ещe согласный звукъ (согл.+*ел*+согл.), изъ этого *ел* въ церковно-славянскомъ языкѣ обыкновенно является *лъ*, въ сербскомъ—*ле* и *лије* (изъ *лъ*), въ чешскомъ—двѣ группы *la* и *lě* (*лъ*), въ польскомъ—*ło* и *le*; въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ является или *ело*, или *еле*, или наконецъ *оло*. Мы находимъ русское *ело* изъ общe-славянск. *ел* исключительно послѣ шипящихъ: въ *жело*бъ (общe-слав. *желъ*, церк.-слав. *жлъ*бъ, сербск. *жлије*б, чешск. *žla*b и *žle*b, польск. *žló*b); въ *чело*вѣкъ (сравни церк.-слав. *чло*вѣкъ); въ ше*ло*мъ (сравни церк.-слав. ш*лъ*мъ); въ ше*ло*мя холмъ (сравни церк.-слав. *слъмя*). Мы находимъ русское *еле* изъ общe-слав. *ел* въ словахъ *желе*за, *желёз*ка (сравни церк.-слав. *жлъ*за, сербск. *жлије*зда, чешск. *žlá*za и *žle*za), рядомъ съ *жело*за (Лѣтопись Аврамки 1495 г., Псковскія лѣтописи); ше*ле*мъ шлемъ (Требникъ Шереметева XIV в. л. 53; сравни церк.-слав. ш*лъ*мъ); *селе*зень (сравни польск. *ślizień*); *селе*зенка (сравни польск. *śledziona*, чешск. *slezena*); пе*лёв*а (при по*лов*а, по*лов*елъ; сравни церк.-слав. п*лъ*ва, п*лъ*велъ, чешск. *plíva* и *pleva*, пол. *płowa*) и, вѣроятно, бе*ле*па (сравни ново-болг. бл*ъ*нъ, старочешск. b*le*n, соврем. чешск. b*lí*n, гдѣ *i* изъ *n*). Что до *оло*, то эта группа является въ русскомъ языкѣ исключительно послѣ не-шипящихъ: въ по*лов*а, по*лов*елъ; въ во*лок*у (1 л. ед.; церк.-слав. вл*ъкж*, чешск. v*le*ku, пол. w*ło*kię); въ до*ло*то (сербск. *длије*то, чешск. d*lá*to, пол. d*ló*to); въ мо*ло*ко (церк.-слав. м*лъ*ко, сербск. м*лије*ко, чеш. m*le*ko пол. m*le*ko и m*ło*kos изъ m*ło*kosъsъ=молокососъ); въ по*лон*ъ (церк.-слав. пл*ъ*нъ, чеш. p*le*n, пол. p*ło*n изъ p*le*n).

Русскія слова *чле*нъ (сравни въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в. *чело*пъ), ш*ле*мъ, пл*ън*ъ—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка.

4) Въ самой тѣсной связи съ первымъ полногласіемъ находятся явленія, имѣвшія мѣсто тогда, когда въ общe-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ были гласные *ă* и *е*, за которыми слѣдовалъ плавный звукъ+другой согласный (*ă*, *е*+плавн.+согл.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ общe-славянскомъ языкѣ были въ началѣ словъ группы *ăр* и *ăл*, въ церк.-славянскомъ и сербскомъ явились *ра*, *ла*, въ поль-

скомъ и чешскомъ—*ro*, *lo*, въ русскомъ—также *ро*, *ло*. Примѣры: при церк.-слав. *ладии*, рядомъ съ которымъ встрѣчается *алдии*, лодка, мы находимъ въ чешскомъ языкѣ *lod'*, въ польскомъ *łodź*, въ русскомъ *лодья*, *лодка*; при церковно-славянскомъ *равьнъ* мы имѣемъ чешск. *rovný*, польск. *równy*, русск. *ровный*; церк.-слав. префиксу *раз* соотвѣтствуетъ чешск. и польск. *roz*, русскій *роз*. Надо замѣтить, что когда мы пишемъ этотъ префиксъ (точно такъ же какъ и слова *ракита*, *работа*, *расти* и производныя) чрезъ *а*, то употребляемъ не русское, а церковно-славянское правописаніе. Въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ *роз*, а не *раз*; то же мы видимъ въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ о́кающихъ говорахъ и въ малорусскомъ нарѣчіи; въ самомъ нашемъ литературномъ языкѣ мы слышимъ *о* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда префиксъ находится подъ ударе́ніемъ (*ро́скошь*, *ро́здыхъ*, *ро́звальни*, *ро́спись*). Великорусск. *ра́зумъ* едва ли можно считать исключе́ніемъ въ виду малорусск. и бѣлорусск. *розумъ* (въ ст.-чешск. также *rozum*); вѣроятно, оно, какъ и *ра́спря*,—вошло въ народный языкъ изъ церковно-славянскаго языка книгъ.

Изъ правила о соотвѣтствіи русск. *ро*, *ло* церк.-славянскому *ра*, *ла* изъ *ăр*, *ăл* также есть нѣсколько исключе́ній. Это—существительныя *рало*, *ратай* (сравни литовск. *ar*klas плугъ, *ar*tojis пахарь) при тожественныхъ польскихъ *rad*ło, *rat*aj съ одной стороны и древн.-русск. *ролья* съ другой; прилагательное *лакомъ* и родственныя, при польск. *łacz*ny, чешск. *lačný*; нарѣчіе *равно*, которое, можетъ быть, вовсе не родственно съ префиксомъ *раз* (сравни ц.-слав. *розвнъ* въ Супрасльской рукописи и въ Словѣ Ипполита XII в.).

Первое полногласіе въ главной части своихъ явленій (*борода*, *берегъ*) свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей. То немногое, что нѣсколько напоминаетъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ (напримѣръ, ц.-слав. *золъто* Синайская Псалт. 150, словацк. *čer*eru, *čer*eva, *čer*ešňa), представляетъ съ нимъ лишь случайное сходство и не находится съ нимъ въ связи.

Второе полногласіе, имѣющее мѣсто не только въ русскомъ языкѣ, но и въ языкахъ западно-славянскихъ, состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ были въ древнѣйшую эпоху группы *ър*, *ър*, *ъл*, *ъл*, а въ болѣе позднюю, въ

эпоху написанія дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ,—гласные плавные, или *ръ*, *лъ* съ предыдущимъ и послѣдующимъ согласнымъ (т. е. сперва согласный+*ър*, *ъл*, *ьр*, *ьл*+согласный, потомъ согласный+*ръ*, *лъ*+согласный), въ русскомъ языкѣ могутъ являться группы *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьль* и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ (всего чаще передъ твердыми *д* и *т*, иногда передъ твердыми *з* и *с*)—*ьръ*, *ьлъ*, образовавшіяся вслѣдствіе возникновенія паразитнаго глухого звука между плавнымъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ. Слова со вторымъ полногласіемъ мы видимъ уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ, и въ сѣверно-, и въ южно-русскихъ; такъ, въ Остромировомъ Ев. мы читаемъ: мъ*лъ*нии, ск*ъръ*бь, мъ*лъ*вѧще, т*ъл*ъцѣте, напъ*лъ*нѥна, съмъ*ръ*ть, въ*ръ*гѫ, зъ*ръ*но, испъ*ръ*ва и т. п., мъ*ръ*твъ, въ*ръ*тоградъ, д*ер*ъзати, пъ*ръ*стъ; Минея 1095 г. имѣетъ: ст*ъл*ъпъ, к*ъръ*мити, испъ*лъ*няя, г*ъръ*дыню, пъ*ръ*выя, дъ*ръ*зость, въвъ*ръ*женъ, чъ*ръ*тогъ, въ*ръ*ста и т. п., жъ*ръ*тву, пъ*ръ*стъмъ, мъ*ръ*твыхъ. Надо замѣтить, что эти два памятника, какъ и многіе другіе, имѣющіе слова со вторымъ полногласіемъ, не знаютъ употребленія *ъ* и *ь* тамъ, гдѣ эти буквы не находятъ себѣ объясненія изъ древне-русской фонетики, вслѣдствіе чего присутствіе въ этихъ словахъ *ъ* и *ь* послѣ *р* и *л* не можетъ быть объясняемо какъ особенность правописанія, а не какъ особенность языка. Въ памятникахъ XII, XIII, XIV в., какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, подобныя написанія встрѣчаются въ однихъ, старшихъ, очень часто (Житіе Ѳеодосія Печерскаго по Усп. сб. XII—XIII в.: п*ъл*ъны, дъ*ръ*зновениѥ, чъ*ръ*норизьць и т. п., твъ*ръ*дъмь, милосъ*ръ*дъ, мъ*ръ*тву и т. п.), въ другихъ, младшихъ, рѣже—что́ вполнѣ естественно—или даже совсѣмъ рѣдко, причемъ въ послѣднихъ—что́ также вполнѣ естественно—слова съ *ъръ*, *ълъ*, *ьръ* встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ слова съ *ьрь*, *ерь*, гдѣ второй *ь*, конечно, означаетъ уже не гласный звукъ, а только мягкость *р* (Евангеліе 1355 г.: отв*ерь*зу, ц*ерь*ковь; Евангеліе 1357 г.: ц*ерь*ковь, поч*ерь*пала; Путенское Ев. XIV в.: отв*ерь*гуся, раст*ерь*гнуть, т*ерь*плю и др.). Между прочимъ, слова со вторымъ полногласіемъ встрѣчаются также въ тѣхъ рукописяхъ XII и XIII вв., въ которыхъ текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній снабженъ нотами для пѣнія, такъ что для каждой гласной буквы имѣется (надъ нею) особый нотный знакъ. Такъ, мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 года: об*ъл*ъценъ 7, испъ*лъ*няя 181, пъ*ръ*сть 184;

въ Стихирарѣ ок. 1163 г. постоянно: вълъхвъ; въ Стихирарѣ XII в. Синод. Библ. № 279: мълъчаньну 38 об., обълъклъ 42, пьрьвая 120, пьръстъмь 31 об.; въ Тріоди XII в. Синод. Библ. № 319: мълъния 8 об., вълъною 10 об., по дълъгу 32, пьрьвууму 7, чьрьньци 26, жьлъчи 66; въ Тріоди XIII в. Синод. Библ. Усп. № 8: горъстью 152, дьрьзновениѥ 8,—я 43, 150,—мь 33, удерьжиши 42, съдерьжащааго 167 об., мерьтвьца 174, мерътвыихъ 98, 148 об.; въ Кондакарѣ XII—XIII в. Публ. Библ. Q. 32: цьъьрьъьькы=цьрькы 32, и др. Здѣсь какъ надъ первымъ ъ, ь, такъ и надъ вторымъ неизмѣнно находятся нотные знаки—доказательство, что эти буквы произносились при пѣніи. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ и въ болѣе позднихъ мы встрѣчаемъ на мѣстѣ древнѣйшихъ *ъръ*, *ълъ*, *ьрь*—группы *оро*, *оло*, *ере*. Мы читаемъ въ новгородскомъ Кондакарѣ XII—XIII в. Публ. Библ.: на веребнич(у) 61; рядомъ: нед(ѣля) вьрьбьна 96 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: чьренцемъ 14, безмоловия 124 об.; въ новгородскомъ Паремейникѣ 1271 г.: веребныя нед(ѣлѣ), запись; въ галицко-волынскомъ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: умеретвия 37; въ псковскомъ Ирмолоѣ 1344 г.: в черемнѣмь мори 14 об.; въ Евангеліи 1357 г.: молонья 124, молонии 154 об., 164; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: молонья 13 об., 155 об., молониі 16; въ новгородской Минеѣ 1370 г.: доложьнующе; въ Евангеліи 1393 г.: молонии 182 об.; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: молонья 20 об., 105; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: молонья 144, 145; въ Новгородской лѣтописи по Синод. сп.: съ Торожку 168, къ Торожку 167, новоторожьскыи 160, Тъ*ро*жку 161, 175, Поволожьѥ 168, к надолобомъ 243, цереньцемъ 35, въ череньцихъ 216, цьренци 235; въ галицко-вол. Путенскомъ Евангеліи XIV в.: умеретвья 233; въ новгородскомъ Прологѣ 1400 г. Синод. Библ.: церенцю 9; въ двинской духовной XIV—XV в.: черенцовъ Ак. Юр. 433; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: веребницю 241, бороздо=борзо 380; въ печатномъ зап.-русск. Ев. Тяпинскаго XVI в.: маланья; въ малорусскомъ словарикѣ к. XVII в., изданномъ Житецкимъ: веровка (*о* изъ *ё*).

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи слова со вторымъ полногласіемъ—не особенная рѣдкость; въ нихъ на мѣстѣ древнихъ ъ, ь слышится *о*, *е*: великорусск. молонья́ (Остромирово Ев.: мълънии), по́солонь (Остромирово Ев.: сълъньце), солоноворотъ, золо́вка, беревно́

и *бревно́* (Остром. Ев.: *бъръвьно*), *верёвка*, *смерёт*ушка, *сумеречный*, *черёмный* рыжій. Рядомъ съ этими словами, въ которыхъ слышится гласный послѣ плавнаго, въ великорусскомъ нарѣчіи есть цѣлый рядъ словъ, гдѣ гласнаго послѣ плавнаго уже нѣтъ, но гдѣ остался отъ него слѣдъ въ видѣ мягкости плавнаго: *верьхъ*, *церь*ковь, четв*ерьг*ъ, *перьвый*, *серьп*ъ, *стерьва* и т. п. Остатки и слѣды второго полногласія существуютъ также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ великорусскомъ. Такъ, у угорскихъ русскихъ Марамароша слышится: *вер*евка, *верьхъ*, *дерьгати*, *перьхати*, *церьковъ*; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: *мала́ння́*, *мало́нка*, *вяро́вка*, *смяро́тный*=*смерёт*ный, смертный.

Съ явленіями русскаго втораго полногласія близко родственны: 1) употребленіе группъ *łu*, *ło*, *ru* въ польскомъ, *lu*, *lou*, *lo* въ чешскомъ языкахъ: пол. t*łu*sty, чеш. t*lu*stý; пол. s*ło*nce, чеш. s*lu*nce и s*lo*nce; пол. d*łu*gi, чеш. d*lou*hý; пол. *słup*, чеш. s*loup* (столпъ); пол. m*rug*ać (моргать); чешск. *žlut*ý, *člu*n, гдѣ *łu*, *ru* и проч. — изъ неударяемыхъ полногласныхъ группъ *ълъ*, *ьлъ*, *ъръ*, въ которыхъ первый глухой исчезъ, а второй перешелъ въ *и* или *о* (срв. съ одной стороны др.-русск. *тълъстъ*, *сълъньце*, *дълъгъ*, *жълътъ*, *чълънъ*, съ другой ст.-чешск. b*lu*cha изъ *блъха̀*, ст.-чешск и соврем. чешск. діалект. s*luz*a, s*loz*a изъ *слъза̀*); 2) употребленіе мягкаго *р* (*rz*) въ польскомъ языкѣ: w*ierz*ch или w*irz*ch (=*верьхъ*), w*ierz*ba (=*верьба*), w*ierz*gać (сравни *въръгж* Остром. Ев.), и мягкаго *р* (*r'*) въ верхнелужицкомъ: v'e*r'*ch, v'e*r'*ba; 3) употребленіе группы *ere*, *ire* въ древне-польск. *cere*kiew и *cire*kiew (Флоріанская Псалтырь XIV в.) и въ др.-чешск. církev, род. ед. *cere*kve, C*ere*kvice (мѣстное названіе; сравни соврем. русск. *церьковь*, др.-русск. *цьрькы*), и наконецъ 4) употребленіе мягкаго *l* въ польск. w*il*k волкъ, m*il*czeć молчать (=*вълькъ*, *мълъчать*); ничего подобнаго послѣднему въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Сверхъ того, пол. *ar* съ предыдущимъ мягкимъ или—обыкновенно—съ происшедшимъ изъ мягкаго твердымъ согласнымъ является на мѣстѣ др.-русской полногласной группы *ьръ*: m*ar*twy (срв. *мърътвъ*), czw*ar*ty (срв. *четвьрътъ*) и т. п. и, вѣроятно, находится съ нею въ связи.

Глухіе ъ и ь передъ плавными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковно-славянскій языкъ въ древнѣйшую эпоху имѣлъ группы *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл*, а въ болѣе позднюю—гласные *р* и *л* (т.-е. *ръ*, *лъ* церк.-сла-

вянскихъ памятниковъ) съ послѣдующимъ согласнымъ, въ сербскомъ языкѣ мы находимъ плавный гласный *р* и *у* (которое образовалось изъ гласнаго *л*), въ чешскомъ чаще—плавные гласные *r*, *l*, рѣже, послѣ шипящихъ,—*er*, въ польскомъ всего чаще — группы *ar*, *er*, *eł*, *oł*; но русскій языкъ (было въ немъ второе полногласіе, или не было) сохранилъ передъ плавными древнія *ъ* и *ь* , которыя перешли потомъ въ *о* и *е*. Примѣры: церк.-слав. т*ръ*гъ, в*ръ*хъ, ч*ръ*нъ, в*лъ*на, п*лъ*нъ, ж*лъ*тъ=сербск. т*р*г, в*р*х, ц*р*н, в*у*на, п*у*н, ж*у*т=чешск. *tr*h, v*r*ch, č*er*ný, v*l*na, p*l*ný = польск. *tar*g, wi*er*zch, cz*ar*ny, w*eł*na, p*eł*ny, ž*ół*ty=русск. т*ор*гъ, в*ер*хъ, ч*ор*ный, в*ол*на, п*ол*нъ, ж*ол*тый.

Сверхъ этихъ крупныхъ звуковыхъ особенностей русскаго языка, можно отмѣтить нѣсколько другихъ мелкихъ. Это:

1) Смягченіе гортанныхъ передъ *вѣ*, *ви*, *въ* въ свистящіе, свойственное русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ, сербскимъ и словинскимъ: *ц*вѣтъ, *ц*вёлъ (изъ *ц*вьлъ), звѣзда, свистать и т. п. Западно-славянскія нарѣчія здѣсь сохраняютъ гортанные: польск. *k*wiat, чешск. *k*vět, пол. *g*wiazda, чешск. *h*vězda, *ch*vístati. Впрочемъ рядомъ съ *ц* мы имѣемъ и *к*: малорусск. *к*вітъ, *к*вітка, *к*вілити (церк.-слав. и древн.-русск. *ц*вѣлити, Слово о полку игор.), великор. *к*велить, *к*вёлкій, *х*вистъ;

2) отсутствіе *г* передъ *н*, свойственное главнымъ образомъ русскому языку: тро*н*уть (при тро*г*ать), дви*н*уть (при дви*г*ать), тя*н*уть; срв. ц.-сл. дви*г*нѫти, тѧ*г*нѫти, пол. dzwi*g*nąć, cią*g*nąć, чешск. dvi*h*nouti, tá*h*nouti и т. п. (всегда съ *г*). Оно теперь является только въ нѣсколькихъ глаголахъ на *нуть*, но нѣкогда было распространено значительно шире: раз*н*ѣвавъся Святосл. Сборн. 1073 г. 145 об., Житіе Саввы Освящ. XIII в. 78, раз*н*ѣвася Холмское Ев. XIII в. 61 об.; раж*н*ѣвахъся Свят. Сборн. 1073 г. 99, раж*н*ѣвася Архангельское Ев. 1092 г. 44 об., Златоструй XII в. 72 об. = =раз*г*нѣв- (*ж* изъ *з*: срв. и*ж* него); раз*н*истеся позѣ Житіе Нифонта 1219 г. 107 об.; огнь по*н*ѣщаѥть Учительное Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. 106 об. То же въ польскомъ: roz*n*iewać или rož*n*iewać, za*n*iecić, pod*n*iecić Шарошпатацкая Библія, соврем. roz*n*iecać=роз*г*н-, и въ чешскомъ: roz*n*ětivše Святовитскій Сборникъ, roz*n*ětilsě словарикъ XV в. (Listy Filol. 1893 г. 221).

Но обыкновенно *г* передъ *н* сохраняется: *гн*ѣвъ, *гн*ой, *гн*усный, стег*н*о, дрог*н*уть, прыг*н*уть, присяг*н*уть;

3) переходъ группы *сх* (*с* принадлежитъ предлогу-префиксу) не только въ *ш*, какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, но изрѣдка также въ *щ*: и*щ*ъдъше, и*щ*ьдъше Остромир. Ев. 65 об., 99, ра-*щ*ибе Минея XII в. (Ягичъ, 20), и*щ*ьлъ, и*щ*ьды Толстовскій Сборникъ XIII в. 50, 190;

4) близость звука *ъ* къ *о* (въ сънъ, съть и т. п.), свойственная русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ: сонъ ц.-слав. Ассеманово Ев. Въ сербскомъ языкѣ *ъ* (и слившійся съ нимъ *ь*) былъ по произношенію близокъ къ *а* (сербск. сан); въ западно-славянскихъ—къ твердому *е* (чешское и польское sen);

5) мягкость *з* изъ *г*: др.-русск. кънязь, пѣнязь, колодязь, стьзя, соврем. князь и т. д. Она была свойственна всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ; но въ историческое время церковно-славянскій языкъ утратилъ ее почти совсѣмъ (въ церк.-слав. памятникахъ мы обыкновенно читаемъ кънаsъ, кназъ, род. назa, стьsa, стьза, польsa, польза, истasати, истазати), сербскій, польскій и чешскій совсѣмъ (сербск. кнез, род. кнеза, польск. ksiądz, род. ksiądza, чешск. kněz, род. kněza). Древнія и современныя русскія слова съ твердымъ *з*: польза (при великор. польга, малор. пільга), тьрзати (при ис-тьрьгати), истязати (при тягать) и т. п.—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка;

6) болѣе частое употребленіе *ст*, чѣмъ *сц*, изъ *ск*. Мы не знаемъ ни одного случая употребленія *сц* изъ *ск* въ корнѣ (всегда *ст*: блистати). Случаи употребленія *сц* въ окончаніяхъ сравнительно рѣдки; они болѣе свойственны юго-западно-русскимъ (галицко-волынскимъ) памятникамъ, чѣмъ сѣвернымъ, и встрѣчаются въ первыхъ даже въ XV в.: Ипатскій сп. лѣт.: князи русции 578; галицкая грамота 1422 г.: старци лавровьсции и крилошане самборьсции; молдавскія грамоты 1404 г. и 1454 г., съ малорусскимъ элементомъ въ языкѣ: бояре молдавсціи, панове русции; сравни въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в.: новгородьстии, заморьстии, рязаньстии, рустии и т. п.

Таковы главныя и древнія особенности русскаго языка. Одни изъ нихъ свойственны исключительно русскому языку, другія—какъ

русскому, такъ и нѣкоторымъ другимъ славянскимъ языкамъ. Число особенностей русскаго языка, отличающихъ его отъ другихъ славянскихъ языковъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ, въ историческую эпоху, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, все увеличивалось и теперь уже гораздо болѣе значительно, чѣмъ прежде. Слѣдующая особенность русскаго языка—мнимая особенность, о которой приходится намъ упомянуть только потому, что нѣкоторые ученые придаютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рядомъ съ такими особенностями, какъ *ж* изъ *д* и полногласіе.

Русское начальное *о*=церк.-слав. є. Дѣло касается начальнаго *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ стоитъ *е*, въ такихъ словахъ, какъ *о*динъ (при которомъ *е*динъ), церк.-слав. єдинъ, сербск. jедан, польск. jeden; *о*зеро (при которомъ *е*зеро), церк.-слав. єзеро, польск. jezioro; *о*лень, церк.-слав. єлеиь, сербск. jелен; *о*сень, церк.-слав. єсень, сербск. jесен; древне-русск. *о*дъва (при которомъ *е*два), церк.-слав. єдъва; древне-русск. *о*жь, *о*жикъ (у Скорины), малорусск. *о*жина, при русск. ёжъ, великорусск. *е*жевика, новоболг. jеж, словинск и польск. jež; древне-русск. *о*ще (современ. сѣв.-великор. *о*що, при *е*що), церк.-слав. єште, польск. jeszcze; *о*мёла, пол. jemioła, чешск. jemela; *о*лово, ср.-болг. єлово; *о*рьлъ, нижне-луж. jerel, и т. п. Надо замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ не принадлежитъ исключительно русскому языку; если мы поищемъ въ современныхъ славянскихъ говорахъ, то найдемъ въ нихъ почти всѣ эти слова не только съ *е*, но и съ *о*: такъ, въ ново-болгарскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *о*два, *о*ште; въ соврем. чешскомъ и словацкомъ есть слова *o*seň и *o*mela, въ ст.-чешскомъ—*o*žanka (названіе растенія), въ словинскомъ—*o*dvaj, въ хорватскомъ—*o*mela; самый церковно-славянскій языкъ имѣетъ слово *ал*ни олень, гдѣ *ал* образовалось, вѣроятно, изъ *ăл;* слово *о*рьлъ находится во всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ нижне-лужицкаго. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ соотвѣтствія: для нашего *о*лень — въ латышскомъ *a*lnis (церк.-славянскому єлень соотвѣтствуетъ литовское *e*lnis), для нашего *о*сень—въ готскомъ *a*sans, для нашего *о*дъва—въ литовскомъ *a*dvos, для нашего *о*ще — въ лат. *u*sque (*u* изъ *o*), при греч. ἔστε=*е*ще, для нашего *о*мёла — въ лит. *a*malas. Такимъ образомъ мы увидимъ, что мнимая особенность русскаго языка

восходитъ къ глубокой, до-славянской древности. Должно замѣтить, что начальное *е* (безъ *j*) у насъ сохранилось безъ перехода въ *о*: *э*то, *э*во, *э*дакъ, бѣлор. гэто и т. п. Сравни сербск. *е*то, *е*во, кашебск. hevo и т. п.

Въ связи съ нею нѣкоторые ученые указываютъ, какъ на особенность русскаго языка древнѣйшей эпохи,—на переходъ начальнаго неіотированнаго *е* въ *о* въ цѣломъ рядѣ словъ взятыхъ нами изъ греческаго языка: въ личныхъ именахъ *О*вдотья (=Евдокія), *О*всей (Евсевій), *О*стапъ (Евстафій), *О*встратъ (Евстратій), *О*лпатъ (Евпатій), *О*лферъ (Елевѳерій), *О*лена (Елена), въ названіи города *О*лешьѣ (Лаврент. сп.,=Ἐλισσός, соврем. Алешки), въ нарицательныхъ: *о*хидна (ἔχιδνα), *о*питемья (ἐπιτιμία), *о*ксамитъ (ἑξαμῖτος) и друг. Они начинаютъ попадаться въ русскихъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ: Пандекты Антіоха XI вѣка: *о*клисиастъ 79 об.; Уставъ церковный XI—XII в. (Типогр. Б. № 285): *о*ктения 2; Юрьевское Ев. около 1120 г.: племена *о*хиднова 57 об.; надпись на крестѣ 1161 г.: *О*фросинья; Добрилово Ев. 1164 года: *О*вгенья 250 об.; Стихирарь XII в. Акад. Наукъ: *О*лены 139 об., *О*лисѣя 160 об.; Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227): *О*фреме, зват. п., приписка; Праздники XII в. (Типогр. Библ. № 330): *О*встафие 19 об.; Кондакарь XII—XIII в. Публ. Библ.: *О*рино 41 об.; Пандекты Никона Черногорца по Яросл. сп. XII—XIII в.: *О*фрема, *о*питемью; Житіе Нифонта 1219 г.: *О*левъферия 103 об.; Паремейникъ 1271 г.: *О*луферея, им. ед., запись, *О*лисѣя 206; Кормчая ок. 1282 г.: *о*питемья, *о*ктения, *О*вдокимъ; Пчела по сп. нач. XV в., изданному Семеновымъ: *О*пикуръ, *О*сопъ (Αἴσωπος), и друг. Но 1) здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенностью не только русскаго, но также церковно-славянскаго и средне-болгарскаго языковъ: употребленіе *о* на мѣстѣ классическаго греческаго ε мы встрѣчаемъ въ памятникахъ церковно-славянскихъ и въ такихъ изъ средне-болгарскихъ, которые не могутъ считаться списанными съ русскихъ оригиналовъ: въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: *О*вктімонъ 104 (при *Е*вктимонъ; сравни въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *О*втиха, род. ед., 142=*Е*втиха); въ церк.-слав. Синайской Псалтыри: земла *о*рѣмунѣскы (=*е*рмон—); въ Болонской Псалтыри конца XII или начала XIII в.: *о*ѳиопѣскъ; сравни въ др.-русск. Синайскомъ Патерикѣ XII в.: *у*болъ, въ Хожденіи Антонія Новгородскаго по сп. XVII в., изд.

Савваитовымъ: *у*боль (и *ам*болъ)=ц.-сл. ѫболъ, ново-болг. въ*м*бель и въбель (ъ*м* и ъ изъ ѫ), греч. ἔμβολος; сравни также ново-болг. *о*хтик=ἑκτική; 2) *о* на мѣстѣ греческ. ε, кажется, должно считать возникшимъ не на славянской, а на греческой почвѣ; по крайней мѣрѣ въ ново-греческомъ языкѣ мы находимъ нѣкоторое количество словъ съ начальнымъ *о* вмѣсто ε (особенно передъ древнимъ *в*): *о*vrjós (ἑβραῖος), *о*mnostjá (εὐνοστία), *ó*morfos (εὔμορφος), *ó*fkeros (εὔκαιρος), *о*létheros (ἐλευθερός), *о*rminevo (ἑρμηνεύω), *ó*timos (ἕτοιμος), *о*xjá (ἔχις) и т. п. Подобныя слова мы видимъ и въ средне-греческихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Кипрской средневѣковой хроникѣ: ὀρπίδαν (ἐλπίδα), Ὄκτορ (Ἕκτωρ), ὀκτρούς (ἐχθρούς) и т. п. Достойно замѣчанія, что какъ въ русскомъ, такъ и въ ново-греческомъ *о* вмѣсто ε всего чаще является передъ *в* и что русское *о* иногда вполнѣ совпадаетъ съ греческимъ ο: *О*лферъ (Елевѳерій)—*о*lévtheros, *о*хидна—*о*xjá.

Должно замѣтить, что съ одной стороны имѣютъ *о* такія слова, которыя въ живомъ русскомъ языкѣ древней эпохи употребляться не могли (*о*клисиастъ, *О*пикуръ) и что съ другой не имѣютъ *о* даже столь употребительныя слова, какъ *е*вангелиѥ.

Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права смотрѣть на *о*=греч. ε какъ на отличительную черту русскаго языка.

—

IV. Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.

Русскій языкъ въ древнѣйшій періодъ своей исторіи не представлялъ полнаго звукового однообразія и въ однихъ мѣстахъ имѣлъ однѣ особенности, въ другихъ — другія; иначе говоря, онъ раздѣлялся на нѣсколько говоровъ. Замѣчательно, что дѣленіе древне-русскаго языка на говоры, сколько мы можемъ судить о послѣднихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ тѣмъ дѣленіемъ русскаго народа на племена, которое сохранила намъ Несторова лѣтопись.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей или словенъ; это—говоры новгородскій, псковскій и полоцко-смоленскій (вѣроятно, полоцко-смоленско-витебскій); послѣднимъ говорили тѣ кривичи, которые жили по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Общая особенность кривичскихъ говоровъ состояла въ томъ, что въ нихъ могли мѣняться, т. е. замѣнять другъ друга, звуки *ц* и ч. Ее мы находимъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ и, напримѣръ, читаемъ въ Минеѣ 1095 года: *ц*рево (чрево), влады*ц*иче, вься*ц*ьская, *ц*вѣтъ, коньчь, паличею и т. п. Она—обычное явленіе въ псковскихъ памятникахъ, въ родѣ Апостола 1307 г., гдѣ мы видимъ: съкон*ц*ашася, на*ц*алника, темни*ц*ьнымъ, старчи, рьчи, нечии. Она замѣчается въ смоленской грамотѣ около 1230 г.: пѣмьчи*ц*ь вмѣсто нѣмьчичь, при Романови*ц*і, сули*ц*ами вмѣсто сули*ц*ами, куноемьчи (дат. ед.) вм. -емьци. Въ полоцкой грамотѣ начала XV в. есть написанія въ родѣ немечькии вмѣсто нѣме*ц*ькии, по розничи вмѣсто по розни*ц*и.

При этой общей особенности, отсутствовавшей въ другихъ говорахъ, говоры кривичей имѣли нѣкоторыя отличія другъ отъ друга;

такъ, новгородскій и псковской говоры, на мѣстѣ церковно-славянскаго *жд* и современнаго литературнаго русскаго *жж*, имѣли *жг*: новгородская Минея 1095 года: дъ*жг*ь 84, одъ*жг*и 115; Минея 1096 года: дъ*жг*ь 215, одъ*жг*аѥть 84, пригва*жг*аѥма 92; Стихирарь 1157 года: одъ*жг*ивыи 80 об.; Тріодь 1311 г.: пригво*жг*ьнаго 23; Евангеліе до 1362 г.: до*жг*ь 30, до*жг*ить 26 об., ро*жг*ьѥ (=церк.-слав. ро*ж*диѥ) 21 об.; Новгородская лѣтопись: дъ*жг*ь 45, 46, 49 и др., дъ*жг*емь 63, дъ*жг*ево 125; псковской Апостолъ 1307 г.: до*жг*ь, надъ*жг*ити, пригво*жг*ьше, ро*жг*ья; псковской Параклитикъ 1369 г. до*жг*я, пригва*жг*яя; въ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи: до*жг*я, приѣ*зг*я. Сравни въ современномъ пермскомъ говорѣ во*жг*аться=возжаться. Въ полоцко-смоленскомъ говорѣ этой особенности, кажется, не было. Затѣмъ, въ новгородскомъ говорѣ мы находимъ болѣе или менѣе часто приближеніе звука *ѣ* къ звуку *и* и въ связи съ нимъ замѣну буквы *ѣ* черезъ букву *и*, и наоборотъ, особенно: въ слогахъ передъ послѣдующими мягкими согласными. Минея 1096 г.: лицем*и*рьствовавъ 68, тьрьп*и*ниѥ 78, претьрьп*и*лъ ѥси 125, нев*и*дѣния 165; Пантелеймоново Ев. XII в.: вьсь самар*и*ньску 101, гроби невідоми 107 об.; Кормчая ок. 1282 г.: вѣлер*и*чьѥмь 606; Евангеліе 1355 г.: кол*и*нома 60, запр*и*чая 62, кол*и*блемы 64, челов*и*чьскыи 64 об., 123, челов*и*чь 81, 127 об., челов*и*комъ 105, 120, имамъ ти н*и*что рещи 65, на мѣстѣ н*и*коѥмь 70, им*и*ния 71, жел*и*зными 72, пропов*и*дь, вн*и*шнеѥ 73, оскуд*и*ѥмо 85, лицем*и*ри 121 об., уб*и*жите 122 об., т*и*ло моѥ 126 об., см*и*шенъ 141, см*и*шениѥ 143 об., прегр*и*шении 152 об., при вечер*и* 3, при пояс*и* 51 об., к жен*и* 59 об., по ланит*и* 103 об., в закон*и* 122, узр*и* (=узрѣ) 59 об., исцѣл*и* (=исцѣлѣ) 74 об., вид*и* (=видѣ) 93 об., 126, и др.; Новгородская лѣтопись: обон*и*жьскыхъ 160 об., обон*и*жаномъ 320; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (очень часто); Погодинскій сборникъ нач. XV в. № 872 (очень часто). Эта особенность была также въ псковскомъ говорѣ; въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: свир*и*лникъ, свир*и*ли, им*и*нию (и въ Пандектахъ 1296 г., можетъ быть, псковскихъ: од*и*яла 78, къ Кесарии Филипов*и* 79 об., т*и*хъ=тѣхъ 84, рядомъ съ изв*ѣ*тиѥ словесъ 106 об., об*ѣ*таѥть 109). Сравни въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже: стр*и*ча, св*и*ча, д*и*лятъ, медв*и*дь, полет*и*ли и т. п.; сходныя данныя — въ современномъ псковскомъ говорѣ. Этой особенности

повидимому не было въ полоцко-смоленскомъ говорѣ. Далѣе, старый новгородскій говоръ иногда опускалъ *в* передъ мягкимъ *л*. Мы читаемъ въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1270 г.: приста*л*ивати (=приста*вл*ивати), въ договорѣ 1314 г.: Жидьсла*л*ичь (=Жидьслав*л*ичь), въ Новгородской лѣтописи: на Ярослал*и* дворѣ, ис Переяслал*я*, въ Переяслал*ь*, Мьстисла*л*ичь, на Яко*л*и улици; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: Мьстисла*л*ичь 236, Ивана Радьсла*л*ича 358 и др. Та же особенность, въ современныхъ русскихъ говорахъ почти уже не существующая (отмѣчено: оста*л*ять въ Новгородскомъ уѣздѣ, заста*л*ять въ Ладожскомъ у., кро*л*я=кро*вл*я подъ Изборскомъ),—была свойственна псковскому говору: запись Параклитика 1369 г.: испра*л*иваюця (=исправливаюче); запись Пролога 1425 г.: испра*л*ьваюче; зап. Трефолоя 1446 г.: испра*л*ивая; въ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи: поста*л*яша, запско*л*яне, неро*л*яне (=неро*вл*яне); но повидимому была неизвѣстна говору полоцко-смоленскому.

Псковскій говоръ отъ новгородскаго и полоцко-смоленскаго, а также и ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ, отличался тѣмъ, что взаимно мѣнялъ мягкія *жс* и *з*, *ш* и *с*. Апостолъ 1307 г.: *з*дати (=ждати), когоздо, *з*ѣлание, смѣ*ш*илъ (=смѣсилъ), иску*ш*ьна; Параклитикъ 1369 г.: прилез*ж*но, *з*елание, озиве; сте*ж*ю (=стезю), про*ж*лбе, кладя*ж*и; украсение, съгресихъ, *с*ествия (=шествия); доне*ш*и (=донеси), в*ш*ю силу, но*ш*иси (=носиши) и т. п.; Параклитикъ 1386 г.: но*ж*е (=нозѣ), пора*ж*и (=порази); коз*я* (=кожа), поз*р*у (=пожру); ве*ш*ь (=весь), до *ш*его дне (=до сего дне); въпро*с*яти (=въпрошати), ва*с*и (=ваши), несо*с*я (=несоша) и т. п.; запись Евангелія 1463 г.: птица рада вѣ*ш*нѣ; списки 1-й Псковской лѣтописи: ка*ж*ну в*ш*ю (=казну), пер*ш*и (=перси) и т. п.

Изъ кривичскихъ говоровъ вполнѣ сохранился только говоръ новгородскій, который слышится въ настоящее время не только въ Новгородѣ и прежней новгородской области, но и въ новгородскихъ колоніяхъ, т. е. почти во всей сѣверной полосѣ Россіи. Псковской говоръ сохранился около Псковскаго озера да на южной окраинѣ своей прежней территоріи, въ сѣверной части Смоленской губерніи. Полоцко-смоленскій говоръ сохранился до нашего времени въ нѣсколькихъ уѣздахъ Витебской и Смоленской губ. и въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губ.; въ другихъ мѣстахъ онъ вытѣсненъ сосѣдними бѣлорусскими говорами.

Старый западно-русскій, или бѣлорусскій говоръ—говоръ древнихъ дреговичей, родоначальникъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Онъ не имѣлъ рѣзкихъ особенностей и нѣкогда былъ чрезвычайно близокъ къ средне-русскому, или великорусскому говору. Одною изъ старыхъ его особенностей, впрочемъ очень мелкою, должно считать употребленіе *жч*, *ждч* тамъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ мы видимъ *жд*, а въ литературномъ русскомъ слышится *жж*. Въ грамотахъ литовскихъ князей мы находимъ. наѣ*ждч*ати, приѣ*ждч*алъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 года; прие*жъдч*ые, прие*ждч*аючи, нае*ждч*алъ и т. п.; въ печатномъ Евангеліи Тяпинскаго (второй половины XVI в.): до*жч*ъ, до*жч*іть и т. п. Въ Псалтыри 1296 года, памятникѣ, вѣроятно, также западно-русскомъ, есть слово дъ*жч*ѣвнымъ 288. Сравни современн. бѣлорусск. до*щч*икъ, до*щ*икъ.

Что касается до средне-русскаго говора— говора древнихъ вятичей и ихъ колонистовъ на обѣихъ берегахъ верхней Волги, отъ котораго ведетъ начало та часть великорусскаго нарѣчія, которая не знаетъ мѣны *ц* и *ч*,—то онъ, какъ можно заключать на основаніи ростовскихъ памятниковъ первой четверти XIII в., Рязанской Кормчей 1284 г., галицкаго (Костромск. губ.) Ев. 1357 г., переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевскаго списка лѣтописей и друг., не имѣлъ въ древности никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры. Въ настоящее время потомки древняго говора вятичей дѣлятся на почти тожественные говоры сѣверные, или о́кающіе (сохраняющіе неударяемое *о*), и на говоры южные, или а́кающіе (замѣняющіе неударяемое *о* черезъ *а* или другіе звукя).

Галицко-волынскій говоръ—говоръ дулѣбовъ-волынянъ, предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія—въ древнѣйшую эпоху отличался также немногими особенностями: въ немъ мы находимъ то же *жч* на мѣстѣ великорусскаго *жж*, что и въ западно-русскомъ. Въ Галицкомъ Ев. 1144 г. (срв. стр. 13) мы читаемъ: дъ*жч*ь 15, и*жч*енуться (=ижженуться) 16, въ*жч*елѣшя (церк.-слав. въжделѣша) 28 об., ро*жч*ые 215 и друг.; въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в.: дъ*жч*ь, ро*жч*ья (род.), измъ*жч*ание, и*жч*иветѳ, ра*жч*изати, бе*жч* чены (=безъ жены); въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: до*жч*ь, бездо*жч*ьые, и*жч*-

чену, въ*жч*ьчелаѥте и друг.; въ Тріоди XIII в. (Син. Библ. Усп. № 8): одъ*жч*ивъшааго, измъ*жч*ѣниѥ, пригво*жч*енъ, пригво*жч*ѣниѥ, и*жч*ену, и*жч*ивъ, ра*жч*изая и друг.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: ро*жч*ыѥ и друг. Сравни современное малорусск. до*щ*ь, род. до*щ*я, рі*щ*я (=церк.-слав. рождиѥ), ви*щ*яти и т. п. Сверхъ того, этотъ говоръ очень любилъ ассимиляцію *ъ* съ послѣдующимъ *и:* Добрилово Евангеліе 1164 г.: въпросят*и* и (=въпросять и), осудят*и* и, имут*и* и, съкрупит*и* и, моляхут*и* и, и т. п., которая впрочемъ существовала и въ другихъ говорахъ, и въ кіевскомъ (смотри Святославовъ Сборникъ 1073 г.), и въ полоцко-смоленскомъ (смоленская грамота ок. 1230 г.: въсхочет*и* и казнит*и*), и въ новгородскомъ (Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: наричаѥт*и* и, възлюбит*и* и, и т. п.). Потомство формъ 3-го л. на *ти*, подобныхъ приведеннымъ, также формы 3-го л. на *ти*, отмѣчены въ говорахъ Олонецкой, Калужской, Могилевской губерній: кого мнѣ любить будет*и*; жонки йдут*и*, обѣдати несут*и*, и т. п.

О древне-кіевскомъ говорѣ, говорѣ полянъ, мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Самые авторитетные памятники этого говора— Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовыхъ 1073 г. и 1076 г. и Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. Можно бы думать, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ѣ* черезъ *и*; по крайней мѣрѣ въ Сборникѣ 1073 г мы читаемъ: *ни*ции вмѣсто *нѣ*ции, въ вѣр*и* вм. въ вѣр*ѣ*, исц*и*ли вм. исц*ѣ*ли; но всѣ эти примѣры свободно можно считать описками, происшедшими отъ небрежности переписчика.

Объ особенностяхъ древняго переяславско-черниговскаго говора, говора сѣверянъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно только упомянуть, что авторъ Несторовой лѣтописи видѣлъ въ сѣверянахъ племя родственное съ новгородскими кривичами («сѣверо—отъ словенъ»), что малороссы XVII в. видѣли въ коренныхъ жителяхъ Чернигова «московскихъ» людей, что всего вѣроятнѣе считать потомками ихъ—сильно а́кающихъ жителей Брянскаго и Путивльскаго у́ѣздовъ.

Съ теченіемъ времени, при постепенныхъ измѣненіяхъ въ звукахъ, говоры русскаго языка пріобрѣли новыя особенности, которыя уже несравненно болѣе прежняго обособили ихъ другъ отъ друга.

V. Звуки древне-русскаго языка.

Попробуемъ опредѣлить, каковы были звуки русскаго языка въ началѣ его историческаго существованія, и укажемъ, какими буквами они означались въ нашемъ старомъ алфавитѣ.

Гласные. Звукъ *а* произносился очень открыто. Онъ означался послѣ твердыхъ согласныхъ черезъ *а*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*—отчасти черезъ **а**, отчасти черезъ **я**. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ двѣ послѣднія буквы употребляются безразлично, но въ большинствѣ—**я** употребляется послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, для означенія *ja*, а **я** только послѣ согласныхъ.

Звукъ *о* также произносился открыто, т. е. близко къ *а*; вслѣдствіе этого въ иностранныхъ словахъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, на мѣстѣ иностраннаго *а* иногда является неударяемое *о*: *О*р'када=Аркадія Остр. Ев.; *О*ндроникъ, *О*ѳонасии Стихирарь XII в. Акад. Наукъ 32, 137 об.; о родѣ саракиньстѣ *о*гаринѣхъ Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227) 13 об.; *О*льксандрию Житіе Нифонта 1219 г., *О*лексию тамъ же, запись; *О*нания, *о*кровустия= ἀκροβουστία Апостолъ 1220 г. 3, 19; на *о*нтипасху Погодинское Ев. XIII в. № 13, л. 175, и др., а на мѣстѣ иностраннаго закрытаго *о* (особенно долгаго) встрѣчается и неударяемое, и ударяемое *у*: ті*у*нъ = старо-сканд. thiôn, *у*кс*у*съ (Студійскій Уставъ по сп. XII в.)=греч. ὄξος, р*у*га=греч. ῥόγα. Онъ передавался на письмѣ обыкновенно буквою *о*, рѣдко буквою **ѡ**.

Звукъ *е*, изображавшійся буквою *е* послѣ согласныхъ и **є** послѣ *j*, звучалъ приблизительно такъ, какъ онъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчіи, смягчая предыдущій согласный; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ, какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, въ древнѣйшихъ чаще, въ болѣе позднихъ рѣдко, попадаются случаи употре-

бленія, вмѣсто буквы *е*,—буквы ѥ: Остромирово Ев.: гнѥтѫть 100; Святославовъ Сборнвкъ 1073 г.: клѥвета 29 об., умножитѥ 35 об., о имени 247 об.; Минея 1095 г.: камѥви 24, весѥлися 70, словесѥ 89, вьсѥвиньноѥ 111, вьседьрьжитѥлеви 165; Минея 1096 г.: сѥ 11, равьночьстьнѥ 84, богатѥ 140, будѥть 159, спасѥния 210; Слова Григорія Богослова XI в.: гнѥтуться 167 об.; Путятива Минея XI в.: вьсплѥскаша 12, на колѥсѣ 12 об., плѥтоша 23, апостолѥ 31, 35, дѣлѥсемь 34, дѣлѥсы 37 об., вьзлѥть 37 об., вь целѥнаахъ 96, клѥвь 97, Ѥлѥну (вин.) 87 об., сыпѥтенъ 12 об., в сеслав'нѥ (зват.) 23, трѥпетомъ 24 об., посерѥдѣ 81 и др.; Галицкое Ев. 1144 г.: оклѥветаите 119 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: облѥщь, вьзлѥже, погыбнѥть, станѥть, знамѥньѥ, будѥть; Пантелеймоново Ев. XII в.: обратитѥся 56 об., отъдадитѥ 68, блудитѥ 83, творитѥ 94, зорѥте 94, вьврѥщи 111 и др.; Христинопольскій Апостолъ XII в.: прівѥдеть 84; Тріодь Саввина до 1226 г.: клѥвѥтааху 91 и т. п. (-лѥ- и -ѥѥ- часто); Лупкое Ев. XIV в.: Филипѥ (зват. пад.), тебѥ, всѥю. Нѣкоторыя рукописи, напр. Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в., имѣютъ ѥ вмѣсто *е* послѣ согласныхъ очень часто. Въ началѣ словъ *е* имѣло передъ собой *j*, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, гдѣ оно произносилось безъ *j*, т. е. такъ, какъ произносится *е* въ нашихъ это, эдѣкъ. Эти слова, какъ показываютъ рукописи, строго различающія *е* и ѥ (Юрьевское Ев. около 1120 г. и друг.),—слова ѥтеръ, *е*да, *е*дъна, *е*ще, *е*зеро, *е*и (да).

Звукъ *ъ* былъ близокъ къ *е* по своему качеству, но произносился, повидимому, болѣе закрыто, приближаясь къ *и*; онъ отличался отъ *е* своей долготою; это былъ, кажется, единственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода. Срв. др.-русск. названіе города Вендена Кѫсь, Кись (въ спискахъ 1-й Новгородской лѣтоп.) и лотышск. Cēsis (съ *и* изъ болѣе древняго *к*). Въ древнѣйшихъ рукописяхъ онъ изрѣдка смѣшивается съ *е*. Остромирово Ев.: несть 26; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вѣруа, руце, о господине, съвѣдетель; Минея 1095 г.: обрѣтъ 50, прѣменно 132; Минея 1097 г.: на тѣле 305, посреде 317, възлетела 335, въ утробе 381. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы въ словахъ повторяются согласно тому, какъ они должны были повторяться или протягиваться въ пѣніи, мы находимъ такія написанія, какъ грѣѣховъ (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры, л. 4). Кромѣ буквы *ѫ*, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.

употребляется іотированный *ѧ=jѧ*; въ другихъ же для означенія *jѧ* пишется или просто *ѧ*, или ѥ: Архангельское Ев.: ѥждь=ѣжь, ѥсти=ѣсти.

Звукъ *у* звучалъ такъ же, какъ онъ звучитъ теперь. Онъ изображался послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно черезъ *оу*, рѣже черезъ ꙋ, т. е. такъ же какъ и въ греческомъ, и въ церковно-славянскомъ алфавитахъ, рѣдко (только въ древнѣйшихъ рукописяхъ) черезъ ѫ. Послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* для означенія звука *у* употреблялись буквы *ю*, ѩ и ꙗ (т. е. *ѧ*, ижица). Послѣднюю букву, какъ знакъ отличный по значенію отъ *у*, мы находимъ только въ рукописяхъ XI — XIII вѣковъ (не во всѣхъ): Минея 1096 г.: *лѧбъвьныи* 7; Архангельское Ев. 1092 г.: *вьсѧ* Галилѣю 27; Путятина Минея XI в.: *князѧ* 31 об., *заря* 39, 43, *пустыня* 58, *земля* 55 и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: *сътворя*, *узря*, *моря*; Погодинское Ев. XIII в. (Публ. Библ. № 13): *пустыня*, *глаголя*, *лятѣ*, *изгоня*, *лѧбодѣи* 33 об., 34, 37 об. и т. п.

Звукъ ъ въ доисторическій періодъ исторіи русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *о*. У греческихъ писателей онъ передается иногда черезъ *ου*, и, напримѣръ, у Константина Багрянороднаго (во 2-й половинѣ X вѣка) мы находимъ названіе днѣпровскаго порога Νεσσουπῆ =наше не сыи. Въ началѣ историческаго періода звукъ ъ въ однихъ случаяхъ звучалъ уже почти такъ же какъ *о*, въ другихъ былъ очень краткимъ глухимъ звукомъ, близкимъ къ исчезновенію. Въ рукописяхъ XI в. мы, кажется, иногда уже имѣемъ дѣло съ ъ буквою, не означающею никакого звука; такъ, можетъ быть, въ Остромировомъ Ев. въ словѣ народъ ъ уже не что иное, какъ графическій знакъ безъ звукового значенія.

Звукъ ь въ доисторическій періодъ исторіи русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *е*. Въ началѣ историческаго періода онъ въ однихъ случаяхъ приближался къ звуку *е*, въ другихъ былъ очень краткимъ глухимъ звукомъ, близкимъ къ исчезновенію. У Константина Багрянороднаго онъ или передается буквою ε: названіе днѣпровскаго порога Βερούτζη=*βράσμα νεροῦ* (кипѣніе воды)=наше вьручи=церковно-славянское вьржшти, имен. ед. причастія женск. р. отъ глагола *вьрѣти* кипѣть; или совсѣмъ опускается: Νεασήτ=неясыть, что̀ указываетъ на краткость ь въ концѣ словъ. Въ памятникахъ русскаго языка, начиная съ поло-

вины XI в., буква ъ повидимому иногда уже не обозначаетъ звука и есть только графическій знакъ, указывающій на мягкость предшествующаго согласнаго.

Звукъ *и* въ древности произносился приблизительно такъ, какъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчіи, смягчая предыдущій гласный. Въ началѣ историческаго періода, находясь послѣ гласныхъ и *j* (особенно въ концѣ словъ), онъ иногда былъ очень кратокъ и близокъ къ исчезновенію, которое послѣдовало, вѣроятно, одновременно съ исчезновеніемъ ъ и ь; такимъ образомъ, въ словѣ, напримѣръ, благы*и* Остромирово Ев., *и* какъ гласный звукъ, можетъ быть, уже не существовало, а буква *и* означала *j*, который нѣкогда находился передъ *и*; иначе говоря, благы*и* звучало не благы*ји*, какъ въ доисторическій періодъ, а благы*j*. Вопросъ о томъ, всегда ли въ періодъ написанія первыхъ дошедшихъ до насъ рукописей *и* въ началѣ словъ имѣло передъ собою *j*, или не всегда, по отсутствію данныхъ, неразрѣшимъ. Случаи замѣны *и* черезъ *ы* въ словахъ съ префиксами въ родѣ възыграся (Архангельское Ев. 1092 г. 126 об.; тамъ же: вы истину 1 об., вы имя 7, 33, вы истиньнѣмь 66), на нашъ взглядъ, ничего не доказываютъ: *ы* въ нихъ можетъ вести свое происхожденіе изъ *ыи*; *ы* послѣ предлоговъ, въ родѣ к ыному царю Пантелеймоново Ев. XII в. 114 об., в ынѣхъ областьхъ Кормчая XII в. (Син. Б. № 227) 22; из ыстлѣния Праздники XII—XIII в. (Типогр. Б. № 331) л. 74 об.; в ыную землю смоленскій договоръ ок. 1230 г.; в ыномъ манастыри Прологъ 1356 г. 31, в Ындѣи, въ ынъ грѣхъ тамъ же 35, 41; в исправу договоръ Новгорода съ Тверью 1368—1371 г.; из ыстьбы Новгородская лѣтопись XIV в. 11, с ынѣми 192; в ыныхъ Измарагдъ XIV в. (Румянц. Муз.), какъ будто указывающее на произношеніе начальнаго *и* безъ іотаціи,—относится ко времени не ранѣе второй половины XIII в. и не даетъ никакого права дѣлать заключенія о болѣе древней эпохъ. Звукъ *и* передавался на письмѣ буквами *и* и *і*, которыя употреблялись съ одинаковымъ значеніемъ.

Звукъ *ы* въ древности произносился приблизительно такъ, какъ онъ теперь произносится въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, и не смѣшивался съ звукомъ *и*, хотя до извѣстной степени былъ близокъ къ нему. Въ нотныхъ кондакаріяхъ, гдѣ буквы повторяются согласно съ ихъ повтореніемъ при пѣніи, весьма обычны

написанія въ родѣ н*ыии*ня, ѥдином*ыии*сльно (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры). Звукъ *ы* означался буквами ꙑ и ы; изъ нихъ послѣдняя до конца XIV вѣка употребляется рѣдко, въ немногихъ древнѣйшихъ рукописяхъ (Святославовъ Сборникъ 1073 г., Пандекты Антіоха XI в., Реймское Евангеліе XI в.), а съ XV вѣка входитъ въ постоянное употребленіе.

Согласные. Согласные звуки большею частію произносились приблизительно такъ, какъ мы произносимъ ихъ теперь, и означались тѣми же буквами, которыми означаются теперь.

Звукъ *г* въ древности произносился по-великорусски, т.-е. какъ латинское g, а не какъ h. Это видно изъ того, что иностранныя слова, имѣющія h, при передачѣ ихъ по-русски, теряли это h: ст.-сканд. *H*akun—въ Несторовой лѣтописи и Печерскомъ Патерикѣ передается черезъ *Я*кунъ; срв. подобное же ощущеніе h въ сѣверно-русскихъ актахъ: новгородская грамота въ Ригу 1301 г.: *И*нчя *О*лчять=*H*inze *H*oltzatus (*ч* по-новгородски — вмѣсто *ц*). — Когда появилось h—что случилось едва ли ранѣе XII вѣка—и такимъ образомъ стали существовать два звука, g и h, во всѣхъ памятникахъ сѣверной, московской Руси и въ книгахъ юго-западной, литовской Руси ихъ не различали на письмѣ и изображали одною и тою же буквою *г*; но въ грамотахъ литовскихъ князей и польскихъ королей и въ разнаго рода актахъ и памятникахъ юго-западно-русскаго законодательства XIV в. и позднѣе для h сохранили букву *г*, а g стали передавать черезъ сочетаніе *кг*: *кг*дѣ, литовская грамота 1375 года; *Кг*едроитьскии князи, грамота 1392 года.

Звукъ s=дз въ русскомъ языкѣ старшей исторической эпохи не существовалъ и буква s, употреблявшаяся впрочемъ рѣдко (обыкновенное ея употребленіе — съ числительнымъ, а не съ звуковымъ значеніемъ), всегда означала звукъ *з*.

Шипящіе *ж* и *ш* и свистящій *ц* въ древности произносились, вѣроятно, всегда мягко, т. е. такъ, какъ они произносятся у насъ въ до*жж*и, ѣ*жж*ю, пу*шш*ю, *шш*явель и въ малорусскихъ вули*ц*я, Гри*ц*ь; вслѣдствіе этого буквы *ж*, *ш*, *ц* въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ нерѣдко сочетаются не только съ буквою *ю*, какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но и съ буквою *я*, даже съ ѥ. Такъ, въ Галицкомъ Ев. 1144 г. и въ Ев. XII—XIII в. Ярославск. Спасо-Преображ. монастыря постоянно послѣ шипящихъ и *ц* пи-

шется *я*, въ Уставѣ Студійскомъ XII в. Син. Библ., въ новгородскомъ Ев. 1355 г. и въ Новгородской лѣтописи XIV в. — очень часто; въ Минеяхъ 1095—1097 гг. и въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в. мы между прочимъ находимъ: приложѥниѥ, въ нихъ жѥ, сажѥния, душѥвьныя, улицѥю и т. п.

Звукъ *ч* въ древности звучалъ вполнѣ мягко, т. е. болѣе мягко, чѣмъ теперь въ литературномъ русскомъ языкѣ; вслѣдствіе чего послѣ *ч* мы находимъ въ старшихъ памятникахъ какъ *ю*, такъ и *я*, ѥ. Сложный звукъ *щ* въ древности состоялъ или изъ *шч*, какъ въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, или изъ *шш*, какъ въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ. Въ словахъ Григорія Богослова XI в. мы находимъ написанія имѫ*шче*, отвѣ*шча* и т. п.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: и*шьчю*ть 88 об.; въ грамотѣ Витовта ок. 1392 г.: лови*шча*, у лови*шчех*ъ; въ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в.: е*сче*, отпу*счаем*ъ, опу*счон*ою, и др. Современныя великорусск. перчатка изъ пер*шчатка* (*шч*, *щ* изъ *ст*), чанъ изъ дъ*щан*ъ (отъ дъска) и др. также указываютъ на существовавшее нѣкогда въ русскомъ языкѣ (въ великорусскомъ нарѣчіи) произношеніе *щ* какъ *шч*. Рядомъ мы имѣемъ: и*щь*дъше (=из-ш-) Остромир. Ев. 99; и*щь*лъ, и*щь*дыи Толстовскій сборн. XIII в. 50, 190 и т. п.; съ*щ*ествие Ев. 1357 г. 25; здѣсь *щ* должно быть=*шш*.

Звукъ *ф* существовалъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго историческаго періода только въ иностранныхъ словахъ: греческихъ, скандинавскихъ; при этомъ въ греческихъ словахъ (можетъ быть, согласно съ греческимъ простонароднымъ произношеніемъ того времени) вмѣсто него иногда являлся звукъ *п*: *п*арусъ φᾶρος. Звукъ *ф* передавался не только буквою *ф*, но и буквою *ѳ*, такъ что обѣ эти буквы произносились одинаково. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ *ф* вмѣсто *ѳ* греческихъ словъ и наоборотъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *ѳ*илиписиомъ 90, сапь*ѳ*иръмь 104, анъ*ф*ракъсъ 121 об., *Ф*ермодонты рѣкы 153, сера*ѳ*има 242 и др.; Минея 1096 г.: ана*ф*ома ἀνάθεμα 78, Сте*ѳ*ана 91; Минея 1097 г.: Пьр*ѳ*урие 329, Ониси*ѳ*оре 330, *Ѳ*илипа и Варъ*ф*оломеа 372; Стихирарь ок. 1163 г.: Е*ѳ*рема 38, *ѳ*евраря 39, Тру*ѳ*она 39, *ѳ*ѵникъ 43 и др. Въ нотномъ Кондакарѣ XII—XIII в. Публичной Библіотеки *ф* вмѣсто *ѳ* и наоборотъ пишется даже въ греческихъ фразахъ, написанныхъ славянскими буквами: о *ф*еос му 114, докса си о

ѳеосъ 116, ироѳитікон 84 об. Сравни въ *средне-болгарскомъ* Евангеліи XII—XIII в. (Румянц. М. № 1690): скоръѳиа, газоѳилакиѫ, Аѳтонома, Троѳима. Большинство рукописей XIII и XIV вв. почти не знаетъ буквы ѳ, замѣняя ее постоянно буквою ф, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она имѣетъ числовое значеніе (впрочемъ: мѣсяца того же въ .ф., въ .ф. лѣто царства ѥго, Прологъ 1383 года 106 об., 121 об.).

VI. Исторія гласныхъ звуковъ.

Исчезновеніе глухихъ. Важнѣйшимъ событіемъ въ древней исторіи звуковъ русскаго языка было исчезновеніе глухихъ ъ и ь и чистаго *и* въ концѣ и иногда въ серединѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ—Остромировомъ Ев., Святославовыхъ Сборникахъ—мы находимъ опущеніе ъ и ь: книгамъ вмѣсто кънигамъ, съгнивъ вм. съгънивъ, тъкмо вм. тъкъмо, кто вм. къто, створити вм. сътворити, все вм. въсе, и т. п. Но такъ какъ древнѣйшія наши рукописи суть списки, часто непосредственные, съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, гдѣ опущеніе ъ и ь—явленіе обычное, то на основаніи приведенныхъ примѣровъ и имъ подобныхъ мы не имѣли бы права дѣлать какія-либо заключенія, если бы эти примѣры не находили себѣ подкрѣпленія въ данныхъ памятниковъ XI и XII вв. съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы надпись на Тмутороканскомъ камнѣ (здѣсь читается: князь, не къназь) и Мстиславова грамота; сверхъ того, какъ указано выше, у Константина Багрянороднаго, слѣдовательно, еще въ концѣ X в.,—названіе днѣпровскаго порога написано Νεασήτ, съ согласнымъ на концѣ. Всѣ эти данныя, взятыя вмѣстѣ, даютъ основаніе думать, что во второй половинѣ XI вѣка какъ (во многихъ случаяхъ) глухіе, такъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и чистое *и* уже исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ. Глухой ъ исчезъ безслѣдно; ь оставилъ по себѣ слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго; послѣ *и* остался *j*, который нѣкогда находился между *и* и предшествующимъ гласнымъ.

Звуки ъ и ь исчезли въ концѣ словъ всегда, даже и тогда, когда на нихъ было удареніе: *родъ*, *миръ* (сравни въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: *родо́-съ* 13, *миро́-съ* 46 об.), *сынъ* (сравни

литовск. sunùs), *остръ* (сравни литовск. aštrùs), *ночь* (сравни литовск. naktìs и соврем. русское *ночéсь*, которое образовалось изъ *ночь-съ*), *день* (сравни соврем. *днесь* изъ *день-съ*). Въ этихъ словахъ и др. мы, конечно, имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи—съ дѣйствіемъ вліянія словъ съ неударяемыми ъ и ь въ концѣ на слова съ ударяемыми глухими въ концѣ. — Что касается до глухихъ въ серединѣ словъ, то они исчезли вездѣ, гдѣ были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія гласнаго звука: кто, многъ, все, брати. Срв. броня (Псалтырь 1296 г., запись), блоха, дохнýть (вдохнувъ, Псалтырь 1296 г., зап.), доска, мозгнуть, яблоко, нонѣ (Лаврентьевск. списокъ лѣт. 111, 114, 190, 196, 212, 216, 217, 247, 253; Румянц. Измарагдъ XIV в. 97; полоцкая грам. 1478 г.; зап.-русск. Четья 1489 г. 238; — срв. Минея 1097 г.: нънѣ 306, 398; Путятина Минея XI в.: нъня 68 об.; Христинопольскій Ап. XII в.: нънѣ 162; Синайскій Патерикъ XII в.: нънѣшьнюму 58 об.; церк.-слав. Син. Псалтырь: нънѣ 19), сосýд — гдѣ *о* изъ *ъ*—; тревога, пестръ, теща, стекло, звенѣть, гнéю (Кормчая ок. 1282 г.; изгнекѣть 558 об.; Паремейникъ 1378 г.: гнекющь 39; Измарагдъ XIV в.: гнѣкемъ, 1 л. мн., 43; Лаврентьевск. сп. лѣт.: изгнеѣть 80, и др.; срв. Прологъ 1262 г.: съгнѣкѣть 113; Новгородск. лѣт. XIV в.: гнѣющема 82 и др.), остреé (Ев. 1339 г.: острекемь 120; Ев. 1354 г.: острекемь 116 об.; Ев. 1355 г.: острѣкемь 87, и др.; срв. Добрилово Ев. 1164 г.: острѣкѣ 151; Пантелеймоново Ев. XII в.: острѣкемь 124, и др.),—гдѣ *е* изъ *ь*. Кромѣ того, есть основаніе думать, что и въ серединѣ словъ глухіе исчезли кое-гдѣ въ нѣкогда ударяемыхъ слогахъ. Вообще можно замѣтить, что при нахожденіи двухъ глухихъ въ двухъ смежныхъ слогахъ въ серединѣ слова, обыкновенно исчезъ тотъ изъ нихъ, который стоялъ ближе къ концу слова: соврем. нѣмецкій изъ нѣмьчьскыи, собрать изъ събърати, чернець изъ чьрьньць.

Звукъ *и* исчезъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ передъ собою гласный+*j*, именно въ концѣ словъ (иногда подъ ударéніемъ): въ формахъ именит.-винит. п. единств. ч. муж. р. (мо*j* изъ мо*йи*; срв. мо*я́*, мо*е́*), дат.-мѣстн. ед. ч. женск. р., род. мн., 2 го лица ед. повелит. накл., и въ серединѣ словъ — тамъ, гдѣ оnъ былъ безъ ударенія и гдѣ группировка согласныхъ не препятствовала его исчезновенію. Памятники письма обыкновенно сохраняютъ здѣсь

букву *и* (какъ сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ и буквы ъ и ь), которая такимъ образомъ означаетъ уже не гласный *и*, а согласный *j*; но встрѣчаются изрѣдка и случаи отсутствія буквы *и* и вмѣстѣ отсутствія какого-либо изображенія звука *j*: Пандекты Антіоха XI в.: поучая *Тимоѳѣ* глаголааше 30 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: ты же шьдъ *въземъца* царьство божіѥ 116 об.; Ев. XII—XIII в. Моск. Никольскаго мон. № 150: дадитѳ ѥ ѣсти 33; Житіѳ Нифонта 1219 г.: станяше бъдрь на молитвѣ *своѥ* 15 об., чьсо ради, господи *мо*, не възриши 35 об.; Ев. 1317 г.: како ты *июдѣ* сы 12 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: *уботеся* 39 об.; Прологъ 1383 г.: *разумѣите* (повел.) 130 об.; [договоръ вел. кн. Семена Гордаго съ братьями: *Олексѣ* Петровичь.

Должно замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіѳ вліянія однихъ словъ и формъ, въ серединѣ которыхъ глухой сохранился и потомъ перешелъ въ *о* и *е*, на другія слова и формы, утрativшія въ серединѣ свой глухой,—*о* и *е* появились тамъ, гдѣ мы ихъ не ожидали бы видѣть. Такъ, вслѣдствіѳ вліянія формъ собрать и т. п., мы имѣемъ, рядомъ съ древними сборъ, сбираю (=съб-), — новыя соборъ, собираю; вслѣдствіѳ вліянія формъ войти, сойти, подойти, войду и т. д. мы говоримъ: вошелъ, сошелъ, подошелъ (сравни вшить, сшить и т. п.); вслѣдствіѳ вліянія формъ им. ед. мохъ, сотъ, лобъ, ротъ, лесть, ропотъ (изъ мъхъ, сътъ, лъбъ, рътъ, лъсть, ръпътъ) у насъ слышатся формы род. ед. и другихъ падежей моху, сота (др.-русск. ста), лести (Лаврентьевск. сп. лѣт.: лсти 249 и др.), ропота (Христинопольск. Апостолъ XII в.: безъ ръпта 85); малор. и бѣлор. моха, лоба, рота. Появленіе словъ въ родѣ соборъ, совѣтъ, совѣсть (Лаврентьевск. сп. лѣт. постоянно: сборъ, свѣтъ, свѣсть), содержу—по памятникамъ относится къ XII в. (гал.-вол. Добрилово Ев. 1164 г.: соволкъше 238; гал.-вол. Типографское Ев. № 6), но становится вполнѣ обычнымъ только со второй половины XIII в. Кормчая ок. 1282 г.: сосудъ 559 (рядомъ: съсудъ); Пандекты 1296 г.: совокупления 26,—пляи 32 об.,—пляяся 40 об., солиявъ 84. Такъ же произошло *о* въ предлогахъ передъ именами: великорусск. пѣсенн. во лиру, во бесѣдѣ, ко матушкѣ, со инымъ, книжн. (изъ церковныхъ книгъ) во вѣки, во имя, во едино, со отцемъ. Это *о* по памятникамъ относится также къ XII—XIII в.: Добрилово Ев. 1164 г.: во имя 65 об.; Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: во

имя, ко Іисусу; Житіе Нифонта 1219 г.: во истину 65 об.; Кормчая ок. 1282 г.: со Оркадиемь, со игуменомь 524; Пандекты 1296 г.: во истину 34 об., во уставныя часы 122 об., во умѣ, со инѣми 139 об., со оружии 141 об., во имя 142 об., ко обоимъ 144 об. и др.; въ концѣ XIII и въ XIV в. оно уже обычное явленіе; Ев. 1323 г.: во имя 7, 8 об., 30 об., во истину 9, 15 об., 17, и др.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у однихъ говорящихъ сохранились въ произношеніи глухіе, у другихъ исчезли; вслѣдствіе этого мы находимъ рядомъ формы съ глухимъ гласнымъ (изъ котораго потомъ образовалось *о* или *е*) и формы безъ гласнаго звука; такъ, форма неопредѣленнаго накл. звучала и чъстити (откуда наше честить), и (чаще) чстити (откуда наше чтить; Слова Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ.: чстить, чстять, почстившаго и т. п.); форма неопредѣленнаго накл. звучала и кръстити (откуда наше крестить), и крстити (откуда соврем. народное кстить); названіе города *Пльсковъ* превратилось съ одной стороны въ Пльсковъ, откуда Плесковъ, съ другой въ Плсковъ (съ мягкимъ *л*), откуда *Псковъ*. То же мы видимъ въ Добрянескъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.) и Брянескъ (изъ Дъбряньскъ), Смоленескъ и Смолнескъ (съ мягкимъ *л*; изъ Смольньскъ), богатество и богатство (изъ богатъство), пехать, пехнуть (Паремейникъ 1378 г.: пехаете 72 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: спехнуша 73) и пхать, пхнуть (изъ пъхати, пъхнути), бервнò, бернò и бревнó (Ев. 1317 г.: бърно, брьвно—ь=*е*—30, 74, 74 об.; Ев. 1339 г.: бревно; Ев. до 1362 г. Тип. Библ.: беревна 64; Ев. 1370 г.: бревно 27 об.; Ев. 1399 г.: бревна, берьвно 28 об., бревьна 68 об.; печатн. Ев. Тяпинскаго XVI в.: бервена;—изъ бърьвьно), мóлния, молнея́ и молонья́ (изъ мълньй́). Форма *мью* (такъ изрѣдка она пишется въ старыхъ памятникахъ: Юрьевское Ев. около 1120 г.: умьж 173 об.; Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: умьють 59; Кормчая ок. 1282 г.: мьется 489, и др.) дала съ одной стороны мóю (изъ мью), съ другой—мью́ (изъ мью́; Домострой: мьють 87). Слово *двьрь* имѣетъ въ однихъ (немногихъ) древнихъ памятникахъ формы косвенныхъ падежей дври, дврехъ (Галицкое Ев. ок. 1266 г.; Кормчая ок. 1282 г.), тогда какъ другіе имѣютъ двери, вѣроятно,—двери́ (какъ Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.), дверехъ, при современныхъ двери и др.

Къ числу случаевъ, гдѣ еще въ древности сохраненіе или исчезновеніе глухихъ создало варіанты словъ и формъ, не слѣдуетъ относить такихъ, какъ формы имен.-вин. п. Полотескъ, Курескъ, Мценескъ (обычны въ древнихъ текстахъ, даже въ великорусскихъ текстахъ XVII в.), при формахъ косвенныхъ падежей Полотска (=Полоцка), Курска, Мценска и т. д. (съ мягкимъ согласнымъ передъ *ск*), такъ какъ современныя формы им.-вин. п. Полоцкъ, Курскъ, Мценскъ — позднія, образованныя подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей. Точно также въ древности, повидимому, не существовало тѣхъ формъ косвенныхъ падежей жреца́, жнеца́, чернеца́, чтеца́ и т. д., которыми пользуемся мы, а употреблялись только формы жерца́, женца́, черенца́, четца́ и т. д., изъ жьрьца́, жьньца́, чьрьньца́, чьтьца́ и т. д., при формахъ им.-вин. ед. жрець, жнець, чернець, чтець, изъ жьрьць, жьньць, чьрьньць, чьтьць (но уже издревле: кузнеци Слова Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ. 28, им. мн., мертвьца Тріодь 1311 г. 2 об. и т. п., мудреца, изъ кузньци́, мьртвьца́, мудрьца́); эти формы всего скорѣе—новообразованія, явившіяся подъ вліяніемъ формъ им.-вин. ед. Послѣднее, кажется, можно сказать и о формахъ тестя и т. д., чести и т. д.; во всякомъ случаѣ памятники имѣютъ отъ *тьсть* форму род. п. тсти, цьти, сти, тстя, цьтя (Пандекты 1296 г.: Іофора *сти* своего 38 об.; Ипатскій сп. лѣт.; Скорина, Бытіе, 55; Исходъ, 9 об.; срв. соврем. бѣлорусское *ция*, *ся*), а отъ *чьсть* форму того же пад. чсти, чти (Кормчая ок. 1282 г.: *чти* приложити; Рязанск. Кормчая 1284 г.: о *чти* 14 об., 53 об., 60; Лаврентьевск. сп. лѣт.: въ *чти*; Домострой: *чти* достойны; во *чти*; Слово о п. игоревѣ).

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ звуковъ и *и* имѣло важные результаты и произвело цѣлый рядъ фонетическихъ измѣненій; эти измѣненія произошли преимущественно въ области согласныхъ звуковъ, но коснулись также и гласныхъ. Въ области гласныхъ произошли слѣдующія явленія.

Удлиненіе **о** *и* **е.** Въ одномъ изъ древне-русскихъ говоровъ—въ говорѣ галицко-волынскомъ—исчезновеніе глухихъ и *и* повело къ образованію долгихъ звуковъ. Когда въ слогахъ предыдущихъ тѣмъ, гдѣ были глухіе или *и*, находились звуки *е* или *о*, эти послѣдніе, вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и *и*, подверглись замѣстительному удлиненію, и *е* стало произноситься долго, близко къ

древнему *ѣ*, а *о* стало звучать какъ долгое *о*. Въ древнѣйшихъ памятникахъ галицко-волынскаго письма, изъ которыхъ старшіе относятся къ половинѣ XII в. (надпись на крестѣ св. Евфросиніи 1161 г. и Добрилово Ев. 1164 г.), долгое *е* изображается буквою *ѣ*, долгое же *о* обыкновенно не отличается отъ краткаго *о*, и только изрѣдка мы видимъ на мѣстѣ его двойное *о*: *оо* (которымъ однако могъ изображаться и дифтонгъ *уо*): Галицкое Евангеліе ок. 1266 г.: *воо*вьця = овца, *воо*вьчихъ = овчихъ; Поликарпово Ев. 1307 г.: *воо*тця=отца; Ипатскій сп. лѣт., новгородскаго письма, но списанный съ гал.-вол. оригинала: *воо*тчину 544. Въ нихъ употребленіе новаго *ѣ* на мѣстѣ древняго *е* отличается болѣе или менѣе значительною послѣдовательностью и является въ такихъ словахъ, какъ пѣщь, шѣсть, сѣдмь, камѣнь, ремѣнь, перстѣнь, учитѣль, дѣлатѣль, матѣрь, небѣсъ, весѣлые, камѣные, корѣные, знамѣные, хвалѣные, зѣлые, въ нѣмь, въ нѣи, *ѣи*, въ всѣмь, въ всѣи, въ твоѣмь, въ твоѣи, гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* черезъ удлиненіе, имѣвшее своей причиной исчезновеніе конечнаго *ъ*, *ь* и *и*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился или когда его не было, удлиненія не произошло, и *е* и *о* остались безъ перемѣны, такъ что въ памятникахъ мы читаемъ: пещи, шести, на камени, учителя, матере, небеса и т. п. Въ дальнѣйшемъ развитіи галицко-волынскаго говора долгое *е* дало въ однихъ случаяхъ *і* (съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ), въ другихъ, перейдя въ *ō*, образовало тѣ же дифтонги, что̀ и *ō* изъ древняго *о* (но съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ): *уо*, *уэ*, *уи* и др., и монофтонгъ *і*.

Удлиненіе *е* и *о* имѣло мѣсто не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было исчезновеніе глухихъ; такъ, современный языкъ показываетъ, что его не было въ словахъ на *енько*, *енька*, *онько*, *онька* (можетъ быть, здѣсь *е* и *о* изъ *ь* и *ъ*?), что нерѣдко оно отсутствовало въ словахъ съ полногласіемъ: *волосъ*, *голодъ*, *голодний*, *берегъ*, *передъ*, *берестъ* (им. ед.). Впрочемъ сохраненіе *о* и *е* въ полногласныхъ формахъ легко можетъ быть объясняемо вліяніемъ косвенныхъ падежей (какъ въ годъ, медъ и др.).

Кромѣ указанныхъ исключеній, есть еще рядъ исключеній другого рода, явившихся вслѣдствіе дѣйствія аналогіи, вліянія другихъ формъ.

Въ цѣломъ рядѣ словъ (существительныхъ) въ именительн. пад. ед. ч. глухой звукъ сохранился и потомъ перешелъ въ *о* или *е*: таково слово *ледокъ*, нѣкогда бывшее съ *ъ* (*ледъкъ*); таково слово *вечерокъ*, нѣкогда также имѣвшее *ъ* (*вечеръкъ*); таковы же формы род. пад. мн. ч. *дорожекъ*, *березокъ* (*е* и *о* въ концѣ изъ *ъ* и *ъ*), и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился, должно бы ожидать сохраненія краткихъ звуковъ *е* и *о*; но такъ какъ въ формахъ другихъ падежей тѣхъ же словъ образовались долгіе звуки, то подъ вліяніемъ этихъ формъ явились долгіе звуки и здѣсь; такъ, рядомъ съ формою *ледъкъ*, была форма родит. пад. *ледъка*, гдѣ глухой исчезъ, а краткій гласный перешелъ въ долгій (*лѣдка*); рядомъ съ формой *дорожъкъ*, была форма именит. пад. *дорожъка*, гдѣ вслѣдствіе исчезновенія глухого звука явилось долгое *о* (*дорѡжка*). Такимъ образомъ *о* и *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ удлинились тамъ, гдѣ *ъ* сохранился. Отсюда получились въ современномъ малорусскомъ языкѣ формы въ родѣ *лѣдокъ*, *підвечірокъ*, формы род. мн. *доріжокъ*, *берізокъ* и т. п.

Въ другомъ рядѣ словъ (всего чаще прилагательныхъ) произошло обратное явленіе. Формы ихъ имен. ед. муж. р. сохранили глухой, и онъ потомъ перешелъ въ *о* или *е*: отецъ, воленъ, годенъ; другія ихъ формы утратили глухой и должны были получить удлиненіе предшествовавшихъ глухому *о* или *е*; но подъ вліяніемъ формъ имен. ед. муж. р. въ нихъ сохранились краткіе гласные: *о*тця, вольно, годно и т. п. Точно также рядъ глагольныхъ формъ испыталъ исчезновеніе глухого: печешь, печетъ, печемъ, неопред. накл. печь. Оно должно было произвести удлиненіе *е* предыдущаго слога, но его не произвело: соврем. малор. печешь (не печішь), печетця, печемъ, печь; впрочемъ въ древнѣйшихъ галицко-волынскихъ памятникахъ (между прочимъ въ надписи на крестѣ 1161 г.) встрѣчается печѣть и т. п., а въ молдавскихъ документахъ XIV—XV в., языкъ которыхъ богатъ малорусскимъ элементомъ, мы находимъ: слюбуюмъ, хочумъ, имаюмъ, вѣдаюмъ (Уляницкій; здѣсь *ю* изъ $\bar{е}$). Причина этого—вліяніе другихъ формъ, въ которыхъ исчезновенія глухихъ не было и *е* сохранилось безъ измѣненія: 3 л. ед. пече, 1 л. мн. печемо, 2 л. мн. печете, 2—3 л. дв. печета, неопред. н. печи.

Надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ оказало свое дѣйствіе также на предлоги-префиксы, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были въ сложеніи съ именами и глаголами, такъ и тогда, когда они стояли отдѣльно. Въ древнихъ памятникахъ есть слово *бѣздьна* (*бѣздьну*, Галицкое Ев. 1283 г. 51 об.; *бѣзденъ*, род., Тріодь XIII в. Син. Библ. Усп. № 8; *Бѣзна*, галицкая грам. 1366 г.) гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* подъ вліяніемъ исчезновенія *ь* послѣ *д* въ современномъ украинскомъ говорѣ мы находимъ пiдъ столомъ, изъ подъ столомъ, гдѣ *і* изъ *ō*; въ Словахъ Ефрема Сирина 1492 г. мы читаемъ: *бѣс* печали, гдѣ *ѣ* явилось подъ вліяніемъ сочетаній въ родѣ *бѣздьна*; въ Сборникѣ к. XVI в. Син. Библ. № 937: *пустило*, *дустался* (срв. соврем. галицк. *дiстати* и т. п.). Въ послѣднемъ случаѣ (какъ и въ *бѣс* печали) мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, съ вліяніемъ однихъ словъ на другія.

Также надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ не осталось безъ дѣйствія на собственныя имена, перешедшія къ намъ не ранѣе X вѣка изъ греческаго языка, какъ показываютъ и данныя памятниковъ: галицкая грамота 1378 г.: Федутъ, Нестюръ, и современные малорусскіе говоры: украинск. *Вiвдя* (изъ др.-русск. Овьдокья или Овъдокья), *Хiвря* (изъ др.-русск. Ховьронья или Ховъронья), *Івга* (изъ др.-русск. Евьгенья) и др.

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить одно слово, гдѣ, вслѣдствіе исчезновенія глухаго, удлинилось *о*—такъ называемый соединительный гласный. Это укр. *макiтра*, сѣв.-малор. *макуотра* макотерка, изъ *мако*-тьра.

Можетъ быть, кромѣ *е* и *о*, въ галицко-волынскомъ говорѣ, при тѣхъ же условіяхъ, подверглись удлиненію и всѣ другіе гласные, не восходящіе къ глухимъ; но ни древніе памятники, ни современные малорусскіе говоры не даютъ намъ относительно этихъ гласныхъ достаточно ясныхъ указаній.

Возникновеніе новыхъ глухихъ **ъ** *и* **ь** тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, имѣло своею причиною ослабленіе (а потомъ исчезновеніе) глухихъ звуковъ въ концѣ словъ, результатомъ котораго иногда явились неудобопроизносимыя сочетанія согласныхъ. Новые глухіе мы видимъ въ огъпь, откуда огонь (древн. *огнь*), угъль, откуда уголь (древн. *уголь*), вълъхъвъ, откуда волховъ (Чудовской сб. XIV в. № 23, лл. 169 об., 172 об.), мьрътъвъ, откуда мертовъ (Ев. 1393 г. 144 об.; древн. *мьрътвъ*), молитъвъ, род. мн., откуда молитовъ

(Рязанск. Кормчая 1284 г. 80 об., 174; древн. *молитвъ*), помыслъ, откуда помыселъ (древн. *помыслъ*), остьръ, остёръ (древн. *остръ*), хытьръ, хитёръ (древн. *хытръ*), тѣсьнъ, тѣсенъ (древн. *тьснъ*), любьзнъ, любезенъ (древн. *любьзнъ*), дъсъкъ, досокъ, земьль, земель, капьль, капель, сестьръ, сестёръ (древн. *дъскъ*, *земль* и т. д.), др.-русск. седьмь (Слово Ипполита объ антихристѣ XI—XIII в.), а также, подъ вліяніемъ подобныхъ словъ и формъ,—въ словахъ и формахъ угольный, уголёкъ, др.-русск. молитовникъ, земельный, земелька, капельный, капелька, др.-русск. седьмый (съ нотою на ь, въ Тріоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8), искорка, весельце, весёлко и т. п. Качество новаго глухаго зависѣло отъ вліянія словъ съ сходными окончаніями, имѣвшими древніе глухіе; напримѣръ, въ *тьснъ* возникъ ь (а не ъ) вслѣдствіе вліянія бѣдьнъ, плотьнъ и т. п. Повидимому, были слова, въ которыхъ вслѣдствіе разныхъ вліяній въ однихъ говорахъ возникъ ъ, въ другихъ ь; срв. соврем. великор. узолъ и узелъ, сосонка и сосенка.

Кромѣ глухихъ, кое-гдѣ возникли прямо чистые гласные; по крайней мѣрѣ, объ *о* въ началѣ словъ, тамъ, гдѣ происшедшее вслѣдствіе исчезновенія глухихъ стеченіе согласныхъ было неудобно для произношенія, есть основаніе думать, что оно не восходитъ къ болѣе древнему ъ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: в день *о*вторникъ, подъ 1305 г.; бѣлорусск. Познанскій сборникъ XVI в.: на *о*второкъ, ув *о*воторокъ;, современн. сѣв.-великорусск. *о*вторникъ, малор. вівторокъ (*і* изъ *о* не изъ ъ), бѣлор. *о*второкъ.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Исчезновеніе глухихъ повело также къ образованію плавныхъ гласныхъ (сонантовъ). Въ древнерусскомъ языкѣ плавные гласные первоначально были, кажется, во всѣхъ говорахъ, тамъ, гдѣ прежде плавный согласный имѣлъ *после* себя глухой, т. е. въ группахъ въ родѣ согласный+*ръ*+согласный. Въ великорусскомъ нарѣчіи можно указать, какъ на имѣвшія когда то плавный гласный,—на слова *Исковъ*, *кстить*, несомнѣнно изъ Плсковъ (съ мягкимъ *л*), Пльсковъ, крстити (Лаврентьевск. сп. лѣт.: еси хрстилъ 243; новгородск. Апостолъ 1391 г.: крстихомъся 79 об.), крьстити; сверхъ того, псковской Трефолой 1446 г. имѣетъ воскрсити 52, изъ воскрьсити, а новгородск. Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434—скргжетъ 44 об., изъ скрьжьтъ. Можно еще отмѣтить падежныя формы сравнит. степ. *льпши*: лѣпшіи, — ихъ и др. въ

Лаврент. сп. лѣт. 241, 242, лепьшихъ въ Новгородск. лѣт. XIV в., изъ лѣпльшии и т. д. Для западно-русскихъ говоровъ мы имѣемъ данныя въ формѣ кр*в*и въ Псалтыри 1296 г.: мужа *крви* 6 об., взиская *крви* ихъ 17, отъ мужь *крви* 115 об., и въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: розлитье *крви*, и т. п., и въ словѣ кр*в*авый, въ томъ же Статутѣ. Впрочемъ примѣры изъ Статута могутъ быть отнесены на счетъ польскаго вліянія (срв. польскую ф. род. ед. krwi). Въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ нѣкогда также были случаи образованія плавнаго гласнаго: Галицкое Ев. 1144 г.: х*р*'щахуся 5 об., х*р*'щенье, х*р*'щю 6 и т. п.; Христинопольскій Апостолъ XII в.: хр'щенье 30; Галицкое Ев. 1283 г.: воскр*с*ніе 2 об., въ ускр*ш*ѣные 6 об., въскр*ш*ю 10, вскр*с*и 69 об.; жена кр*в*оточива 35 об., на утр*н*ици 99; Поликарпово Ев. 1307 г.: кр*в*е, кр*в*и; Луцкое Ев. XIV в.: кълнеться. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій *r* въ k*r*wi и т. п. Въ настоящее время плавные гласные въ серединѣ словъ встрѣчаются только на юго-западной окраинѣ территоріи русскаго языка—у галицкихъ лемковъ: кр*в*и, кр*с*тити.

Памятники показываютъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ плавные гласные очень рано превратились въ слоги *ър*, *ър* и т. д., откуда *ор*, *ер* и т. д. Ростовское Житіе Нифонта 1219 г.: г*ър*тань 43 об.; Апостолъ 1220 г.: г*ър*тань 21; Псалтырь 1296 г.: г*ор*тань 7, 38 об. и др., соврем. великорусск. г*ор*тань (изъ г*р*тань, г*ръ*тань; срв. въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: г*ры*тань); соврем. велик*ор*. ст*ер*жень, при ст*р*ежень (изъ ст*ръ*жень).

Плавные гласные, образовавшіеся въ началѣ словъ и формъ (если находившіяся передъ ними въ фразѣ слова и формы оканчивались на согла́сный), иногда превратились въ слоги *ор*, *ол* или *ир*, *ил*: великор. *ор*жаной, *ольняной* (или *ольляной*), в*ольготный*, изъ *ръж*—, *лън*—, *лъг*—; бѣлор. *Ор*ша, изъ др.-русск. *Ръ*ша (Новгородск. лѣт. 7, Лаврент. сп. лѣт. 163); др.-русск. *Ольто* (зап.-русск. Радзивиловск. и Академическ. списки лѣт. XV в., при *Льто* въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 163); малорусск. украинск. *ір*вати, *ір*жати, *іль*няний, *Іль*вів*ъ* (г. Львовъ; срв. въ Ев. 1283 г.: праведнаго *Илва* 133, въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: *ил*вовьскый), *Ир*па (рѣка въ Черниговской губ., на которой нѣкогда былъ г. Ропескъ);

бѣлор. *иржа* (ржавчина; печатн. Ев. Тяпинскаго XVI в.: черъвякъ и *иржа* грізетъ), и др.

Исчезновеніе чистыхъ **о** *и* **е**. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ, при склоненіи образовались съ одной стороны—падежныя формы съ такъ называемыми бѣглыми *о* и *е* (изъ *ъ* и *ь*) и съ другой—падежныя формы безъ этихъ *о* и *е*, напримѣръ: сонъ и сна, сну; песокъ и песку, пескомъ; ленъ и льна, льну; конецъ и конця, концю. Чередованіе большого количества формъ съ *о* и *е* съ формами безъ *о* и *е* повело къ тому, что нѣкоторое количество словъ, имѣвшихъ древнее *о* или *е*, стали выбрасывать эти звуки въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во множеств. числѣ. Такимъ образомъ образовались при склоненіи формы безъ *о* и *е*: ровъ (*о* древнее), старая форма родит. пад. рова, новая—рва; ледъ (*е* древнее), старая форма род. п. леда, новая — льда; камень, старая форма род. п. камене, новая—камня. То же произошло со словами потолокъ (срв. притолока), просторонъ (=ц.-сл. пространъ; Галицк. Ев. 1283 г.: просторона врата), ремень (духовная Дмитрія Донскаго: безъ ремени, съ ременемъ), гребень (сборн. Имп. Публ. Библ. XV в. Q. I. 1000: желѣзными гребени 104 об.), корень, перстень, плетень, селезень, пепелъ, хохолъ (пол. chochoł, чешск. chochol), шесть, олень, урокъ (на великорусскомъ сѣверѣ род. п. шти, ольня́, урка́) и т. п. Новыя формы развились въ однихъ русскихъ говорахъ въ большемъ числѣ, въ другихъ въ меньшемъ; легко замѣтить, что великорусскіе говоры имѣютъ ихъ больше, чѣмъ малорусскіе и бѣлорусскіе. Появленіе этихъ формъ относится ко времени недалекому отъ эпохи исчезновенія глухихъ; въ новгородск. Милятиномъ Ев. 1215 г. мы находимъ: *съмне* (род. отъ *съмя*) 62 об.; въ ростовскомъ Житіи Нифонта 1219 г.: на *камъни* 75 об., 131 об. (тамъ же камьние 66, 71 об. и др.; однако сравни въ церк.-слав. Синайской Псалт.: на камні 84, имни 136, камьньѣ 227); въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: въ *рвъ* 31 об., 74; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ *шти* епископъ 132, *шти* на дьцять лѣтъ 177 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ *рвы* 41 об.; въ Псалтыри 1296 г. (вѣроятно, западнорусской): въ *рвъ* 183.; въ Словахъ Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ.: *рва* 139 об.; въ Евангеліи 1358 г.: прежде *штии* (читай: шти) день пасхи 157; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: по *шти* 150 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: стадии *шти* десять 2 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: во *рвъ*, *рѣва*, *рва*, 132, 99,

168; въ Прологѣ 1432 г. Публ. Библ.: перстьнемъ (тв.) 146; въ Домостроѣ: алтынъ пяти — *шти* 118; въ сѣв.-великор. грамотѣ 1571 г.: *уркомъ* Ак. Юр. 56.

Замѣна **и** *чрезъ* **е**. Исчезновеніе чистаго *и* послѣ гласныхъ въ серединѣ словъ послужило къ тому, что при склоненіи одни падежныя формы этихъ словъ стали звучать съ *j* вмѣсто *и* (точнѣе: вмѣсто *ји*), между тѣмъ какъ другія сохранили древнее *и*. Такимъ образомъ получилось чередованіе формъ съ *j*: займа (род.), займу (дат.), злодѣйска, злодѣйску, бойця (род.), покойна (женск. р.), тройка, тройкою, яйце, яйца и т. д., и формъ съ *и* какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: займъ (им.), злодѣискъ (им.), бойць, покоипъ, троикъ (род. мн.), яйць, очень сходное съ чередованіемъ формъ безъ *е* и формъ съ *е*, въ родѣ льна—ленъ, Курьска—Курескъ, купьця—купець, сильна—силенъ, крошка—крошекъ, крыльце—крылець. Послѣднее оказало вліяніе на первое, слѣдствіемъ чего было появленіе въ немъ *е* вмѣсто *и*: заемъ, злодѣескъ, Можаескъ (духовная Ив. Калиты), боецъ, покоенъ, строенъ, троекъ, яецъ. Формы съ *е* появились у насъ очень рано; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: июдѣескъ, самарѣескъ, галилѣескъ; въ Ев. 1317 г.: июдѣескъ 3 об., и т. п.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: переемъ; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ богоубиець 265 об.; въ Измарагдѣ XIV в.: отъ запоець 51 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: отчеубиець 165; въ Ев. 1358 г.: злые-тъ рабъ 62; въ Прологѣ XIV в. Син. Б. № 247: подвижные-сь старець 278 об. Но это не помѣшало нѣкоторымъ формамъ съ *и* сохраниться до нашего времени: московское яйцъ (рядомъ съ великорусск., бѣлор. и малор. яецъ). Формы съ *е* вмѣсто *и* одного ряда словъ передали это *е* своимъ производнымъ; такимъ образомъ эти послѣднія стали звучать также съ *е* вмѣсто *и*: великор. заёмный, воённый, троечка, яечко. Рядомъ мы встрѣчаемъ: взаимный, воинственный, яичко, яичница. Изъ формъ съ *е* другого ряда словъ это *е* перешло въ ближайшія формы тѣхъ же словъ, такъ что получилось: великор. пріёмъ—пріёма, пріёмы и т. д., водоёмъ—водоёма и т. д.

Переходъ глухихъ въ чистые. Мы указали, гдѣ глухіе *ъ* и *ь* исчезли. Во многихъ случаяхъ глухіе сохранились и потомъ перешли въ чистые: *ъ* въ *о*, *ь* въ *е*. Переходъ *ъ* и *ь* въ *о* и *е* произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ *ъ* и *ь*: памятники XI в.

и начала XII в., имѣющіе сравнительно немало словъ безъ *ъ* и *ь*, или совсѣмъ не знаютъ замѣны *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, или даютъ крайне ограниченное число ея примѣровъ, которые всѣ однородны съ находящимися въ церковно-славянскихъ памятникахъ и потому могутъ считаться за перешедшіе въ русскіе списки изъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; только Минея 1095 г. имѣетъ такой случай, подобныхъ которому нѣтъ въ церковно-славянскихъ текстахъ: жестосерьдыимъ 122. Онъ указываетъ, можетъ быть, только на близость *ъ* къ *о*, *ь* къ *е*. Данныя памятниковъ второй половины XII в. дѣлаютъ несомнѣннымъ, что въ это время *ъ* и *ь* уже перешли въ *о* и *е*. Мы читаемъ въ новгородскомъ Стихирарѣ 1157 г.: цьрковь, цьркови, сладокъ, троическую, неплодове, вьртепе, начатокъ, съвокупляється и т. под.; въ надписи на крестѣ 1161 г.: кровь; въ галицко-волынскомъ Добриловомъ Ев. 1164 г.: испервa, съмерти, плоть, исполнь, весь (vicus), силенъ, агнець, темницю, ото съмерти, ко мнѣ, со мною. Рядъ памятниковъ, написанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси съ конца XII по конецъ XIV вв., чаще или рѣже употребляетъ буквы *ъ* и *о*, *ь* и *е* безразлично, одну вмѣсто другой; къ нимъ принадлежатъ договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., Галицкое Ев. 1283 г., нѣкоторыя изъ двинскихъ грамотъ XIV—XV в., нѣкоторыя изъ галицкихъ (южнорусскихъ) грамотъ того же времени.

Вмѣсто замѣны *ъ* и *ь* чрезъ *о* и *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ, послѣ *р* и *л* (если изъ нихъ почему-нибудь не образовалось плавныхъ гласныхъ), мы видимъ замѣну *ъ* и *ь* черезъ *ы*; такъ, мы читаемъ въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: кр*ы*вавый, кр*ы*вавъ, гдѣ мы видимъ *ы* на мѣстѣ древняго *ъ* (*ри* надо читать какъ *ры*); въ галицко-волынскомъ Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: ябл*ы*ко 5 об., 6; въ галицко-волынскомъ Луцкомъ Ев. XIV в.: скр*ы*жетъ (*ы* на мѣстѣ *ъ*); въ галицкой грамотѣ 1424 г.: др*ы*ва, изъ др*ъ*ва; въ западно-русскомъ Сборникѣ XV в. (Румянц. Муз. № 406), списанномъ съ южно-русскаго оригинала: сл*ы*зы, изъ сл*ъ*зы; въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: гр*ы*тань, изъ гр*ъ*тань, др*ы*жаху, изъ др*ъ*жаху; въ западно-русской Псалтыри XVI в. (Рум. Муз.): бр*ы*ви 14 об., др*ы*жали 16,—ти 18 об.; въ западно-русскомъ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в.: стр*и*вожился, др*и*жачи, скр*и*шивше склепіцу, бл*ы*щачися, скр*и*гичетъ зубы своими; въ западно-русскомъ Познан-

скомъ сборникѣ XVI в.: стрьмя (=стрѣмя), покрьшилъ; въ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ лѣт. XVI в.: брьнѣ (=брѣнѣ; Лѣтопись по Ип. сп. 595); въ южно-русскомъ Лексиконѣ Памвы Берынды XVII в.: стрьжѣнь (=стрѣжень). Повидимому, переходъ *ъ* и *ь* въ *ы* первоначально имѣлъ мѣсто только въ неударяемыхъ слогахъ; сравни въ гал.-волын. Тріоди XIII в. Синод. Библ. Усп. № 8: тр*о*сть, сл*е*зъ, и т. п.

Замѣна глухихъ чер*е*зъ *ы*, нерѣдкая въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ, въ памятникахъ сѣверно-русскихъ неизвѣстна; она почти неизвѣстна и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ; ср*ѣ*в. въ говорахъ бѣлорусскихъ: кр*ы*вавый, кр*ы*ви́, род. отъ кр*о*вь, др.-русск. кр*ъ*вь, кр*ы*шка=кр*о*шка, кр*ъ*шька, прогл*ы*чу=гл*о*чу, гл*ъ*чю, тр*ы*стинка=тр*о*ст—, тр*ъ*ст—, бл*ы*хъ, род. отъ бл*о*ха, др.-русск. бл*ъ*ха; въ говорахъ малорусскихъ: кр*и*вавий, чорнобр*и*вий, др*и*ва (дрова), др*и*жати, кр*и*шка и т. п.

Переходъ *е* въ *о*. Древнее *е*, вмѣстѣ съ нимъ и *е* изъ *ь*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* мало-по-малу стало переходить въ *о*.

Это новое *о* мы встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XII—XIII в., кіевскихъ и неизвѣстнаго происхожденія (чоловѣка, Святославовъ Сборникъ 1073 г. 179, вѣроятно, описка): въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ XII в.: съкажомъ 22, блажонъ 99, мужомъ 21, бывъшомъ 24, звѣздочьтьцомъ, хытрьцомъ 5, раздѣливъшомъся (дат.) 40, дьржащом 164; въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII в.: врѣжонъ, врежонъ 4 об., съврьшонъ 52 об., отпущонъ 56 об., пущонъ 61, осужонъ 58, движомъ (прич.) 66 об., имущомъ (дат.) 1 об., служащомъ 13 об., путьникомъ пришьдъшомъ и вино носящомъ 13 об., шьдъшомъ 21 об., вѣровавъшомъ 33, врачомъ 68 и др.; въ Лѣствицѣ XII в. (Рум. Муз. № 198): борющомуся 10 об., носящому 12 об., рекшому 14 об., нерасужающомъ (дат.) 6, въспрѣщающомъ (дат.) 54 об.; въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: приемшому 37, стоящомъ 73 об., пожившомъ 26 об., сърящомъ (1 л. мн.) 35 об.; въ Толстовскомъ сборникѣ XIII в.: келиномъ устрьмлъшомъся ва Троаду и съвъкупльшомъся 184 об. Необходимо имѣть въ виду, что изъ приведенныхъ примѣровъ въ значительной части (во всѣхъ формахъ дат. п. ед. и мн.) *о* можетъ быть объясняемо какъ слѣдствіе не перехода *е* въ *о*, а вліянія формъ твердаго склоненія на формы мягкаго склоненія.

Въ памятникахъ галицко-волынскаго говора XII—XIV в. случаи употребленія *о* изъ *е* также встрѣчаются: въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в.: имущ*о*му 85; въ Выголексинскомъ сборникѣ XII—XIII в.: движющ*о*муся; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: послѣдующ*о*му; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. пришодъши, чорныи, ничого, чоботомъ, у Зудечонѣ. Относительно галицкихъ грамотъ надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ нихъ замѣтно вліяніе офиціальнаго литовско-русскаго языка стараго времени—бѣлорусскаго парѣчія, и что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго вліянія.

Въ памятникахъ западно-русскихъ мы также находимъ случаи употребленія *о* изъ *е* (вѣроятно, въ нихъ *о* только подъ удареніемъ звучало какъ *о*); такъ, въ западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV вв. мы читаемъ: нашого, чотыриста, чоломъ, чого; въ одномъ изъ западно-русскихъ памятниковъ XV в.—въ Четьѣ 1489 г.—употребленіе *о* вмѣсто *е* встрѣчается сравнительно очень часто, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ грамотахъ оно почти не встрѣчается: повед*а*ючо, даючо, радуючося, молячося, поючо, учившо, слышавшо и т. п.; въ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в. употребленіе *о* вмѣсто *е* также очень часто: жоны (род.), чужоложницою (тв.), чотырнаднать, мовечого (род.), крічачого, сердцо и т. п.

Если мы обратимся къ памятникамъ полоцко-смоленскимъ, то и тамъ найдемъ *о* изъ *е*, именно въ смоленскихъ грамотахъ 1284 г., гдѣ читается: вашому, нашому, немьцомъ; въ полоцкой вкладной XIV в. (въ Погодинскомъ Ев. № 12): ажо, и въ полоцкой грамотѣ князя Ануфрія конца XIV в.: Соменьцо озеро.

Въ близкихъ къ этимъ памятникамъ памятникахъ средне-русскихъ: ростовскихъ, рязанскихъ, московскихъ и друг., *о* изъ *е* сравнительно часто. Мы читаемъ въ Учительномъ Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. (вѣроятно, ростовскомъ): съвьрьшонъ 68 об., приключьшомъся (дат.) 79 об., жонъ и дѣтиі 81, намъ приступающомъ 82, сущомъ 84 об., вълѣзъшомъ 85, крьщонъ 86, вѣрующому 88 об., приходящомъ 89, ѥжо 107 об., чоловѣчьскыи 211, чоловѣка 123; въ Житіи Нифонта 1219 г.: сопущому 125 об., умьрпому 126 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: въставъшому 33, вѣрующому 51, творящому 64 и др.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: ащо 37 об., трижѳнцомъ 174 (дат. мн.), хотящому 63, 97, осквернъшо-

муся 67, мнящому 76 (и еще нѣсколько подобныхъ формъ дат. ед.); въ Ев. 1354 г.: ни о комъ жо 68, врачовъ, глаголашо бо, апцо 72 об., шедшо, он жо 74, бѣ жо ядущихъ 78 об.; въ Ев. 1357 г.: рожоноіе 3 об., лжомъ свѣдителемъ 137 об., 144 об.; въ Ев. 1358 г.: жонъ; въ московскомъ Ев. 1393 г.: шодъ 47, пришодъ 41 об., 45, 45 об., 68, 95 об., 100 об., 103, 116, пришодше 43 об.; пришодшо 46 об., 72, пришолъ 42 об., собрашо, одежою 69 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: пришодъшема (дв.) 26, доступившо 268; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: жолчью 17 об.; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицк. Лавры № 3): пищою 18 об., пищота 25 об., 36 об., развращоно 31, папишоть 34, щодръ 35, низъшодъ 46. Сверхъ того, *о* изъ *е* мы находимъ въ старшемъ московскомъ памятникѣ — въ духовной Ивана Калиты: Данилищова свободка, Матфѣищовьскоіе село.

Въ памятникахъ новгородскихъ замѣна *е* черезъ *о* также встрѣчается: Прологъ 1262 г.: зъвавъшому 49, пришьдъшому 54, пославъшому 67 об., съшьдшому 124; Кормчая ок. 1282 года: лежащому 445 об.; Ев. 1355 г.: жонъ 46 об., шодъ 60 об., 90, шодъше 77, шодъша 83, ошодшима 64, жерцомъ 66 об.; договоры Новгорода съ тверскими князьями XIV в.: Торжокъ, рубежомъ, чорныхъ, новгородцевъ; грамота къ нѣмцамъ 1392 г.: купьцовъ, купьчовъ; Сильвестровскій сборникъ XIV в.: пришолъ есмь 56 об., тяжокъ 164 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: Тържъкъ 161; двинская рядная XIV—XV в.: княжоостровьчовъ (род.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что переходъ *е* въ *о* произошелъ только послѣ шипящихъ и *ц*; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчаются обмолвки, которыя показываютъ, что онъ имѣлъ мѣсто и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Древне-русскіе писцы не умѣли передавать *о* послѣ этихъ согласныхъ (точно такъ же, какъ не умѣемъ передавать и мы), и потому, если рѣшались изображать *о*, должны были или прибѣгать къ какому-либо особому способу изображенія этого *о*, или отказываться отъ изображенія мягкости согласнаго. Мы читаемъ въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: дньотъ=днётъ=дьнь-ть; въ новгородск. Ев. до 1362 г.: Ꙗлеоны 155 = Елёны, сравни Олёна; въ коломенск. Палеѣ 1406 г.: Ꙗлеона, Ꙗлеонѣ 41; въ новгор. Прологѣ 1356 г.: яромъ 83 об.=ярёмъ; въ новгородскомъ Ев. XIV в. Тип. Б. № 11:

серобро, запись; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: на сомъ Поморьи, по сому доконьцанию; въ полоцкой грамотѣ княгини Андреевой к. XIV в.: князя Семона; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: озора, за моромъ, рубловъ; въ Ипатск. сп. лѣт.: въ Кановѣ 268 (=въ Канёвѣ). Въ послѣднихъ примѣрахъ *о* передаетъ звукъ *о*, но остается не переданною на письмѣ мягкость согласныхъ.

Если мы обратимся къ современному русскому языку, то увидимъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе *о* вмѣсто *е* сравнительно рѣдко и ограничивается довольно небольшимъ количествомъ случаевъ, которые невозможно подвести ни подъ какое опредѣленное правило; можно только сказать, что *о* изъ *е* является наиболѣе часто тогда, когда за *е* слѣдуетъ твердый согласный; его мы видимъ обыкновенно послѣ шипящихъ и іота: украинск. жовтий, нічого, чорний, чобітъ, чоловікъ, вчора, шовковый, моёго (рядомъ: желати, жену, 1 л. ед., Боже, зв., вже, чесати, чепурний, чепкий, більше, шепнути, щепати и др.); но есть случаи употребленія *о* изъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ: украинск. лёнъ, слёзи, трёма, сёмий. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе *о* изъ *е* не находится въ зависимости отъ ударенія и равно можетъ быть и въ ударяемыхъ, и въ неударямыхъ слогахъ.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, которыя а́каютъ, *о* на мѣстѣ древняго *е* въ настоящее время зависитъ отъ ударенія и является лишь тогда, когда находится подъ удареніемъ въ концѣ слова или въ серединѣ слова передъ твердымъ согласнымъ. Впрочемъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ съ неполнымъ а́каньемъ (юго-западныхъ) встрѣчается *о* и безъ ударенія въ такихъ случаямъ, какъ се́рцо, зе́ллё, ше́рьё.

Въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ употребленіе *о* изъ *е* сходно съ употребленіемъ его въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, т.-е. его мы слышимъ постоянно подъ удареніемъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ, когда за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ; но сверхъ того, мы находимъ значительное количество случаевъ *о* изъ *е* въ слогахъ неударяемыхъ, по преимуществу также въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Напримѣръ, слышится въ олонецкомъ говорѣ: жона́, племя́нничокъ, кре́стничокъ, чоловѣ́къ, ёго́, ёму́, по́лё, сёстра̀, бзёро, игу́мёнъ (Онежскія былины, записанныя Гильфердингомъ); въ пермскомъ

говорѣ: платьё, мо́жотъ, тоскуёшь, ищ*о*шь, по́стой *жо*; въ говорахъ Тверской и Владимирской губ.: нёсу, тёпло, стёкло, сиди́тё, пойдём-тё.

Если мы сопоставимъ случаи употребленія *о* изъ *е* въ древнерусскомъ языкѣ съ случаями употребленія его въ современномъ русскомъ языкѣ, то увидимъ, что первоначально въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ *о* образовалось изъ *е*, когда это *е* находилось въ концѣ слова или когда за нимъ слѣдовалъ твердый согласный звукъ, безразлично, имѣло ли оно на себѣ ударе́ніе, или было неударяемымъ. Но съ теченіемъ времени, когда началось аканье, въ тѣхъ говорахъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, неударяемое *о* изъ *е* исчезло, перейдя въ *а*. Такимъ образомъ, въ этихъ говорахъ сохранилось только ударяемое *о*, которое является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ концѣ словъ или въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными. Къ послѣднимъ въ эпоху образованія *о* изъ *е* еще не принадлежали шипящіе и *ц* и потому мы имѣемъ великор. мятежъ, смежный, чешетъ, брешетъ, головешка, щебечетъ, печь, плещетъ, лещъ, отецъ, молодецъ и т. п.; случаи съ *о* на мѣстѣ *е* въ родѣ платёжъ, ёжъ, ёжиться, одёжа (рядомъ: одежа), лепёшка (рядомъ: лепешка), идёшь (рядомъ: идешь), тёща (рядомъ: теща), не смотря на свою многочисленность, почти всѣ могутъ быть легко объяснены дѣйствіемъ аналогіи, получившимъ особенную силу послѣ отвердѣнія *ж* и *ш*.

Изъ правила употребленія *о* изъ *е* въ великорусскихъ говорахъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными подъ ударе́ніемъ—есть много исключе́ній, которыя распадаются на двѣ группы: въ однихъ мы видимъ сохране́ніе *е*, гдѣ ожидали бы видѣть *о*; въ другихъ находимъ *о*, гдѣ ждали бы *е*.

Къ случаямъ, гдѣ сохранилось *е*, прежде всего относятся слова, вошедшія въ народный языкъ изъ книжнаго языка, отчасти церковнославянскаго происхожде́нія: вредъ, членъ, пещера, все́нощная, вертепъ, же́ртва, ковчегъ, крестъ, небо, небесъ, блаженъ, шествовать, левъ (хотя собственное имя звучитъ: Лёвъ), житіе, королева, предметъ (послѣднія два слова—полонизмы,=польск. królowa, przedmiot),—и малоупотребительныя собственныя имена въ родѣ Орестъ, Афиногенъ, Парменъ, Мамелфа, Манефа (при Пётръ, Олфёръ, Оксе́нъ, Савёлъ, Ѳёкла, Матрёна, Олёна). За этими случаями нужно поставить тѣ, въ которыхъ за *е* нѣкогда слѣдовалъ мягкій согласный

звукъ, тѳперь въ московскомъ говорѣ уже отвердѣвшій: почтенный (изъ почьтеньный), душевный, плачевный, царевна, любезный, бѣлозерскій, земскій, женскій, судебный, учебный (иногда, впрочемъ, говорятъ и учобный), жемчугъ (изъ жьнчюгъ). Сюда же относится рядъ словъ со 2-мъ полногласіемъ, гдѣ *р* тѳперь въ московскомъ говорѣ звучитъ уже твѳрдо: верхъ, первый, серпъ, стерва, чѳтвергъ, ущербъ (=вьрьхъ, вьрьхъ...). Далѣѳ слѣдуютъ слова съ дѣйствительнымъ или мнимымъ отрицаніемъ *не*: нѳ́водъ, нѳ́нависть, нѳ́хотя, нѳ́дорослъ, нѳ́учъ, нѳ́слухъ; вѳсьма возможно, что здѣсь *е* сохранилось подъ вліяніѳмъ тѣхъ случаѳвъ употрѳбленія отрицанія подъ ударѳніѳмъ, въ которыхъ за *е* слѣдуѳтъ мягкій согласный, т. ѳ. случаѳвъ въ родѣ невидаль, нечѳтъ, нехристь; сравн. вѳликорусск. щелка (рядомъ съ щолка) при щѳ́ль, щепка; щѳ́пы при щепь, отмѳстка при мѳсть, шестъ (бѣлор. шостъ), нашестка при шестикъ, бѣлор. елка (рядомъ съ вѳликор. ёлка) при ель. Ещѳ далѣѳ—слова съ прѳфиксомъ *без*: бѳ́зтолочь и т. п. (срв. бѳ́зъ году, бѳ́зъ дыму и т. п.). Наконѳцъ, нѳрѳдъ нами сѣв.-вѳликор. формы 2 л. мн. на *е́*: ѳстѳ́, спитѳ́, хотитѳ́, рядомъ съ которыми обычны формы на *о́*: сѣв.-вѳликор: спитё, хотитё и т. п., стар. сѣв.-вѳликор. естё (суздальская грамота 1621 г.: ѳсто=естё Ак. Арх. Э. III, 167), бѣлор. стоицѐ, сидзицѐ и т. п.; вѣроятно, *е* сохранилось первоначально въ формахъ возвратнаго залога, въ родѣ видитѐся, а потомъ нѳрѳшло и въ формы дѣйствитѳльнаго залога, въ родѣ видитѐ.

Слѣдующіѳ случаи сохранѳнія *е* принадлѳжатъ къ числу мнимыхъ исключѳній, гдѣ мы пишемъ *е*, но гдѣ надо было бы писать *ъ*: блъскъ (срв. польск. bl*a*sk), бръдъ, бръзгать, тръскъ, тръскать (ѣсть; срв. малор. трiскать), вътхій, вътошь (Кормчая ок. 1282 г.: вътхыи 588; Ев. 1339 г.: вътъхы мѣхы, ризѣ вътъсѣ 38; лит. vẽtušas; рядомъ ц.-слав. ветъхъ, сѣв.-великор. вётхой, пол. wiotchi, лат. vetus), ночлъгъ, (Лаврентьевскій сп. 155: ночлъıгъ; срв. малорусск. ночлiгъ,—га), опъка (срв. малор. опiка), пъкарь, пъстъ (срв. польск. p*ia*st), клъстъ (корѳнь тотъ жѳ, что въ клъть, клътка, клъщи и т. п.; въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ находимъ звуки, восходящіѳ къ *ъ*: сербск. клиjешти), мълкій (Лаврент. сп. лѣт. 295: мълка; срв. церк.-слав. мълъкъ, малорусск. мiлкий, польск. m*ia*łki), вънкпа (срв. др.-русск. вънкъша), нѝкогда (=нѣтъ врѳмѳни), пѝкому, нѝкого и т. п. (здѣсь *нъ*=нѣсть, 3 л. наст. вр.; срв. сѣв.-вѳликор. ѐкогда, ѐкому = есть когда, ѳсть кому), формы

род. и вин. п. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій мен*ѣ*, теб*ѣ*, себ*ѣ* (здѣсь виденъ результатъ вліянія другихъ древне-русскихъ формъ род. ед. съ *ъ*: земл*ъ*, душ*ъ*), нарѣчіе вообще, вобче́ (здѣсь мѣстн. п.; срв. въ Русск. Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ обчи, 33). Сверхъ того, не слѣдуетъ считать исключеніями тѣхъ словъ, которыя у насъ иногда пишутся съ *е*, какъ безмѣнъ (малор. безмінъ,—іна, польское bezmian ясно указываютъ на *ъ*); л*ъ*са, л*ѣ*ска (сравни ц.-сл. л*ъ*са, рѣшотка, польск. laska, вѣтка); л*ъ*карь (нѣтъ ни малѣйшаго основанія писать *е*). Нарѣчный суффиксъ *дъ* въ словáхъ гд*ъ*, нигд*ъ*, везд*ъ* пишется нами вполнѣ правильно съ *ъ*, какъ онъ является и въ древне-русскихъ (сѣверно-русскихъ) памятникахъ. Онъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ различный видъ: въ церковно-славянскомъ и малорусскомъ онъ звучитъ де, въ сербскомъ и великорусскомъ *дъ*.

Другаго рода исключенія, гдѣ *о* является вмѣсто ожидаемаго *е*, всѣ объясняются болѣе или менѣе легко дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, *о* вмѣсто *е* въ формахъ зовёте, идёте (2 м. мн.), зовётъ, идётъ (3 л. ед.) можетъ быть объяснено вліяніемъ формъ зовёмъ, идёмъ и др.; точно такъ же объясняются случаи въ родѣ на клёнѣ, въ черноземѣ, на берёзѣ (срв. клёнъ, чернозёмъ, берёза), ёй, моёй (дат.), (при ей, моей; срв. сѣв.-великор. ёму, моёму), горшочекъ (при горшечекъ; срв. горшокъ), щочка (срв. щóки, мн.), рублёвикъ (срв. рублёвый), тётя (срв. тётка), околёсица (срв. колёса), ранёшенько, бѣлор. ранёсенько (срв. ранёхонько), бѣлёшенько, бѣлор. бѣлёсенько (срв. бѣлёхонько); точно такъ же, наконецъ, объясняются и тѣ случаи, гдѣ *о* стоитъ не на мѣстѣ *е*, а на мѣстѣ *ъ*: её, тое, самое, всёе (при ее́, тое́ и т. д.; род. и вин. пад.); здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе существовавшія нѣкогда формы род. и вин. пад. менё, тебё, себё (а можетъ быть, и формы тѣхъ же пад. на *ого*, *ово*: *того*, *тово*). Случаи въ родѣ звёзды, гнёзда, вёдра (то же въ бѣлорусск.), рядомъ съ которыми слышится звéзды, гнéзда, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ существительныхъ: чередованія звезлá—звёзды, гнездó—гнёзда, ведрó—вёдра были вызваны чередованіями въ родѣ жекá—жóны, сестрá—сёстры, весló—вёсла. Наконецъ, аналогіею объясняется также форма пріобрёлъ: чередованіе пріобр*ъ*ту—пріобрёлъ было вызвано чередованіями въ родѣ мету—мёлъ, веду—вёлъ.

Здѣсь должно указать на нѣсколько мнимыхъ исключеній. Въ формѣ сёдла (мн.), равно какъ въ осёдланъ, осёдлый, — *о* явилось правильно (древн. седьло; въ Поученіяхъ Кирилла Іерусал. XII в.: бе-седьла 117 об., въ церк.-славянск. Супрасльской рукописи: оседьлати; *ъ* здѣсь писали у насъ уже въ XIV в.: сѫдло Лаврент. сп. лѣт. 63; осѫдлавъ, осѫдла Паремейникъ 1378 г. 65 об., 99; осѫдлаѥть Палея 1406 г. 70), срв. сѣв.-великор. и бѣлор. бесёда и сѣв.-великор. сусёдъ (корень *сед-*). Форма цвёлъ также правильна, ибо *о* образовалось изъ *е*, а *е* изъ *ъ* (цвѣтѫ, цвѣлъ). Въ формѣ бёгъ (прош. вр. отъ *бѣжать*) *о* также правильно, ибо восходитъ къ древнему *е* (срв. сѣв.-малорусск. *бюог*ъ, гдѣ дифтонгъ изъ *ē*, *е*). Въ словахъ зёвъ, позёвывать, поддёвка, надёвывать (при поддевка, надéвывать) *о*, можетъ быть, также восходитъ къ *е*. Въ словѣ рёдька, какъ оно звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, *о* образовалось изъ *е*; срв. въ Пандектахъ Никона Черногорск. 1296 г.: редьковь 82 об., малор. редька, польск. rzodkiew, гдѣ *о* изъ *е*. Въ сѣв.-великорусск. сверёпъ *о* можетъ быть оправдано польскимъ swierzopa, swierzopka кобыла (*о* изъ *е*). Въ формѣ ослёпъ (она слышится въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ) *о* восходитъ къ *ъ*: срв. церк.-слав. ослѣпль; въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII в.: око ослѣпло 15.

Замѣчательно, что русское *е* не перешло въ *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *е* не было никакого согласнаго (даже jота), т.-е. въ началѣ словъ; въ великорусскомъ нарѣчіи слышится: это, эво, эдакъ, а не *ото*, *ово*, *одакъ*, въ бѣлор.—гэтотъ, гэтакъ и т. п.

Время начала перехода великор. и бѣлор. *е* въ *о* можно опредѣлить приблизительно. Это—та эпоха, когда *ъ* еще существовалъ какъ отдѣльный звукъ, отличный отъ *е*, но когда, послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* или перехода ихъ въ *о* и *е*, нѣкоторые изъ бывшихъ передъ ними твердыхъ согласныхъ успѣли ассимилироваться съ мягкими согласными слѣдовавшими за ними и смягчиться; *е* передъ подобными смягченными согласными не перешло въ *о*: великорусск. рѣшéтчатый, изъ рѣшетъчатый (срв. рѣшотка изъ рѣшетъка), лéхче, изъ лыъче (срв. лёгкій), шéпчешь, изъ шьпъчешь (срв. шопотъ), умéршій, изъ умьръш-, жéще, изъ жестъче.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ, кромѣ перехода въ *о* древняго *е* и *е* изъ *ъ*, совершился, также передъ твердыми согласными и

jотомъ, переходъ въ *о* — безъ сомнѣнія, долгое—*ē*, или новаго *ъ*. Примѣровъ этого перехода въ памятникахъ довольно много (укажемъ на формы дат. мн. жьрьцомъ въ Ев. XII—XIII в. Никольскаго монастыря № 150 л. 82, извольшомъ, отрѣкающомъся въ Выголексинскомъ сборникѣ, ѥдущомъ въ Поликарповомъ Ев., лъжомъ съвѣдителемъ 127 об., врачомъ 42, отрочищомъ 29, купьцомъ 58 об., младѣньцомъ 59, жерцомъ 67, 99, 104, старцомъ 133 об., 139 об., 146 об. въ Бучацкомъ Ев. XIII—XIV в., бывъшомъ въ Житіи Саввы XIII—XIV в. 411, смущающомъ 327, влѣзущомъ 271, младѣнцомъ 126, 141 об., старцомъ 107 об. въ Ев. Верковича XIV в. (Публ. Б.), на формы имен.-вин. ед. ковьчогъ въ Ев. Никольскаго мон. л. 74 об., размѣшонъ въ Поликарповомъ Ев., вечоръ 84 об., блажонъ 28 об., положонъ 6, 139, възложонъ 6, 55, отвержонъ 45 об., прокажонъ 100 об., въпрошонъ 56, свершонъ 73, украшонъ 64 об., съмѣшонъ 136, исѣчонъ 139, развращопъ 51 въ Бучацкомъ Ев., уражонъ въ Житіи Саввы 148, вечоръ, въсажонъ, осужонъ, положонъ, прокажонъ, отлучонъ, исечонъ, раздрѣшонъ, смѣшонъ, развращонъ въ Ев. Верковича, на формы род. мн. врачовъ 10, десять прокажонъ мужь 66 об. въ Бучацкомъ Ев., врачовъ 125, бъчолъ 150, жонъ въ Ев. Верковича, на формы 1 л. мн. можомъ 98, речомъ 85, хощомъ 90 об., въмещомъ 51 въ томъ же Ев. Верковича, гдѣ *о* должно быть объясняемо изъ *ē*), и это *ō* очень рано перешло въ дифтонги и *у*.

Переходъ *ō* въ дифтонги и *у*. Долгое *о*, и ударяемое, и неударяемое, развившееся въ галицко-волынскомъ говорѣ съ одной стороны изъ краткаго *о* (послѣ твердыхъ согласныхъ), съ другой—изъ *ē*, или новаго *ъ*, которое въ свою очередь возникло изъ краткаго *е* (послѣ мягкихъ согласныхъ),—мало-по-малу стало произноситься закрыто и приближаться къ *у*; наконецъ оно перешло въ дифтонги *уо́*, *у́о* и т. п. и въ *у*. Указывающія на это данныя находятся уже въ старшихъ рукописяхъ галицко-волынскаго происхожденія: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: вечеръ субутныи, щюдръ; Галицкое Ев. около 1266 г.: июдѣюмъ (дат.); галицкія грамоты XIV—XV вв.: унукумъ (дат.), друздъ, добровульно, торгувля, у Бышкувъскуи граници, Федутъ, зу дубровами, по нюи, на своюи, по божьюмъ нарожѣньѣ, у нашюмъ, грошювъ, Нестюръ, чтюпъ; молдавскія грамоты XIV—XV в.: при тум-то, быхумъ, слюбуюмъ, хочумъ (1 л. мн.).

Это *у* мы находимъ въ Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: тв*у*й, ст*у*й, в краснумь одѣаніи, н*ю*сль (ь=ъ), уздоровл*ю*пь, *ю*й, по с*ю*й сторонѣ, женц*ю*мь (дат.), злодѣ*ю*вь (род.); въ Сборникѣ конца XVI в. Син. Библ. № 937: зв*у*нъ, *у*стался, п*у*шло, скин*ю́*пъ съ неба и т. п., а также въ литературныхъ памятникахъ южно-русскихъ XVII и XVIII вѣковъ, львовскихъ и кіевскихъ: Наука объ уніи нач. XVII в.: (Рум. Муз. № 376): кост*ю*лъ, по н*ю*й; Плачъ альбо лямент*ъ* 1615 г.: въ славѣ добр*у*й, въ дом*у* сво*ю*мъ, въ н*ю*й, о н*ю*мъ; Вирши Берынды на Рождество Хр. 1616 г.: свѣдк*у*въ, старц*у*въ, въ н*ю*й, *ю*й, въ вс*ю*мъ, и т. п.; Вирши Кассіана Саковича 1622 г.: п*у*лночныи, крол*ю*мъ (дат.), непріятел*ю*мъ,—*ю*въ, въ н*ю*й и др.; интерлюдіи Георгія Конискаго XVIII в.: в*у*нъ, пост*у*й, т*у*лко и т. п. Срв. въ Протестаціи запорожскихъ казаковъ 1610 г.: язык*у*въ, вязн*ю*въ (Акты Ю. и З. Р. II). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, какой именно звукъ переданъ здѣсь черезъ букву *у*: дифтонгъ, или *у* долгое, кромѣ одного указанія Галицкаго Ев. 1283 г., памятника, къ сожалѣнію, крайне богатаго описками: азъ *о*тьци (=*у о*тьци=въ отьци) 24, 24 об. (три раза), говорящаго въ пользу дифтонга *уо* (срв. въ томъ же Ев.: идѣте *у*гнь вѣчный 61=*у о*гнь). Срв. приведенные выше (стр. 51) случаи употребленія *оо* на мѣстѣ *о*: в*оо*вьця=овца Галицк. Ев. ок. 1266 г. и др.

Современные сѣверно-малорусскіе говоры (вмѣстѣ съ сосѣдними бѣлорусскими) имѣютъ и дифтонги *уо*, *уэ*, *уи* (к*уо*нь, к*уэ*нь, к*уи*нь, сво*юо*й, сво*юэ*й, и т. п.), и *у* (к*у*нь, м*у*й, сво*ю*й), и *и*, *ы* (м*и*й, м*ы*й). Южно-малорусскіе говоры на мѣстѣ $\bar{o}$ имѣютъ *і* съ твердымъ или мягкимъ предыдущимъ согласнымъ (к*і*нь, м*і*й), которое развилось изъ $\bar{o}$ при посредствѣ дифтонговъ, между прочимъ — дифтонга *уі*: к*уі*нь, и которое по памятникамъ восходитъ къ XVI в.: Пересопницкое Ев. 1561 г.: в*уі*дповѣдаю; описаніе Черкасскаго замка к. XVI в.: гак*уі*вница, макоги*уі*нъ (Арх. Ю.-З. Р. VII, I).

Кромѣ *у* изъ $\bar{o}$, въ галицко-волынскомъ говорѣ древней эпохи развилось—повидимому, въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ—*у* изъ неударяемаго древняго *ŏ*: Галицкое Ев. 1283 г.: ск*у*зѣ 51 об., 57 (изъ скозѣ), *у*брѣтоша 51 об.; Луцкое Ев. XIV в.: ск*у*зѣ; грамота 1378 г.: м*у*настыръ. Срв. соврем. сѣверно-малорусск. *у*гонь, г*у*лубка, т*у*бі, с*у*бі и т. п.—Формы неопред. накл. въ родѣ куп*у*вати, таньц*ю*вати, мал*ю*вати сюда не относятся: они обязаны своимъ *у* вліянію формъ наст. вр.: куп*у*ю, таньц*ю*ю, мал*ю*ю.

Отожествленіе *ъ* **съ** *е*. Какъ мы уже сказали, въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка есть то или другое количество случаевъ употребленія *е* вмѣсто *ъ*, которое свидѣтельствуетъ о взаимной близости этихъ звуковъ. Въ послѣдующихъ по времени памятникахъ, какъ южно-, такъ и сѣверно-русскихъ, замѣна *ъ* черезъ *е* встрѣчается болѣе часто: гал.-волынск. Добрилово Ев. 1164 г.: *светь*, *веси* (2 л.), *обретая*, *некыи*, *бесы*, *на мѣсте*, *на местѣ* и др.; новгородскій Стихирарь 1157 г.: *семене*, *изменение*, *обрете*, *прегрешении*, *тесныи*, *многотьрпеливе*, *на дрѣве*, *прѣпетыи* и т. п.; надпись на западно-русскомъ Рогволодовомъ камнѣ 1171 г.: *доспень*; при этомъ въ южно-русскихъ, въ частности въ галицко-волынскихъ памятникахъ обратная замѣна, замѣна *е* черезъ *ъ*, совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ, а въ памятникахъ новгородскихъ, наоборотъ, *ъ* вмѣсто *е* древняго и *е* изъ *ь* является столь же часто, какъ и *е* вмѣсто *ъ*. Стихирарь 1157 г.: *съмърти*, *коръне*, *повълѣная*, *на небъси*, *тьзоимънигьница*, *на колъсници*, *безмъздьника*, *принъсти*, *рожьшью* (твор.), *пьрвѣъ*, *ижъ* и друг. Это обстоятельство показываетъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности—въ Новгородѣ, въ второй половинѣ XII в. различіе между *е* и *ъ* было слабѣе, чѣмъ на югѣ Руси. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи галицко-волынскій говоръ продолжалъ различать *ъ* и *е*, прочіе же русскіе говоры пошли по другому пути.

Древніе новгородскій и псковской говоры, вмѣстѣ съ отпрыскомъ перваго—двинскимъ говоромъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ъ* не совпалъ съ *и* или по крайней мѣрѣ не приблизился къ *и* (всего чаще въ серединѣ словъ при послѣдующемъ твердомъ согласномъ), въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между *ъ* (въ *гнъвъ*, *дълаю* и т. п.) и *е* (въ *ель*, *день* и т. п.). Отсюда въ однихъ новгородскихъ и псковскихъ памятникахъ полное смѣшеніе буквъ *ъ* и *е* и употребленіе *ъ* какъ на мѣстѣ *е*, такъ и на мѣстѣ того *о*, которое образовалось изъ *е* (т.-е. *ё*); въ другихъ—употребленіе *ъ* только на мѣстѣ *е* (такъ что на мѣстѣ *ё*—за очень рѣдкими исключеніями—пишется *е*).

Къ числу первыхъ памятниковъ принадлежитъ первая часть Новгородской лѣтописи (здѣсь, между прочимъ, форма им. ед. ср. р. *вс*ь=*всё*) и новгородскій договоръ 1265 г. (здѣсь, между прочимъ: *на всѣмъ*, *на цѣмь*=*на всёмъ*, *на чомъ*, *всѣму*=*всёму*). Къ числу

вторыхъ, болѣе многочисленныхъ, принадлежатъ, между прочимъ, новгородскіе Стихпрарь 1157 г. (выписки выше), Пантелеймоново Ев. XII в. (здѣсь ведѣть, 3 л. ед., изидѣ, 3 л. ед., родѣ, зв., и др.), Требникъ гр. Шереметева XIV в. (здѣсь: правѣденъ, правѣдныхъ, двѣрѣць, род. мн., вѣнѣць, смѣрти, тѣрпя, одѣржима, сдѣржа и т. п.), Ипатскій сп. лѣт. (здѣсь: Смолѣнескъ, Киевѣць, полочанѣ, изъ лодьй, пѣрвѣе, умѣршю, грѣкы и т. п.).

Современные говоры сѣвера Россіи, потомки древнихъ новгородскаго и двинскаго говоровъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ѣ* не перешелъ въ *и* или не приблизился къ *и*, имѣютъ на мѣстѣ *ѣ*—звукъ *е*. обыкновенно болѣе или менѣе закрытый; такимъ образомъ *ѣ* въ сѣв.-великор. дѣлаю и т. п. произносится какъ наше *е* въ ель. хорошéнько и т. п.

Западно-русскій и средне-русскій говоры также въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между *ѣ* и *е*. Смоленская грамота 1229 г. имѣетъ совершенно безразличное употребленіе буквъ *ѣ* и *е*: дѣревѣмь, останѣться, будѣть, утвѣрдять, дѣржати и т. п.; всемь, темь, ѣхати и т. п.; то же можно сказать о западнорусскихъ грамотахъ XIV—XV вв.; только въ нихъ употребленіе буквы *ѣ* значительно сокращается въ пользу употребленія буквы *е*; западно-русскія грамоты XVI в. и печатный Литовскій Статутъ 1588 г. имѣютъ букву *ѣ* лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, безъ всякой послѣдовательности. Средне-русскіе памятники XIII и XIV вв. вообще держатся традиціонной (въ главномъ церковно-славянской) орѳографіи, въ частности традиціоннаго употребленія *ѣ*, но представляютъ интересныя исключенія, указывающія на отсутствіе для ихъ писцовъ различія между *ѣ* и *е*. Духовныя московскихъ великихъ князей и Лаврентьевскій сп. лѣт., въ большинствѣ случаевъ сохраняющіе *ѣ*, постоянно имѣютъ Володимерь (имя) и Володимерь (названіе города), хотя галицко-волынскіе тексты (Слова Ефрема Сирина 1492 г.: Володимѣра, запись; Ипатскій сп. лѣт., новгородскій списокъ съ галицко-волынскаго оригинала: Володимѣръ 576, Володимѣрь 400 и др.) и данныя сербскаго и чешскаго языковъ дѣлаютъ несомнѣннымъ нахожденіе *ѣ* во второй части этихъ словъ. Причина постояннаго употребленія *е* въ Володимеръ и т. п. заключается съ одной стороны въ томъ, что церк.-славянскіе тексты не имѣютъ ни этого, ни подобныхъ ему словъ,

съ другой стороны въ томъ, что въ древнемъ Кіевѣ данное слово звучало съ *и* (срв. чара Володимирова въ надписи на чарѣ XII в.; Володимиръ въ началѣ Поученія Мономаха), такъ что писцы московскихъ грамотъ XIV в. и Лаврентьевскаго сп. лѣт., произносившіе его иначе, чѣмъ произносили древніе кіевляне, — должны были при письмѣ руководиться своимъ средне-русскимъ выговоромъ; а послѣдній не далъ имъ указанія на *ъ* какъ на звукъ отличный отъ *е*. Средне-русскіе памятники XV—XVII вв. (по преимуществу московскіе) вообще не дѣлаютъ различія между *ъ* и *е*, и мы можемъ говорить о полномъ отожествленіи въ это время *ъ* и *е*. Надо имѣть въ виду, что многіе изъ средне-русскихъ памятниковъ XV—XVII вв. (книги) удерживаютъ традиціонное употребленіе *ъ* вездѣ, гдѣ оно указывается церковно-славянскимъ языкомъ (съ незначительными изъятіями въ родѣ брегъ, вредъ, время, членъ, влеку и т. п., при плѣнъ), и допускаютъ употребленіе *е* вмѣсто *ъ* лишь въ тѣхъ словахъ и формахъ, которыя или совсѣмъ неизвѣстны въ церковно-славянскихъ текстахъ, или встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко: въ деверь (такъ уже въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 12), ее (род.-вин. ед.; такъ уже всегда въ духовныхъ московскихъ великихъ князей и иногда въ Лаврентьевск. сп.), добрые (им.-вин. мн.; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: душевныѣ, численыѣ, купленыѣ; въ Лаврентьевск. сп.: убогыѣ, дикиѣ, лежачиѣ и т. п.) и др. Въ другихъ средне-русскихъ памятникахъ XV—XVII вв. (особенно въ московскихъ грамотахъ) употребленіе *ъ* и *е* смѣшанное; можно отмѣтить частое употребленіе *е* вмѣсто *ъ* при отсутствіи ударенія (въ мире, рядомъ: въ селѣ).

Современные бѣлорусскіе говоры и тѣ изъ великорусскихъ, которые не знаютъ ни перехода *ъ* въ *и*, ни цоканья и вообще не могутъ считаться потомствомъ древняго новгородскаго говора,—уже не знаютъ различія между *ъ* и *е* и на мѣстѣ древняго *ъ* имѣютъ подъ удареніемъ—звукъ *е*, то открытый (въ дѣлать), то закрытый (въ дѣлитъ), а безъ ударенія—тѣ же звуки, которые въ нихъ образовались на мѣстѣ неударяемаго *е*.

Вслѣдствіе того, что традиціонное употребленіе и различеніе на письмѣ буквъ *ъ* и *е* въ главномъ было сохранено великоруссами XV—XVII вв., мы продолжаемъ употреблять букву *ъ* въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ ее знаютъ памятники XI—XII вв., за исключе-

ніемъ небольшаго ряда словъ: брежжиться (ц.-слав. пробрѣзгъ), ведро (древп. вѣдро; Р. Правда по сп. ок. 1282 г. 4, Пандекты 1296 г. 112, Лаврентьевск. сп. лѣт. 126), верея (древн. верѣя; Минея 1096 г. 192), песокъ (древп. пѣсъкъ), семья (древн. сѣмия; Златоструй XII в. 171; Жит. Ниф. 1219 г.); темя (древн. тѣмя; Кормч. ок. 1282 г. 590; малор. тім'я), деверь (древн. дѣверь), дремать, дребезгъ, прилежно (древн. прилѣжьно), колебать, колеблю (древн. колѣбати, колѣблю), купель (древн. купѣль), колыбель и др. (см. еще выше, стр. 64). Въ этихъ словахъ мы видимъ *ѣ* въ церковно-славянскомъ языкѣ; сравни сербск. колѣбати, пијесак, дријемати, польск. wiadro, wierzaja, piasek, drobiazg. Слово древній и т. п. имѣютъ древнее *е*: др.-русск. древле, древьнь звучали иногда съ *е*, иногда съ *ѣ*; срв. съ послѣднимъ — *і* изъ *ѣ* въ чешскомъ dřívе. Сверхъ того, мы несогласно съ традиціею употребляемъ *е* вмѣсто *ѣ* въ сѣкира, древн. секыра (Лаврент. сп. лѣт. 227); срв. древн. сокыра Паремейникъ 1271 г. 80, польск. sokiera, латинск. securis съ ё; и въ брѣю, брадобрѣй, змѣй, змѣя; древнія формы послѣднихъ словъ были брѣю,—брѣи, змѣя, откуда брею,—брей, змея (Обиходъ церковный XIV в. Рум. Муз. № 284: змею 14, Паисіевъ сборникъ XIV—XV в.: змеі 164 об., им. ед., змеева свиста 152, и др.), съ *е* изъ ѣ, какъ въ пей, вей, бей (повелит. н.), клей (им. ед.). Что до *ѣ* въ именахъ Алексѣй, Сергѣй и т. п., вмѣсто *е*, которое въ большинствѣ случаевъ образовалось изъ болѣе древняго ѣ и которое мы пишемъ въ цѣломъ рядѣ сходныхъ именъ: Авдей, Федосей, Настасей, Мокей, Пелагея, Опраксея и т. п., то употребленіе его здѣсь объясняется аналогіею: окончаніе ѣй, съ *ѣ*, именъ въ родѣ Варѳоломѣй, Фадѣй, Елисѣй, Матвѣй (*ѣ*=греческ. αι) перешло въ имена Алексѣй, Сергѣй. Время появленія этого *ѣ*—очень древнее: церк.-слав. Супрасльская рукопись: Василѣа 494; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: Иєремѣємь 188; Житіе Епифанія XII в.: Дорофѣи 97; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: Иєремѣею 143; но онъ получилъ особенное распространеніе въ нашей орѳографіи съ XIV в.: такъ, мы читаемъ въ Румянц. Лѣствицѣ XIII в. № 199: Тимоѳѣю 20 об.; въ Ев. 1317 г.: Мария Иосѣина 103 об., Иєремѣємь 104, 114 об., Єремѣя 120 об. (при Тиверея 116 об.); въ духовныхъ московскихъ великихъ князей: Патрекѣи, Олексѣи, Тимофѣи, Аньдрѣи (при Дмитреѣ); въ московскомъ Ев. 1339 г.: обрѣтохомъ Меисѣю=Мос-

сію 5 об., Меисѣя 18, Алексѣя 207, Ѥремѣя 207 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1356 г.: Терентѣя, Вѣкентѣя 94 об.; въ грамотѣ Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.: Ѥремѣи, Манасѣя; въ Ев. 1358 г., писанномъ въ московской области: Сергѣя, Алексѣя, Ѥремѣя; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Евдокѣи 400; въ юго-западно-русской грамотѣ 1376 г.: Олексѣя; въ Паремейникѣ 1378 г.: пророчьства Ѥремѣина 3 об., при Ѥремѣи 117; въ Ев. 1393 г.: Сергѣя 187 об. (рядомъ Викентея), сына Варахѣіна 58; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: Сергѣя, Феодосѣя, Фалелѣя, Ѥвдокѣи; въ Новгородской лѣтописи: Тимофѣю 225, Еремѣя 244; въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV в.: Сергѣю 149 (но: Мокарей 160 об. и др., Меркурей 150); въ двинской рядной XIV—XV в.: Левонтѣю. Сравни малорусск. Олексій, Овдій, Овсій и т. п.

Переходъ *ѣ* **въ** *и*. Древній *ѣ*, сохранившись въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отожествившись съ *е*, сталъ мало-по-малу приближаться къ древнему *и*. Буква *и* на мѣстѣ буквы *ѣ*, передававшая звукъ, хотя и не тотъ самый, который передавался обыкновенно буквою *и*, но все-таки до извѣстной степени близкій къ нему,—является въ галицко-волынскихъ книгахъ съ конца XIII в.: Галицкое Ев. 1283 г.: в*и*дяше 11 об. (=вѣд—), *ѣ*инязь 40 об., н*и*кы 57 об. (=нѣкыи); рядомъ: исконѣ 1 об., 10 об.; Поликарпово Ев. 1307 г.: вид*и*нья, окамен*и*ло, св*и*дѣньѥ, вид*и*въ; Путенское Ев. XIV в.: при вечер*и* 4, ицѣл*и*вша 95 (болѣе раннее *и* на мѣстѣ *ѣ* въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: въ попел*и* 23, въ попе*и* 27, и въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: въ сбор*и* и на стегнахъ 187,—внушаетъ сомнѣніе). Галицкія грамоты XIV—XV вв. имѣютъ ее уже сравнительно часто: св*и*дци, пас*и*ками, слуз*и* нашему, л*и*сы, прив*и*сити; то же можно сказать о молдавскихъ грамотахъ, въ языкѣ которыхъ иногда силенъ малорусскій элементъ: 1393 г.: роздиляючися, дитемъ; 1436 г.: дидичу, нам*и*скомъ (=намѣсткомъ), наслидуючи, в*и*ру. Сверхъ того, мы читаемъ въ московскомъ Ев. 1339 г., списанномъ съ галицко-волынскаго оригинала: вид*и*хомъ 4 об., видисте 9 об., увидѣвъ отъ кентуриона 10 и т. п., въ законѣ моисѣѥви 26 об., запр*и*ти 45 об., 55 об., 69 об., кол*и*блемы 93, св*и*дениѥ 106, ум*и*ѥте 108, сквозѣ с*и*ниѥ 147, опр*и*снокъ 166 об., заматер*и*вши 206 об, мн*и*вши 213 об., изволися мн*и* хужьшю 208. Это, по нашему мнѣнію, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что

писцы галицко-волынскихъ памятниковъ XIV—XV вв. произносили *ѣ* болѣе или менѣе близко къ *и*, можетъ быть, какъ дифтонгъ *іе*.

Новый *ъ*, т.-е. то *ē*, которое въ галицко-волынскомъ говорѣ образовалось изъ *ĕ* вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и которое первоначально было нѣсколько отлично отъ древняго *ъ* (новый *ъ*, какъ мы видѣли, передъ твердыми согласными могъ переходить въ *ō*, а древній *ъ* не зналъ перехода въ *ō*), въ тѣхъ словахъ, гдѣ онъ сохранился, скоро совпалъ съ древнимъ *ъ* и потому имѣлъ одну съ нимъ судьбу, т. е. подобно ему перепелъ въ звукъ близкій къ *и*. Въ Галицкомъ Ев. 1283 г. мы читаемъ: учи*и*пьѥ 47, учи*и*ьи 73 (при учьпьѥ), въ отечествьви своимь 134;въ Путенскомъ Ев. XIV в.: о словеси моимь 26, у дому своимь 27, 92, на селѣ своимь 222, во очеси твоимь 57, кр*и*нъ с*и*льныхъ (=кринъ сельныхъ) 60, нестро*и*нья 121, по убь*и*ньи 220; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. ш*и*сть, ш*и*стдесятъ, ш*и*стьцятого, нарож*и*нье; въ молдавскихъ грамотахъ: 1436 г.: безъ противл*и*ня; 1448 г.: потверж*ы*нье, гдѣ *ы* образовалось изъ новаго *ъ*; сравни въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: с*ъ*льнаго, ш*ъ*сть, въ рожъньи, знам*ъ*ниѥ; въ Типографскомъ Ев. № 6 XII—XIII в.: о имени тво*ъ*мь.

Въ настоящее время въ одной части малорусскихъ говоровъ на мѣстѣ *ъ*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, слышится звукъ *і*, т. е. краткое мягкое *и*, очень близкое къ великорусскому *и* и отличное отъ малорусскаго *и*—потомка древняго *и*, если передъ нимъ нѣтъ *j*. Въ другой части малорусскихъ говоровъ (по преимуществу въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ) и древній, и новый *ъ* иногда одинаково рефлексируются или мягкимъ *е*, болѣе или менѣе отличнымъ отъ обычнаго *е*, или дифтонгами *іе*, *іе́*.

Кстати замѣтить, что въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ *ъ*=*і*, есть нѣсколько случаевъ появленія *і* не на мѣстѣ *ъ*, а на мѣстѣ *и*. Таковы, между прочимъ, слова въ родѣ умірати, збірати, ківати, гдѣ *і* замѣнило собою древнее *и* и *ы*, перейдя въ эти глаголы изъ глаголовъ въ родѣ літати, помітати; таковы формы дат. ед. на *овї*, *евї* (въ родѣ воловї; сравн. въ Путенскомъ Ев. XIV в.: ерѣевъ 59; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: къ королевъ, Романовъ, Рюриковѣ 333, 386), і которыхъ, вѣроятно, перешло въ эти формы изъ формъ дат. п. на *ъ* (женъ, березъ, тобъ); таковы слова, заимствованныя изъ польскаго языка, въ которыхъ *і* передаетъ польское *і* или мягкое *е*: панї

(польск. pani, великорусск. панья), вірша (польск. wiersz), сокіра (польск. sokiera).

Мы видѣли (стр. 35), что *ъ* въ древнемъ новгородскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближался къ *и* или даже совпадалъ съ *и*. Трудно сомнѣваться въ томъ, что писцы новгородскихъ памятниковъ XIV в. уже произносили въ этихъ случаяхъ *и* на мѣстѣ *ъ*.

Большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ имѣетъ теперь *и* на мѣстѣ *ъ* только въ серединѣ словъ передъ мягкими согласными: нев*и́сте* (дат. п. отъ нев*е́ста*=нев*ъ*ста), хот*и́ть* (при хотѣлъ). Въ меньшей части этихъ говоровъ, на территоріи болѣе или менѣе близкой къ Новгороду, *и* на мѣстѣ *ъ* болѣе или менѣе послѣдовательно слышится какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными въ серединѣ словъ, а также въ концѣ словъ: нев*и́сти* (дат. п.), нев*и́ста* (имен. п.), хотил*ъ*.

Звукъ *и*, замѣнявшій собою *ъ* въ старомъ новгородскомъ говорѣ и перешедшій изъ него въ современные сѣверно-великорусскіе говоры, не находится въ непосредственной связи съ малорусскимъ *і*.

Аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія. Такъ называемое *а́канье*, составляющее отличительную особенность современныхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, состоитъ въ слѣдующемъ.

Древнія неударяемыя *а* и *о*, послѣ искони твердыхъ согласныхъ, въ однихъ случаяхъ — въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ а́кающихъ рѣже,—звучатъ глухо и значительно приближаются къ *ы*, такъ что слышится глухой звукъ, который мы можемъ обозначить условно черезъ *ы*: на́ дымъ=на́ дом*ъ*, вы́сыдка=вы́с*а*дка; въ другихъ случаяхъ — въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется, а *о* (если не сохраняется, какъ въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, послѣ ударенія: до́брого, при гаспада́ра) болѣе или менѣе приближается къ *а*: са-ди́ть, са́да, слава́=слова, добро́. Тѣ же *а* и *о* (также *о* изъ *е*, т.-е. *ё*) послѣ мягкихъ согласныхъ, въ однихъ случаяхъ (въ соотвѣтствіе *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ)—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже—звучатъ какъ *и*: свито́й, пито́къ, чисы; би́ру=бёру́, беру́; ничиво́=ничово, ничего; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ говорѣ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется и *о* (если не сохраняется) приближается къ *а*: московск. по́ля=по́ля (род.) и по́лё, поле (им.-вин. ср. р.); наша=наша (имен.

ж. р.) и наш*о*, наш*е* (им.-вин. ср. р.); курск. и бѣлор. свят*а́я*, ч*а*сы, б*я*ру́, ничег*о́*.

Различіе въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Напримѣръ, сохраненіе *а* и образованіе *а* изъ *о*: са́д*а* (род. п.), сло́в*а*=слово, бар*а́*на, за-до́къ, сил*а*ча́,—въ московскомъ говорѣ имѣютъ мѣсто тогда, когда *а* находится или въ началѣ словъ, или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ непосредственно передъ слогомъ ударяемымъ; глухое *ы* изъ *а* и *о*: падыл*ъ*, вдовыль, сыпаги́, зыхатѣлъ, дырагбй, является въ серединѣ словъ или непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогѣ второмъ передъ ударяемымъ.

Первые слѣды аканья въ памятникахъ относятся лишь къ XIV в. Смоленская грамота 1229 г., почти совсѣмъ свободная отъ традиціонной орѳографіи, имѣя рядъ другихъ особенностей смоленскаго говора, не имѣетъ ничего похожаго на аканье. То же можно сказать и о другихъ смоленскихъ грамотахъ XIII в. Рязанская Кормчая 1284 г., придерживающаяся впрочемъ традиціонной орѳографіи, равнымъ образомъ не представляетъ такихъ данныхъ, которыя бы можно было связывать съ аканьемъ. Старшій памятникъ съ слѣдами аканья — написанное въ Москвѣ Ев. 1339 г. (списанное съ гал.-волынск. оригинала): как*а* ты глаголеши 16 об., отъ господа бысть се и есть дивн*а* въ очью нашею 73, 129, аще ожениться, любодѣянья творить 125, въ *а*пустѣвшии земли, запись. Ев. 1354 г., написанное въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, представляетъ разнообразныя данныя, между прочимъ нѣсколько случаевъ употребленія *и* вмѣсто *ъ* (по-новгородски) и нѣсколько случаевъ употребленія *а* вмѣсто *о*: всаж*а*нъ 5 об., на веч*а*рехъ 71 об., веч*а*ряю 123, ж*а*лаше 130 об. (рядомъ: ни о комъ ж*о*, глаголаш*е* и др.); повидимому, писецъ этого Ев., живший въ Переяславлѣ, списывалъ съ оригинала новгородскаго письма (изъ котораго взялъ новгородскія особенности), а говорилъ по-московски. Духовныя грамоты московскихъ великихъ князей, написанныя для своего времени грамотно, не даютъ достовѣрныхъ случаевъ аканья. Можно упомянуть только о Брошевую (вин. ед., названіе деревни) въ духовной Ивана Калиты и Бр*а*шевая (названіе той же деревни) въ духовныхъ вел. кн. Ивана Ивановича, Димитрія Донскаго, Василія Дмитріевича; ударені*е* этого слова, вѣроятно, было не на первомъ слогѣ; о К*о*луга (корень к*ал*) и о Ш*а*гатью (твор-

ед., названіе деревни; рядомъ: Шаготью) въ духовной (второй) Донскаго; сверхъ того: далъ есмь князю въ Лопастны мѣста Новыи Городокъ, въ духовной Ивана Ивановича. Многочисленные и уже несомнѣнные случаи аканья находятся въ памятникахъ лишь самаго конца XIV в., писцы которыхъ, не различая звуковъ *а* и *о* безъ ударенія, ставили буквы *а* и *о* одну вмѣсто другой: московское Ев. 1393 г.: покланятся 22, Симанъ 34, къ Симану 81 об., прикаснуся 45, облажать 109 об. (=ложáть), даящимъ 113 об., прадающимъ 156, вертаградъ 171, нарицаямая 186, домъ украшенъ и помятенъ 41 об., пристушша фарисѣі глаголюща 46 об., научите крестяща я во имя 183, ангелъ мыяшася 12, отроковица лежаша 68 об., глаголаша имъ (3 л. ед.) 74, поясашася самъ 28, фарисѣі моляшася 126, Марья сблюдаща 191 об.; пологаѥть 6 об., 95 об.,—гаху 9 об.,—гахуть 73,—гаю 19 об.,—гають 71 об., влогають 26, предлогають 75,—гаѥмая 92, възлогая 110, влогалища 82, заюда 101, ненавидяхуть 107 об., привязоно 109, 130, 135 об., обязонъ 147 об., посогаеть 118 об.,—ють 124 об., помазовшия 146, толантъ 126 об., Аримофѣя 9, саморѣіскъ 16,—яныни 16, 16 об.,—янѣхъ 16 об.,—яне 17 об.,—янинъ 18, отъ Самория 16 и т. п.; коломенская Палея 1406 г.: мьланьямъ=молоньямъ 3, погарять 17, па роду 20, порящая по вздуху 20, задовити 31; грамота полоцкаго архіепископа Ѳеодосія 1392—1415 г.: писания ваша дошло до менѣ. Памятники второй половины XV в. и XVI в. имѣють *а* вм. *о* (и рядомъ *о* вм. *а*) уже нерѣдко, хотя впрочемъ огромное большинство ихъ, и книги, и грамоты разнаго рода, московскія и западно-русскія, упорно придерживаются старой орѳографіи; въ полоцкомъ договорѣ съ Ригою 1478 г. мы читаемъ: па веснѣ, пасле (надо читать: пасле), абою сторонъ, стаить, да Ильина дня; въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: потапталъ, паганый, карабль, наября, радаватися, карамольное, моланья, покояньемъ, удоляимося; въ Ев. 1527 г., написанномъ въ селѣ Новомъ, подъ Вязьмою (Публ. Библ.): въ карабли 10 об., караблю 19, карабль 33 об., пророчествава 34, нагама 35 об., врата адова не удалѣють еи 37, никаго 38 об., не до седмь кратъ но да седмьдесятъ 41, которого 50, какопь 53; отъ востокъ и заподъ 18, до заподъ 54 об., долече 34; ту будеть сердца вашя 15, бѣ разрушеніе ея веліа 17 об., призватя на покаяніа 20, взыде трьніа 29, сѣав'шу добрая семѣ 30, въ скончаніа вѣка 31, сквр-

нить человѣка исходящ*ае* изъ устъ 34, за невѣр'ствi*а* ваш*а* 39, он не хотѣшя 41 об., продаждь имѣні*а* твое 43, проповѣсться сие evангелі*а* 54, явится знамені*а* 54 об. и др.; въ Сборникѣ XVI в. Син. Библ. Чудовск. № 264, написанномъ едва ли не въ Москвѣ: чюдотворц*а*въ (род.), изобличихам*ъ*, с*а*борнѣ, п*а*ѵгородець, бѣ слов*а* п*а*носно, митр*а*полить, сов*а*куни с*а*боръ, п*а*повъ, съ т*а*варыщи, по-т*а*чиша, *а*рла, *я*го, *я*му, сіе настоящ*ея* средостѣніе, въ послѣдн*ея* время и др. (чрезвычайно часто; Русск. Ист. Библ., VI, 785—788; Библіографич. матеріалы, собр. А. Н. Поповымъ, № XVIII); въ западно-русской Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: на д*а*розе 7, троск*а*ть, узд*а*ровить 10, так*а* есть 14; з*о* брата 7 об., кор*а*не 8, покл*о*даючис 9 об., закл*о*даеть 13 об., д*о*леко 13, д*о*валъ 16 об., мешк*о*ють 16 об., спр*о*ведливость 19 об. и др.; въ зап.-русск. Тайная Тайныхъ XVI в. Виленск. Публ. Библ.: во обл*а*женнии 4, обл*а*жения 24, здр*а*вье 5 об., пр*а*тивно 8, д*а*пытывался 19, стрягохъ тя 6, слияні*а* сыро 24, будетъ ли слияния ихъ горяче 28; наказание 2,—ю 4, 9, ук*о*залъ 9, д*о*вати 3, д*о*вай 14 об., здовая 9, выд*о*вати 9 об., дост*о*вай 9, слышолъ 40 об. и др.

Рядомъ съ аканьемъ, южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ два другихъ явленія: 1) измѣненіе неударяемаго *е* (какъ древняго, такъ и образовавшагося изъ *ъ*, *ѣ*, вообще *е* не перешедшаго въ *о*, *ё*) послѣ мягкихъ согласныхъ, *j*, шипящихъ и *ц*—въ *и* или звукъ близкій къ *и*; 2) измѣненіе неударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, *j*, шипящихъ и *ц*—въ *и*, *е* или въ звуки близкіе къ *и*, *е*: 1) московск. м*и*н*я́* (=*е*ня), п*и*д*е́*ля (=недѣля), д*и*л*и́*ть (=*дъ*лить), *ищо́* (=*е*ще), цыд*и́*ть (=цѣдить), на‿м*е́*ст*и* (=на мѣстѣ) и т. п.; 2) московск. п*и*тью́ (=пятью), j*и*вить (=явить), шыг*а́*ть, шэг*а́*ть (=ш*а*гать). Акающіе говоры представляютъ здѣсь значительное разнообразіе: въ однихъ, слабо акающихъ,—какъ въ московскомъ—эти явленія широко распространены; въ другихъ, сильно акающихъ,—извѣстно лишь первое изъ нихъ; такимъ образомъ эти говоры ограничиваются измѣненіемъ неударяемаго *е* въ *и*, и то только передъ мягкими согласными (здѣсь: м*и*н*е́*, род. ед., н*и*д*е́*ля, но: *я*м*у́*, пятью́, *я*в*и́*ть, ш*а*г*а́*ть и т. п.). Памятники, имѣющіе *а* вмѣсто *о*, обыкновенно имѣютъ и *е* вмѣсто *а*: надпись на монетахъ кн. Андрея Можайскаго конца XIV в.: печать кнежа (=княж*а́*); Ев. 1354 г.: видеща 50; Ев. 1393 г.: стезающемася 2 об., не істезаи 85, истезаю 106, іерусалимьлеп*ъ*

14 об., плесасте 38, прозебаѥть 66 об., гражене 107 об., кладезь 117; Палея 1406 г.: кладезю 73; указанный договоръ 1478 г.: ряжене, о чесехъ; коломенскій Прологъ 1481 г. Публ. Библ.: почета (=початá), запись; Четья 1489 г.: светого 11, паметь 255 об., колодези 212 об., везати 229 и др.; Ев. 1527 г.: девети 40 об., по пѣнезу 44 об., пѣнезь 49 об. и т. п.; зап.-русская Псалтырь XVI в. Рум. Муз.: мыслеть, загледають, пенезеи и т. п.; зап.-русское печатное Ев. Тяпинскаго XVI в.: мовечи, хотечи, мекина, предуть (=пряд—), ермо (=ярмó), береме, знаме и др.; Литовскій Статутъ 1588 г. Съ другой стороны въ тѣхъ же памятникахъ появляется *и* вмѣсто *е* (и наоборотъ); Ев. 1339 г.: Моисѣи на-нь же вы уповаите 6, аще чудесъ не видите, не имати вѣры яти 10 об., радости ваши 176 об., губу наполнину оцт(а) 185, въ пишимыхъ книгахъ 208; Ев. 1354 г.: дондиже (постоянно), аще 133, и доселѣ ни имать быти 154 об.; духовная Дмитрія Донского: стариший путь, старишего, старишему (удареніе повидимому, на *а*), Скирменовъское, Гуслеця (названія селъ; срв. въ духовной Ив. Калиты: Скирминовьское, Гуслиця, гдѣ *и*, по всей вѣроятности, неударяемое); Паремейникъ 1378 г.: аще не послушаите мене, оружье вы поясть 8 об., бесѣдуить 33, вся земля (род.) 45, 55, 55 об., 74 об., отъ земля наша 78 об., взищить (3 л. ед.) 66 об., видѣхомъ и съвидительствуимъ 120 об.; Служебникъ преп. Сергія XIV в.: сирафимомъ 5 об. (при серафимъ 18 об. и др.), хирувими 33,—ъ 5 об., хировимъ 49 (при хъровимомъ 5 об. и др.), помяни градъ в немже жительствуимъ 38 об., ниспослить (съ *б* ?) намъ благодать 39 об., мою съмерть възвѣщаете, мое воскресение исповѣдаите 60 об., о игумени отьци нашемь 23; рядомъ: невидимый 40 об.,—ме (зв.) 56; Ев. 1393 г.: глаголиши 2,—лится 3 об., да вы чюдитися 7, егда възнесете сына тъгда разумѣите 15 об., родітиля 21, одиржимы 30, в зимли 60, Якова Зивидѣова 34, съ Зивидѣомь 34, —я 61 об.,—ова 82, въ попели 38 об.; рядомъ: из винограда 110 об. (это Ев. имѣетъ также *и* вмѣсто *я* и наоборотъ: всѣхъ галилѣинъ 101 об., кто есть ударявыи тя 132 об.); Ев. 1399 г.: вы не вѣсте ни помышляите 16, горе вамъ яко възрыдаите и въсплачетеся 68; Палея 1406 г.: повепшии 19, зижить 29, поглаголить 63; духовная в. кн. Василія Дмитріевича: по матери моие животѣ; полоцкій договоръ 1478 г.: тяглицовъ (имен. ед. тяглецъ); Четья 1489 г.: клинися 5 об., мертвица 35, лестицемъ.

Приведенныя данныя показываютъ, что аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія въ XV—XVI вв. имѣли уже значительные размѣры, близкіе къ размѣрамъ современнаго аканья.

Должно имѣть въ виду, что существованіе аканья засвидѣтельствовано памятниками также для Пскова XIV—XVI в. (псковской Измарагдъ 1500 г. гр. Уваровыхъ: великаго Новограда, при Александрѣ Владимеровичь, запись, и др.) и что кіевскій говоръ первой половины XVI в. также есть основаніе считать акающимъ. Во всякомъ случаѣ въ Помянникѣ Кіево-Печерской Лавры этого времени, состоящемъ почти изъ однихъ собственныхъ именъ, мы читаемъ: *А*нисифоръ, *А*нисимъ (при *Он-*), *А*нофрей (при *Он-*), *А*лизаръ, *А*лиферій, *А*ксинія (при *Окс-*), Ф*а*тіанъ, Р*а*дивонъ, Олик*с*іа (при Алексѣй), С*и*ливанъ, пани Н*и*мила, *Е*линархъ (при *Илип-*), рядомъ съ другими яркими слѣдами южно-великорусской фонетики.

Въ XIV и XV вв. нашъ сѣверъ вообще и Москва въ частности уже имѣли опредѣленную орѳографію. Аканье оказалось не въ состояніи ее поколебать. Вслѣдствіе этого при помощи нашего правописанія можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить, гдѣ въ древнее время произносилось *о*, *е*, *а*. Однако не всегда. Въ нашу орѳографію, при всей ея вѣрности преданію, вкралось не мало ошибокъ, особенно въ тѣхъ словахъ, которыя болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались въ старомъ литературномъ языкѣ.

Мы употребляемъ теперь *а* вм. *о* въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка: въ словахъ съ префиксомъ *раз-*, въ словахъ р*а*сту, р*а*стеніе (вмѣсто р*о*сту, р*о*стеніе), р*а*бота, р*а*кита, з*а*ря (послѣднее слово въ церковно-славянскомъ языкѣ звучало не только з*а*ря, но и з*о*ря; сравни польск. *zorza*, чешск. *zoře*, соврем. сѣв.-великор. з*о*ря, южно-великорусск. з*о́*рю, вин. ед., з*о́*ри, з*о́*ренька, малорусск. з*о*ря), въ формахъ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ *аго*, *яго*, вм. *ого*, *его*; здѣсь наше аканье не только не внесло въ нашу орѳографію ничего новаго, но и способствовало утвержденію старыхъ церковно-славянскихъ написаній. Въ другихъ случаяхъ аканье послужило къ употребленію неправильныхъ, ничѣмъ съ сравнительно-этимологической точки зрѣнія не оправдываемыхъ написаній, именно въ словахъ: к*а*лачъ вм. к*о*лачъ, при сѣв.-великор. к*о*лачъ (Домострой: колачи; расходная книга Никона 1652 г.: колачи); срв. чешск. k*o*lač, сербск. к*о*лач; к*а*сатка вм. к*о*сатка (срв. коса и т. п.);

*ба*рсукъ, при др.-русск. *бо*рсукъ, срв. польск. borsuk; *ла*пта (названіе дѣтской игры). срв. чешско-словацк. и хорватск. lopta; ст*а*канъ, срв. др.-русск. дост*о*канъ (духовная вел. кн. Ивана Ив.), ст*о*канъ, сѣв.-великор. ст*о*канъ (*о* изъ *ъ*); завтр*а*къ, завтр*а*кать, срв. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп. 128, 149, въ Словѣ о полку иг. и въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ 192: заутр*о*къ, заутр*о*кати, польск. zajutrek (*e* изъ *ъ*), род. пад. zajutrka; к*а*манъ, срв. древне-русск. собственное имя К*о*манъ въ грамотѣ 1541 г., въ 1-й Псковской лѣтописи и въ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей, а также южно-русск. мѣстное названіе въ актѣ 1424 г.: in villa Cormanicze in Premisliensi districtu (Akta gr. i ziemskie, VII, 65), словацкую фамилію Krman, польск. областн. korman покрышка для платья отъ дождя (Rozprawy Akad. Krakowsk., VII), великор. областн. *ко*рма мотня у невода; кр*а*пива, срв. кр*о*пива въ Прологѣ XIII—XIV в. Тип. Библ. № 372, л. 13, въ Домостроѣ 120, Кр*о*пивна въ духовной Дмитрія Донского, укр*о*пъ и т. п.; т*а*р*а*горить; т*а*роватый; н*а*ромъ, срв. чешск. pram; к*а*чанъ, срв. к*о*чень; бр*а*зд*а́* вожжа («бр*а*зды правленія»), срв. ц.-слав. брѣзда, въ Прологѣ Погодина Публ. Библ. № 59, XIV в.: бр*о*зды въ уста вложеше; здѣсь *а* явилось очень рано (бр*а*здами и уздою, Псалтырь 1296 г.), вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія этого слова со словомъ бр*а*зда=борозда; названія: В*а*зуза, М*а*сальскъ, К*а*шира и т. п., срв. въ Новгородской лѣтописи: Возуза 167, Мосальскъ 229, въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: Кошира; собственныя имена: *А*лёна, *А*вдотья, *А*лфёръ и т. п., срв. въ памятникахъ до XVII в. (постоянно): *О*лена, *О*вдотья и т. п.; фамиліи: *А*нучинъ, *А*нухтинъ, *А*хлёстышевъ и т. п. Слово б*а*ранъ имѣетъ древнее *а*, точно также какъ боранъ (очень часто въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ разнаго времени) имѣетъ древнее *о*.

Рядомъ съ *а* на мѣстѣ *о*, мы находимъ также *о* на мѣстѣ *а*, несогласное съ древнимъ произношеніемъ, въ словахъ: ласк*о*въ, срв. церк.-слав., др.-русск. и малорусск. ласк*а*въ; Житіе Нифонта 1219 г.: ласк*а*вымь 121; Апостолъ 1220 г.: ласк*а*вую 15; но уже въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: ласк*о*въ 444, и въ Паремейникѣ 1378 г.: ласк*о*выи 64; ов*о*дъ, срв. въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго XII в.: ов*а*ду и комаромъ, ов*а*да и комара 11, польск. owad.

Буква *е* вмѣсто *я* (*а*) пишется теперь между прочимъ въ словахъ:

тетива, срв. ц.-слав. тѧтива, въ Амартолѣ XIV в.: тятивы 120 об., въ южно-русск. печатн. Столпѣ цнотъ 1658 г.: тятива, соврем. сѣв.-великор. (олонецк.) тятива, польск. cięciwa; ястребъ (ястребъ,—а въ Толкованіи на кн. Іова 1394 г. Син. Библ., л. 81; соврем. сѣв.-великор. ястрёбъ), срв. въ Златоструѣ XII в.: о ястрябѣхъ, въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ястрябъ 21, въ Бесѣдахъ папы Григорія XIII в.: ястрябъ 25 об., въ Лѣствицѣ 1334 г.: ястрябля вида 136 об., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ястрябомъ 437, ср.-болг. ястрѧбъ, польск. jastrząb; десна́, откуда им. мн. дёсны, род. мн. дёсенъ; срв. въ рукописи XIV в. Публ. Библ. F. I. п. 42: ни взора, ни дяснъ 107 об., въ Погодинскомъ сб. XV в. № 852: дясны 232; ст.- чешск. dásna (Святовитск. сборн. 313), dáseń (*а* изъ ѧ), ст.-польск. dziąsna, dziąsła; ремесло, откуда ремёсла, реме́сленный; срв. въ сѣв.-великор. грамотѣ 1650 г.: ремясло, ст.-польск. rzemięslnik (Шарошпатацк. Библія 147, 213 и др.); колодезный, колодезникъ, при колодецъ изъ колодезь, подъ вліяніемъ словъ на *ецъ*; срв. ц.-сл. кладѧзь, въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: колодязь 125, въ грамотѣ Свидригайла 1403 г.: отъ колодязя до колодязя, въ двинской закладной XIV—XV в.: колодязь; въ ячея, яче́йка, срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ XIV в.: ячая 131; въ Воронежъ (названіе рѣки и города), срв. въ Академич. спискѣ лѣт. XV в. Воропяжь (Лѣт. по Лавр. сп. 487); вѣроятно, въ петля́ и пе́тля; срв. ц.-сл. пѫто. Слово рѣсница пишется теперь съ буквою *ѣ* вмѣсто *я*; срв. ст.-русск. рясница (Тихонравовъ, Пам. отреч. р. лит. II, 359), ст.-русск. фамилію Рясницинъ (грамота 1556 г. въ Доп. къ Акт. Ист. I. 76), польск. rzęsna.

Сверхъ этого, мы пишемъ *и* вмѣсто *е*, *ѣ* въ свирѣпъ (постоянно съ *и* уже въ Палеѣ 1406 г.), при ц.-слав. и др.-русск. сверѣпъ; въ мизинецъ, при др.-русск. мѣзинъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.: людье мѣзинии 359), малорусск. мізинець, сербск. мезимац, чешск. mezinec; въ свидѣтель, при ц.-слав. и др.-русск. съвѣдѣтель; въ снигирь, при чешск. sněhula, польск. snieguła; въ вития, улизнуть, колѣни (съ *и* въ Мстижскомъ Ев. 125 об.), двѣсти и, вѣроятно, въ энклитикѣ *бишь* (срв. наше произношеніе неударяемаго *вѣдь*: вить), при др.-русск. бешью Жит. Саввы Освящ. XIII в., бехма Выголекс. сборникъ XII—XIII в., Ефремъ Сиринъ 1492 г., ц.-слав. бъшиѭ, бъшиѭ (Супрасл. рук.), бъхъма. Слова потчивать (=по-

чьщ*и*вати, основа та же, что въ чьстити, корень *чьт*; срв. утрачивать, отсвѣчивать и т. п.) и его производныя пишутся нами съ *и* правильно. Въ этомъ глаголѣ мы имѣемъ архаическое образованіе съ краткимъ гласнымъ (ь) въ корнѣ, однородное съ нашими выпёхивать (*е* изъ ь; кор. *пьх*), расчосывать, вымётывать, вылётывать, затрогивать, др.-русскими подъкопывати (Ев. 1383 г. 14, 14 об.), перекопывати (2-я Новгородск. лѣт. 104), вношивати (Сборникъ XVI в. Рум. Муз. № 2515, л. 183) и т. п. Древняя форма настоящаго времени этого глагола потч*иваю* употребляется великоруссами наравнѣ съ ея сокращеніемъ потчію (откуда потчую подъ вліяніемъ тоскую и т. п.): почщ*ивается* Григорій Богословъ XIV в. 142 об.; потщ*иваху*, кн. Паралипоменонъ въ переводѣ съ лат. Погод. № 84; потч*ивай* сосѣдъ сосѣда, Пушкинъ; вынувши изъ кармана табакерку, ты потч*иваешь* дружелюбно; не угощай и не потч*ивай* никого, Гоголь, Мертв. Души. Въ XVI, XVII и XVIII вв. она употреблялась почти исключительно: потч*ивает*ъ, потч*ивают*ъ, Домострой и свадебный чинъ при немъ XVII в. 117, 174, 181, 191 (рядомъ потч*ивати* 103, 170); подч*ивает*ъ, протоп. Аввакумъ (VIII, 6); попотч*иваю*. Аблесимовъ, Мельникъ (изд. Смирдина, 25), попотч*иваютъ*, Эминъ, Непостоянная фортуна 1763 г. (I, 17), Рабенеръ, Сочиненія 1792 г. (I, 141), потч*иван*, Фильдингъ, Томасъ Іонесъ 1787 г. (I, 6); срв. сѣв.-великор. потщ*ую*, изъ потщ*ую*. Срв. сербск. глаголъ дотк*ивати*, настоящ. дотк*ивам*, оканчивать тканье, образованный тожественно съ потч*ивать* (корень *тък*).

Благодаря аканью, въ а́кающихъ говорахъ вообще и въ сильно а́кающихъ въ частности явилось значительное число случаевъ чередованія *а* безъ ударенія (изъ *о*) и *о* съ удареніемъ: *а*кно́—*о́*кны, *с*ло—сёлы, в*а*да́—во́ды, мятла́—мётлы. Они повели къ возникновенію въ нѣкоторыхъ словахъ *о* на мѣстѣ ударяемаго *а* и къ образованію чередованія стараго *а* безъ ударенія съ новымъ *о* съ ударевіемъ: великор. к*а*йма́ — ко́ймы, п*а*льто́—по́льты, дясна́—дёсны, бѣлор. кро́сонька при крас*а́*, што́ники при шт*а*ны́ и т. п. Въ формѣ ко́тить*ъ* (отъ к*а*чу, к*а*тить)—*о* болѣе или менѣе древне; срв. малорусск. котити, чешск. kotiti, польск. kocić się, pokotem; то же, кажется, можно сказать объ *о* въ пло́тить*ъ* (рядомъ: пла́тить*ъ*), въ со́дить*ъ* (рядомъ: са́дить*ъ*), бро́пить*ъ* (отъ бр*а*ни́ть), до́рить*ъ* (отъ д*а*ри́ть) и т. п., слышимомъ въ великорусскихъ какъ а́кающихъ, такъ и

о́кающихъ говорахъ и извѣстномъ въ говорахъ бѣлорусскихъ; срв. древнія чередованія *а* и *о* въ ц.-слав. *скачетъ* и *въскочитъ* и т. п., *ъ* и *е* въ ц.-сл. *лъжетъ* и *лежитъ* и т. п.

Къ явленіямъ такъ называемаго а́канья не слѣдуетъ относить *е* въ словѣ *лебедь*. Это слово является съ *е* въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.; въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ *лебідь* и *лебедь*, рядомъ съ *лебідка*, *лебюодка*; въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ *лебёдушка*, *лебёдка*, гдѣ *ё*=*о* указываетъ на древнее *е*. Такимъ образомъ *е* въ *лебедь* нужно считать древнимъ и если и происшедшимъ изъ *а*, то все таки не имѣющимъ связи съ а́каньемъ и образовавшимся много раньше появленія а́канья. Слово *лебедь* родственно съ польскимъ *łabędź*, чешск. *labut'*, сербск. *лабуд* (*е* и *у* изъ *ѫ*); въ нашемъ *лебяжій* *я* восходятъ къ *ѫ*. Кромѣ этого слова, въ великорусскихъ говорахъ, какъ а́кающихъ, такъ и о́кающихъ, есть нѣсколько глагольныхъ формъ, въ которыхъ, вмѣсто ожидаемаго *а*, мы имѣемъ *е* и *о* подъ удареніемъ; эти формы—*запречь*, *запрёгъ*, *при запряжка* и т. п., и *трёсь*, *при тряска* и т. п. Находящаяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ форма *запрюогъ* (при *запрягу*) имѣетъ дифтонгъ *уо*, который указываетъ на древнее *е*; при великор. *трёсъ* существуетъ малорусское украинск. *трісъ*, волынск. *труосъ* (при *трясу*), гдѣ *і*, *уо* происходятъ также изъ болѣе древняго *е*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ звукъ *е* не можетъ быть поставленъ въ связь съ а́каньемъ. Вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло со старымъ явленіемъ, возникшимъ благодаря вліянію такихъ глагольныхъ формъ, какъ *лягу*—*лёгъ* (древнее *леглъ*), *лечь*, *сяду*—*сѣлъ*, въ которыхъ чередуются *а* и *е*.

Великорусскіе а́кающіе говоры, какъ мы видѣли, имѣютъ болѣе или менѣе часто *и* вмѣсто неударяемаго *е*, какого бы происхожденія это *е* ни было. Великорусскіе о́кающіе говоры, повидимому не всѣ, но многіе, знаютъ это употребленіе *и* вмѣсто *е* въ серединѣ словъ передъ мягкими согласными. Памятники XIV в. имѣютъ *и* вмѣсто *е* рѣдко; новгородское Ев. 1355 г.: бе-щ*и*сти (=безъ чести) 51 об., новгородскій Тактиконъ 1397 г.: въздр*и*жание 17 (рядомъ: воздръжания), бесч*и*стья 103 об.; новгородскій Требникъ гр. Шереметева XIV в.: въ т*и*рпипии 40, окт*и*нья (=ектенія) 118 об., -ия 121, предътт*и*ца (род.) 40, твор*и*ць 68 об., растоц*и*ная 75, прегрешн*и*ния

118, в. бещ*и*стии 139 об.; грамота новгор. посадника въ Ригу 1418—1420 г.: на его брата на Орт*и*мью, съ Орт*и*мьею (то же лицо въ грамотѣ новгор. архіепископа въ Ригу 1418—1420 г. именуется: Ортѣмья); сѣверно-великорусскій Погодинскій сб. нач. XV в. № 872: исп*и*рва 228, т*и*рьпя 231 об., т*и*рпяхъ 236, до дьв*и*рии 233 об., дв*и*ри (род. ед.) 233 об. (дважды), родит*и*лема моима 231 об.; псковской Прологъ 1383 г.: створ*и*ние; псковское Лукино Ев. 1409 г.: тр*и*тьюя (род.). Лишь часть приведенныхъ данныхъ имѣетъ *и* на мѣстѣ *е* несомнѣнно безъ ударенія; въ прочихъ возможно или необходимо видѣть *и* съ удареніемъ. Это послѣднее *и*, вмѣстѣ съ спорадическимъ *и* въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: щ*и*ль (=щель), д*и*нь (=день), дв*и*рь, л*и*бедь и т. п., можетъ быть легко объяснено въ связи съ *и* вмѣсто *е* безъ ударенія. Напримѣръ, *и* въ ч*и*сть, дв*и*рь могло явиться на мѣстѣ *е* съ удареніемъ подъ вліяніемъ *и* въ ч*и*стьной (=честной), дв*и*ри́ (=двери́, род.-дат. ед.). Но необходимо имѣть въ виду, что новгородскіе, псковскіе и вообще сѣверно-русскіе памятники XIV и слѣдующихъ столѣтій, имѣющіе *и* вмѣсто *ъ*, обыкновенно имѣютъ спорадически и *ъ* вмѣсто *и* и въ значеніи *и*: сълa=сила и т. п. Отсюда возможность, у маловнимательныхъ писцовъ, случаевъ употребленія какъ *и* вмѣсто графическаго *ъ*, на мѣстѣ *е*: твор*и*ць вмѣсто твор*ъ*ць=творецъ, такъ и *е* вмѣсто графическаго *ъ*, на мѣстѣ *и*: кадельница вмѣсто кад*ъ*льница=кад*и*льница. Срв. въ Тріоди 1311 г.: кадельницю 71 об.; въ Прологѣ 1356 г.: пресный другъ 84 об.; въ Прологѣ 1383 г.: друженою. Такъ какъ рукописи новгородскаго происхожденія въ XIII—XV вв. обращались въ средней Россіи и здѣсь переписывались, то 1) *и* на мѣстѣ *е* и 2) *ъ* и *е* на мѣстѣ *и*, явившіяся графически въ нѣкоторыхъ не народныхъ словахъ, перешли въ памятники средне-русскіе вообще и московскіе въ частности и вмѣстѣ — въ средне-русское произношеніе этихъ словъ. Коломенская Палея 1406 г. имѣетъ: апр*ъ*ль 12 (срв. соврем. великор. апре́ль), кум*ъ*ръ 62 и др.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: друженою 150, 219; Кіевскій Помянникъ первой половины XVI в. (о которомъ см. стр. 18): Евг*и*нія (срв. въ Ипатск. сп. лѣт. Офросьнья 422; срв. также соврем. южно-великор. Алги́нья), Огрофьна,—ена (при Огроф*и*на; срв. соврем. южно-великор. Аграфе́на, малор. Г'орпи́на=Агрипп*и*на), Окулена.

Переходъ *е* **въ** *а*. Въ части галицко-волынскаго говора перешло **въ** *а* то *е*, которое звучало послѣ *j* въ формахъ им.-вин. ед. средн. рода: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: умноженья, куръглашѣнья; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: кураглашенья; Житіе Саввы Освящ.: ослушания напо створи 87 об. (здѣсь еще: Софроньяву чадь 122); Ев. Верковича XIV в.: умножения 48; Слова Ефрема Сирина 1492 г.: весѣлья; Пересопницкое Ев. 1561 г.: то есть выображеня и написаня, выпло выреченя, нападеня (часто). Оно сохраняется во многихъ малорусскихъ говорахъ и въ настоящее время: каміння, насіння, зілля, весілля и т. п. (—ння, —лля изъ —нья, —лья).

Обще-русское *е* изъ древняго *е* и изъ *ь* и сѣверно-русское *е* изъ *ъ*, какъ неударяемое, такъ и ударяемое, въ старомъ псковскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—подвести которые подъ общіе законы мы не можемъ—съ теченіемъ времени стало произноситься столь открыто, что наконецъ или очень приблизилось къ *а*, или даже отожествилось съ *а*. Псковскіе памятники XIV—XV вв. имѣютъ уже значительное количество случаевъ употребленія буквъ и *я* на мѣстѣ *е*, *ъ*: Апостолъ 1309—1312 г.: сѣеться въ нечьстия; Параклитикъ 1369 г.: при посадницѣ при Костромя, поите испраливающя (запись), прославихъ твоя божество (почти несомнѣнно: твоя́), всемирноя слово, на покаяния, солнца омрачашеся, в пучиня, въ чревя, въ вратяхъ, лютя, агняца, коляснцами; Прологъ 1383 г.: пришьствия Христово, оружие своя, дѣтища сыи, повѣдаша старець, срѣтя, идя (аор.), покаяниямь, учителямъ (твор. ед.), на мѣстя; Лукино Ев. 1409 г.: имя моя, сердца ваше, ища далеча, ястя (2 л. мн.) и др.; Трефолой 1446 г.: довляеть 6 об., ангелы сбирающа вся языкы 66 об., господне пришествия 152 об.; приписка 1468 г. въ Стихирарѣ 1422 г.: въ обитель на Завелицья; Палея 1494 г.: при великомъ князи царя (почти несомнѣнно: царя́) всея Русі, запись. Время перехода псковского *е* въ *а* мы, за недостаткомъ памятниковъ, не можемъ опредѣлить даже приблизительно; но несомнѣнно, онъ начался задолго до XIV в., въ то время, когда еще не успѣло развиться *о* изъ *е*, и въ XIV в. былъ уже законченъ.— Необходимо имѣть въ виду, что псковской говоръ въ XIV—XV вв. былъ акающимъ (см. выше) и что многіе изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *а*, *я* на мѣстѣ *ъ*, *е* вполнѣ объясняются аканьемъ.

Великорусскіе говоры, можетъ быть, потому что въ нихъ широко распространился переходъ *е* въ *о*, не знаютъ перехода ударяемаго *е* въ *а*, а переходъ неударяемаго *е* произошелъ въ нихъ чрезъ посредство *о* и не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого отношенія къ выше указанному явленію псковскаго говора. Звукъ *а* въ формахъ сравнительной степени: Евангеліе 1357 г., написанное въ сѣв. Галичѣ: легчая будеть 33, дважды; Ев. 1358 г., написанное, кажется, въ московской области: лжѣя ѥму бысть 11 об.; Ев. 1393 г., написанное тамъ же: легчая будеть 70 об.; Ев. 1399 г., написанное, вѣроятно, тамъ же: легчая будеть 33, 59; Домострой по сп. XVI в.: множая 76, крѣпчяя 124; письма Петра Великаго: скоряя; современн. великорусск. крѣпчая, сильняя, красняя, сильнѣя, краснѣя,—едва ли не есть результатъ ассимиляціи конечнаго *е* съ предшествующимъ *а* (легчая) и послѣдовавшаго затѣмъ дѣйствія аналогіи (лжѣя); срв. сѣв.-великорусск. дѣлатъ, игратъ изъ дѣлаетъ, играетъ чрезъ посредство дѣлаатъ, играатъ.—Звукъ *а* въ великорусско-бѣлорусск. кромя́, окромя́ (Ев. Тяпинскаго: кромя жон), въ великорусскомъ опосля́ и въ великор.-бѣлоруск. нельзя (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: нѣлзя 439, нелзя 461; въ зап.-русск. Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: нелзя 154 об.; въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. нѣсколько разъ: нельза), при крѣмъ, пѣслѣ, древне-русск. нѣльзѣ (Святославовъ Сб. 1073 г. 6, 130; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 188. и др.),—неясенъ по образованію; срв. съ кромя—польск. kromia, моравск. kroma, съ опосля—малорусск. після, съ нельзя—старую форму имен. ед. льзя: Пандекты Антіоха XI в.: кая *льзя* ѥсть 87 об.; ст.-сербск. не бо ѥ льза извѣщати, не бѣ льза жити (словарь Миклошича); ст.-польск. nieiza (Żywot Jozefa, Рея; Proteus 1564 г. и др.); современн. словацк. lza, моравск. jza=lzu (Bartoš); срв. окончанія въ ц.-сл. трѣбѣ и въ пол.-чешск. třeba; срв. наконецъ др. русск. нельга=нельзя (Новгородск. лѣт. XIV в.: нелга 24); но въ всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы онъ произошелъ изъ *ѣ*.—Формы съ ударяемымъ *а* въ родѣ великорусскихъ сѣмя́нъ, время́нъ, племя́нникъ, стремя́нный, безъимя́нный (Пушкинъ) обязаны своимъ *а* вліянію формъ им.-вин. на *мя*: сѣмя, время и т. п. Срв. въ новгородскихъ Праздникахъ XII—XIII в. (Тип. Б. № 330): пламяньныя стрѣлы 44 об.; въ Ев. 1354 г.: знямянии сихъ 4 об., знамянья 6 об., 9, знамяна (аор.) 11 и т. п.; въ Ев. 1357 г.: зна-

мянья 123 об., знамянавше 58, 151 об. и др.; въ Ев. 1393 г.: сѣмянъ 44, 66 об., сѣмяни 90, времяни 101, 126 и др.; въ Ев. 1399 г.: времяна 24 об.; въ Лаврентьевскомъ сп.: по времянѣхъ, времяньныхъ, пламянь, знамянья, имяна, племяни и т. п. Др.-русск. доколя (грамота литовскихъ князей 1350 г.), соврем. малор. відкіля имѣютъ *а* заимствованное изъ формъ род. ед. муж. р. Сравни въ средне-болг. вставкѣ въ Зографскомъ Ев.: отътола 24; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: докола 6 об.

Впрочемъ нѣкоторые изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ въ настоящее время начинаютъ склоняться къ произношенію неударяемаго *е* послѣ шипящихъ близко къ *а* или какъ *а*: жанихъ и т. п. (при жона́).

Переходъ *а* въ *е*. Звукъ *а* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился послѣ твердыхъ согласныхъ и имѣлъ на себѣ ударенiе, сохранился безъ измѣненiя во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ остался попрежнему открытымъ звукомъ. Не то было съ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*, какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: оно во многихъ случаяхъ ассимилировалось съ предыдущимъ мягкимъ звукомъ и перешло въ *е*.

Псковскiе памятники XIV и XV вв., имѣющiе нерѣдко *а* вмѣсто *е*, имѣютъ также рядъ случаевъ употребленiя *е* вмѣсто *а*, показывающихъ, что *е* вм. *а* въ псковскомъ говорѣ того времени было весьма распространено. Мы читаемъ въ Параклитикѣ 1369 г.: твоѥго хвалениѥ, страшнаго помышлениѥ, из истлѣниѥ, иного прибѣжище, ѥдинаго законодавьце (род. ед.), провѣщелъ, мѣдвенюю, клятва прибабнья; въ Прологѣ 1383 г.: отъ смѣрениѥ, отъ святилище, многа исправлениѥ, своя дѣяниѥ (им.-вин. мн.), старицъ (им. ед.), въ стьклѣници; въ Параклитикѣ 1386 г.: въпиѥше, кровью излиѥною, смереяся, потресеся; въ Трефолоѣ 1446 г.: из ыстлѣніе 113 об., цвѣте (зв.) не увѣдающеи 93 об., доконцае (причаст.) 101 об. и др. Приведенные примѣры показываютъ, что псковское *е* изъ *а* слышалось обыкновенно (но не всегда) или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ. Время, когда закончился въ псковскомъ говорѣ переходъ *а* въ *е*, не можетъ быть нами опредѣлено за неимѣніемъ псковскихъ памятниковъ ранѣе XIV в.

Старый новгородскiй говоръ, повидимому, также зналъ этотъ

переходъ. Данныя старшихъ новгородскихъ памятниковъ: Минея 1095 г.: въждедая 201, суграженинъ 222; Минея 1097 г.: дивѣщеся 380; Путятина Минея XI в.: большиимъ 98; Стихирарь Академіи Наукъ XII в.: учецую, могли бы указывать на глубокую древность новгородскаго *е* изъ *а*, если бы ихъ можно было считать достовѣрными, т. е. не ошибками и не описками. Данныя новгородскихъ памятниковъ послѣдующаго времени: Трефолой 1260 г.: святого Георгиѥ; Кормчая ок. 1282 г: освященѥть 462 об.; Ев. до 1362 г.: Ѥмилиѥна 160; Новгородская лѣтопись: до Днѣпрь 197 (сравни. отъ Днѣпря 198, Днѣпрю 158); Ев. XIII—XIV в. Публ. Библ. (F. 17): знамениѥ велика (мн.) 42, имѣя притяжения многа 45; Требникъ гр. Шереметева XIV в.: печаль приѥт мя 87, просвѣщеѥть 98,—въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ современныхъ потомкахъ стараго новгородскаго говора, и также не внушаютъ довѣрія; только притяжения, освященѥть могутъ передавать особенность живаго языка и указывать на существованіе въ немъ *е* изъ *а*.

Нынѣшніе сѣверно-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, почти всѣ знаютъ и послѣдовательное употребленіе *е* изъ *а*, въ слогахъ какъ неударяемыхъ, такъ и ударяемыхъ, почти исключительно при послѣдующемъ мягкомъ согласномъ: петь=пять (но пятой), потерели (но потерялъ), грезь, печель, хозеинъ. Чередованіе *е* и *а* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ и словахъ (петь и пятой, потерели и потерялъ) повело въ этихъ говорахъ къ появленію *а* на мѣстѣ *е* (*ѣ*) въ словахъ въ родѣ развя́ртывать, распля́тывать, прясной, помя́лышко, по преимуществу въ слогѣ съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ.

Нынѣшніе южно-великорусскіе говоры, болѣе или менѣе сильно акающіе, равно какъ и близкіе къ нимъ говоры бѣлорусскіе, знаютъ однородное употребленіе *е* изъ *а*, но не послѣдовательное, а спорадическое, болѣе или менѣе рѣдкое: апе́ть, гле́дя (глядя), руме́ниться, пака́ніе (=покаяніе) и т. п. Срв. въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: непреетелю 206; въ зап.-русск. Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 г.: неприетеля 177 об.

Сверхъ великорусскихъ говоровъ, мягкое *е*, или *є*, изъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* извѣстно въ нѣкоторыхъ западныхъ малорусскихъ говорахъ: галицк. тєжко, жєль, им. ед. шаблє, род. коня

(отсюда кое-гдѣ *i*: жiль, жiти, чiсто=жаль, жати, часто; сравни въ Виршахъ Кассіана Саковича, напечатанныхъ въ Кіевѣ въ 1622 г.: молчiня=молчанье). Здѣсь оно является какъ безъ ударенія, такъ и подъ ударенiемъ, безразлично въ слогахъ съ послѣдующими мягкими и въ слогахъ съ послѣдующими твердыми согласными. Время появленія этого *е* мы не въ состояніи опредѣлить; всѣ данныя галицко-волынскихъ памятниковъ, начиная съ Добрилова Ев. 1164 г., которыя имѣютъ *е* вмѣсто *а*, не внушаютъ довѣрія.

Ассимиляція гласныхъ. Мы уже упомянули (стр. 87) объ ассимиляціи *е* съ предыдущимъ *а* въ сѣверно-великор. формахъ сравнит. степени крѣпчая, сильняя; она здѣсь произошла несмотря на нахожденіе между ассимилировавшимися гласными *j*. Однородные спорадическіе случаи ассимиляціи гласныхъ двухъ сосѣднихъ слоговъ сло́ва извѣстны въ русскомъ языкѣ издревле. Уже древнѣйшіе русскіе памятники знаютъ скърьбъ, скърбъ, скербь (*е* изъ ъ), рядомъ съ скърбь (=ц.-слав. скръбь); мъдълити, медлити, мъдълнъ (Юрьевск. Ев. XII в. 2 об.; обще-слав. мъдьл-; срв. въ московскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. мотчаніе, изъ мъдъчаніе, замедленіе); тънъкъ (Святослав. Сборн. 1073 г. 149 об., 150; Учител. Ев. Константина Болгарскаго XII в. 242 об., Житіе Нифонта 1219 г. 43 об. и др.; ц.-слав. тънькъ, ср.-болг. тенокъ, польск. cienki); золоба (Святослав. Сборн. 1073 г. 94, 105, 113 и др.), рядомъ съ зълоба, обще-слав. зълоба; телесе, -и, -а и т. д., телесьнъ и т. п., при тъло (ц.-слав. тълесе и т. д.); делесе, -и и т. д., при дъло (ц.-сл. дълесе и т. д.); бъсѣда, -овати (Святослав. Сборн. 1076 г., Архангел. Ев. 1092 г., Юрьевск. Ев. XII в., Тріодь Моисея кіевлянина и др.; обще-слав. бесѣда); гратань (Лѣствица XII в. Рум. Муз., гал.-волынск. Часословъ XIV в. Публ. Библ.), рядомъ съ грътань, обще-слав. грътань; чалядь, -инъ Ев. 1393 г. 100 об., Лаврентьевск. сп. лѣт. 53, 48), рядомъ съ челядь.

Галицко-волынскіе памятники XIII—XIV вв. имѣютъ багатъ, багатьство (Указатель ев. чтеній XIII—XIV в. при Галицк. Ев. 1144 г.; Тріодь XIII в. Син. Б. Усп. № 8); срв. современн. малор. бага́тий, гара́здъ, гаря́чий при сѣв.-великор. богатый, гораздо, горячій.

Средне-русскіе и западно-русскіе памятники XIV—XVII вв. (особенно московскія грамоты XVI—XVII вв.) имѣютъ татрать (между прочимъ въ записи зап.-русск. Сборника 1490 г. Уваров.

№ 613), при тетрать, Савастьянъ (между прочимъ въ Прологѣ 1262 г. 97 об., въ надписи 1344 г. на переплетѣ Ев. XIV в. и въ духовной Дмитрія Донского), Герасимъ, Ганадей, Маланья; срв. современн. отчасти великорусскія, отчасти обще-русскія имена Савастья́нъ, Гера́симъ и т. п.

Изъ другихъ случаевъ ассимиляціи гласныхъ стоитъ отмѣтить: обще-русск. сиди́шь, сиди́ть и т. д., при др.-русск. сѣжю, сѣдишь, сѣдить и т. д., ц.-слав. сѣждѫ, сѣдиши, сѣдитъ и т. д., неопр. сѣдѣти; изъ формъ, гдѣ послѣ ассимиляціи явилось два *и*, *и* послѣ *с* перешло въ формы 1 л. ед. и 3 л. мн., неопредѣл. накл., причастія и др., такъ что теперь слышится велиликор. сижу́, си́дя (сидящю въ Паисіевомъ сборн. к. XIV в., л. 35), малор. сижу, сидіти;—великор. тепе́рь, тепе́ре, тепе́ре-ча, малор. тепе́ра, тепре́, бѣлор. цепе́ръ, рядомъ съ топерь, топе́ре и т. д., при ц.-слав. топръвое (двѣ формы ср. р.; Поученія Кирилла Іерусал. XII в.: видить сего топръвоѥ ѥгоже видяаше и прѣжде 27), др.-русск. топьрьво, топерво (Чудовск. Нов. Завѣтъ 15, Лаврентьевск. сп. лѣт. 119, Ипатск. сп. лѣт. 199, 380 и др.), откуда, по отпаденіи конечнаго *о* и конечнаго *в*, съ одной стороны—топерьвъ, топерь, топеревъ, топере, съ другой, послѣ ассимиляціи *о* съ *е*,—теперьво, теперь и т. д.;—обще-русск. цолова́ти, откуда современн. сѣверно-великор. цолова́ть, цюлова́ть, цолую и т. д., малор. цюлува́ти, рядомъ съ ці́лувати, при ц.-слав. и др.-русск. цѣловати; формы съ *о* появляются въ памятникахъ XIV в. (полоцкая грамота 1399 г.) и обычны въ грамотахъ XVI в. (грамота 1547 г.: цолую, -ешь, -овавъ, цоловальники; грамота 1568 г.: цолованью; Акты Юридич. 51, 294);—великор. ребёнокъ, рядомъ съ робёнокъ, при др.-русск. робъ, роба, робенькъ; срв. старо-польск. robionek (Шарошпатацк. Библія 150).

Ассимиляція гласныхъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что при нахожденіи въ двухъ сосѣднихъ слогахъ сло́ва болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу гласныхъ, одинъ изъ этихъ гласныхъ отожествляется съ другимъ. Обыкновенно болѣе сильнымъ гласнымъ является второй; повидимому, всегда болѣе слабый гласный бываетъ безъ ударенія.

Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ. Кромѣ глухихъ ъ и ь, ослабли и потомъ исчезли изъ произношенія также другіе гласные, неударяемые.

Изъ *начальныхъ* гласныхъ подвергся послѣдовательному отпаденію въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ неударяемый звукъ *и*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, по преимуществу передъ одиночными согласными или легкими для произношенія группами согласныхъ. Несомнѣнно, сначала *и* составляющее слогъ перешло въ *и* не составляющее слога, а потомъ исчезло (срв. ниже переходъ *у* составляющаго слогъ въ *у* не составляющее слога). Юго-западно-русскія и западно-русскія грамоты XIV и XV вв. уже часто имѣютъ *мѣти* вмѣсто *имѣти*, *мати* вмѣсто *имати*, *меновати* вм. *именовати* и *зъ*, *съ* (*зо*, *со*) вмѣсто *изъ* (*изо*): грамота Свидригайла 1422 г.: служити мѣетъ; грамота Свидригайла 1472 г.: верху мѣнованая мѣста, и т. п. Сверхъ того, можно указать на не мамъ царя, пия крови мъю (ъ=*о*) мать живъта, мъзды не мате, вѣру мѣте мнѣ въ Галицкомъ Ев. 1283 г. 111 об., 10, 61 об., 24; на нѣ мате= не *и*мате въ галицко-волынскомъ. Бучацкомъ Ев. XIII в. 50 об., и на незмѣньиому въ зап.-русской (вѣроятно) Псалтыри 1296 г. 108 об. Современные малорусскіе говоры имѣютъ *мати*, *маю*, *маешъ* и т. п. вмѣсто *имати*, *имаю*, *грати* вмѣсто *играти*, *ськати* (искать въ говорѣ) вмѣсто *искати*, *гоика* вмѣсто *иголка*, *наче* вмѣсто *иначе* и др.; сверхъ того, въ нѣсколькихъ словахъ мы находимъ слѣдъ отпавшаго начальнаго *и* въ *j*: мати *йі* синъ (при *и*: отець *и* синъ). Бѣлорусскіе говоры знаютъ отпаденіе начальнаго *и* въ общемъ въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ и малорусскіе говоры; великорусскимъ говорамъ, за исключеніемъ немногихъ смежныхъ съ бѣлорусскими, переходныхъ, это явленіе чуждо.

Такъ какъ предлогъ-префиксъ *изъ* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ сталъ употребляться въ однихъ случаяхъ безъ *и*, въ другихъ съ *и* и часто звучать одинаково съ предлогомъ-префиксомъ *съ*, то произошло полное смѣшеніе *изъ* и *съ*, т. е. употребленіе *изъ*, *зъ* (*зо*) съ значеніемъ *съ*. Мы находимъ въ Галицкомъ Ев. 1283 г.: другъ къ другу *ис*тязапася 121; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *ис*твори, *ис* нимь, не *ис*съблажнитеся; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: тягатися *ис* королемь, поити *ис* татары; въ галицкой грамотѣ 1371 г.: божіемъ *ис*творѣньемъ, торговля *ис*талася; въ грамотѣ Витовта 1383 г.: *з* лѣсомъ, *з* лугами; современн. малорусск. *ізъ* тобою, *ізняти* (=сняти) и т. п. Должно замѣтить, что въ галицкихъ грамотахъ XIV в. еще обычно древнее *съ* (*со*); такъ, въ грамотѣ 1366 г.: *со* всѣмъ, *с* колодяземь, *с* мѣстичи.

Изъ другихъ гласныхъ отпали: начальное *е* (*je*) или *о* въ великор. *рябъ*, *рябчикъ*, *рябина* и т. п., при малорусск. (галицк.) *о*рябокъ (срв. ц.-слав. ѥрѧбь, польск. jarzębina и др.) и въ малор. *ще*, при др.-русск. ѥще, *о*ще; начальное *о* въ великор. *ружье́* при др.-русск. *о*ружьѥ (еще у Кантемира и В. Майкова *ружье* употребляется въ значеніи оружіе вообще; печатн. Книга о ратномъ строеніи 1647 г.: ружье; московск. грамота 1676 г.: бердыши или иное какое ружье, Доп. къ Акт. Ист. VII, 71); начальное *у* въ *серязь*, *серьга*, при др.-русск. *у*серязь (Скорина: вынялъ есмь серязи, Бытіе, 42; печатн. Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: по златой серазе 92; духовныя московск. вел. князей XIV в.: серьга).

Къ числу случаевъ отпаденія *конечныхъ* чистыхъ гласныхъ прежде всего нужно отнести отпаденіе *ѣ*, или, точнѣе, *е* образовавшагося изъ *ѣ*, въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ формахъ род. пад. ед. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женск. рода, т. е. въ формахъ въ родѣ добро*ѣ* (собственно: добро*jѣ*), сине*ѣ*, то*ѣ*, ваше*ѣ*. Его результатомъ было образованіе формъ съ *j* на концѣ: доброj, синеj, тоj, вашеj. которыя употребляются нами теперь; впрочемъ, формы на *ѣ* еще сохранились до настоящаго времени, особенно въ языкѣ пѣсенъ. Когда сталъ исчезать въ нихъ конечный *ѣ*, сказать трудно, такъ какъ въ старыхъ памятникахъ *j* передавался буквою *и*, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ *и*=*и* и гдѣ *и*=*j*. Старшій памятникъ, намъ извѣстный, гдѣ мы можемъ указать отсутствіе *ѣ*,—новгородское Евангеліе до 1362 г.: радости ваш*е* никто же възметь 125; здѣсь писецъ не сумѣлъ передать на письмѣ *j* и не означилъ его никакою буквою; новгородская грамота 1392 г.: купцовъ *се* сторонѣ поморья (рядомъ: безо всяко*и* хитрости); полоцкая грамота 1465 г.: ваш*е* милости слуга. Малорусскіе говоры сохранили здѣсь *і*, *є*=*ѣ*: добро*і*, добро*є*. Кромѣ формъ род. п., мы не находимъ конечнаго *ѣ* въ частицѣ *вѣдь*, нѣкогда бывшей формою 1-го л. ед. перфекта вѣ́дѣ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: то вѣд*ѣ* яла вы рота 269. Эта форма употребляется въ значеніи *вѣдь* также въ церк.-славянской Супрасльской рукописи; срв. старо-чешск. vědě=enim (Виттембергская Псалтырь XIV в.: cso vědě mně=quid enim); съ остаткомъ древняго значенія *вѣдь* является въ современномъ не́ *вѣдь* какой. Равнымъ образомъ отпалъ конечный *ѣ*—далеко не всегда—въ нарѣчіяхъ доко*лѣ*, отко*лѣ*, досел*ѣ* и т. п., сквоз*ѣ*; первое изъ нихъ безъ *ѣ* находится уже въ Новгородской лѣтописи: доко*ль* 142.

Формы творит. п. ед. словъ женскаго рода и личныхъ и возвратнаго мѣстоименій во многихъ случаяхъ въ великорусскихъ говорахъ утратили конечное *у*, сохранивъ бывшій передъ нимъ *j*: жено*й*, добро*й*, изъ жено*ю*, добро*ю*. Случаи, гдѣ отсутствуетъ это *у*, встрѣчены нами въ Житіи Нифонта 1219 г.: молитв*о* и постъмь 66 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: Христовою сил*о* вѣща 41 об.; въ Ев. XIII в. Публ. Библ. (F. I. п. 9): со мн*о* ѥсте 11; въ Прологѣ 1356 г: он же третиц*е* пославъ бѣсы 32; въ Лаврент. сп. лѣт.: хочю имѣти миръ с тоб*о* твердъ 70; въ Прологѣ Син. Библ. XIV в. № 247: постомь и молитв*о* милостынею смѣреньемь 34; въ Паремейникѣ 1378 г.: приятъ милоть свою и удари ѥ въ воду 7 об. (срв.: простре Моисѣ руку 6); въ новгородской грамотѣ 1392 г.: за олексѣево*и* пецатью; въ Служебникѣ препод. Сергія к. XIV в.: молитва надъ кутье*и* 49 об.; въ двинской рядной XIV—XV в.: дворяниномъ Матуто*и* Мартынкомъ; въ коломенской Палеѣ 1406 г.: узою то*и* держаться 5, съ Захарьѥ*и* 11; въ сѣв.-великорусск. сборн. Погодинскомъ нач. XV в. № 872: намерзоша телеса ихъ зимо*и* 189; въ Прологѣ 1432 г.: съ озарьин*о* чадью 151. Въ первыхъ и въ послѣднемъ примѣрахъ писцы не сумѣли изобразить *j*, оставшагося въ концѣ словъ по исчезновеніи *у*; въ остальныхъ примѣрахъ писцы передали *j*, по обычаю, черезъ *и*. Отпаденіе конечнаго *у* имѣло также мѣсто въ двухъ нарѣчіяхъ: домо*ю*, доло*ю*, образовавшихся въ великорусскихъ говорахъ изъ древнихъ дом*овь* (новгородская грам. 1189—1199 г. по сп. XIII в., смоленскій договоръ ок. 1230 г., новгородскій Прологъ 1262 г., Новгородская лѣт.), дол*овь* (срв. малорусск. дом*івъ*, дол*івъ*, чешск. dom*ův*, dol*ův*) по образцу формъ творит. ед. и еще сохраняющихся въ живомъ употребленіи; литературный языкъ знаетъ лишь формы безъ *у*: домо*й*, доло*й*, появившіяся относительно поздно (грамота 1666 г.: домо*и*, рядомъ съ домо*вь*, Акты Юрид. 319). Кромѣ формъ твор. ед. и нарѣчій, отпаденіе *у* мы наблюдаемъ въ *нѣ ту*=нѣсть ту; оно произошло не позже XIV в: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: наряда въ неи нѣтъ; договоръ Димитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: мира нѣтъ, воины нѣтъ; грамота кн. Андрея Полоцкаго до 1399 г.: нѣтъ. То же мы видимъ въ великорусскихъ формахъ 1-го л. ед. наст. вр. ча*ю* (у Хемницера: я ча*ю*, всякій знаетъ), благодарству*ю*, пожалу*ю*, которыя обыкновенно произносится ча*й* (у Крылова, гр. А. Тол-

стого и др.: я чай*ѵ*), благодарствуй*ѵ*, пожалуй*ѵ* («пожалуй, я это тебѣ сдѣлаю»; но пожалуй-ста—2 л. повелит. накл.), и въ малорусской формѣ дат. ед. чому въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма употребляется какъ нарѣчіе, въ значеніи зачѣмъ; сравни съ малорусск. чомъ древне-русское чему, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *чему* ты не казаше сыновъ своихъ 269.

Отпаденіе конечнаго *е* мы видимъ часто въ формахъ сравнительной степени въ родѣ скорѣй, сильнѣй изъ скорѣје и т. д. и въ близкомъ къ нимъ нарѣчіи развѣй изъ развѣје. Оно восходитъ къ XIV в. Ев. 1339 г.: не имамъ сдѣ вящи 5 хлѣбъ 96; грамота литовскихъ князей 1350 г.: не усхочеть миру далѣи держати; Ев. 1354 года: отраднѣи будеть земли содомьстѣи неже граду тому 37 об., развии женъ 53 об., развѣи словеси 63; Ев. 1355 г.: земли содомьстѣи легъчаи будеть неже тобѣ 34; Ев. 1358 г.: Туру и Сидону легчаи будеть 41, церкве болѣи есть сдѣ 42, добрѣи бо ти есть 55, да первѣи насытяться чада 79, что есть удобѣи рещи 88 об, вдовица множаи всѣхъ вьверже 132, ученикъ тече скорѣи Петра 219 и др. Буква *и* здѣсь означаетъ, безъ сомнѣнія, *j*. Малорусскіе говоры имѣютъ опущеніе *е* въ формахъ сравнит. ст. въ родѣ більшъ, бульшъ, дальшъ, скорішъ=великор. больше, дальше, скорѣйше. Кромѣ указанныхъ формъ, конечное *е* отсутствуетъ теперь или всегда, или обыкновенно въ великор. лишь=др.-русск. лише (лише по пятидесятъ золотникъ Лаврент. сп. лѣт. 48, Ипатск. сп. лѣт. 30), авось=др.-русск. а осе (Ипатскій сп. лѣт.: Изяславу осе его Володимирь готовъ 270; грамота ок. 1454 г.: а осе приставъ твои; Мейчикъ, 193), здѣсь=др.-русск. сьдѣсе (грамота ок. 1461 г.: имешь жити здѣсе, Акты Археогр. Эксп. I, 51), ужъ=уже, въ обще-русск. жъ=же. По памятникамъ, отпаденіе здѣсь *е* относится къ XIII в.: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: аж бы (нѣсколько разъ); духовная новгородца Климента XIII в.: было *ж* бы ми чимь заплатити; грамота литовскихъ князей 1350 г.: держати исполна жь, тую жь правду; Прологъ 1356 г.: бѣ бо ужь преставилъся 7; Ев. до 1362 г.: нельма *ж* другъ ми приде 70. Нарѣчіе прочь, вѣроятно, во многихъ случаяхъ (но не всегда: малорусск. пр*і*чъ, пол. op*ró*cz изъ древняго прочь) образовалась изъ проче: грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: пошли прочь, договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1330 г.: отступи прочь, Новгородская лѣтопись: прочь 195, 209,

224, 230, рядомъ съ проче 239, 244, 261, 264, 319. Форма 3 л. ед. *дѣ*ѭ сначала утратила *е* и превратилась въ *дѣй*, а потомъ потеряла и *j*: *дѣ*, *де* (очень часто въ московскихъ документахъ XVII в.). Наконецъ должно отмѣтить малорусскія формы 2 л. мн. повелит. н. въ родѣ ідіть = идѣте. Данныя галицко-волынскихъ памятниковъ XII—XIII вв.: въ путь не идѣть и въ градъ не вѣходите, отъ смокве научитьсѧ притъчи, Добрил. Ев. 1164 г. 249, 202, и т. п., не внушаютъ довѣрія (въ нихъ встрѣчается употребленіе ѣ въ значеніи *о*, ъ въ значеніи *е*); Памва Берында въ своемъ Лексиконѣ даетъ носѣть. любѣть. Мягкость въ этихъ формахъ *т* говоритъ за значительную древность отпаденія ихъ *е*.

Отпаденіе конечнаго *а*, обще-русское, мы видимъ въ мѣстоименномъ элементѣ *ся* въ возвратныхъ формахъ глаголовъ: найтисѧ, сдѣлалосѧ, удалосѧ и т. п. Исчезновеніе здѣсь конечнаго гласнаго восходитъ къ XIV в.: новгородская грамота 1373 г.: учинилосѧ, договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г.: надеючесѧ. Стоитъ отмѣтить еще великор. хоть изъ хотя и покáмѣстъ изъ по ка мѣст*а* (вин. мн.), малор. зась прочь (древн. за *ся*; Радзивиловскій списокъ лѣт.: идите за *ся*=Лаврент. сп. лѣт.: опять 83).

Конечное *о* всегда или часто потеряно рядомъ нарѣчій и частицъ: тутъ (древн. и соврем. тут*о*), вотъ (древн. вот*о*, от*о*, малор. от*о*), вонъ (древн. вон*о*, он*о*), какъ, такъ (древн. как*о*, так*о*), тамъ (древн. и соврем. там*о*), камъ, сѣмъ (древн. кам*о*, сѣм*о*), которыя встрѣчаются безъ *о* въ памятникахъ XIV вѣка: договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1330 г.: какъ вѣрхъ, тако исподъ; грамота литовскихъ князей 1350 г.: кде смолвять, тутъ будеть судъ; Прологъ 1356 г. створи же такъ ѥпископъ 11 об., какъ ѥси дѣлъ 67 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: такъ буди 76; Ипатск. сп. лѣт.: позрѣвъ семь и сѣмъ 512.

Конечныя *и* и *ы* иногда утрачены въ энклитической частицѣ *ли*: двинская рядная XIV—XV вв.: виноваты лъ ѥсте; Луцкое Ев. XIV в.: ты лъ ѥси; Четья 1489 г.: видите лъ, вѣруете лъ, во мнѣ лъ; въ *бы*: печатн. зап.-русск. Ев. Гяпинскаго XVI в.: есьли не были *бы* укорочены; и въ нарѣчіи (изъ вин. дв.) обáполы: Житіе Нифонта 1219 г.: дьржаше копиѥ обаполъ ѥго 69; холмская вкладная 1376 г.: обаполъ Бугу; Лаврентьевскій сп. л. (срв. старо-чешск. obapol въ Святовитскомъ сборникѣ 24). Сверхъ того, конечное *и* могло отпадать въ формахъ дат. ед. личныхъ мѣстоименій *ми* и *ти*: Паремей-

никъ XIII в. Тип. Биб. № 157, списанный съ галицко-волынскаго оригинала: сътвори мь ядь 61 об.; Луцкое Ев. XIV в.: приведите *мь* и сѣмо, аще не бы *ть* дано; Ипатскій сп. лѣт.: абы *мь* далъ Богъ, абы мь вѣдомо было, абы мь не зрѣти, досадила *мь* погань, земля *ть* опасена, отъ брата *ть* ото Льва, ци мала *ть* своя земля 591, 611, 613, 592, 573, 600, 601; Скорина: мало ли *ть* еще Быт. 54 об. Кажется, формы *мь*, *ть* извѣстны только въ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ памятникахъ; съ теченіемъ времени они или вышли изъ употребленія, или, можетъ быть, вошли въ составъ сложныхъ частицъ. Во всякомъ случаѣ въ составѣ великорусскихъ нѣтутъ (Русская Правда по сп. ок. 1282 г.), при нѣкоторыхъ тутотка (Ипатск. сп. лѣт.: тутоть ю дати 595) можно видѣть потомство формы *тъ*. Современныя великорусскія мать, дочь, пустынь образовались изъ древнихъ мати, дочи, пустыни подъ вліяніемъ словъ женск. р. на ъ: костъ, ночь и т. п.

Отпаденіе конечнаго *и*, повидимому, имѣло мѣсто также въ сѣверно-великорусскихъ формахъ творит. п. мн. на *ми*: новгородск. Милятино Ев. XII в.: грѣшьникы пріемлеть и съ нимь ѣсть 26; новгородск. Служебникъ XIV в. Рум. Муз. № 399: со всими боящимися тебе и хранящимъ заповѣди твоя 33 об.; сѣверно-русскій Сборникъ Погодина нач. XV в. № 872: обрѣтоста съ нимъ (съ мучениками) стража 191. Современные говоры сѣверно-великорусскіе (почти всѣ) и бѣлорусскіе (нѣкоторые) знаютъ формы твор. п. мн. на *мъ* какъ нѣчто обычное: дѣлать рукамъ, говорить съ вамъ и т. п.

Выпаденіе гласныхъ *въ серединѣ словъ*, болѣе или менѣе общее всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, очень рѣдко и можетъ быть указано прежде всего въ словѣ *десять*, которое въ сложеніи съ другими числительными и при потерѣ ударенія, очень рано начинаетъ являться въ сокращенномъ видѣ: *дьсять*, откуда *тцять*, *тцать*. Мы находимъ его безъ *е*, между прочимъ, въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: единого надьсять, единого надьсяте (нѣсколько разъ); въ новгородскомъ же Паремейникѣ 1271 г.: дванадьсять 62 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: въ трьтьеі надцять главѣ 40 об., шьнадьцять или семинадьцять 177 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: тринадьсять; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1314 г.: полу трьтиядчати; въ Новгородской лѣтописи: поль пятадьсять 96; въ галицко-волынской Тріоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8: обапа-

дьсять 116, 143 об., тридьсять 130 об.,—ти 138; въ галицко-волынскомъ же Бучацкомъ Ев. XIII в.: дъванадьсяте 2 об., 12 об., два— 32, 32 об., 45 об., 57 об., 67 об., осмьнадьсяте 49 об., 59, осмоѥ— 59 об. и др.; въ галицко-волынскомъ же Путенскомъ Ев. XIV в.: обѣманадьсять 22, 57, 66. Въ настоящее время это числительное безъ ударенія звучитъ во всемъ русскомъ языкѣ *тцять, тцать*. Затѣмъ можно считать обще-русскимъ выпаденіе гласныхъ въ словѣ *четырнадцать*, изъ четыре- или четыри-, и въ древнерусскихъ сложныхъ собственныхъ именахъ. Мы находимъ: Святославъ въ Новгородской лѣт. XIV в. 287, 288 (при Свято-), въ Мусинь-Пушкинскомъ сборникѣ 1404 г. 31, въ Словѣ о полку игор.; въ грамотѣ 1386 г. князь смоленскій Юрій называетъ себя: Святославичь; Рославъ, изъ Ростьславъ, Ростиславъ, въ дополненіи къ Новгородск. лѣт. XIV в. (подъ 1402 г.); срв. соврем. названіе города Рославль (=древн. Ростиславль); Выславьское (село) изъ Вышесл- въ духовной в. кн. Ивана Ив.; и т. п. Затѣмъ можно считать древнимъ выпаденіе *о* въ древне-русскомъ названіи города Полоцка: Полтескъ, при Полотескъ (между прочимъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 239). Великорусскіе говоры болѣе или менѣе часто опускаютъ гласные въ ны́ньче, но́ньче при древнемъ ныньча (Паремейникъ XII—XIII в. Типогр. Библ. № 157, л. 57), современныхъ нонеча, нонь, нынь; жерло́ при древнемъ жерело (Прологъ 1262 г., Прологъ 1356 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. Тяпинскаго XVI в.), ц.-слав. *жрьло*; скорлупа́ при древнемъ скоролупа (Сборникъ XIV в. Общ. ист. и др. 75, 83), ц.-сл. *скралупа*; горноста́й (Ипатскій сп. л. 346) изъ гороностай, срв. ст.-чешск. hranostaj, ст.-пол. gronostaj.

Выпаденіе гласныхъ въ серединѣ формъ можно отмѣтить въ только бѣлорусскихъ формахъ род. и дат. ед. моѥго, моѥму и т. п., изъ моего, моему.

Великорусскіе говоры вообще склонны къ опущенію въ серединѣ словъ неударяемыхъ гласныхъ. Въ южно-великорусскихъ говорахъ въ словахъ въ три и болѣе слога вполнѣ легко опускается гласный во второмъ слогѣ передъ ударяемымъ или послѣ ударяемаго и въ слогѣ слѣдующемъ за ударяемымъ: говори́ть, молоде́ць, понмаря́ (род.), вертено́, передава́ть, Хритони́ть, изъ Хар-, и́сподволь, ко́лколъ, хо́тца (=хочется), ба́чка (=батюшка) и т. п. (В. Майковъ: перрядить, Соч. 314, выграбкался 212). Мы всегда или часто

употребляемъ: сто́йло изъ сто́яло (срв. польск. stadło съ *a* изъ *oja*), тыщо́нка (при ты́ща изъ ты́сяча), су́толка, при́толка (при су́толока); фамиліи Кармали́нъ изъ Коромоли́нъ, Карташо́въ (Корташь, прозвище, въ грамотѣ 1631 г. Акты Юр. 181) изъ Короташо́въ, и т. п. Нѣкоторые сѣверно-великорусскіе говоры также имѣютъ выпаденіе гласныхъ: веретно́ изъ веретено́, ви́дла изъ видъла.

Слово заяцъ во всемъ русскомъ языкѣ измѣнилось въ заецъ (по образцу боецъ, пропоецъ и т. п.; Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ Спб. Дух. Ак. ок. 1492 г.: заецъ 488) и стало склоняться какъ большая часть словъ на *ецъ*: зайца и т. д. Это склоненіе существовало уже въ XVI в.: прибавленіе къ Домострою XVI в.: зайцы 144, 146; Житіе преп. Сергія, написанное Пахоміемъ, въ сп. XVII в. (изд. Общ. др. письм.): зайци 79. Впрочемъ гласный могъ здѣсь сохраняться до сравнительно поздняго времени: въ припискѣ къ Волоколамскому Часослову XVI в. № 81 (Моск. Дух. Ак.): Игнатіа Заецева; у протопопа Аввакума: заяцовъ (VIII, 38); у Сумарокова: и много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ (басня «Совѣтъ боярскій»). Малорусскіе говоры еще сохраняютъ формы: заєць, заєця и т. д.

Кстати замѣтимъ, что древне-русское, весьма обычное въ памятникахъ рьку, рьчеши (уже въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. 10 об., 54), рька (причаст.), откуда рку, рка и т. п., не имѣетъ ничего общаго съ только что указанными случаями выпаденія гласныхъ. Въ этомъ глаголѣ образованіе *ь* относится къ древнѣйшей, общеславянской эпохѣ; чешскій языкъ имѣетъ řku, řka и т. п., ст.-польскій—rzkąc, rzkomy; въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в.: рьче 54 об.—То же можно сказать о предлогѣ *для*, который, вѣроятно, родственъ съ предлогомъ *дьля*, но восходитъ къ обще-слав. дьля; срв. польск. dla.

Стяженіе гласныхъ. Древнѣйшіе случаи стяженія относятся къ до-исторической эпохѣ. Мы не знаемъ въ памятникахъ ни одной формы имперфекта въ родѣ дѣлаяхъ, которую бы можно было считать принадлежащей древне-русскому языку, и всегда находимъ только дѣлахъ, со стяженіемъ *aja* въ *a*. Точно также очень рано мы встрѣчаемъ формы имперфекта въ родѣ имяхъ, со стяженіемъ, рядомъ съ имьяхъ, безъ стяженія.—По всей вѣроятности, стяженіе *ыи*, *ии* въ формахъ членныхъ прилагательныхъ началось въ глубокой древности (нзчитающихъ—въ записи Остромир. Ев.). Современ-

ныя бѣлорусскія формы им. ед. муж. р. до́бры, худи́, 2 л. повелит накл. *би* (=бей), *бі́те* (=бейте) должны были получить стяженіе *ыи*, *ии* въ *ы*, *и* еще тогда, когда всякое *и* было еще гласнымъ, не исчезало. Обще-русскія формы твор. ед. до́брымъ и т. п., со стяженіемъ, обычны въ памятникахъ съ болѣе или менѣе чистымъ русскимъ языкомъ, начиная съ старшаго—съ смоленскаго договора 1229 г. Они теперь господствуютъ въ русскихъ говорахъ. Но рядомъ съ ними въ памятникахъ встрѣчаются и формы безъ стяженія; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., при огромномъ большинствѣ первыхъ формъ, имѣются и вторыя: священ*ыим*ъ (тв.) 437. Современные сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ формы безъ стяженія довольно часто: до́бр*ыим*ъ и т. п.; современные южно-великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ безъ стяженія въ разговорномъ языкѣ, но еще сохраняютъ ихъ въ языкѣ пѣсенъ.—Обще-русскія формы глаголовъ *вы*му (неопред. н. выняти), *вы*маю и т. п., состяженіемъ, находятся въ памятникахъ съ XIV в. (въ духовной Дмитрія Донскаго: *вы*муться, *вы*малъ). Они обычны въ говорахъ (при *выни*маю и т. п.).—Изъ отдѣльныхъ словъ очень древнее стяженіе имѣетъ нарѣчіе *внезапу* съ производными. Церковнославянскій языкъ имѣетъ это слово въ видѣ въне*заап*ѫ, въне*заап*ѫ; древне-русскіе памятники съ сколько-нибудь обрусѣвшимъ языкомъ (кромѣ нотныхъ книгъ) знаютъ только въне*за*пу и т. п.; между прочимъ Ипатскій сп. лѣт.: изне*за*пы 360.

Изъ болѣе позднихъ случаевъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить формы род. и дат. ед. притяжательныхъ мѣстоименій мого́, мово, мому́, со стяженіемъ, распространенныя въ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ (часто рядомъ съ мо*его́* и т. д., безъ стяженія); ими пользовался Кантемиръ (Соч. I, 121); въ древнихъ памятникахъ они неизвѣстны (Псалтырь XIV в. Рум. Муз. № 327: чаяхъ спасения твого, едва ли не описка). Затѣмъ можно указать на сѣверно-великорусскія глагольныя формы въ родѣ игр*ать* = игр*аетъ*, игр*амъ* = игр*аемъ*. Древность стяженія здѣсь гласныхъ подлежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ относящіяся сюда извѣстныя намъ данныя памятниковъ (Рязанская Кормчая 1284 г.: подоб*ать* 50; Ев. 1357 г.: иже на кровѣхъ да не слез*ать* възять же еже есть въ храминѣ 123 об.; Ев. 1358 г.: моляше и фарисѣи да обѣд*ать* у него 102; Лаврентьевск. сп. лѣт.: послуш*амъ* 181, 1 л. мн.) ка-

жутся намъ не заслуживающими довѣрія, описками. Наконецъ къ числу случаевъ стяженія гласныхъ слѣдуетъ, кажется, отнести 1) южно-великорусскія (калужск., орловск., курск.) и бѣлорусскія формы род.-дат.-мѣстн. сд. женск. р. тэ́й (=той), одпэ́й (=одной), твор. тэ́ю, одпэ́ю и т. п., худэ́й, слѣпэ́й, яке́й, худэ́ю и т. д., въ основаніи которыхъ легли сравнительно поздпія формы тое́й, одное́й и т. п. (объ нихъ см. ниже), и 2) малорусскія формы им.-вин. ед. средн. р. те, худе́ и т. п., изъ тое́, худое́ и рядомъ съ тое́, худо́е, откуда подъ вліяніемъ нестяженныхъ формъ произошли малор. тее, худе́е; срв. сѣв.-малор. мей=моей (дат.-мѣстн. ед.) и т. п.

Изъ отдѣльныхъ словъ стяженіе гласныхъ наблюдается въ великорусскихъ отчествахъ женск. р. въ родѣ Андре́вна, Никола́вна, изъ Андре́евна, Никола́евна, и т. п., въ великор. ба́ринъ изъ боя́ринъ (рядомъ съ великор. бояры́шникъ), сѣв.-великор. чать (между прочимъ у Ломоносова), чалъ изъ ча́ять, ча́ялъ.

Измѣненія гласныхъ при вліяніи однихъ формъ и словъ на другія—въ русскомъ языкѣ издревле обычны. О нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ уже пришлось упомянуть; теперь укажемъ на слѣдующія.

Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *онъ* часто звучитъ ёпъ, ёна, ена́, яна́, множ. ч.—ёны́, ены́, енѣ́, яны, янѣ́; срв. въ звенигородской грамотѣ до 1491 г.: а енъ не искалъ. Акты Юр. 13. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на форму онъ формъ косвенныхъ падежей: ёму, ему, яму, се́, я́е и т. д.

Мѣстоименный элементъ *ся* въ великорусскихъ глаголахъ часто звучитъ *си*: сажу*си*, сади*си*, попал*си*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ однихъ глаголовъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ на другіе. Нѣкоторые глаголы, сочинявшіеся съ дательн. пад., нѣкогда имѣли при себѣ форму дат. п. мѣстоименія *си*: жалити *си*, съжалити *си*, сѣтужати *си* Жит. Саввы Осв. XIII в., судити *си* Галицкое Ев. 1144 г., Юрьевское Ев., препинати *си*, прѣтъкнути *си* Лѣствица XII в. (Рум. Муз. № 198) 129, годити *си* Патерикъ Синайскій XII в. 45, угаждати *си* Пандекты 1296 г. 43, съгрустити *си* Амартолъ XIV в. 67, сотснути *си* Лаврентьевск. сп. лѣт. 282 (но: съжалишася Жит. Ѳеод. Печ. XII в. 41 об., съжалися Ев. 1339 г. 67, съжаляшеться Новгородская лѣт. 227). Вліяніе ихъ послужило причиною того, что *си* замѣнило собою *ся* и въ рядѣ

другихъ глаголовъ, сочинявшихся издревле съ винит. пад., напримѣръ, въ възвратитися: възвратиси Лаврент. сп. лѣт. 328.

Малорусскія формы прош. врем. и неопредѣл. накл. имѣютъ звукъ *у* на мѣстѣ великорусскаго *ы*: бувъ, була́, булы, бути, забувъ, забула и т. п. Въ старшихъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія подобныхъ формъ не встрѣчается, и только въ Луцкомъ Ев. и въ Ев. Верковича XIV в. мы находимъ причастіе забувенъ (=забывенъ), показывающее, что формы бул и др. въ то время могли уже существовать. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ формъ будущ. врем., имѣющихъ *у*: буду, будемъ и т. д., на формы съ *ы*.

Древне-русскіе памятники (гал.-волынск. Ев. 1283 г., Лаврентьевск. сп. лѣт. 112, 113, и др.) изрѣдка имѣютъ *Я*русалимъ вмѣсто *Ие*русалимъ, *Е*русалимъ; въ новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ 1495 г. мы читаемъ: *Я*рофѣйко (II, 716); въ сѣверно-русскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. обычно: *Я*рофей, *Я*рофій и т. п. (Акты Юр. 445, 336; Доп. къ Акт. Ист. II, 94; IV, 261; X, 20 и др.) вмѣсто *Е*рофей; въ южно-русскихъ документахъ XVI—XVII вв.: *Я*рмола (Арх. Ю.-Зап. Р. VII, 1, 591; VII, 2, 143, и др.) вмѣсто *Е*рмола, *Я*химъ (Арх. V, 1, 140, и др.) вм. *Е*вхимъ, *Е*вфимъ. Современные сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ *Я*рофей, *Я*рофій; въ современныхъ малорусскихъ говорахъ слышатся *Я*рмо́ла, *Я*ре́ма, *Я*вдоха (Евдокія), *Я*втухъ (Евтихій) и т. п. Здѣсь передъ нами слѣдствіе вліянія русскихъ словъ съ корнями *яр*, *яв* на заимствованныя слова съ начальными *ер-*, *ев-*.

VII. Исторія согласныхъ звуковъ.

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ гласныхъ въ серединѣ и концѣ словъ повело къ цѣлому ряду измѣненій въ области русскаго консонантизма. Значительное количество согласныхъ, прежде отдѣленныхъ другъ отъ друга глухими, по исчезновеніи этихъ послѣднихъ очутились рядомъ и должны были подвергнуться ассимиляціи, диссимиляціи, отвердѣнію и т. п.; многіе согласные въ послѣднихъ слогахъ словъ, раньше имѣвшіе послѣ себя глухіе гласные, когда эти глухіе исчезли, сдѣлались конечными звуками.

Ассимиляція и диссимиляція. Старшіе примѣры ассимиляціи и диссимиляціи по памятникамъ относятся по преимуществу къ XIII и XIV вв., но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что большая ихъ часть явилась въ языкѣ много раньше.

Должно думать, что согласные глухіе (отзвучные) *с*, *к*, *т* и др. во всемъ русскомъ языкѣ перешли въ соотвѣтствующіе звонкіе (звучные) *з*, *г*, *д* и др. тотчасъ послѣ того, какъ—съ исчезновеніемъ ъ или ь—соприкоснулись съ слѣдовавшими за ъ, ь звонкими (кромѣ *в*):

Прологъ 1262 г.: *здравъ* (изъ *съдравъ*); Кормчая ок. 1282 г.: *здѣ*, *вѣздѣ*, *здоровиѥ*, *збираютъ*, *з горчицами*; Рязанская Кормчая 1284 г.: *здѣ*, *зборище*, *здравѣи*; Пандекты 1296 г.: *здравиѥ*, *зде*; Поликарпово Ев. 1307 г.: *здрава*, *здѣла*, *збора*, *збудется*; Ев. 1355 г.: *вездѣ*, *въ зборищи*, *здѣ*, *з горы*; Ев. 1357 г.: *здѣ*, *здѣла*, *з безаконьникы*, *збудуться*; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *зборная*, *з дѣтьми*, *з Бѣла озера*, *з горъ*, *з голода*, и т. п.;

Житіе Ипфонта 1219 г.: *гдѣ* (изъ *къде*), *нѣгдѣ*; Рязанская Кормчая 1284 г.: *где*, *нѣгдѣ*; Псалтырь 1296 г.: *гдѣ*; Ев. 1354 г.: *гдѣ*,

нигдѣ; Лаврент. сп. лѣт.: *г* Дорогобужю; Палея XIV в.: *г* дѣдомъ, и т. п. (соврем. великор. *h*дѣ, *h* дому);

Ев. 1354 г.: та*д*бы (изъ та*т*ьбы); Лаврентьевскій сп. лѣт.: сва*д*бѣ (соврем. великор. сва*д*ьба, сва*д*ебка, рядомъ съ сва*т*ьбу Святославовъ Сб. 1076 г., съ сва*т*ъ, сва*т*ать);

Амартолъ XIV в.: два*ж*ды; Ев. 1355 г.: дво*ж*ды 103 об.; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. F. 2: многа*ж*ьды (соврем. великор. два*ж*ды, три*ж*ды и т. п., рядомъ съ дъва*ш*ьды Архангельское Ев. 1092 г.; дъва*ш*ъды Пандекты Антіоха XI в.; три*ш*ьды Уставъ Студійскій XII в.; мъногa*ш*ьды Святослав. Сборн. 1073 г.);

Ев. 1317 г.: заблу*ш*шаго 25 об. (изъ —*ж*ьшаго; соврем. великор. ни*ш*шій, изъ ни*ж*ьшій; низшій—ошибочное правописаніе).

Вѣроятно, къ нѣсколько болѣе позднему времени относится начало перехода согласныхъ звонкихъ въ соотвѣтствующіе согласные глухіе передъ слѣдующими согласными глухими,—можетъ быть, ко второй половинѣ XIII в. (въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы еще находимъ ризкии). Во всякомъ случаѣ въ настоящее время этотъ переходъ свойственъ не всему русскому языку, а лишь великорусскимъ (и то едва ли всѣмъ), бѣлорусскимъ и западно-малорусскимъ говорамъ. Восточно-малорусскіе говоры знаютъ его лишь отчасти.

Поликарпово Ев. 1307 г.: у*с*кими; Ев. 1358 г.: у*с*кими 35, 198, у*с*ка 35 об.; Сильвестровскій Сборникъ XIV в.: у*с*ку 185 об.; Прологъ 1383 г.: тя*ш*кою 134 об.; Мстижское Ев. XIV в.: у*с*ка 31 об.; духовная Дмитрія Донскаго: Желѣ*с*кова слободка, ис Торъ*ш*ку; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: тя*ш*ько 21 об.,—*ш*кою 33 об.; Измарагдъ XIV в. Рум. Муз. и Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавры № 4: тя*ш*ко; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. F. 14: тя*ш*косердні 10; Ев. 1393 г.: по*т*ъкопати 59; Минея XIV в. Рум. Муз. № 1205: сла*т*кими; Паремейникъ XIV в. Тр. Л.: гла*т*кы; Новгородская лѣт.: Блу*т*киничь (срв. Блу*д*ъ); Палея 1406 г.; рѣ*т*ка; духовная в. кн. Василія Дмитр. ок. 1424 г.: коро*п*ку; Четья 1489 г.: свѣ*т*ки 55: Слово о п. иг.: рѣ*т*ко; Лѣтопись Аврамки 1495 г.: на Сковоро*т*кѣ 90, мор*т*кѣ куньи 159; Домострой XVI в. имѣетъ глухіе вмѣсто звонкихъ очень часто: обрѣ*с*ки, ло*ш*ки, но*ш*ки, пиро*ш*ки, изрѣ*т*ка, жи*т*кая; срв. въ Лѣствицѣ XIV в. Публ. Библ. О. 12: недоста*д*ку 8:

Лаврентьевскій сп. лѣт.: дулѣ*п*ьскимъ (при дулѣ*б*ъ), вите*п*ьскаго

355 (откуда Вите*п*ескъ 392), воево*т*ьство 150; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: гра*т*ьстии 39; Путенское Ев. XIV в.: тивѣрья*т*ьскаго 14; Палея 1406 г.: со*п*ьства 206 об.; срв. въ Ев. 1393 г.: Іюда Скаріо*д*ьскыи 34 об.,—ио*д*ьскаго 63 об.;

Лѣствица 1334 г.: *п*ьчела (изъ *б*ьчела); духовная вел. кн. Ивана Ивановича: с о*п*ча (изъ о*б*ьча); Ев. 1357 г.: *п*челъ, о*п*щеѥ; Лаврентьевскій сп. лѣт.: паро*п*ци, Зу*п*цевъ, *т*черь (=*д*ъчерь), *т*ъщерью, моло*т*шюю; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: пріо*п*щитеся 156; Мстижское Ев.: *п*челъ 22 (соврем. великор. *п*чела, малор. *п*чола, *п*щола); Прологъ XIV в. Син. Библ. № 249: чернорисца 91; срв. въ Ев. 1317 г.: по*д*ьщавъшеся 113 об.; въ Лѣствицѣ XIV в. Публ. Библ. О. 12: въкра*д*цѣ 75 об.

Должно замѣтить, что звонкое *в* передъ глухими согласными въ большей части великорусскихъ говоровъ перешло въ *ф*: *ф*торой, *ф* томъ, а въ меньшей части великорусскихъ и во всѣхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ или сохранилось, или—что чаще—перешло какъ въ не образующее слога *ў*, такъ даже и въ полное *у*.

Случаи измѣненія 1) согласныхъ звонкихъ въ глухіе подъ вліяніемъ предыдущихъ глухихъ и 2) согласныхъ глухихъ въ звонкіе подъ вліяніемъ предыдущихъ звонкихъ очень рѣдки: колиж*т*о гал.-волынск. Путенск. Ев. XIV в. 205, 220; куюжь*т*о землю Ипатскій сп. лѣт. 189; пож*ж*и Лаврентьевск. сп. лѣт. 411 (изъ жь*д*и); к*т*е псковское продолженіе XIV в. ц.-сл. Саввина Ев. и гал.-вол. Ев. Верковича XIV в. 129 об. (изъ къ*д*е); соврем. малорусск. б*ж*ола, б*дж*ола (изъ бъ*ч*ела), різ*д*во (изъ рожьс*т*во, роз*т*во; въ южно-русск. грамотѣ 1387 г. слуги Панка: роз*т*во, по роз*т*ве), великор. глуб*ж*е, слаб*ж*е, сѣв.-великор. несёш*ш*а, 2 л. ед.

Затѣмъ мы знаемъ еще слѣдующія измѣненія тѣхъ согласныхъ, которые соприкоснулись между собою послѣ исчезновенія ъ или ь.

Звукъ *к* (древній и изъ *г*) передъ *к* диссимилировался и перешелъ въ *х*: Поликарпово Ев. 1307 г.: мя*х*кы; Ев. 1354 г.: мя*г*ки (*г* здѣсь=*х*), мя*х*кы, *х* коѥи притчи; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: мя*х*кы 30, мя*х*ка 23 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *г* кому (читай: *х* кому), *г* которымъ, *г* камени, *г* кудеснику, *г* Кыеву, *х*ъ киевскимъ (современн. великор. мя*х*кій, лё*х*кій, *х* кому; отсюда мя*г*окъ—съ *г*=лат. *g*—вм. мя*к*окъ).

Звукъ *к* передъ *т* диссимилировался и перешелъ въ *х*: Поликарпово Ев. 1307 г., Лаврентьевскій сп. лѣт.: *х*то; грамота 1542 г.:

дехтярный Ак. Фед.-Чех. I, 88; лохтя Книга о рати. строеніи 1647 г. (соврем. обще-русск. *х*то, великор. *х* тебѣ, *х* тому и т. п., клохтать, при клокотать, ко*х*ти, но*х*ти, дёхтя, ло*х*тя, род., а*х*тёръ, тра*х*тиръ; срв. диссимиляцію *г* передъ *д* и переходъ *г* въ *h*: соврем. то*h*да и т. п.).

Звукъ *ч* передъ *т* диссимилировался и перешелъ въ *ш*: Добрилово Ев. 1164 г.: *шт*о 126; Галицкое Ев. 1283 г.: *шт*о 33 об.; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *шт*о; Архивская Лѣствица XIII в.: *шт*о (соврем. великор. и бѣлор. *шт*о).

Группа *чч* (если не сохранилась) въ большинствѣ случаевъ перешла въ *тч*: великорусск. лазу*тч*икъ (ст.-русск. лазука), поруч*тч*икъ (при порука, = поручитель, Уложеніе ц. Ал. Мих., грамоты XVI—XVII вв.), каба*тч*икъ, пота*тч*икъ, крупи*тч*атый, кося*тч*атое окно (при косякъ); въ небольшомъ числѣ случаевъ изъ группы *чч* получилось *щч*, откуда *щ*: великор. кося*щ*атый, сѣв.-велик. крупи*щ*атой, кирпи*щ*атой, кирпи*щ*икъ (вельская грам. 1619 г. Ак. Юр. 96), пору*щ*икъ (=поручитель, грамота 1636 г. Ак. Юр. 326), великор. пропа*щ*ій (=пропадъ*ш*и-, прич. прош. вр.; документъ вач. XVIII в.: а невѣрка мнѣ въ томъ моемъ пропа*щ*емъ попѣ, Русск. Арх. 1887 г., № 11, стр. 422).

Звукъ *ч* передъ *ш* перешелъ въ *т*: духовная новгородца Климента XIII в.: лу*т*ьшии; Поликарпово Ев. 1307 г.: вя*т*ши 36; Лаврентьевскій сп. л.: лу*т*ши, лу*т*шиѣ; Новгородская лѣт.: вя*т*шихъ 253, 266,—ии 274.

Группа *тш*, какого бы происхожденія она ни была, въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ во многихъ случаяхъ перешла въ *тч*: псковск. Палея 1494 г. Рум. М.: лу*тч*е 15; Домострой XVI в.: лу*тч*іе (=лучьш—) 55, покра*тч*і (=крадъ*ш*и, кра*тш*и) 74, скла*тч*и 105, въ ве*тч*аномъ платіи 71, ве*тч*аное поплатити, новое и ве*тч*аное 86, 89 (рядомъ ве*тш*ана 89, ве*тш*аново 90, сравн. ве*т*ьхъ), каша съ ве*тч*иною 55, ве*тч*иного 118 (рядомъ: ве*тш*ины, салца —ого 56); грамота 1611 г.: ве*тч*ины или свѣжины, Ак. Арх. Э. II, 247; соврем. великорусск. лу*тч*е, припе*тч*и (=педъ*ш*и,пе*тш*ія), ве*тч*ина (при ве*тш*ать).

То же произошло въ серединѣ словъ и съ группою *тщ*: грамоты XVI—XVII вв.: бра*тч*ина (при бра*тщ*ина въ Кормчей ок. 1282 г., въ Псковской судной грамотѣ и др.; срв. бра*тш*ина въ грамотѣ м-

Кипріана 1391 г. Ак. Арх. Э. I, № 11), соврем. великор. бра*тчина*, по*тчивать* (см. стр. 83).

Группа *тщ* въ началѣ словъ отчасти перешла въ *тч* и затѣмъ въ *ч*, отчасти дала *щ*: великор. чапъ изъ *дъщапъ*, *тщапъ*; грамота XV в.: *тщанъ* Ак. Арх. Э. I, 29; грамота 1548 г.: *Тщанниково* (названіе деревни) А. А. Э. I, 207; Домострой: во *тщапехъ* 140, *тчапы* 125; 2-я Новгородская лѣт. XVII в.: *щаны* 92; современное олонецк. *щапъ*; великор. чехвалъ, чивый (разборчивый въ ѣдѣ), вятск. *щивой* (тароватый), малор. *щирий* (срв. польск. szczery) изъ *тъщ*—; великор. *щедушный* изъ *тъщ*—.

Звукъ *ч* передъ *н* во всемъ русскомъ языкѣ перешелъ въ *ш*: запись Ев. 1394—1412 г. (Срезневскій, Св. и з. № XXVII): клю*ш*никъ; Домострой: обы*ш*ный, пшени*ш*ный, гре*ш*невая, брусни*ш*ная; соврем. великор. Ильини*ш*на и т. п., коне*ш*но, ску*ш*но, дѣви*ш*никъ, помо*ш*никъ (изъ помочникъ), пусты*ш*ный, горячe*ш*ный, вѣроятно, бары*ш*ня; малор. серде*ш*ний, безпе*ш*ний, свi*ш*никъ; бѣлор. вѣ*ш*ный, ру*ш*никъ, помо*ш*никъ. Но великор. отличный, сочный, точный, почной, обще-русск. начну, качну и др. сохранили древнее *ч* подъ вліяніемъ родственныхъ словъ съ *ч*: отличить, сочить, точка, почь и др.

Кромѣ этихъ случаевъ ассимиляціи и диссимиляціи, древнихъ и общихъ или всѣмъ, или большей части русскихъ говоровъ, можно отмѣтить еще нѣсколько, сопровождавшихся стяженіемъ или исчезновеніемъ согласныхъ и встрѣчающихся уже въ древнихъ памятникахъ.

Группы *жьс* и *щьс* (*щьс*) во многихъ случаяхъ перешли въ *з* и *с*: смоленская грам. 1229 г.: ризкии=ри*жьс*кии; Новгородская лѣт. XIV в.: варязьская, ладозьско**є** (читай: —зьк—); галицкая грам. 1375 г.: князьство (читай: князьтво); Ипатскій сп. лѣт.: мнискыи=мни*щьс*кыи, Бозкъ=Бо*жьс*къ, названіе города; галицкая гр. 1409 г.: розество (читай: розтво; *е*=ъ); современн. малор. запорозький и т. п. (съ *з* мягкимъ), рiздво (съ *д* изъ *т*);—Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: мъностьвы=мъно*жьс*твы; новгородская грамота ок. 1269 г.: городи*с*кымъ попомъ=городи*щьс*кымъ; Рязанская Кормчая 1284 г.: мни*с*кии образъ=мни*щьс*кыи 153; срв. въ Житіи Нифонта 1219 г.: худо*щьс*твъмь 106; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: мни*т*тии обѣти 172. Великорусское и бѣлорусское нарѣчія не имѣютъ *з* передъ *к*, *т* и

вообще передъ глухими согласными, и одни изъ ихъ говоровъ на мѣстѣ древнихъ *жьс*, *шьс* имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверно-великорусскіе: риськой и т. п.), другіе — въ однихъ словахъ одно, въ другихъ два твердыхъ *с* (московскій говоръ: рисский).

Ч, *т* и *д*, когда за ними слѣдовало *с*, стянулись вмѣстѣ съ нимъ въ *ц*: смоленская грамота 1229 г.: гочкыи==гоцкыи==готьскыи; новгородская грам. 1259—1263 г.: тысяцькымь, нѣмьцкымь, любьцкымь, гоцкыи, новгородцьскыхъ; смоленская грам. 1284 г.: нѣмецкыи. и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: *ц*нѣтася, повелит., ==*тьс*н— (срв. пол. *c*no*t*a==*тьс*п—), *ц*ьтя==*тьс*тя 492, *ц*тю 445; грамоты XV—XVII вв.: *Ц*па(названіе рѣки); срв. *Тьс*па въ договорѣ в. кп. Василія Дмитріевича съ Ѳедоромъ Ольговичемъ. А въ формахъ 3-го лица и неопредѣл. накл. *тс* дало *ц*: великор. несе*ц*а.

Но мѣстоименіе *чьсо*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію формъ чему, чемъ и другихъ, сохраняющихъ *ч*, не превратилось въ *цсо*, *цо* (какъ въ западно-славянскихъ языкахъ), а образовало сначала, чрезъ ассимиляцію *с* съ *ч*,—*чшо*, потомъ *шшо*, *що* (въ великорусскихъ говорахъ), *шо*, *шчо* (въ малорусскомъ нарѣчіи). Срв. малор. вы*шче*, кра*шче*==вы*шьше*, кра*шьше*.

Но глаголъ *чьстити*, настоящ. *чьщу*, *чьстишь*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію словъ честь, почетъ и др. съ *ч*, превратился не въ *цтити*, а въ чтити (въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. л. 71 об.), съ новыми формами настоящаго вр.: великор. *чту*, чтишь и т. д., малор. *ччу*, чтишь и т. д. (срв. древнюю форму почьщенъ== почтенъ въ Лаврент. сп. л. 132, вмѣсто которой списки XV в. Радзивиловскій и Академическій имѣютъ: по*чт*енъ). То же произошло съ формою род.-дат.-мѣстн. ед. отъ сущ. *чьсть*: чти Кормчая ок. 1282 г. и друг., и съ прилагательными *чьстивъ*, *учьстивъ*: нечтивыи Псалтырь 1296 г. 3, 16, 72, чтивыхъ, чтивыя, чтивыми Чудовской Нов. Завѣтъ 68, 70 об., соврем. великор. учтивый. Рядомъ, съ *е* изъ *ь*: великор. честить, чещу, чести, нечестивый. Срв. чешск. ctíti, úcta, uctivý.

С передъ послѣдующимъ *с* въ серединѣ словъ часто исчезло: смоленскій договоръ 1229 г.: рускии, у рускои земли==русьскыи, и т. п. Памятники нерѣдко имѣютъ одно *с* вмѣсто двухъ (одного въ предлогѣ, другого въ началѣ имени; тотъ же договоръ: застапете своюю

женою=*съ* *свое*ю, и т. п.); но здѣсь, какъ и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ неточностью написанія, а не съ особенностью произношенія.

Должно замѣтить, что въ небольшомъ рядѣ случаевъ, гдѣ послѣ ассимиляціи или безъ ассимиляціи явились рядомъ два *с*, первый мягкій, второй твердый, и гдѣ затѣмъ не послѣдовало стяженія этихъ двухъ согласныхъ въ одинъ, тамъ возникла диссимиляція и переходъ перваго изъ нихъ въ *j*: бѣ*и*ство, т. е. бѣ*j*ство, изъ бѣ*жс*ьство, бѣ*сь*ство (Ев. XII в. Публ. Библ. F. 10, л. 58; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 41 об.), современн. бѣлор. Логойскъ (названіе города, др.-р. Лого*жс*ькъ); срв. соврем. бѣлор. молойца, молойцу (=молод*ьц*я, молоц*ьц*я, род.; молод*ьц*ю, дат.), молойчикъ, ойца́, ойцу (=от*ьц*я; отсюда *ой*тецъ), трейти (=тре*т*ій, тре*тт*ій), сѣв.-малор. петнайцять (=—*дь*сять, —*ц*ять), польск. o*j*ca (род. ед.,=от*ьц*я), ga*j*ca (=рад*ьц*я) и т. п.

Мягкое *н* передъ послѣдующимъ твердымъ *н*, находясь послѣ согласныхъ, также исчезло: Стихирарь 1380 г. Тр. Л.: шѣ*сн*ою красотою 37 об.,=шѣ*сньн*ою; кіевская Псалтырь 1397 г.: пламы ог*н*ыи 223 об.; Прологъ XIV в. Тр. Л.: злокоз*н*ый=-коз*ньн*ыи; Толковый Іовъ 1394 г.: болѣз*н*амъ душамъ 2 (рядомъ: болѣз*ньн*аго житья), въ бер*н*ахъ хлѣвинахъ 3 об. (=бер*ньн*ахъ); Палея 1406 г.: болѣз*н*аго сердца 90 об.; сборникъ XV в. Публ. Библ. Q. I. 209: жиз*н*ая врата 28; соврем. великор. болѣз*н*ый, бо́яз*н*о (срв. ц.-слав. богобоязн*ьнъ*), вѣроятно, сквер*н*ый Молитвенникъ к. XIII в. Ярославскаго Спасск. монаст. 192 и друг., Лаврент. сп. лѣт. 128 и др., Амартолъ XIV в. 62 и др., при сквер*ньнъ*. То же *н* передъ твердымъ или мягкимъ *н* послѣ гласныхъ или сохранилось, или перешло въ *j*: сѣв.-великор. ба́йна, уменьшит. баенка (срв. прилагат. бань*нъ*, отъ баня), или перешло въ мягкое *л*: великор. оста*л*ьно́й (при оста́нный), пѣсе*л*ьникъ, свящe*л*ьникъ, соте*л*ьная бумажка, кухо*л*ьный мужикъ, москоте*л*ьный или москоти*л*ьной (въ грамотѣ 1634 г. Ак. Ист. II, 330; срв. москоти*нн*икъ въ грамотѣ до 1491 г. Ак. Юр. 14), десяти*л*ьникъ (въ грамотахъ XVI в.), посла*л*ьникъ (въ грамотахъ XVII в.), малор. лемковск. сі*л*ьникъ (=сѣ*п*никъ), нізи*л*ьний палецъ (=мизи*нн*ый) и т. п.

Ассимиляція согласныхъ и послѣдующаго j произошла въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Она имѣла слѣдствіемъ пере-

ходъ *j* въ мягкіе согласные (послѣ отчасти отвердѣвшіе): малор. су*дд*я (изъ су*дj*а), зі*лл*я (изъ зёл*j*е), камі*нн*я (изъ камē*нj*е), корі*нн*я, збі*жж*а (изъ збō*жj*е) гря*зз*ю (твор. отъ грязь), бѣлор. весе*лл*я, е*лл*ю (=елью), бо*жж*у (=божью), ове*чч*ю (овечью), съ помо*чч*ю, даже *ззі*сй=съѣси (2 л. ед.). Послѣ губныхъ согласныхъ *j* обыкновенно сохранился; впрочемъ бѣлор. воро*ббе́*мъ (=—бьемъ), ры*ббя* (=рыбья), подла*вв*я (=—вье). Два согласныхъ послѣ гласныхъ нерѣдко (особенно въ малорусскихъ говорахъ), послѣ третьяго согласнаго всегда,—стянулись въ одинъ: весі*л*я, камі*н*я; примѣры чего мы находимъ уже въ документахъ XIV—XV вв.: по божіимъ нарожe*н*ю (=нароженью) галицкая грамота 1375 г., богомо*л*е (=богомолье) вкладная 1376 г., печа*т*ю нашею (=печатью) галицкая грам. 1422 г.; срв. въ Бучацкомъ Ев. XIII в.: печа*л*ю и лестью 6. Это указываетъ на значительную древность ассимиляціи *j* съ согласными.

Ассимиляція согласныхъ и предыдущаго j произошла въ формахъ сравнительной-превосходной степени и въ ихъ производныхъ. Когда *j*, оставшійся послѣ исчезновенія *и*, оказался передъ *ш*, онъ могъ ассимилироваться съ этимъ согласнымъ; такимъ образомъ могло получиться двойное, или долгое *ш*, часто обозначаемое въ памятникахъ черезъ одиночное *ш*: Апостолъ 1220 г.: любопривѣ*ш*е быша 53 об.; Златоструй XII в.: старѣ*ш*ина 13; Ряз. Кормчая 1284 г.: старе*ш*ину 110, старѣ*ш*ины (род.) 160 об.; духовная Димитрія Донскаго: стари*ш*ии путь, сыну стари*ш*ему, брата стари*ш*его; Ипатскій сп. лѣт.: стари*ш*иньство 297, т. п.; въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы видимъ здѣсь *щ*: любя*щ*ій (=милый), изъ любѣ*jш*— (срв. форму сравнительной степени люб*н́*е), худя*щ*ій (=очень худой), немудря*щ*ій; малорусскіе говоры имѣютъ формы сравнительной степени скорі*ш*е (=скорѣйше) и т. п. Памятники указываютъ на однородную ассимиляцію *j* съ *с*: Тріодь 1311 г.: мужи галилѣ*с*цѣи; Ирмолой 1344 г.: моисѣ*с*кы 37; Требникъ Шереметева XIV в.: жити*с*кая 3, жити*с*кыя 2 об., 107,—ую 109 об., мусики*с*кимъ 161 об.; но современные говоры, кажется, не сохраняютъ ея даже въ остаткахъ.

Предлогъ-префиксъ *отъ* (иногда звучавшій и безъ *ъ* на концѣ) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно передъ *б*, *г*, *д*, *з*,—ассимилировалъ свое *т* съ послѣдующими согласными и такимъ образомъ измѣнился въ *одъ*. Потомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ другихъ предлоговъ-пре-

фиксовъ съ древнимъ *д*. въ родѣ *передъ*, *надъ*, *подъ*, этотъ предлогъ въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ сталъ звучать съ *д* и передъ другими согласными и гласными: Архивская Лѣствица XIII в.: одиндудь; галицкая грамота 1400 г.: безъ одвукупу; Радзивиловскій сп. лѣт. XV в.: одошла (въ Лаврент. сп. л.: от— 141); Ефремъ Сиринъ 1492 г.: одъ вѣка; печатный Литовскій Статутъ 1588 г.: одыймованье, односити, одъмовити и т. п.

Предлогъ-префиксъ *чересъ* передъ согласными *б*, *г*, *д*, *з* ассимилировалъ съ ними свое *с* и вслѣдствіе этого измѣнился въ черезъ. Потомъ, подъ вліяніемъ предлоговъ-префиксовъ съ древнимъ *з*: *без*, *из*, *роз-*, *въз-*, онъ во всемъ русскомъ языкѣ сталъ звучать передъ разными согласными и гласными съ *з*: современн. черезъ меня, черезъ окно. Это измѣненіе получило начало едва ли позже XV в.: двинская грам. XV в.: черезъ наволоки, черезъ Овинное озеро (Акты Калачова, I, 440); Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ XV в. № 6—1083: чрѣзъ естьства 14 об.; срв. въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: через Берестие, через Дорогычинъ (рядомъ: чересъ Мелникъ); въ Четьѣ 1489 г.: чресо всю недѣлю 2 об.

Выпаденіе согласныхъ. Стеченіе подъ рядъ нѣсколькихъ согласныхъ, образовавшееся послѣ исчезновенія глухихъ, повело иногда къ выпаденію одного или болѣе изъ нихъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ. Примѣры его, отличающіеся древностью:

царь изъ цьсарь (не позже XII в.; но въ Прологѣ 1262 г. еще встрѣчается: цьсарьство);

ѥство изъ ѥстьство, Кормчая ок. 1282 г., Ряз. Кормчая 1284 г., Пандекты 1296 г., Прологъ 1356 г. и др.;

мущина изъ мужьщина; срв. женщина, деревенщина и т. п. слова, образованныя отъ прилагательныхъ на *-скъ*;

полтора изъ полъвътора, Лаврентьевскій сп. л., Ипатскій сп. лѣт., Палея 1406 г.;

бърно изъ бърьвьно, Ев. 1317 г.; берно, Мстижское Ев. XIV в.;

возратитися изъ възвратитися, Ев. 1354 г., Ев. 1355 г., Лаврентьевск. сп. лѣт. и др.;

безмолствовати изъ безмълъвьствовати, Паремейникъ 1378 г.; срв. соврем. великорусск. чуство, здраствуй (безъ *в* передъ *с*);

стокъ изъ въстокъ, Лаврентьевск. сп. лѣт. 24; срв. соврем. сѣв.-великор. здохнуть, спотѣть и т. п. (безъ начальнаго *в*);

очнуться, малор. прошнутись изъ -*чх*нутися; срв. великор. прочухаться и прочхнуться, прочкнуться, ни*шк*ни (молчи) изъ ни *чх*ни, бѣлор. очхнутися;

гончарь (при горьчарь Пандекты 1296 г. 162 об.) изъ го*рнчар*-, гъ*рньчар*- (при горнецъ, польск. garniec); срв.: съсуды гъ*рнь*чаря въ Житіи Нифонта 1219 г. 132, у го*рнчара* въ московской грамотѣ до 1460 г. (Акты Калачова I, 554), Го*рончарьский* конець въ продолженіи 1-й Новгородской лѣтописи (печатн. изд. 355), ст.-пол. Ga*r*czarsko, чешск. h*rn*čiř;

сонце изъ съ*лньце* (малор. и бѣлор. сонце, малор. сонечко);

малор. срібний изъ срѣб*рь*ный; срв. два хресты серебная въ галицкой грамотѣ 1393 г.;

стоканъ изъ *дъ*стъканъ срв. *д*остоканъ въ духовной в. кн. Ивана Ив.; досканецъ (Державинъ) изъ дъс*тъканьць*;

хорь изъ *дъ*хорь; сравни *д*хорѣ, вин. мн., Григорій Богословъ XIV в. Син. Библ. 17, совр. малор. *т*хіръ, польск. tchórz, чешск. tchoř;

берцовый изъ бе*дрьцев*- (срв. бедро);

зга изъ *стьга*; сравни *стьзя*;

изба изъ *истъба* (въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: *исто*бка 56 и т. п. и рядомъ: в ызбѣ 265; въ Новгородской: лѣтописи: *истьба*); срв. нѣм. stube;

сверло изъ свьрь*дьло*; срв. свѣр*дьло* въ Кормчей ок. 1282 г. 562, ц.-слав. свръ*дьло*;

серце изъ сьрь*дьце*, Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 36; Ипатск. сп. лѣт.; соврем. великор. серчать (великор. сер*дечко* и т. п.).

Особенно часто выпаденіе *т* и *д* между предшествующими *с*, *з* (если они принадлежатъ не префиксамъ) и послѣдующими *к*, *л*, *н*, *ц*, *j*, которое началось не позднѣе XIV в.: послaвъ=пос*тьлавъ* Лаврент. сп. лѣт. 63, исный, исного, исному=ис*тьный* въ грамотѣ Ягелла 1388 г., намѣсникъ въ полоцкой грамотѣ 1409 г., прелесникъ въ Четьѣ 1489 г. 223 об., посные, чесно, вмѣсно, лѣсница и т. п. въ Домостроѣ XVI в.; безна=без*дьна* въ Палеѣ 1406 г. 2; Бѣзна, собственн. имя, въ галицк. грам. 1366 г., звѣзное Ипатск. сп. лѣт. Выпаденіе *т* и *д* передъ *к*, *л*, *н* свойственно, кажется, всѣмъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ (великор. невѣска, шеснадцать, склянка, слать=стлать, счасливъ, милосливъ, если=

есть ли, поѣска, позно, исца́, род., спица, срв. *стъпицамъ* колесьнымъ въ Успенскомъ Сборникѣ XII вѣка, ст.-чешск. stpice, при *стоница*, названіе нотнаго знака въ московскихъ пѣвческихъ книгахъ XVII в.,—и т. п.); а передъ *j*—однимъ великорусскимъ (*счасје*, го́*сја*, кре*сја*нинъ, старо*сју*, твор., гвоз*ја*).

Можно отмѣтить еще ст.-русск. церъ, соврем. перецъ, пряный, пряникъ, изъ древняго *пъпьрь* (срв. бѣлор. *по*пряный и т. п.).

Значительное количество случаевъ отпаденія и выпаденія согласныхъ представляютъ намъ собственныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ измѣнились, что трудно узнать ихъ первоначальную форму. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтоп. мы встрѣчаемъ названіе города Бряньскъ рядомъ съ *Дьбряньскъ* (срв. въ грамотахъ московской 1496 г.: *Дбрянескъ* Сб. Р. Истор. Общ., т. XXXV, 222, и зап.-русской 1504 г.: *д*брянскихъ Ак. З. Р. I); первая форма образовалось изъ второй чрезъ отпаденіе *д* (срв. *дьбрь*, *дъбрь*). Названіе города Псковъ (Новгородская лѣт.) произошло изъ Пльсковъ, Плсковъ; названіе города Снятинъ (въ галицкой грамотѣ 1398 г.: снятиньскии)—изъ *Къснятинь*.

Нѣкоторое количество случаевъ отпаденія согласныхъ приходится также на концѣ словъ. Всѣ причастія на *лъ* съ согласнымъ передъ *л* во всемъ русскомъ языкѣ утратили конечный *л*: умеръ, несъ, пекъ и т. п. изъ древнихъ умьр*лъ*, нес*лъ*, пек*лъ*; срв. формы женск. р. умер*ла*, нес*ла*. Древнѣйшій примѣръ причастія безъ *л*, намъ извѣстный, примѣръ впрочемъ сомнительнаго достоинства, находится въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: тъ недугы наша приятъ и болѣзні понесъ 23 об. Далѣе, мы читаемъ въ Тріоди 1311 г.: развѣр*зъ* еси 21; въ Ипатскомъ сп. л.: увер*зъ* еси 180. Въ московскихъ актахъ XV—XVI вв. отсутствіе *л* въ причастіяхъ уже нерѣдко (грамота 1490 г.: тако рек*ъ* посельской, и т. п.), но не постоянно (грам. 1518 г.: сѣк*лъ* тотъ лѣсъ язъ, Ак. Юр.; грам. 1676 г.: настиг*лъ* казакъ, Доп. къ А. И. VII, 11). То же произошло съ нѣкоторыми причастіями на *лъ* и съ именами на *ль* съ согласнымъ передъ *л*; Ев. 1393 г.: прелом*ь* 89 об.; соврем. великор. кора*ль* (=корабль), ру*ль* (=рубль), жура*вь* (=журавль), Яросла*вь*, заро*сь* (=заро*сль*). Въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы часто (не постоянно) встрѣчаемъ отпаденіе конечнаго согласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда слово оканчивается двумя или болѣе согласными: мосъ вм. мос*тъ*, поѣсъ вм.

поѣздъ, шесь вм. шестъ, стрась вм. страстъ, боясь вм. боязнь и т. п. Сомнительно, чтобы оно отличалось древностью; впрочемъ мы читаемъ у Скорины: шерсь козью=шерсть, Исходъ, 66 об. (опечатка?). Къ числу словъ, утратившихъ конечный согласный, едва ли не принадлежитъ великор. *рысь* (бѣгъ); срв. зап.-русск. ристкю (твор. ед.) въ Сборникѣ XV в. Публ. Библ. Q. I. 391, л. 10 об.

Вставка согласныхъ. Рядомъ съ выпаденіемъ согласныхъ мы встрѣчаемъ въ серединѣ словъ и ихъ вставку. Случаи ея рѣдки и ограничиваются очень небольшимъ количествомъ словъ. Это — глаголъ *сѣрѣтати* съ родственными. Прологъ 1262 г.: устрѣтоша 2 об., устрѣте 114 и др.; Ев. 1339 г.: стрѣтоша 10 об.; Ев. 1354 г.: стрѣте, стрѣтоста, стрѣсти; Ев. 1355 г.: стрѣте, устрѣтеніе; Путенское Ев.: стрѣтѣнье 149; Новгородская лѣт.: устрѣте. устретоша, устретение и т. п. Срв. современн. великор. встрѣча, струбъ, строкъ (XVII в. Ак. Калачова III, 307), стражаться (XVI в. Ак. Юр. 132; при срывать и т. п. безъ *т*), малорусск. стрітити и т. п. Сверхъ этихъ случаевъ, звукъ *т* былъ у насъ вставленъ въ церковно-славянскомъ словѣ *срамъ* съ производными, въ которомъ глухаго между *с* и *р* никогда не было. Мы читаемъ въ Стихрарѣ 1157 г.: пострамила 23 об.; въ Лѣствицѣ XIII в. (Рум. М. № 199) страмъ 12 об.; въ Прологѣ 1262 г.: пострамлься 32 об., пострамлени 60,—нъ 67, пострами 70, 70 об. и др.; въ Псалтыри 1296 г.: пострамисте, пострамлени, стрампота и т. п.; въ Молитвенникѣ к. XIII в. Ярославск. Спасск. монаст.: стрампотою 199; въ Тріоди 1311 г.: пострамити; въ Ев. 1339 г.: устрамляють 157 об., и т. п.

Кромѣ *т*, въ русскомъ языкѣ кое-гдѣ произошла вставка *д*: галицкія грамоты к. XIV в.: узоздрять=-въззьрять; Пересопницкое Ев. XVI в.: узьдрѣль, поздрѣль и т. п. (ъ=з); бѣлозерская гр. 1667 г.: взоздря (Ак. Калачова II, 453); Котляревскій: уздрівши (Энеида; срв. соврем. великор. зря, воздриться), современное галиц. здріти и т. п.; соврем. сѣв.-великор. ждрать; Кормчая ок. 1282 г.: добродравиѥ 584 об.=-нравиѥ, соврем. великор. ндравъ; великор. грамоты XVI—XVII вв.: кость индрогова (=инорогова; срв. въ кн. Іова 1394 г.: инърогъ 79 об.); соврем. великор. индрикъ-звѣрь. Въ словѣ *нравъ*, перешедшемъ въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго, глухаго послѣ *н* никогда не было. Здракъ въ Толстов-

скомъ Сборникѣ XIII в. 21, можетъ быть, не принадлежитъ русскому языку. Срв. въ Ряз. Кормчей 1284 г.: нозри 161 об., современн. великор. нозри, безъ *д*.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. Твердые согласные, соприкоснувшись, послѣ исчезновенія слѣдовавшаго нѣкогда за ними ъ, съ мягкими согласными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались мягкими; наоборотъ, мягкіе согласные, когда, вслѣдствіе исчезновенія ь, соприкоснулись съ слѣдовавшимъ за ь твердымъ согласнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались твердыми. Вполнѣ достовѣрные примѣры отвердѣнія и смягченія согласныхъ мы находимъ въ памятникахъ XII—XIII вв. и особенно XIV в.: въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: нивъныхъ, възя, възяти; въ Житіи Ѳеодосія Печ. XII в.: пахашети и 3 об., въ Пантелеймоновомъ Ев.: животъныи 16; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: прискърьбьнъ 120 об.; въ Галицкомъ Ев ок. 1266 г.: снѣдъно, равъны, темъны, правъды, болъна, довольно, алъчьна, алъчюща; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: послѣдъствуетъ 12 об.; въ Псалтыри 1296 г.: ропъщють; въ Бучацкомъ Ев. XIII в. кинисъную 112; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: мъзда, царъство, любъве, ропъщють; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: ятъство; въ Прологѣ 1356 г.: гнѣвъную 51; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: хрестънаго, -ымъ 353; въ московскомъ Ев. 1393 г.: животъныи 29, богатъства 43 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: окрестъная 82; въ Палеѣ 1406 г.: громъныи, зимъныя, умъному и т. п. (часто); въ записи Лѣтописи Аврамки 1495 г.: смоленъского, и т. п. Духовная Дмитрія Донскаго даетъ рядомъ: Орининьское (село), Фоминьское, Напрудьское, съ рудьскими, Устьмерьско, въ братьствѣ (съ мягкими согласными) и Малаховъское, Островъское, московъскихъ, Милолюбъскии ѣзъ (съ отвердѣвшими губными) и т. п. Московскіе памятники XVI—XVII вв. еще имѣютъ: Оболеньскіе, казаньскіе, мещерьскые, государьство (Царственная книга).

Постановка въ приведенныхъ словахъ ъ и ь показываетъ, что въ нихъ произошло измѣненіе качества согласныхъ: одни, прежде мягкіе, отвердѣли; другіе, прежде твердые, смягчились. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что старые русскіе писцы мало заботились объ обозначеніи мягкости и твердости согласныхъ въ серединѣ словъ передъ согласными, и даже въ лучшихъ московскихъ рукописяхъ XVII в. мы находимъ: волпый, силный и др. (постоянно безъ ь послѣ *л*).

Данныя современныхъ русскихъ говоровъ (главнымъ образомъ великорусскихъ, отчасти бѣлорусскихъ) дополняютъ данныя памятниковъ и даютъ намъ кое-какія указанія на счетъ времени отвердѣнія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ. Такъ, обще-русск. душевный, любезный, подземный и т. п. своимъ *е* свидѣтельствуютъ, что въ эпоху перехода *е* въ *о* твердое *н* еще не успѣло превратить предыдущихъ мягкихъ согласныхъ въ твердые; малор. волгний, бiлше, тiлко, бѣлор. болный и т. п. своимъ *л* (не *у*) показываютъ, что отвердѣніе *л* совершилось послѣ перехода твердаго *л* въ неслоговое *у*. Число случаевъ употребленія твердыхъ согласныхъ на мѣстѣ древнихъ мягкихъ въ серединѣ словъ и мягкихъ на мѣстѣ древнихъ твердыхъ въ современномъ русскомъ языкѣ очень велико. Можно замѣтить, что южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ больше отвердѣвшихъ согласныхъ, чѣмъ сѣверно-великорусскіе и малорусскіе. Можно также замѣтить, что твердые губные оказываются наиболѣе неспособными дѣйствовать на предыдущіе мягкіе (мы сохраняемъ мягкіе въ судьба, просьба, Вязьма и т. п.), а мягкое *л*—наиболѣе упорно сохраняющимъ свою мягкость.

Сверхъ того, мы имѣемъ нѣкоторое количество случаевъ отвердѣнія согласныхъ въ концѣ словъ.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка въ окончаніи формъ 1-го л. ед. ч. (дамъ), творит. и мѣстн. ед. ч. мы иногда видимъ *ъ* вмѣсто *ь*, но этотъ *ъ* можетъ быть причисленъ къ числу особенностей правописанія церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ болѣе позднихъ памятникахъ, съ XIII в., *ъ* вм. *ь*, конечно, имѣетъ другое значеніе—указываетъ на отвердѣніе конечнаго согласнаго. Его мы видимъ въ формахъ въ родѣ дамъ (1-е л. ед.), волкомъ (твор. ед.), въ томъ (мѣстн. ед.), и, напримѣръ, въ новгородскомъ Милятиномъ Евангеліи 1215 г. мы читаемъ: прѣдъ отцьмь вашимъ нѣбѣсьнымъ 9 об., прѣдъ олтарьмъ 11, съ братъмъ твоимъ, съ супьремъ твоимъ 11 об., чимъ ся одѣжемъ 14 об., съ Зеведѣомъ 16 об., о друзѣмъ 20 об., на камени семъ 48 об., въздамъ 50 об., дамъ, прѣдамъ 80, и т. п. (часто). Находящіяся рядомъ формы съ *мь* (запись Галицкаго Ев. ок. 1266 г.: умомь грѣшнымъ; рядная Тѣшаты XIV в.: Якымомъ, на томь, и т. п.) свободно могутъ быть объясняемы орѳографическою традиціей. Въ настоящее время большая часть великорусскихъ говоровъ знаютъ конечное мягкое *м* только въ формахъ

именит.-винит. ед. (семь, восемь, озимь), благодаря вліянію формъ другихъ падежей съ мягкимъ *м*; а большая часть говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ имѣютъ конечное *м* всегда твердое (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: семъ; у Скорины: седмъ, осмъ, и т. п.).

Къ нѣсколько болѣе позднему времени относится отвердѣніе конечныхъ мягкихъ губныхъ въ русскихъ говорахъ, особенно въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ: Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: влюбовь 26 об., церковь 27, 31, не удобь 34 об. и т. п. (должно имѣть въ виду, что этотъ новгородскій памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); Ипатскій сп. лѣт.: кровъ, любовъ; Четья 1489 г.: въ церковъ 8,14, создана бысть церковъ 10 об., кровъ 35, ослабъ, ся не противъ, новелит., 33 об., 58 об. и т. п.; Познанскій сборникъ XVI в.: кровъ=кровь; Скорина: кровъ, голубъ; печатный Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: любовъ, церковъ и т. п.; Ев. Тяпинскаго; соврем. малор. и бѣлор. голубъ, кровъ, любовъ и т. п. Впрочемъ, конечное *въ* могло произноситься какъ *ў*.

Съ конца XIII в. въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр., вмѣсто ъ, съ *о* на концѣ, показывающимъ, что конечное *т* этихъ формъ тогда произносилось уже твердо: Паремейникъ 1271 г.: расыплетъ 238, чтутъ 241 об.; Рязанская Кормчая 1284 г.: възметъ 122 об.; Ев. 1323 г.: живитъ 7 об.; Ев. 1339 г.: пиетъ, възглаголютъ, исцѣлитъ 147 об., 149 об.; Ев. 1354 г.: стоитъ 2, достоитъ 17 об., 42 об., 43, успѣетъ ти ся 49 об., напоитъ, погубитъ 50 об., устроитъ 52 об., сшитъ 103 и др; Ев. 1355 г.: просятъ 76, искусятъ и 89, смѣритъся 98, уморятъ 103, отпустятъся 151; Ев. 1357 г.: судитъ; Паремейникъ 1378 г.: родитъ, безмолъствитъ, щадитъ, зритъ. учитъ, избѣжитъ и др.; Ев. 1393 г.: поиметъ 55 об., слѣзетъ 106 об.; духовная Дмитрія Донскаго: вѣдаетъ, перемѣнитъ, имутъ, потянутъ; договоръ Полоцка съ Ригою 1405 года: казнятъ, емлютъ, пустятъ; Палея 1406 г. (часто). Можно еще отмѣтить въ галицкой грамотѣ 1378 г. (Владислава Опольскаго): лежитъ. Въ настоящее время твердое *т* въ формахъ 3-го л. слышится во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ части южно-великорусскихъ говоровъ, а также во многихъ говорахъ малорусскихъ (единственное исключеніе—форма суть, вѣроятно, уже не существовавшая въ живомъ языкѣ въ эпоху отвердѣнія конечнаго *т* и потому сохранившая въ литера-

турномъ языкѣ свой древній видъ; срв. книжную форму имать, находящуюся въ церковныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ и современныхъ).

Одновременно съ формами 3-го л. на *тъ* начинаетъ встрѣчаться союзъ *атъ* (чтобы) въ видѣ *атъ*: атъ ходить Кормчая ок. 1282 г., атъ ны спляшеть, атъ самъ есть (=ѣстъ) Лаврентьевскій сп. лѣт. и др.

Кромѣ того, въ западно-малорусскихъ говорахъ отвердѣло конечное *т* въ формахъ 2-го л. мн. повелит. н.: галицк. берітъ (при украинск. беріть; см. выше, стр. 96).

Много новѣе отвердѣніе конечнаго *н* въ великорусскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ формахъ род. мн.: пѣсенъ, башенъ и т. п. (при деревенъ и др.).

Приведенныя данныя указываютъ на отвердѣніе конечныхъ мягкихъ согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предшествовали гласные. Конечные мягкіе *м* и *т* съ предыдущимъ *с*, также безъ сомнѣнія мягкимъ (срв. погыбънеть Архангельское Ев. 1092 г. 132), благодаря вліянію этого *с*, сохранили свою мягкость, и мы имѣемъ форму 1-го л. есмь и формы 3-го л. есть, вѣсть. Конечно, вліяніе формъ съ отвердѣвшими согласными не осталось безъ послѣдствій: началъ есмъ писати, кончалъ есмъ, запись Лаврентьевск. сп. лѣт.; снѣстъ,ястъ Ев. 1339 г. 147 об.; ѣстъ Ев. 1354 г. 107 об.; есмъ далъ, есмъ благословилъ, дастъ (рядомъ: дасть) духовная Дмитрія Донскаго; вдастъ Палея 1406 г., и т. п.; современн. великор. дастъ, ѣстъ.

Къ числу случаевъ смягченія согласныхъ звуковъ принадлежатъ случаи смягченія подъ вліяніемъ предыдущаго мягкаго согласнаго звука, случаи, имѣющіе мѣсто, между прочимъ, въ двухъ памятникахъ галицко-волынскаго говора XIV в. — въ Поликарповомъ Ев.: жидовьськы, и въ Луцкомъ Ев.: галелѣиськую, сидоньськыя, гдѣ *с* смягчилось подъ вліяніемъ предыдущихъ *j* и мягкаго *н*. Подобные случаи теперь встрѣчаются въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, главнымъ образомъ въ словахъ на *скій* и на *ство*.

Въ большей части случаевъ смягченіе согласныхъ было непереходное, т. е. состояло только въ измѣненіи качества звука; но въ нѣкоторыхъ мы имѣемъ смягченіе переходное, т. е. такое, которое имѣло результатомъ измѣненіе сущности звука. Обще-русскимъ мо-

жетъ считаться только одинъ случай переходнаго смягченія—*шлю*, древняя форма *сълю*; *ш* встрѣчается здѣсь съ XIII вѣка: грамота рпжапъ ок. 1284 г.: *шлите*; Ев. 1339 г.: по*шлю* 12 об., 29 об.; Ев. 1355 г.: по*шли* 69 об., по*шлю* 134; Ев. 1357 г.; по*шлю* 22 об., 70; Ефремъ Сиринъ 1377 г. Кромѣ этого глагола, переходное смягченіе мы находимъ въ прилагательномъ о*шль*=о*сьль* (срв. въ Юрьевскомъ Ев. постоянно осьлъ, осьля); Ев. 1357 г.: на жребяти о*шли* 122 об.; Палея 1406 г.: челюсть о*шлю* 181; и, вѣроятно, въ словахъ *шляться* (въ курскомъ говорѣ еще *сляться*; корень тотъ же, что въ *шлю*) и *шти*=*сѣти* (срв. ц.-слав. Похвал. слово Кириллу и Меѳ. по сп. XII в.: *сѣти* медвьнии словеса ваю; др.-русск. *сѣть*, *сѣта* и т. п.); грамота ок. 1510 г.: Иванъ *Шти* (прозвище; Ак. Калач. II, 416); Домострой и другіе великорусскіе памятники XVI и XVII вв.: *шти*, *штей*, *штямъ*; современн. великор. *шти* или, при ассимиляціи послѣдующаго согласнаго съ предыдущимъ,—*щи*.

Переходъ конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе. Конечные звонкіе согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з* съ теченіемъ времени во всѣхъ почти великорусскихъ, бѣлорусскихъ и западно-малорусскихъ говорахъ перешли въ глухіе, и такимъ образомъ явились: *п* вм. *б*: ло*пъ*; *ф* вм. *в*: ло*фъ* (образованіе *ф* имѣетъ мѣсто только въ великорусскомъ наречіи и чуждо бѣлорусскому и малорусскому, гдѣ *в* или сохраняется, или звучитъ какъ не образующее слога *у*: ло*ў*); *к* вм. *г*=латинск. *g*: дру*къ* (московскій говоръ); *х* вм. *г*=лат. *h*: бо*хъ* (московскій говоръ), дру*хъ* (курскій говоръ); *т* вм. *д*: дѣ*тъ*; *ш* вм. *ж*: но*шъ*; *с* вм. *з*: во*съ*.

Замѣна конечныхъ звонкихъ глухими почти не замѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (какъ вовсе не замѣчается и въ современныхъ сѣверно-великорусскомъ яренскомъ и восточно-малорусскихъ говорахъ—украинскомъ и др.), но нѣтъ основанія думать, чтобы она получила развитіе въ очень позднее время. Мы читаемъ въ Кормчей ок. 1282 г.: калан*тъ* 564 об. (рядомъ: калан*дъ*); въ Псалтыри 1296 г.: отину*ть* 14 об.; въ Лѣствицѣ 1334 г.: отину*ть* 215; въ Словахъ Григорія Богослова XIV в., л. 7, и въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 23: отину*ть*; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: пору*тъ* 101; въ Ев. XIV в. Образцова, описанномъ Царевскимъ: я*шь* 67, повелит.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: Сер*пь* 3, Трубѣ*шь* (род. Т-жа) 161, дож*дь* 301; въ Лѣт. Аврамки 1495 г.: приш*ель* ратью

96=припедь; въ сѣв.-великор. Златоустѣ XVI в. Публ. Б. Q. I. 972: прахъ двири 233 об.; во 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: телѣхъ 99.100 (четыре раза). Рядомъ: въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Андроникъ апостоль 27; въ грамотахъ XVI—XVII вв. и въ печатныхъ книгахъ XVII—XVIII вв. попереть. Въ современномъ русскомъ правописаніи мы не находимъ глухихъ на мѣстѣ звонкихъ, и, кажется, исключенія представляютъ собою только форма 2-го л. повелит. ѣшь и слово прыть; послѣднее едва ли не одного корня съ церк.-слав. прѧдати, пряжда, съ малор. прудкий; *т* изъ формы имен. ед. прыть перешло въ формы косвенныхъ падежей: прыти, прытью. Срв. 1) др.-русск. и соврем. русск. столбъ, род. столба (отчества: Столбовичь въ Новгородской лѣт. подъ 1308 г., Столбовъ въ новгородск. Писцовыхъ книгахъ 1495 г.), при церк.-слав. стлъпь; гал.-волынск. вертебъ, въ вертьбѣ въ Ев. Верковича XIV в. 103 об., 104 об.; соврем. ростовск. свирибый, тверск. вертебинице (Колосовъ), при ц.-слав. сверѣпъ, врътьпъ; 2) соврем. великор. тулупъ, род. -па, при малор. тулубъ, род. -ба; соврем. сѣв.-великор. шахъ, -ха (отсюда шахати), при московск. шакъ, -га (=шагъ).

Переходъ в *въ* у. Согласный *в*, имѣвшій послѣ себя глухой гласный, по мѣрѣ сокращенія этого глухого, во многихъ случаяхъ сталъ переходить и наконецъ (когда глухой исчезъ) перешелъ въ *у*. Собственно-новгородскіе памятники почти совсѣмъ не знаютъ *у* изъ *в*; можно указать: Кормчая ок. 1282 г.: *у*торникъ 522 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: полутора ста=полъ *в*тора ста 45, *у*горникъ 214, 219; срв. словацк. utorok (*у* древнее, не изъ *в*?); Евангеліе 1355 г.: *у* праздьникъ 159 об. Двинскія грамоты XV в. имѣютъ *у* изъ *в* сравнительно часто: *у* Никиничѣ земли, *у* томъ острови, *у* рѣкахъ, *у* лѣсѣхъ, *у* Яковле мѣсто, *у*нукъ, Уласей=Власій. Срв. въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ—въ новгородскомъ, онежскомъ, архангельскомъ, пермскомъ, вятскомъ—почти полное отсутствіе *у* изъ *в* (лишь изрѣдка *у*дова), а въ меньшей части—въ вельскомъ, яренскомъ, тотемскомъ, потомкахъ древняго двинскаго,—частое употребленіе *у* вм. *в*. Въ памятникахъ псковскихъ XIV в. случаи перехода *в* въ *у* болѣе часты: Параклитикъ 1386 г.: *у*кусившю, *у*звеличися, хотя и не составляютъ обычнаго явленія, какъ въ памятникахъ полоцко-смоленскихъ. Изъ послѣднихъ въ старшемъ—въ договорѣ Смолен-

ска съ Ригою 1229 г.—мы читаемъ: *у*здумалъ, *у* Ризѣ, *у*стоко (*о*=*ъ*), *у* Русе (*е*=*ъ*)=*в*ъ Русь и т. п.; въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 г.: *у* Полотеско, и т. п. Въ западно-русскихъ грамотахъ XIV в. и позже, выданныхъ литовскими князьями и польскими королями, *у* изъ *в* встрѣчается весьма часто; оно представляетъ самое обычное явленіе и въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ оно тоже весьма часто и встрѣчается уже въ древнѣйшемъ изъ нихъ—въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: до*у*лѣютъ; Галицкое Ев. ок. 1266 г. имѣетъ *у* изъ *в* уже не разъ: *у*купѣ, *у*зяти, *у* шестую годину, *у*лѣсти *у* корабль; Поликарпово Ев. 1307 г.: *у* водахъ, не *у*веди во искушѣнье, *у*нутрьняя, *у*торыи; Луцкое Ев. XIV в.: *у* слѣдъ, *у*сходяща, видѣ*у*ше. Это *у* не рѣдко и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи. Въ памятникахъ средне-русскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко; такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. мы находимъ только: *у*шуки 64, 65. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не знающихъ мѣны *ч* и *ц*, нѣтъ почти совсѣмъ замѣны *в* черезъ *у*; въ говорахъ южновеликорусскихъ въ однихъ (въ Московской губ.) ея также нѣтъ, въ другихъ — въ тульскомъ, калужскомъ, орловскомъ, курскомъ и т. д.—она встрѣчается довольно часто, но ограничивается предлогомъ-префиксомъ *въ* и немногими словами съ начальнымъ *в*: *у*дова, *у*нукъ, *у*сё=всё и т. п. Въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ.

Это *у* изъ *в* въ великорусскихъ памятникахъ (кромѣ двинскихъ) повидимому было обыкновеннымъ гласнымъ *у*, составляющимъ слогъ; такъ оно звучитъ въ соврем. великор. *у*нукъ, *у*дова, *у* городъ. Что до *у* изъ *в* въ памятникахъ двинскихъ и западно- и южно-русскихъ, то оно могло звучать или вездѣ какъ *у* не составляющее слога, или въ значительномъ большинствѣ случаевъ, подобно тому, какъ оно звучитъ въ современныхъ вологодскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: *ў* городъ, ро*ў*ный, ло*ў* (=ловъ).

Рядомъ съ *ў* въ *ў* городъ и т. п. въ говорахъ, имѣющихъ *ў*, сохранилось древнее *в* (или образовавшееся изъ него *ꙋ*): *в* городъ.

Переходъ *в* въ *ў* имѣлъ мѣсто также въ концѣ словъ: современн. малор. петро*ў*=петро*в*ъ, кро*ў*=кро*в*ь и т. п.

Переходъ *у* **въ** *в*. Гласный *у*, находясь безъ ударенія передъ гласными и согласными, тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало нахожденія полнаго гласнаго звука, во многихъ случаяхъ перешелъ въ *у* не составляющее слога и передаваемое въ старыхъ текстахъ то черезъ *у*, то черезъ *в*; а это *у* въ свою очередь перешло въ *в*.

Собственно-новгородскіе и средне-русскіе памятники, а за ними и большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, почти совсѣмъ не знаютъ *в* вмѣсто *у*: Ев. 1355 г.: евангелія вьскресная завтреняя 147; Лаврентьевскій сп. лѣт.: завътра 12; бѣлозерская грамота 1613 г.: передъ завтренею Ак. Юр. 75; вологодская грам. 1641 г.: послѣ завтрени А. Ю. 370; современн. завтра, завтреня, завтрокъ и т. п. Въ двинскихъ документахъ XV в. *в* изъ *у* болѣе часто: купи у Григорья, *въ* Обросима, у Степана *въ* Иванова, купи *въ* Оврама *въ* Онтомановица, *въ* печати стоялъ (Ак. Юр.), *в* людеи кунъ не имати, *в* печати стояли (Ак. Калачева II, № 126). Современные потомки древняго двинскаго горора также знаютъ *ў* изъ *у*. Въ псковскихъ памятникахъ *в* вмѣсто *у*, кажется, не встрѣчается. Смоленско-полоцкія грамоты имѣютъ это *в* изрѣдка: смоленская грамота 1284 г.: *в* сѣбе=*у* себе; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *во* отьца=*в* отьца=*у* отца. Въ западно-русскихъ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ *в* вмѣсто *у*—явленіе обычное. Нѣсколько случаевъ его употребленія представляетъ, между прочимъ, Псалтырь 1296 г.: да не въпаду паки *в*добь въ тыя же грѣхы 124=*у*добь, кто *в*равнится господеви 185 об. (Синайская Пс.: *у*равьнитьсѧ), и въмолкоша волны... и възвеселишася яко *у*молкоша 236 (Синайская Пс.: *у*млъкѫ). Современные бѣлорусскіе говоры имѣютъ *ў* изъ *у* часто. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ мы читаемъ: въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: *в*ъмрете, *в*ъмыся, во *в*ъстѣхъ=въ устѣхъ, *в*ъшима=ушима, *в*хо=ухо, *в*ъ отця=у отца; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: на*в*чи, съ *в*еники, *в*ъмреть, во *в*ътробѣ и т. п. Подобные случаи употребленія *ў* и *в* вмѣсто *у* мы встрѣчаемъ очень часто въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи. Памятники среднерусскіе, не знающіе мѣны *и* и *ч*, имѣютъ *в* вмѣсто *у* рѣдко: Ев. 1354 г. (можетъ быть, московское): за*в*тра еще мрачно зѣло въставъ 65; Ев. 1357 г. (писанн. въ сѣверн. Галичѣ): видѣхъ *въ* отца моего 13 об.; письмо ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: за*в*треню, Ак. Арх. Э. IV, 79. Изъ современныхъ великорусскихъ говоровъ

тѣ, которые имѣютъ *у* изъ *в*, имѣютъ и *в* вмѣсто *у* и особенно часто употребляютъ *в* въ значеніи предлога-префикса *у*: *въ* мене, *въ* насъ; прочіе великорусскіе говоры знаютъ новое *в* только въ словахъ завтра, завтрокъ, завтреня и производныхъ (срв. «да чу, и къ завтренѣ звонятъ», Жуковскій).

Чередованіе *в* и *у* въ однихъ и тѣхъ же словахъ (*в*есь, им. ед., и *у*сего, род.; *в* огни и *у* домъ) вызвало также появленіе *ув* вмѣсто *в* и *у*. Это *ув* возникло въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ довольно рано: гал.-вол. Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: *ув*торыи; Луцкое Ев. XIV в.: *ув*есь народъ; Ипатскій сп. лѣт.: *ув*тягли 425 (рядомъ: утягли); гал.-вол. Поученія Ефрема Сирина 1492 г.: *ув* адъ; западно-русскіе акты XV—XVII вв. имѣютъ его нерѣдко; срв. въ Псалтыри 1296 г.: *във* вѣкъ 218; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: *в'во* што, *в'во* сне, *във*ойдете и т. п. Современные бѣлорусскіе, малорусскіе и нѣкоторые южно-великорусскіе говоры имѣютъ болѣе или менѣе часто: *ув*есь=весь, *ув* огни=въ огнѣ, *ув* огня=у огня, то съ *ў*, то съ *у*.

Переходъ *у* (изъ *ю*) въ *ў*, *в*, между прочимъ, имѣлъ мѣсто въ формахъ твор. п. ед. словъ женск. р.; въ записи Кирилло-бѣлозерскаго Сборника XV в.: в лѣто 6971... написана бысть сіа книга моею худовъ рукою; въ грамотѣ до 1459 г.: своевъ дочерью (Ак. Калачова I, 848); въ припискѣ конца XV в. въ Румянцевскомъ Ев. № 188: чтобы мя пожаловалъ волостиевъ 302 об.; въ грамотѣ XVI в.: въ межахъ съ монастырсковъ деревневъ съ Троецковъ (Ак. Өед.-Чех. I, 125). Судя по тому, что изъ великорусскихъ говоровъ формы твор. ед. на *ў* имѣютъ лишь потомки древняго двинскаго говора, всѣ указанные нами памятники написаны въ предѣлахъ древней Двинской земли. Должно замѣтить, что то же *ў* въ формахъ твор. ед. словъ женск. р. и мѣстоименій личныхъ и возвратнаго знаютъ нѣкоторые западно-малорусскіе (карпатскіе) говоры: рукоў, моеў, мноў (срв. однородныя формы твор. п. въ старыхъ сербскихъ памятникахъ въ родѣ руковь, моєвь и т. п., рядомъ съ *у* изъ *в* вообще).

Переходъ *у* въ *ў* и въ *в* какъ будто находится въ связи съ переходомъ начальнаго неударяемаго *и* составляющаго слогъ въ *и* не составляющее слога и затѣмъ или съ полнымъ исчезновеніемъ этого *и*, или съ переходомъ его въ *j* (см. выше, стр. 92).

Переходъ *л* въ *ў*. Твердое *л*, находясь поредъ согласными или въ концѣ словъ, въ разныхъ русскихъ говорахъ перешло въ не составляющее слога *ў*, такъ что старое волкъ сталъ звучать воўкъ, старое далъ — даў. Переходъ *л* въ *ў*, имѣющій самое обширное распространеніе въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, появляется въ юго-западно-русскихъ текстахъ сравнительно поздно: приписка к. XVI в. въ Ев. Слуцкаго Троицкаго монастыря: самъ своею рукою переписавъ, тотъ князь учинивъ; приписка XVI—XVII в. Румянц. Ев. № 127: за довгъ; Сборникъ XVI—XVII в. Син. Библ. № 937: небо сотворилъ словомъ..., небо змѣривъ пядию, море розливъ горстию 21 об.; печатныя южнорусскія изданія XVI—XVII в. (особенно Лексиконъ Памвы Берынды 1627 г.). Тотъ же переходъ имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ (главнымъ образомъ Вологодской губ.). Старыя великорусскія формы прошедш. врем. въ родѣ сгадавъ есмь (грамота Олега рязанскаго послѣ 1356 г.) къ нему не относятся; срв. современн. онъ притетчи, онъ выспавшись.

Переходъ *в* въ *л*. Измѣненіе *в* въ твердое *л* произошло лишь въ немногихъ отдѣльныхъ словахъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ колды, толды, завселды (изъ ковды и т. д.) и въ рядѣ великорусскихъ же собственныхъ именъ. Нарѣчія являются съ *л* впервые въ грамотахъ XVI в.: въ суздальской грамотѣ 1556 г.: толды Ак. Θед.-Чех. I, 143; собственныя же имена—въ грамотахъ XV в.: грамота XV в.: Олтухъ (=Евтихій) Ак. Θед.-Чех. I, 5; новгородск. грамота 1567 г.: Олфимовъ Ак. Арх. Э. I, 311; соликамск. грам. 1609 г.: Олфимко Ак. Арх. Э. II, 151; срв. въ новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ 1495 г.: Олфимъ (I, 550) и др. Кіевскій Помянникъ XVI в. не разъ имѣетъ собственныя имена съ *л*: Елтуфій, Елхимъ, Елфимія. Современные южно-великорусскіе говоры имѣютъ Алдакимъ, Алдакéя, Алдотья (=Евдокія), Алгинья (=Евгенія). Срв. фамилии Алпатовъ (отъ Евпатій), Олсуфьевъ (отъ Евпсихій), Алтуховъ. Можно указать еще на олонецк. селгоду (=сего году) и на шенкурск. волторникъ (=вовторникъ). Должно замѣтить, что тотъ же переходъ *в* въ *л* существуетъ въ одномъ изъ польскихъ говоровъ: Algustów (Wisła, III, 168).

Переходъ *г* въ *h* и въ *j*. Къ числу древнѣйшихъ обще-русскихъ измѣненій въ области согласныхъ принадлежитъ измѣненіе *г*=*g* въ *г*=*h*.

Какъ сказано выше, первоначально г произносилось у насъ какъ *g*; но очень рано вмѣсто него стало слышаться *h*: въ надписи на чарѣ князя Владимира Давыдовича до 1151 г.: *о*сподаря; въ галицко-волынскомъ Ирмолоѣ XII—XIII в.: бласловите, бласловленъ; въ полоцкой грамотѣ конца XIII в.: бласловляю, бласловѣнье. Эти написанія показываютъ, что въ приведенныхъ словахъ писцы не только произносили г какъ *h*, но иногда и опускали этотъ звукъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ мы нерѣдко замѣчаемъ отсутствіе г въ началѣ словъ господарь, государь, господинъ и т. п.: въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: отъ *о*спожына заговѣнья; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: *о*сподаря; въ южно-русск. грамотѣ ок. 1386 г.: *о*сподаремъ; въ смоленской записи Исаака Сирина 1428 г. Публ. Б.: *о*сподарю (рядомъ: *го*сподарь); вкладная половины XV в. въ новгородскомъ Прологѣ 1432 г. Публ. Б.: за *о*сподаря; въ повѣсти объ Акирѣ XV в.: *о*сподинъ, -на; въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: *о*сподарьскъ, *о*споже, и т. п. Такого рода исчезновеніе г могло имѣть мѣсто, конечно, только въ томъ случаѣ, когда г произносилось какъ *h*. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *h* господствовало уже въ XIV в. Къ этому времени относится начало употребленія въ грамотахъ латинскихъ князей и польскихъ королей новаго знака для *г*=*g*—*кг*, который почти постоянно является въ словахъ, заимствованныхъ бѣлорускимъ нарѣчіемъ изъ польскаго и литовскаго языковъ (гдѣ *g*, не *h*): Скиркгайло, *Кг*едроитьскии князи, *кг*ды, и крайне рѣдко въ словахъ чисто русскихъ, въ родѣ *кг*дѣ. Если мы возьмемъ латинскія грамоты, писанныя въ Галиціи, то найдемъ въ нихъ въ большинствѣ случаевъ *h*, а не *g*: въ грамотѣ 1371 г.: *H*odovica; въ грамотѣ 1375 г.: *h*aliciensis; въ грамотѣ 1451 г.: *h*lubokigo; впрочемъ рядомъ съ *h* въ нихъ встрѣчается и *g*: грамота 1378 г.: mo*g*illa; грамота 1451 г.: hluboki*g*o, Jur*g*i=Юрій, Юргій; изъ послѣднихъ данныхъ несомнѣнно русское Jur*g*i указываетъ на то, что въ XIV и XV вв. въ малорусскихъ говорахъ, не смотря на господство *h*, кое-гдѣ еще оставалось *g*; срв. *к* въ словѣ ро*зк*а=ро*зг*а (Галицк. Ев. 1283 г. и Луцк. Ев. XIV в.), современн. украинск. рі*зк*а, образовавшееся, конечно, изъ *g*, а не изъ *h*.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи одни говоры (южные) употребляютъ одно *h* (въ нихъ нѣтъ *g*), другіе знаютъ *h* въ боль-

шемъ количествѣ случаевъ, третьи въ меньшемъ, четвертые совсѣмъ его не знаютъ. Нашъ литературный языкъ употребляетъ *h* послѣдовательно въ словахъ благодарить, благословлять, господь, господина, бога (род.) и т. д., богатъ и т. п. и нерѣдко въ словахъ мягокъ, лёгокъ, дёготь, гоготь (вліяніе формъ мя*х*кій, дёхтя и т. д.); можно слышать изрѣдка также голубь, горохъ и др. съ начальнымъ *h*.

Кромѣ этихъ словъ, великорусское парѣчіе знало и отчасти знаетъ звукъ *h* въ формахъ род. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій: хорош*h*о, добро*h*о, чо*h*о; но съ теченіемъ времени это *h* въ значительной части говоровъ исчезло, такъ что явились сначала формы безъ *h*, до насъ дошедшія: хорошоо, доброо, чоо (изъ послѣдней южно-великор. не́ча=нѣчего; сравни форму род.-вин. ед. кожде въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: наумляя единого кожде 73 об., уды единого кожде ихъ 113 и т. п.), въ которыхъ потомъ на мѣстѣ *h* развилось *в* и такимъ образомъ получились современныя формы хорошо*в*о, добро*в*о. Срв. сербск. ру*в*о изъ руо, ру*х*о, псковск. *в*оспода (въ Погодинск. сп. Псковской лѣт. XVI в.; изъ осп—, *h*осп—), *в*оспожынъ (прибавл. XVII в. къ Домострою 148) изъ осп—, *h*осп—; бѣлор. *в*усли при *г*усли, великор. коро*в*одъ, кара*в*одъ при великор. и бѣлор. карагодъ, курагодъ (корогодъ: Скорина, Исходъ 61 об.; Лютер. Катихизисъ 1562 г.); др.-русск. по*в*остъ (Лаврент. сп. лѣт. 59) и соврем. сѣв.-великор. по*в*остъ при погостъ; сѣв.-велик. мно*в*о при много; срв. однако также великор. ко*в*да, ко*в*ды и т. п. изъ ко*h*да, бѣлор. ко*в*да, зе*ў*зюля изъ зегз—, рядомъ съ зезюля (при др.-русск. зегзица Слово о п. иг.), малор. зо*ў*зуля, рядомъ съ зозуля, сербск. т*в*ор (хорекъ), рядомъ съ т*х*ор, моравск. le*v*ký при le*h*ký; срв. *ф* изъ *х* (о чемъ см. ниже). Формы род. пад. съ *в* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ XV в.; такъ мы читаемъ въ записи новгородск. Пролога 1432 г. Публ. Библ.: велико*в*о Новагорода, рукою убого*в*ъ (з=о) калуке́ра; въ надписи на крестѣ 1434 года: боголѣпно*в*о Преображенія (Зап. Имп. Археол. Общ. X, 333); въ грамотѣ ок. 1445 г: право*в*о (Акты Калачова I, 97); въ Лѣтописи Аврамки, написанной въ Смоленскѣ въ 1495 году: мужа мое*в*о 233.

Вѣроятно, звукъ *h* слышался нѣкогда также въ великорусскихъ собственныхъ именахъ Богуславъ, Богухвалъ и Богушь, которыя въ документахъ XV—XVI вв. пишутся уже Буславъ и Боушь; въ

двинской грамотѣ XIV—XV в.: Михаило Буславль (Ак. Юр. 117); въ 1-й Псковской лѣт. подъ 1500 г.: Ѳома Буславичь; въ грамотѣ XVI в.: Буславъ (Ак. Ѳед.-Чех. I, 197); въ грамотахъ XVII в.: Бухвалъ (Ак. Юр. 149, Собр. госуд. гр. и дог. III, 34); срв. фамиліи Бухвостовъ, Бухвастовъ, появляющуюся въ документахъ съ конца XV в., и Бухряковъ, извѣстную по документамъ XVII в.

Звукъ *h* въ началѣ и серединѣ словъ передъ согласными и въ концѣ словъ послѣ согласныхъ въ нѣсколькихъ словахъ отпалъ: де=гдѣ, гдѳ (вправаху *дѣ* царь ражаѥться, Ев. 1358 г. 202 об.; *дѣ* буду помялся, запись Апостола ок. 1389 г.), великор. кода, тода и т. п., оподы-сь, малорусск. тоді, иноді=когда, тогдѣ, малор. четверь = четвергъ; срв. великор. спасибо, малор. спасибі = спаси (3 л. повел.) богъ.

Другое измѣненіе *г=g*, въ *j*, спорадическое, исключительно передъ *е* и *и*, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ,—свойственно одному великорусскому нарѣчію. Великорусскіе документы съ начала XV в. имѣютъ болѣе или менѣе часто: княини (рядомъ съ княгини); тѣ же документы имѣютъ: архаѣилъ и т. п.; Лѣтопись по Академич. сп. XV в.: аньильскыи образъ (Лѣт. по Лаврент. сп. 490); Ипатскій сп. лѣт.: аньеломъ 189, аньела 190 и др.; Стихирарь 1380 г. и запись Минеи праздничной к. XIV в. Троицк. Л.: Ѥрмоѥна; запись новгородск. Пролога 1432 г. Публ. Библ.: калуѥра; грамота 1549 г.: на Ермана (Ак. Ѳед.-Чех. I, 115); современн. великор. княиня (при княгиня), аистъ (вѣроятно, изъ агистъ), ѳнѳралъ и т. п.; срв. въ галицко-волынскомъ Ефремѣ Сиринѣ 1492 г.: у ѥваньѥльихъ 103, аньѥлъ 139 об., аньѥльскыи 151.

Мѣна *ф* **и** *х*. Звукъ *ф*, перешедшій въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ, скоро былъ усвоенъ народомъ, но не вездѣ. Галицко-волынскій говоръ обнаружилъ мало способности къ усвоенію *ф* и сталъ замѣнять его или черезъ *х*, или черезъ болѣе близкое къ нему *хв*. Вслѣдствіе этого въ галицко-волынскихъ памятникахъ въ словахъ, перешедшихъ изъ греческаго языка, мы иногда находимъ какъ бы отсутствіе различенія буквъ *ф* и *х*, употребленіе *х* вмѣсто *ф* и наоборотъ—*ф* вм. *х*: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: земля пехталимля, въ прѣдѣлѣхъ нехталимлихъ, Ѥрифонъ, Амфилофья; Луцкое Ев. XIV в.: Хролъ; галицкія грамоты XIV в.: Хома, Хролъ, Ходко, Ходеръ (срв. въ псковскомъ Параклитѣ 1386 г.: при попѳ Фодоре,

зап.; въ Ипатскомъ сп. л.: у Ѳодорка 595); галицкая грамота 1409 г.: Малоѳьи; стоитъ еще отмѣтить въ Бучацкомъ Евангеліи XIII в.: Вархѳоломѣя 2 об.; въ Каменецъ-Стромиловскомъ Ев. 1411 г. (описанномъ Крыжановскимъ): Ехѳремъ, хѳарисейска; срв. въ Кіевскомъ Помянникѣ XVI в. рядомъ: Халелѣй, Хотимія, Хима, Мархѳа, Иосихѳъ, Нехѳедъ, Малоѳей, Паѳомій. Современные малорусскіе говоры въ большинствѣ случаевъ замѣняютъ ѳ или черезъ х: Хома, Хівря (=Февронія), хуторъ (=ст.-пол. futor), или черезъ хѳ: Хѳедоръ, Хѳедько; только немногіе изъ нихъ имѣютъ ѳ и употребляютъ его, между прочимъ, вмѣсто х и хѳ: ѳустка, ѳорий, ѳістъ (хѳостъ).

Нѣкоторые великорусскіе говоры, напротивъ того, не только усвоили ѳ, но и обнаружили къ этому звуку нѣкоторое пристрастіе, такъ что стали замѣнять имъ х и хѳ (особенно хѳ черезъ посредство хѳ) и въ заимствованныхъ, и даже въ исконныхъ русскихъ словахъ. Мы читаемъ въ Рязанской Кормчей 1284 года: Анфилоѳип 1 об.; въ Румянцевскомъ Обиходѣ XIII—XIV в.: Мамелѳы 90 об.; въ Ев. 1358 г.: Мамелѳы, Анфилоѳья, Ѳрусанѳа; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Амфилоѳии; въ Ев. 1399 г.: лиѳою 60; въ Прологахъ XIV в. Тип. Б. № 346 и № 348: Мамелѳа; въ Новгородской лѣт.: Тѳѣрь 247 (при Тьхѳѣрь 160, 167, Тьхѳѣрца 164; срв. соврем. Тихѳинъ); въ Канонарѣ 1457 г. Син. Библ.: Стеѳане и Проѳоре 72; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ѳронографъ 200, ѳиниптомъ 395 (срв. химипетъ въ приписке къ Мстиславову Ев. послѣ 1115 г., греч. χυμευτόν); въ Академическомъ сп. лѣт. XV в.: ѳосту (Лѣт. по Лавр. сп. 114); въ описи домовой казны патр. Никона 1658 г.: ѳутынского, ѳилондарьскаго; въ вкладной XVII в. при Лѣствицѣ Рум. Муз. № 493: Ѳутынь монастырь; въ Путешествіи попа Лукьянова 1701 г. (по изд. Русск. Архива): Лиѳинъ=Лихвинъ; въ грамотахъ XVII в.: Тиѳинъ, Лиѳинъ. Стоитъ отмѣтить еще въ Сборникѣ XVI—XVII в. Публ. Б. (Q XVII. 67): о монастырѣ тихѳинскомъ; во 2-й Новгородской лѣт. XVII в.: Тихѳина 370.

Современные южно-великорусскіе говоры (Орловской губ. и сосѣднихъ мѣстъ) имѣютъ ѳостъ, ѳоростъ и т. п.; въ однихъ сѣверновеликорусскихъ (Олонецкой губ.) слышится: ѳастать, ѳатать, а въ другихъ (Кирилловскаго уѣзда Новгородск. губ. и сосѣднихъ мѣстъ) даже добрыѳъ, тѣѳъ, ѳто=кто. Литературный языкъ имѣетъ лишь

*ф*илинъ (повидимому изъ *х*илинъ: такъ читается это слово въ Румянц. Алфавитѣ XVII в. № 456, л. 476 об.; срв. фамилію Хилиновъ въ грамотѣ XVII в. Ак. Юр. 366) *ф*инифть, ка*ф*ельная печь (нѣм. ka*ch*el изразецъ), а московскій вульгарный говоръ еще—ку*ф*ня, пана*ф*ида, *ф*атера (изъ *кв*артера, черезъ посредство *хв*—), *ф*арталъ; срв. еще московск. кувши́нъ (точнѣе ку*ф*ши́нъ) и діалектич. великор. кукши́нъ (такъ пишется уже въ памятникахъ XVI в.), кухши́нъ и московск. лапша́ (можетъ быть, изъ ло*ф*ша) и діалектич. великор. локша́, лохпа́.

Другіе великорусскіе говоры имѣютъ замѣну *ф* черезъ *х*, одни рѣже, другіе (южные) чаще. Она есть и въ памятникахъ: Прологъ 1262 г. 82 об. и Прологъ 1356 г. 90 об.: въ Колохонѣ; запись новгор. Октоиха 1457 г. Публ. Б: Пеххурья; современныя Ховронья (=Февронія), Пеххуръ (=Порфирій), Вахромей (Ва*ф*ромѣи Ев. 1393 г. 83=Вареоломей), Остахъ (=Евстаѳій), Дорохъ (=Дороѳей). Древне-русское проскура или, какъ въ Кормчей ок. 1282 г., просхура 105 = про*ф*ора, про*ф*ура (Житіе Нифонта 1219 г. 167)—обязано своимъ *к*, *х* вліянію глагола проскумисати προσκομίζειν и производныхъ и не находится ни въ какой связи съ случаями замѣны *ф* черезъ *х*; срв. въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ проскура, современное сербск. проскура, новоболгарск. проскуръ.

Бѣлорусскіе говоры стараго времени, можетъ быть, знали замѣну *хв* черезъ *ф*: Литовскій Статутъ 1588 г.: лиѳою 88, уѳалена 244; Ев. Тяпинскаго: *ф*ороба, *ф*орый; зап.-русская Псалтырь XVI в. Рум. Муз.: поѳатили, лиѳу, *ф*оробы; однако можно видѣть въ этихъ словахъ съ *ф* и въ связанныхъ съ ними малорусск. и бѣлорусск. *х*ороба, *х*орый, съ *х*, —полонизмы: срв. старо-польск. li*f*a=лихва, *f*ała=хвала и т. п.; срв. также современн. польск. *chw*alić, *f*alić и *ch*alić, *chw*oina, *f*oina и *ch*oina и т. п. Современные же бѣлорусскіе говоры обыкновенно замѣняютъ *ф* черезъ *х* или *хв*.

Замѣна *ф* (=греч. φ, не ϑ) черезъ *п* и наоборотъ произошла не на русской почвѣ, а вѣроятно, на греческой: Оси*п*овъ, запись Трефолоя 1260 г.; Сте*п*анъ, Со*п*ронъ, Кіевскій Помянникъ XVI в., и т. п.; соврем. великор. Оси*п*ъ, Сте*п*анъ, малор. *П*илипъ (въ грамотѣ Ягелла 1394 г.: *П*илипова руда), Су*п*рунъ; Огре*ф*ѣна, Огро-

*ф*ина (=Агриппина), Сера*ф*ионъ и др. Кіевскій Помянникъ XVI в., соврем. великор. Агра*ф*ена, Прокоѳій.

Срв. выше однородную замѣну *h* черезъ *в*: великор. ко*в*да, то*в*да, ко*в*ды и т. п., бѣлорусск. зе*в*зюля, зе*ў*зюля, малор. зо*в*зуля, зо*ў*зуля.

Смягченіе согласныхъ. Кромѣ указанныхъ ранѣе, въ историческое время существованія русскаго языка были еще случаи смягченія согласныхъ.

1. Смягченіе гортанныхъ, неорганическое и непереходное, имѣло мѣсто передъ *ы* и состояло въ томъ, что древніе твердые слоги *кы*, *гы*, *хы* превратились въ мягкіе *ки*, *ги*, *хи*. Начало этого явленія (если мы оставимъ въ сторонѣ фуники Святославова Сборн. 1073 г., л. 231 об.) въ южно-русскихъ говорахъ относится по меньшей мѣрѣ къ первой половинѣ XII вѣка. Мы находимъ въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: ки*и*хъ 2 об., велики*и* 173; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: птіцямъ небесьскімъ 77; въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: пики*и*, въски*и*се, секи*и*ра; въ Лѣствицѣ XII в. Рум. Муз. № 198: велики*и*ми 2 об., аки 69, 81, 83 об.; въ Богословіи Іо. Дамаскина XII в. Син. Библ.: паки 49, плътьски 96, аки 151; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: велики*и* 16 об., паки 41; въ Ев. 1283 г.; въ Житіи Саввы Освящ. XIII в. Изъ западно-русскихъ памятниковъ его имѣетъ старшій—договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., гдѣ читается: ризки*и*, латинески*и*, латинески*и*мь, книги*и*ни, лихи*и*; въ болѣе поздней Псалтыри 1296 г. оно встрѣчается сравнительно часто: с наимьники 26 об., истерги*и* 38, ближники 74 об., други 75, ближики 78, аки 116, 240, 252 об., 253, праздьники 139 об., исъкі-дапася 152 велики*и*мі 221 об. Новгородскіе памятники имѣютъ *ки*, *ги*, *хи* (если не считать другими въ Погодинскомъ Кондакарѣ XII в. № 43, л. 4)—со второй половины XIII вѣка: Кормчая ок. 1282 г.: нѣки*и*мъ 564, праздьники 565, чистителъски*и*хъ 565 об., кумирьски*и*хъ, римьски*и*мъ 566 об., ки*и*ждо 567, Ки*и*евѣ, въ Ки*и*евѣ 574 и др. (нерѣдко); Ев. 1355 г.: миоги 4 об., слуги, поги*б*нетъ 6, неки 8 об., реки 11, руки, паки 17 об. и др. (очень часто); Прологъ 1356 г.: поги*б*нути 3, поги*б*аютъ 6, миоги 49, аки 69 об., 75, 78, владыки 79 об. и др. (нерѣдко); Новгородская лѣт. XIV в.: югърьски, други 95, сътьски 116, заморьски 145, госпожинькинъ день 211; новгородская грамота 1372 г.: новгородскихъ; гр. 1392 г.: заморьскихъ; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (часто). Средне-

русскіе памятники: духовныя в. кн. Ивана Калиты и другихъ московскихъ князей, Ев. 1339 г., Ев. 1354 г., Ев. 1357 г., Ев. 1358 г., Стихирарь 1380 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. 1393 г., Ев. 1399 г., имѣютъ смягченные гортанные болѣе или менѣе часто, нѣкоторые даже почти постоянно.

Должно думать, что это смягченіе происходило постепенно и что нѣкоторое время слоги *ки* и др. могли быть съ одинаковымъ основаніемъ передаваемы на письмѣ и черезъ *кы*, и черезъ *ки*; отсюда въ памятникахъ XII—XIII вв. колебаніе между *кы* и *ки*; такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнескы*и*, латинескы*м*ъ. Ригы; но вѣроятно, къ XIV в. смягченіе гортанныхъ въ русскомъ яз. уже закончилось, и употребленіе послѣ гортанныхъ *ы*, напримѣръ, въ грамотѣ Кейстута ок. 1341 г.: Дорогычинъ, въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: послухы (рядомъ съ сороки, вѣки), въ московской грамотѣ 1447—53 г.: посельскы*м*ъ, симаковьскы*и*, верзневскы*м*ъ, и особенно въ рядной Тѣшаты нач. XIV в.: Якымъ, Домославъ Вѣкошкынъ,—должно быть отнесено насчетъ орѳографической традиціи. Что до современнаго языка, то въ немъ еще находятся кое-какіе остатки старыхъ не смягчившихся гортанныхъ — формы въ родѣ отыскывать, отпихывать (рядомъ съ отыскивать и т. д.),— сохранившіяся благодаря вліянію существующихъ рядомъ съ ними родственныхъ образованій съ твердыми гортанными: искать, пихать и т. д.; срв. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: выискывати 245, приискываху 254 и др., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: выполоскываетъ 199, въ Палеѣ 1406 г.: опухываше 74 об., въ грамотѣ архіеп. Геннадія 1490 года.: обыскывати (Р. Ист. Библ. VI, 767).

Позднѣе неорганическое смягченіе гортаннаго *к* начало развиваться передъ разными гласными, обыкновенно въ исходѣ словъ, при предыдущемъ мягкомъ согласномъ или *j*-тѣ, исключительно въ памятникахъ великорусскаго происхожденія: въ двинскихъ грамотахъ XV в.: им. ед. староста купечкеи (*е*=*ё*) и т. п.; въ 2-й Псковской лѣт.; им. ед. опоцкеи (*е*=*ё*) и т. п. (срв. современн. сѣверно-великор. им. ед. молодецкёй и т. п.); въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: бочкю (вин., М. Дух. Ак. № 144); въ Домостроѣ XVI в.: колке, толке, сколке, легонке; въ грамотѣ 1517 г. (московской): пожаловалъ есми Степанкя да Осифька да Володкю да Ромашка, судятъ Степанкя да Осифько да Володке

да Ромашко, а Степанкя да Осифько да Володке да Ромашко (Ак. Арх. Э. I, 132—133); въ грамотѣ 1521 г.: Наскя сказываетъ (Ак. Ист. I, 187); въ грамотѣ 1543 г. (копирской): противъ Ѳедкя (Ак. Ѳед.-Чех. I, 101); въ грамотѣ 1548 г.: Ѳедькя Лаптя; въ грамотѣ 1547 г. (муромской): Ивашкя Шевякъ; въ грамотѣ 1673 г. (тульской): Аниськя Сизовъ (Ак. Юр. 452, 247, 389); въ Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 г.: синкю. Большая часть современныхъ южновеликорусскихъ говоровъ имѣетъ мягкое *к* при предыдущемъ мягкомъ согласномъ (кромѣ *ц* и *ш*, древняго и изъ *ж*) и *j*-тѣ: батькя, Васькя, Ванькя, чайкю, чайкёмъ, копѣйкя, толькя, легонькя, при головкa, Абрамкa, Ванюшкa, немножко и т. п. Нѣкоторая часть сѣверно-великорусскихъ говоровъ также знаетъ смягченіе *к* при предыдущемъ мягкомъ (и при *ц*, *ш*) или *j*-тѣ. Таковы, между прочимъ, говоры Кадниковскаго и Тотемскаго уѣздовъ Вологодской губерніи, потомки древняго двинскаго говора, имѣющіе матушкя, матушкю, заморьськёй, молодецкёй (им. ед.). Эти сѣверно-великорусскіе говоры, при смягченіи *к*, имѣютъ и смягченіе *х*: верьхю. Наконецъ смягченіе *к* произошло въ одной группѣ малорусскихъ говоровъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ мягкое *к* подверглось переходному смягченію и дало *т*: Ваньтя, чайтю.

Нѣтъ сомнѣнія, что смягченіе гортаннаго произошло вслѣдствіе вліянія предыдущаго мягкаго звука.

Кромѣ неорганическаго смягченія гортанныхъ, мы встрѣчаемъ въ памятникахъ кіевскихъ и великорусскихъ спорадическіе случаи смягченія гортанныхъ органическаго—*к* въ *т*, *г* въ *д*: въ духовной кіевскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: Овдотіи; въ описаніи кіевскаго замка XVI в.: Овдутья (Арх. Ю.-Зап. Р. VII, I); въ Кіевскомъ Помянникѣ XVI в.: Овдотія 7 и др., Поладія(=Полагія, великор. Палагéя) 5, 7, 22; въ спискахъ Кіевской лѣтописи (въ томъ числѣ въ Ипатскомъ): Дюргий, Дюрдий (при Гюргий); въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: Лутьянъ (=Лукьянъ; Ак. Юр. 112); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: Акатьевичь (отъ Акакій); въ спискахъ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописей XV—XVII вв.: Жидимонтъ; въ записи Октоиха 1536 г. Тр. Л.: Поладьи и Микулѣ; срв. въ южно-русск. Дубенскомъ Ев. XVI в. Рум. Муз.: Оудотіи. Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственныя имена съ переходнымъ смягченіемъ гортанныхъ: Овдотья,

Мар*т*ьянъ (=Марк*і*анъ), Лев*т*е́й (=Левк*і*й), Ев*д*е́нья, и въ словѣ ан*д*елъ (срв. малорусск. Ни*ч*ипоръ); кромѣ того, въ рядѣ великорусскихъ говоровъ, то рѣже (въ заимствованныхъ словахъ), то чаще, слышится *т*елья=кел*ь*я, бу*т*етъ, *ст*итъ=скитъ, *т*инуть, рукавич*т*и, *д*итара, з*д*инуть=сг- и т. п.; а нѣкоторые изъ этихъ говоровъ, окающіе, довольно послѣдовательно смягчаютъ каждое мягкое *к*, *г*.

Кстати замѣтимъ слѣдующее. Слово пау*т*ина (великор. и малор.-галицк.), которое обыкновенно считаютъ происшедшимъ изъ пау*к*ина и рядомъ съ которымъ существуетъ слово паучина, происходитъ не отъ паукъ, а отъ другаго слова того же корня съ тѣмъ же значеніемъ—пау*т*ъ, существующаго теперь и съ значеніемъ наукъ (въ Ярославской губ.), но чаще съ значеніемъ оводъ. Въ словахъ ис*т*ецъ (отъ *исто*=капиталъ, древнѣйшее значеніе: собственникъ, заимодавецъ; срв. ст.-польск. iśćiec заимодавецъ), ла*ст*иться, пу*ст*ить—*т* не произошло изъ *к*.

Замѣчательно, что рядомъ съ смягченіемъ *к* и *г* въ *т* и *д* мы встрѣчаемъ въ великорусскихъ говорахъ спорадическіе случаи замѣны мягкихъ *т* и *д* мягкими *к* и *г*, исключительно въ заимствованныхъ словахъ: грамота XV в.: Костянь*к*инъ (Мейчикъ, 117); грамота 1654 г.: Іевъ *К*итовъ сынъ (Ак. Юр. 340); современн. московск. вульгарн. *К*итъ (=Титъ), апе*к*итъ, *к*іятръ, о́р*г*енъ (Островскій), Костян*к*инъ, *к*есемка, пашке́тъ. Повидимому, мягкое *т* замѣнено черезъ *к* въ великор. *ск*ирдъ (въ грамотѣ 1518 г. Ак. Юр. 275): срв. малор. *ст*иртъ, бѣлор. *ст*иртъ, польск. *st*yrt. Одинъ изъ малорусскихъ говоровъ (покутскій, въ Галиціи) послѣдовательно замѣняетъ каждое магкое *д* и *т* черезъ *г* (=*g*) и *к*: *г*ідъ=дѣдъ, у хак*і*=въ хатѣ и т. п.

2. Смягченіе н. Очень близко къ неорганическому смягченію гортанныхъ въ бать*к*а неорганическое смягченіе согласнаго *н* въ исходѣ словъ при предыдущемъ мягкомъ согласномъ и *j*-тѣ, извѣстное въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ: им. ед. си́льн*ёй*, вольн*яя*, дово́льн*ё*, ску́цьн*ё* и т. п. Одна изъ пѣсенъ, записанныхъ для Р. Джемса въ нач. XVII в. имѣетъ: ко сильнему царьству.

Рядомъ съ смягченіемъ *н* мы видимъ при однородномъ условіи—при предыдущемъ твердомъ согласномъ—*отвердѣніе н*: им. ед. ниж-ной, лишн*ой*, конюшн*а* и т. п.; оно извѣстно въ тѣхъ же говорахъ.

Вѣроятно, однородное смягченіе мы имѣемъ въ сѣв.-великор. шт*, гдѣ *т* смягчилось подъ вліяніемъ предыдущаго мягкаго *ш* (=др.-р. чьто).

3. *Смягченіе зубныхъ.* Переходное смягченіе мягкихъ зубныхъ *д* и *т* въ мягкія *дз* (дифтонгъ) и *ц* рѣдко въ великорусскихъ говорахъ, и слова въ родѣ *дзѣци*, *церкѣць* встрѣчаются только въ немногихъ окающихъ говорахъ и лишь въ одномъ-двухъ акающихъ, прежде окавшихъ. Переходъ мягкихъ *д* и *т* въ мягкія *дз* и *ц*— явленіе свойственное большей части бѣлорусскихъ говоровъ, въ томъ числѣ говору ржевскому, Тверской губ., и нѣкоторымъ малорусскимъ говорамъ (Минской и Гродненской губ.), составляющимъ переходныя ступени отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому. На бѣлорусской почвѣ онъ восходитъ, можетъ быть, къ сравнительно древней эпохѣ; но звуковая близость мягкаго *д* и мягкаго *дз*, мягкаго *т* и мягкаго *ц* даже теперь такъ велика, что не было надобности въ передачѣ этихъ *дз* и *ц* какимъ-нибудь способомъ. Понятно, не только въ грамотахъ XIII—XIV вв., но даже въ такихъ печатныхъ изданіяхъ, какъ Библія Скорины начала XVI в., Лютеранскій Катихизисъ 1562 г., Ев. Тяпинскаго, Литовскій Статутъ 1588 г., въ Познанскомъ Сборникѣ XVI в., въ грамотахъ и актахъ XVI в. мы не находимъ указаній на смягченіе зубныхъ. Правда, въ грамотахъ встрѣчаются изрѣдка формы въ родѣ *слацьь*, *справицьь* (грамота 1528 г.), но это, повидимому, не что иное, какъ обычные въ нихъ полонизмы. То же должно сказать и о большей части случаевъ употребленія *ц* въ западно-русскихъ грамотахъ XVII в., напр., о словѣ *цетревъ*=тетеревъ—срв. польск. cietrzew, польское происхожденіе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Только въ нѣсколькихъ зап.-русскихъ актахъ XVII в. мы встрѣчаемъ изрѣдка слова чисто-русскія съ *ц* и *дз*, гдѣ эти звуки могутъ быть относимы уже на счетъ русскаго языка и принадлежать тогдашнему произношенію бѣлоруссовъ: *Цимошка*, Ар*ц*емъ.

Въ большей части современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ не существуетъ мягкихъ *д* и *т* передъ гласными: всѣ они перешли въ очень мягкія *дз* (дифтонгъ) и *ц*: *дзѣдъ*, *дзерево*, *цѣсто* и т. п. (кромѣ вопросительной частицы *ти*, гдѣ *т*, вѣроятно, новаго происхожденія—изъ *ч* или *ц*); равнымъ образомъ нѣтъ *д* и *т* передъ мягкимъ *в*: *дзвѣ*, *цвердзѣць*.

Отвердѣніе согласныхъ передъ гласными *е* и *и* произошло въ галицко-волынскомъ говорѣ и сопровождалось отожествленіемъ *и* съ потомкомъ древняго *ы*. Благодаря ему, напримѣръ, древнее сочетаніе *те* (срв. малор. формы 2-го л. мн. повелит. н. бери*ть*, съ мягкимъ *т*, изъ бер*ѣте*) превратилось въ сочетаніе близкое къ великор. *тэ* или даже съ нимъ тожественное; древнее сочетаніе *ти*—въ *ти* (съ среднимъ *и*, болѣе твердымъ, чѣмъ великор. *и*) или *ты*. Случаи употребленія *ы* вм. *и* и наоборотъ, указывающіе на отвердѣніе согласныхъ передъ *и*, являются въ галицко-волынскихъ памятникахъ уже съ XII в., но до XIV в. очень рѣдки и не внушаютъ къ себѣ довѣрія; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: погубы*и*вы*и*, просы*т*и, съвѣтьны*к*ъ; въ Галицкомъ Ев. 1283 г. (съ южно-славянскими чертами): пусти*н*ю 51 об., сти*д*яхуся 54 об., сы*р*ъ=сиръ 86; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: о назаряны*н*ѣ, сѣдмы*ж*ды; въ Луцкомъ Ев. XIV вѣка: съ нымь; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: си*н*ъ, познавами (1-е л. мн.), с болоти, поди*м*ъя (род. ед.) и т. п.; въ молдавской грамотѣ 1436 г.: Владиславовы. кролевы (дат.). Современные малорусскіе говоры имѣютъ одинаково-твердые согласные въ древнихъ *си*рота и *сы*ръ, и*ди* (повелит.) и *дым*ъ, и*ти* (неопредѣл.) и *тын*ъ и т. п.; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже древнее сочетаніе *ли* (*ли*хо) имѣетъ твердое *л*, то самое, что въ древнемъ сочетаніи *лы* (*лы*съ). Отвердѣніе не распространилось на гортанные, которые смягчились передъ *ы*: соврем. сѣв.-малор. ру*кі* и т. п., но лишь въ части галицко-волынскаго говора (срв. соврем. украинск. ру*ки*); сверхъ того, оно, конечно, не коснулось *j*-та: соврем. малор. *і*ти (изъ *j*ити), пої*т*и, украї*н*а.

Кромѣ галицко-волынскаго отвердѣнія согласныхъ передъ *е* и *и*, въ русскихъ нарѣчіяхъ произошло еще отвердѣніе шипящихъ, *ч*, *р* и губныхъ.

1. Отвердѣніе шипящихъ и **ц**. Какъ сказано выше, шипящіе звуки въ древнѣйшую эпоху исторіи русскаго языка были мягки, т. е. произносились: *ж*—какъ наше *ж* въ словахъ ѣ*ж*ю, ви*ж*ять, *ш*—какъ наше *ш* въ *щ* (т. е. въ *шш*) въ словахъ пи*щ*ю, пи*щ*ять, *ч*=какъ наше *ч* въ плачю, ту*ч*я. Мало-по-малу шипящіе начинаютъ отвердѣвать во многихъ говорахъ. Относящіяся сюда данныя, указывающія уже на полное отвердѣніе, находятся въ памятникахъ не ранѣе начала XIV в.: въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок

1300 г.: слы*шы*шь; въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: ме*жсы*, кня*жсы*лъ; въ духовной Дмитрія Донскаго до 1389 г.: *жсы*вите, *жсы*ропкины, Суро*жсы*къ, *жсы*вота, держ*жсы*ть; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *жсы*лами 172, *жсы*ва 187, жа*жсы* 410; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: *лжсы* 79; въ тетради начала XV в. (въ Кирилло-бѣлозерскомъ Сборникѣ № 6—1083): *жсы*зни, слу*жсы*теля, *жсы*тья, *жсы*вый, на*жсы*ть и др. 355 об., 357 об., 381. Послѣ XIV в. сочетаніе *жс*, *ш*, даже *ч* съ *ы* уже не рѣдкость; въ XVI—XVII вв. нѣкоторые писцы проводятъ его довольно послѣдовательно; нѣкоторыя печатныя изданія того же времени (а за ними и наши церковныя книги) имѣютъ слоги *жсы*, *шсы*, *чсы* постоянно. Очевидно, къ XIV в. шипящіе *ж* и *ш* во многихъ говорахъ уже вполнѣ отвердѣли; тогда же или вскорѣ потомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (главнымъ образомъ, западно-русскихъ) произошло отвердѣніе *ч*. Современные русскіе говоры имѣютъ, одни въ большемъ, другіе въ меньшемъ количествѣ, твердые шипящіе. Литературный языкъ и большая часть великорусскихъ говоровъ произносятъ *ж* и *ш* твердо, а *ч* сравнительно мягко; нѣкоторые малорусскіе (западные) говоры отличаются обиліемъ мягкихъ шипящихъ.

Тѣ звуки, которые передаются у насъ черезъ букву *щ*, въ древности, какъ сказано выше, очень часто произносились какъ *шч*. Съ теченіемъ времени въ большинствѣ великорусскихъ и въ нѣкоторой части малорусскихъ говоровъ эта звуковая группа въ массѣ случаевъ, вслѣдствіе ассимиляціи второй ея части съ первою, перешла въ *шш* (т. е. въ долгое *ш*); изрѣдка, спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи, она образовала *шт* (съ мягкимъ *т*): сѣв.-великор. *шт*юка=щука, е*шт*ё=ещо и т. п. (рядомъ съ *жд* изъ *жж*: пріѣ*жд*ять и т. п.); въ нѣкоторыхъ великорусскихъ, въ бѣлорусскихъ и въ большей части малорусскихъ говоровъ *шч* (откуда при цоканьѣ иногда *сч*, *жч*) сохранилось до настоящаго времени.

Сказанное имѣетъ въ виду только древнее *щ*=*шч* и то сравнительно рѣдкое новое *шч*, которое произошло изъ сочетанія разныхъ согласныхъ съ *ч* (разно*щ*икъ, объѣ*щ*икъ = ѣздьчикъ и т. п.). Новое *шч*, образовавшееся при сложеніи предлоговъ-префиксовъ съ именами и глаголами, обыкновенно сохраняется (оно не перешло въ *шш*): *ш* честью=съ честью, *ш* чѣмъ=съ чѣмъ (по *шш*ётъ счетъ, *шш*итать и т. п).

Двойное *ш*, т. е. *щ*, равно какъ и двойное *ж* въ ѣ*жжю*, ви*жжять*, по*жже* (отъ поздо), въ литературномъ языкѣ произносится мягко, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ двойное *ш* и двойное *ж* образовались при сочетаніи предлоговъ и префиксовъ съ именами и глаголами: *ж жо*пами, *жжэ*чь, *ш шы*тьёмъ, *шшы*ть, и гдѣ оба *ж* и оба *ш* произносятся твердо. Находясь послѣ согласныхъ, мягкое двойное *ш* можетъ переходить въ простое *ш*, иногда сохраняющее свою мягкость: ям*шш*икъ, жен*шш*ина (рядомъ съ мор*щ*ить, топор*щ*иться, прель*щ*ять, холщёвый), иногда звучащее уже твердо: тол*шы*на, Поль*ша* (малор. Поль*ща*, польск. Polska), шер*ша*вый (при шерсть). Находясь же передъ согласными, двойное *ш* переходитъ въ простое *ш*, то мягкое, то твердое, въ зависимости отъ качества слѣдующаго согласнаго: жен*шш*ко, сын*шш*ко и т. п., откуда жен*шш*ка, сын*шш*ка и т. п. (изъ -*щ*ько; срв. ц.-сл. и др.-русск. уменьшительныя на *ище*: ц.-сл. жен*ище* γυναικάριον въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в., велблуд*ище*=верблюженокъ, др.-русск. Кузьм*ище*, Петр*ище*, срач*ища*=рубашонка въ Повѣсти о Дракулѣ и т. п.), клеш*ня* (изъ клѣщьня; срв. клещи и т. п.), пеш*ня* (ломъ для колки льда; срв. пѣсть и т. п.), *ш*мель (срв. ст.-пол. *szczm*iel, великор. и малор. *ч*мель, *ч*міль), пригор*шня* (срв. въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: пригърръща), тош*ня*ть, тош*но* (срв. тоска), плош*ка* (срв. въ московской грамотѣ 1484 г.: съ варниць площокъ ие емлютъ; въ московской грамотѣ 1473—1478 г.: ни куницы, ни площки, Ак. Арх. Э. I. 77), плюш*ка* (названіе здобнаго хлѣба; срв. плюш*ить*), горш*о*къ, горш*ка* (горщки Домострой; срв. бѣлор. и малор. горщокъ), плаш*ми* (срв. ст.-русск. плащь=пластинка). Изъ другихъ великорусскихъ говоровъ нѣкоторые согласны съ литературнымъ языкомъ, но въ большей ихъ части всякое двойное *ж* и двойное *ш* звучитъ твердо: ѣ*жжу*, *шшу*ка, причемъ двойное *ш* не только при согласныхъ (до*шш*ка=доска, срв. въ Новгородской лѣт. XIV в.: дъщька 148, 149 и соврем. великор. до*щ*ечка; радо*шш*ный, хру*шш*ко́й=жесткій), но иногда даже между гласными и послѣ гласныхъ въ исходѣ словъ переходитъ въ простое *ш* (е*шш*о).

Только что сказанное имѣетъ въ виду лишь *шш* изъ *шч*. Что до сравнительно-новаго *шш* (иногда изъ *жш*), то въ однихъ случаяхъ въ литературномъ языкѣ оно звучитъ мягко: сла*ще* (изъ сла*жьше*; срв. въ договорѣ Василія Темнаго съ Шемякою 1440 г.:

братья молощая), въ другихъ—твердо: выгшый (=выгиьги-), нигшый (=нижьги-).

Вотъ нѣсколько историческихъ данныхъ относительно *щ*. Пандекты 1296 г.: видящихъ 28 об., бывщихъ 36 об., искущающи 58 об., тщится 102; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: умерьщвена, умерщвенье 101, умерщвяеми 118 об., и т. п.; новгор. Ев. XIV в. Образцова, описанное Царевскимъ: терзающе, сходящю, идущю, влагалища, оправдищися, взящя, послущати; Амартолъ XIV в.: прельщенъ 7, 52 об., 69, прельщая 63, умерщвение 10 об., смердящии 55 об., толщею (твор.) 125, обрѣтъщимъся (дат.) 62 об.; Погодинск. Сборникъ нач. XV в. № 872: якоже можаще и хотяще 227 об.; сѣверно-русск. Златоустъ XVI в. Публ. Б. Q. I. 972: порощии 9, прельщаемъ 12, въземъще 254, бывщу 501 и т. п.; грамота 1630 г.: боярщина, монастырщина, Ак. Юр. 206; Космографія Бѣльскаго 1670 г. Публ. Б.: женщины 18 об.; Румянцевскій Сборникъ к. XVII в. № 16: обманщикъ 4. Сверхъ того, *ш* и *щ* часто смѣшиваются въ Лаврент. сп. лѣт. Взаимная мѣна *ш* и *щ* въ этихъ данныхъ ясно указываетъ на произношеніе писцами памятниковъ *щ*—какъ двойнаго или одиночнаго *ш*.

Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры, сохраняющіе *шч*, имѣютъ это *шч* также на мѣстѣ древняго *шш* (*жш*): малор. солошчий, крашче (=крашьше) вишче, пишче и т. п. Мѣсто *шч* передъ согласными и въ нихъ можетъ занимать *ш* (рядомъ съ *ч*): малор. и бѣлор. дошка (при малор. дочка=доска), горшокъ, горшка (при малор. горщокъ).

Звукъ *щ* имѣлъ ту же судьбу, что и *ж*, *ш*; старшія данныя, указывающія на отвердѣніе, относятся также къ XIV в.: кіевская Псалтырь 1397 г.: языцы 84 об. Оно особенно сильно распространилось въ великорусскихъ говорахъ и здѣсь повело къ отвердѣнію согласнаго *с* въ возвратномъ мѣстоименіи при глаголахъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ (въ формахъ 3-го лица ед. и множ. ч. и въ неопредѣленн. накл.), находясь послѣ глагола, какъ бы слилось съ нимъ, причемъ, подъ вліяніемъ конечнаго *т* этихъ формъ, *с* мѣстоименія стало звучать какъ *ц*: беретця, деретця, жмутця. Это новое *ц* раздѣлило судьбу древняго *ц*, т. е. съ теченіемъ времени также отвердѣло (беретца и т. д.), и затѣмъ оказало свое вліяніе на возвратное мѣстоименіе тамъ, гдѣ оно стояло послѣ глагольныхъ формъ

1-го и 2-го лица, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; результатомъ этого вліянія было отвердѣніе *с* въ *ся*, или переходъ *ся* въ *са*. Отвердѣніе звука *с* въ *ся* извѣстно въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Сильвестровскомъ Сборникѣ этого вѣка (Тип. Библ.) мы находимъ: наслади*са*; въ Ев. 1354 г.: въ своя *сы*; въ Академическомъ сп. лѣт. XV в.: въ своя *сы* (Лѣтопись по Лаврент. сп., 505); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: ожени*са* 58. Сравни современн. великорусск. беру*са*, деру*са*, бересса и т. п., билсы, ударилсы; срв. также въ малорусскомъ пинскомъ говорѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ бѣлорусскихъ говорахъ: сподѣваю*са*, купала*са*, отозвав*са*.

Нарѣчія *суда*, от*суда*, обыкновенно произносящіяся въ великорусскихъ говорахъ съ твердымъ *с*, не обязаны этимъ послѣднимъ отвердѣнію *и*: въ церк.-славянскихъ памятникахъ мы находимъ постоянно сжду; въ древне-русскихъ, рядомъ съ *сюду* и т. п. (Архангельское Ев.: от*сюдѣ*; Ев. 1270 г.: от*сюду*), встрѣчается и *суду*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: отъ*суду* 85 об. и др.; Архангельское Ев. 1092 г.: от*суду* 17 об.; Юрьевское Ев.: отъ*суду* 65 об.; Милятино Ев. 1215 г.: от*суду* 3 об; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: *суду* и овуду. Эти нарѣчія, очевидно, отличны по образованію отъ нарѣчій *сюда*, *сюды* и т. п. и, можетъ быть, древнѣе этихъ послѣднихъ; во всякомъ случаѣ они не находятся отъ нихъ въ зависимости.

2. Отвердѣніе р извѣстно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ.

Великорусское нарѣчіе знаетъ лишь спорадическое отвердѣніе *р* передъ *и*, исключительно въ серединѣ словъ, повлекшее за собою переходъ *и* въ *ы*. Мы читаемъ въ Житіи Нифонта 1219 г.: к*ры*лы своими 122; въ Словѣ о полку игоревѣ: к*ры*чатъ; въ сѣверно-русскомъ Златоустѣ XVI в. Публ. Библ. Q. I. 972: к*ры*чание 13 об.; въ письмѣ ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: зак*ры*чалъ (Ак. Арх. Э. IV, 80); соврем. московск. г*ры*бъ (рядомъ съ г*ри*бъ), к*ры*ло, к*ры*нка (чаще: к*ри*нка), ск*ры*пѣть (Пушкинъ; чаще: ск*ри*пѣть), можетъ быть, п*ры*щъ, *ры*сь=бѣгъ, *ры*скать (срв. *ри*стати), можетъ быть, ба*ры*шня (изъ ба*ри*чна); великор. к*ры*къ, стр*ы*чь, *ры*нуться (В. Майковъ: р*ы*нувшись, Соч. 215), капр*ы*зный; южно-великор. тр*ы*на́ть (=трепать), к*ры*са́ть (=кресать, объ огнѣ). Что до твердаго *р* въ тр*ы*зна (Лаврент. сп. лѣт. 13), *ры*гать, *ры*кать, *ры*чать, кор*ы*сть, то оно явилось не на русской почвѣ: срв. ц.-слав. натр*ы*-

жнениѣ, ст.-чешск. t*ry*zeň, чешск. *ř*ihnouti (при польск. *rzy*gnąć), польск. *ry*czeć (при ц.-сл. *ри*кати, чешск. *ř*íčeti), ст.-пол. ko*ryś*ć (при ц.-сл. ко*ри*сть); отношеніе его къ мягкому *р* въ параллельныхъ образованіяхъ неясно.

Сѣверо-западные малорусскіе говоры и большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣютъ отвердѣвшее *р* передъ всѣми вообще гласными и въ концѣ словъ.

Примѣры его встрѣчаются въ галицко-волынскихъ памятникахъ съ XII—XIII в.: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: г*ра*дуща; Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: ухыщ*рания*; Луцкое Ев. XIV в.: раши*ра*ють; галицкая грамота 1378 г.: мунасты*ръ*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: об*ра*щеть, с*ра*щеть; но ихъ очень мало и они очень похожи на описки. Они появляются въ западно-русскихъ грамотахъ и книгахъ съ XV в.: договоръ Полоцка съ Ригою 1405 г.: серебр*ы*ны; грамоты XV вѣка: п*ры*язнь, п*ры*судили, звѣ*ръ*, звѣ*ру* и т. п.; Познанскій Сборникъ XVI в.: повѣт*рыю*, у мо*ра*, по мо*ру*, гово*рать*, рост*рась*, по*ра*докъ и т. п.; Литовскій Статутъ 1588 г.: го*ра*чий, отво*ра*ти, наше*ро*дъ, т*ры*, п*ры*ходили и др. (очень часто). Современные сѣверо западные малорусскіе говоры и значительное большинство бѣлорусскихъ совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р*, и постоянная твердость *р* составляетъ одну изъ ихъ отличительныхъ особенностей.

3. Отвердѣніе губныхъ. Губные согласные по самой своей природѣ мало способны къ мягкому произношенію. Отсюда отвердѣніе ихъ въ старомъ галицко-волынскомъ говорѣ, начавшееся, вѣроятно, въ давнее время (его имѣютъ почти всѣ современные малорусскіе говоры), но не нашедшее себѣ отраженія въ старыхъ письменныхъ памятникахъ. Прежде мягкія *б*, *в*, *м*, *п* передъ *j* только отвердѣли, такъ что въ настоящее время *бью*, *пью* произносятся малороссами какъ *бъю*, *пъю*. Тѣ же согласные передъ *а* и *у* (т. е. въ слогахъ *бя*, *бю* и проч.), прежде чѣмъ отвердѣть, выдѣлили изъ себя *j*, который отчасти сохраняется: *въяну*, *любъю*, *кормъю*, *пъять*, отчасти перешелъ въ мягкія *л* и *н*: с*плять*=спятъ, м*ня*со=мясо, пам*ня*ть, ру*мня*ный, і*мня*. Одно слово *святий* съ производными сохраняетъ мягкое *в* если не во всѣхъ, то въ большей части малорусскихъ говоровъ.

Образованіе *дж* изъ *ж* и *тч* изъ *ч*. Звукъ *ж*, происшедшій изъ *д*, иногда замѣненъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ

дифтонгомъ *дж*: ход*ж*у, вид*ж*у, суд*ж*у. Эта замѣна, имѣющая мѣсто въ большей части малорусскихъ говоровъ и во многихъ бѣлорусскихъ (въ сѣверо-западныхъ и южныхъ), извѣстна по памятникамъ лишь съ XVII в. (Лексиконъ Берынды). Впрочемъ (едва ли не напрасно) указываютъ на Мечибожие въ Ипатскомъ сп. лѣт. 243 и видятъ въ *ч* этого слова неудачную передачу *дж*. Дифтонгъ *дж* является лишь въ тѣхъ образованіяхъ, рядомъ съ которыми существуютъ близко родственныя образованія съ *д*; его нѣтъ въ образованіяхъ, не имѣющихъ при себѣ родственныхъ образованій съ *д*: чу*ж*ий, а не чу*дж*ий, ме*ж*и, а не ме*дж*и, оде*ж*а, а не оде*дж*а. Такимъ образомъ этотъ дифтонгъ замѣнилъ собою *ж* вслѣдствіе вліянія на слова съ *ж* (хо*ж*у, ви*ж*у) родственныхъ словъ съ *д* (хо*д*ити, ви*д*ѣти); т. е. это *дж* есть какъ бы соединеніе вмѣстѣ двухъ согласныхъ одного и того же корня. Впрочемъ говоры галицкихъ горцевъ, сосѣдей поляковъ (у которыхъ mie*dz*y, cu*dz*y и т. п.), имѣютъ—благодаря польскому вліянію, въ нихъ вообще сильному—и чу*дж*ий, ме*дж*е.

Великорусск. народныя оби*ждать*, уро*ждай* и т. п. имѣютъ сочетаніе *жд* едва ли не сходнаго происхожденія съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ дифтонгомъ *дж*.

Звукъ *ч* замѣненъ въ великорусскихъ говорахъ сочетаніемъ *тч*. Эта замѣна ограничивается нѣсколькими случаями: про*тч*ій, при*тч*ина (очень часто въ текстахъ XVII и XVIII вв.), въ пе*тч*ати (въ переводѣ книжки о Царьградѣ XVII в. Публ. Библ. Q. XVII. 21, л. 537), о проро*тч*ицахъ (въ статьѣ о спвиллахъ к. XVII в. Публ. Библ. Q. XVII. 2, л. 260), соврем. литерат. про*тч*ій, и объ ея происхожденіи трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Срв. въ нѣкоторыхъ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ (мещовск.) *тц* вмѣсто *ц*: води*тц*а (им. ед.), пти*тц*а, у*литц*а и т. п.

Опущеніе и вставка *в* **передъ гласными.** *Опущеніе в* имѣло мѣсто передъ *у* и встрѣчается въ памятникахъ великорусскаго происхожденія съ XIV в.: Ва*у*лы (=Вавилы) Ев. 1354 г. 158 об., Ев. 1357 г. 158 об., Ев. 1358 г. 194, Ев. 1393 г. 184 об.; зо*у*ща Ев. 1358 г. 51 об., 56 об.; ко Иса*у* брату, господеви моему Иса*у* Паремейникъ 1378 г. 9; воду жи*у* Ев. XIV в. Син. Библ. № 401, л. 18; ожи*у*ть, жи*у*ть, жи*у*ще, жи*у*щемъ, но*у* (=нову), Мара*у* (=Мораву), пилато*у* писанью (=пилатову), уста*у*, проти*у*, прозо-

уть и др. Лаврентьевск. сп. лѣт.; позо*уть*, — тся грамота 1402 г. (Собр. гос. гр. и дог. I, 166).

Оно хорошо извѣстно всѣмъ великорусскимъ говорамъ и нѣкоторымъ бѣлорусскимъ, сосѣднимъ съ великорусскими (въ Смоленской губ.). Литературный языкъ имѣетъ зако*у*локъ (срв. заковыка, ковылять), оплеуха, прибаутка; въ московскомъ вульгарномъ говорѣ слышится: дѣушка, лоушка, сорокоушка; другіе великорусскіе говоры имѣютъ: бокоуша, вѣкоуша, косоуръ, (косая дуга); мѣстныя названія Дѣулино (Дѣуниньское въ духовной Дмитрія Донскаго), Кріуха, Лѣушино, Плаутино, и т. п. Рядомъ, при вліяніи другихъ формъ, гдѣ *в* сохраняется: ре*в*у, жи*в*у, зо*в*у и т. п.

Спорадическая *вставка в* между гласными въ серединѣ словъ—явленіе въ русскомъ языкѣ довольно распространенное, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ передъ *о*: ти*в*унъ Русск. Правда; Роди*в*онъ Румянц. Обиходъ XIII—XIV в. 94; И*в*она, И*в*опинъ Ев. 1317 г. 24, 24 об., 36 об., 43; Ѣле*в*оньстѣй Ев. 1357 г. 88; Ефи*в*опья, Фара*в*онъ, Ле*в*онь, Семе*в*онъ и др. Лаврент. сп. лѣт.; Родио*в*онович духовная Дмитрія Донскаго; Ле*в*онтии двинская рядная XIV—XV в.; Си*в*онъ Псалтырь XIV в. Воскрес. монаст. № 5; леги*в*онъ Луцкое Ев. XIV в.; срв. современн. Роди*в*онъ, Лари*в*онъ, Ле*в*онидъ и т. п. Рѣже вставка *в* произошла передъ *а*: У*в*аръ псковск. Апостолъ 1309—1312 г., 109 об., Ива*в*ъ духовныя московскихъ вел. князей. Чудовск. Житіе Іо. Златоуста XIV в. и др., и т. п. Очень рѣдка она передъ *е*: соврем. великор. можже*в*ельникъ; срв. по можжеелнику Полн. собр. русск. лѣт. IV, 71, можелювой кустъ Ак. Юр. 166.

Кромѣ вставки *в*, произошла приставка *в* къ начальному *о* (изрѣдка и къ *у*): великорусск. в'ь *в*орду дух. Ивана Калиты; в *в*ордѣ, в *в*орду, *в*ото, *В*ольга (=Ольга) Лаврепт. сп. лѣт.; возми *в*одръ, ѣтери *в*отъ насъ Ев. 1354 г. 13, 3; въ *в*огнь Ефремъ Сир. 1377 г. 47; современн. великор. *в*отчина, *в*отчимъ, *в*осемь, *в*острый, *в*обла, *в*оспа (осьпа ц.-сл. Супрасл. рукоп.), *в*отъ, и т. п.; галицко-волынск. *в*овьца Галицкое Ев. ок. 1266 г., *в*овца Гал. Ев. 1283 г., Поликарпово Ев. 1307 г., Луцкое Ев. XIV в., *в*оовьця Галицкое Ев. ок. 1266 г.; *в*оотца, *в*олтарь Поликарпово Ев.; *в*ътъ мертвыхъ Луцкое Ев.; современн. малорусск. *в*івця, *в*івтарь, *в*ітця (род. ед. отъ отецъ), *в*ідъ мене, *в*інъ=онъ и т. п. Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ приставка *в* къ начальному *о* имѣла спорадическій ха-

рактеръ (срв. соврем. *в*осгрый и *о*стрый и др.); въ малорусскомъ же она произошла передъ каждымъ начальнымъ *о̄* (вѣроятно, вслѣдствіе его закрытаго произношенія).

Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ, находящихся въ разныхъ слогахъ, является лишь въ небольшомъ количествѣ случаевъ.

Явленія *ассимиляціи* состоятъ въ томъ, что изъ двухъ болѣе или менѣе близкихъ звуковъ, находящихся въ разныхъ слогахъ слова, одинъ ассимилируется съ другимъ. Они рѣдки и мы можемъ указать лишь на *жиждящеи* въ Остромировомъ Ев. 79 об., *жижителеви* въ Минеѣ 1096 г. 306, 478, художьство *жижитьльско* въ Выголексинскомъ Сборникѣ XII—XIII в. 100, *жижюцю* въ Прологѣ 1262 г. 76 об., *съжижю* въ Поликарпов. Ев. 1307 г., *жижющеи* въ гал.-вол. Ев. Верковича XIV в. 86; на др.-русск. *зегзица* (Слово о полку иг.), вр. *зазуля*, *зезюля*, *загозка*, бѣлор. *зезюля*, малор. *зазуля*, *зозуля*, при др.-русск. *жегъзуля*, *жегозуля* (Толковая Палея), лит. *geguže̅* кукушка; на великор. *зелѣзо*, *золѣзо*, малор. *золізо*, *залізо*, при ц.-сл. и др. русск. *желѣзо*; на бѣлор. *залоза́* (*желѣза*) при *желоза* и *жолоза* въ Лѣтописи Аврамки 1495 г. 134, 135, 164, 177; на др.-русск. *мурмане* (вм. *нурмане*; Новгородск. лѣт. и друг.); на ст.-русск. *твѣтъ* (вм. *цвѣтъ*; срв. въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *цтвѣтокъ*, недѣлю *цтвѣтную*, по фотолитогр. изданію стр. 137, 138, 134); на соврем. сѣв.-великор. *Ш*аша (=Саша), *ш*ельшина (сельщина), можетъ быть, чечевица (др.-русск. *с*очевица), ма*н*енько (=ма*л*енько).

Явленія *диссимиляціи* извѣстны въ области *плавныхъ* согласныхъ.

Они имѣютъ мѣсто тогда, когда два одинаковыхъ плавныхъ звука (т. е. два *р*, два *л*) находятся въ разныхъ слогахъ слова, и состоятъ въ томъ, что одинъ изъ двухъ *р* замѣняется звукомъ *л*, а одинъ изъ двухъ *л*—звукомъ *р*. Мы читаемъ въ Новгородской Кормчей ок. 1282 г. и въ Служебникѣ прп. Сергія XIV в.: *уларь*, изъ *урарь* ὡράριον; въ Ев. 1357 г.: *февраля*; въ Прологѣ 1356 г. Тип. Б.: *Илинархъ* 78 об.; въ Стихирарѣ XV в. Тр. Лавры № 409: *стихираль*; въ грамотѣ 1500 г.: *Селигеръ* (названіе озера; срв. въ Новгородской лѣт.: Серегерь 121, 166); въ грамотѣ 1546 г.: деревня *Латмирова* (Ак. Θед.-Чех. I, 111); въ грамотѣ 1554 г.: Перфи*л*ей (=Порфирій) Ак. Арх. Э. I, 247; въ спискахъ Псковской лѣт.: Лотыго*ра*, Латыго*ра* (названіе латышскаго народа; срв. въ грамотѣ 1264 г.: Лотыго*льская* земля, и т. п.); въ Кіевскомъ Помянникѣ

XVI в.: Вер*б*людъ (собств. имя; срв. ц.-сл. вельбѫдъ), Ил*и*нархъ. Современные великорусскіе говоры имѣютъ: вер*б*людъ, пер*е*пелъ, изъ пел*е*пелъ (въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Рич. Джемса: пел*е*пелка, въ грамотѣ к. XV в. фамилія Пел*е*пелкинъ, Ак. Калач. I, 639, соврем. пермск. пел*е*пелъ, хорв. p*l*epelica), пр*о*лубь, изъ пр*о*рубь, стал*о*вѣръ, изъ стар*о*-, собственныя имена Ил*и*нархъ, Меркул*ъ* (=Меркур*і*й), Перфил*і*й, Сел*и*геръ, старое названіе московскаго урочища Чертол*ье* (Черторъ*ье*, срв. великор. Черт*о*рой, малор. Чорт*о*рыя и т. п.), рядъ новѣйшихъ заимствованныхъ словъ съ диссимиляціей: флиг*е*рь, флюг*е*ръ (=шведск. flögel), сек*л*етарь, пл*е*порція, *л*есора, кол*и*доръ. Малорусскіе говоры рядомъ съ срібр*о*=серебро имѣютъ также и сріб*л*о, рядомъ съ *р*ебро—*л*ебро, вмѣсто *р*ицарь, *р*ейстровый—*л*ицарь, *л*ейстровий; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слышится *л*ар*ъ*=ор*а*рь.

Диссимиляція плавныхъ необязательна: Прохор*ъ*, пр*о*рубить, особенно тамъ, гдѣ удвоеніе или подобіе удвоенія: кол*о*кол*ъ*, *л*ел*ѣ*ять. Фал*е*лей, Вар*в*ара, Гр*и*горій.

При разсмотрѣніи случаевъ диссимиляціи плавныхъ можно замѣтить, что плавные находящіеся въ слогѣ съ удареніемъ болѣе сильны, чѣмъ плавные, удаленные отъ ударенія, что первые сохраняются и послѣдніе измѣняются: вер*б*лю́дъ, Ил*и*на́рхъ, Сел*и*ге́ръ и др. (впрочемъ не безъ исключеній).

Диссимиляція плавныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ произошла послѣ ассимиляціи плавныхъ. Мы имѣемъ сначала Варфоромѣя Ев. до 1362 г. Тип. Библ. 156 (съ ассимиляціей), потомъ Вал*ъ*фромѣй Ев. 1317 г. 30 об., Ев. 1358 г. 212 и др. (съ диссимиляціей; откуда: Вафромѣя Ев. 1393 г. 83 и др.; совр. Вахромей).

Измѣненія согласныхъ при вліяніи однихъ словъ на другія въ русскомъ языкѣ очень разнообразны.

Слова, стоящія по звуковымъ сочетаніямъ своего корня или суффикса одиноко, подвергшись вліянію чуждыхъ имъ словъ съ сходными сочетаніями, замѣнили нѣкоторые свои звуки звуками послѣднихъ. Древне-русское собственное имя Изяславъ съ XV в. начинаетъ являться въ текстахъ въ видѣ Иж*е*славъ (внукъ Иж*е*славль въ Прологѣ 1432 г. Публ. Б. 122); древне-русское названіе города Суж*ь*даль съ того же времени начинаетъ замѣнять свое *ж* черезъ *з* (срв. *з*ьдати и т. п.); старыя прокл*а*жаться, иноход*е*цъ, *ж*абры, *ж*ен-

чугъ, *л*ишиться, сум*н*ѣваться и др. въ разное время превращаются въ великорусскихъ говорахъ въ про*х*лажаться, *в*иноходецъ, *з*ябры (срв. *з*ябнуть), *з*емчугъ (срв. *з*емля); старыя Череповесь (изъ Череповси московск. грамота 1496 г. Ак. Арх. Э. I, 99), бьрковь*ск*ъ, колодя*з*ь, ласто*в*ка (срв. малор. ласті*в*ка и т. п.), суро*с*кій (изъ сурожьскыи) и т. п. подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на *-ецъ*, *-очка*, *-овскій* измѣняются въ Черепове*ц*ъ, берковеиъ, колоде*ц*ъ, ласточка, суро*в*скій; старое на-тоща*к*ъ подъ вліяніемъ формъ мѣстн. п. мн. переходитъ въ на-тоща*х*ъ, и т. п.

Слова заимствованныя измѣнились въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ исконныя русскія. Собственныя имена Константинъ, Ипполутъ, Степанъ, Аврамъ, Меѳодій, Глукерія въ древнихъ текстахъ являются въ видѣ Къ*сн*ятинъ (Новгородская лѣт. XIV в.), *П*ополутъ (Прологъ XIV в. Тип. Б. № 346, л. 247 об.) или Полю*д*ъ (Новгородск. лѣт.), *Щ*епанъ (Ипатск. сп. лѣт. 483), *Н*ефедій (Помянникъ XIV в. Тип. Б. 14 об.), *О*брамъ (*О*брамль мостъ Ипатск. сп. лѣт. 287), *Л*укѣрия (Прологъ 1432 г. Публ. Библ. 141 об.); срв. къснѣти, щепати, об-, лукъ; имя Іеремія звучитъ въ малорусскихъ говорахъ *В*еремія (срв. верема=время); городъ Стокгольмъ въ XVI—XVII вв. называется Сте*к*ольна; островъ Са*х*алинъ теперь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ Со*к*олинаго; сверхъ того, пас*х*а измѣняется въ пас*к*а (пас*ц*ѣ, дат. п., Остромир. Ев.), *к*русталъ (Паремейникъ 1271 г.) въ *х*русталъ (Паремейникъ 1378 г. 80), *хр*усталь (Сказаніе о Бор. и Гл. XII в. 14; въ полатѣ *х*рустальнѣ Палея 1406 г. 46), *м*ефимонъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.) въ *н*ефимонъ (XVI—XVII в.), соврем. великорусск. ефимонъ (срв. Ефимъ), сардо*н*икъ въ сердо*л*икъ (XVI—XVII вв.); новѣйшіе великорусскіе *н*екрутъ, *н*ебель, *в*еликатный, *п*ротуаръ и т. п.

Нерѣдко измѣненія звуковъ ограничиваются перестановкой. Такъ те*р*ёз*в*ый (протерезвился, Осиповъ, Энеида на изнанку) превращается въ тве*р*ёзый (тве*р*езъ Лютер. Катихизисъ 1562 г. 150 об.), гусли яво*р*чатыя (изъ яво*р*а) превращаются въ я*р*о*в*чатыя, по*рт*омой въ про*т*омой *мж*урить въ *жм*урить (срв. твердый, ярый, про-, жму); *кли*росъ, *кли*рошанинъ въ *кри*лосъ, *кры*лосъ (съ *кри*лошаны Прологъ 1432 г. Публ. Б. 122 об.), Сильве*ст*ръ—въ Селивё*рст*ъ (срв. верста), Ве*не*дей (=Венедиктъ)—въ Ве*де*ней (срв. веду), *Ле*нидъ (=Леонидъ)—въ *Не*лидъ (*Не*лидко грамота 1453 г. Ак. Калач. II, 335).

Слова Христосъ съ родственными и *крьстъ, крьстити*, вліяя другъ на друга, измѣняются первыя въ *Кристосъ, крьстьяны, крьстианьскъ* (Святославовъ Сб. 1073 г.; душамъ *крьстияньскамъ* Остром. Ев.), *крестьянинъ*, вторыя въ *хрьстъ, христъ, хрьстити* (*христивыися. хриштаахуся* Св. Сб. 1073 г.; по *хрьстѣхъ, хрьстинамъ* Уставъ церк. XI—XII в. Тип. Б.; *хр'щяхуся, хр'щю, хр'щенье* Галицкое Ев. 1144 г.).

Еще болѣе обычны измѣненія звуковъ въ однихъ словахъ подъ вліяніемъ другихъ словъ имъ близко-родственныхъ.

Между прочимъ, цѣлый рядъ прилагательныхъ на *чинъ, жинъ, шинъ*, въ родѣ богородичинъ, матчинъ, ольжинъ, сношинъ, подъ вліяніемъ существительныхъ съ *ч* и гортанными богородица, матка, Ольга, сноха, замѣнили свои *ч, ж, ш* черезъ *ц, к, г, х* и превратились въ великорусскомъ нарѣчіи въ богородицынъ (съ попы царицины, Лавр. сп. л. 36), маткинъ (Вѣкошкынъ въ рядной Тѣшаты XIV в., госпожинькинъ день въ Новгородской лѣт. XIV в.), ольгинъ, снохинъ. Другія русскія нарѣчія отчасти удержали древнія образованія (малор. матчинъ и т. п.).

Небольшой рядъ словъ съ *ж*: княжья, дружья, ольжинъ (отъ Ольга), фряжинъ, печенѣжинъ и т. п., подъ вліяніемъ формъ съ *з*: князи, друзи, Ользѣ (дат.-мѣстн.), фрязи, печенѣзи и т. п., замѣнили свое *ж* черезъ *з*: князья, друзья, ользинъ, вользинъ (Лаврент. сп. л. 58, 68), фрязинъ (Ак. Арх. Э. I, 3), печенѣзинъ (Лаврент. сп. л. 121) и т. п. Впрочемъ слово дружья сохранилось и въ южныхъ (Курск., Ворон. губ.), и въ сѣверныхъ (Олонецк., Арханг. губ.) великорусскихъ говорахъ.

Другой небольшой рядъ словъ безъ префиксовъ съ начальнымъ гласнымъ подверглись вліянію тѣхъ же словъ съ префиксами и заимствовали у этихъ послѣднихъ *н*: не могль *няти* князя Лаврент. сп. л. 458, ищеши *няти* мужа Ипатск. сп. л. 438, вѣры не *няти* грам. 1456 г. Ак. Арх. Э. I, 34, *нятци* (плѣнники) зап.-русск. грамоты XIV—XV вв. и т. п., современ. великор. *нутро, нутряной* и т. п. срв. *съняти*, пере*няти* и т. п., въ*нутри* и т. п.).

Возстановленіе согласныхъ въ предлогахъ-префиксахъ. Предлоги-префиксы *без, въз, из, раз—роз, об*, въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ еще въ обще-славянскомъ языкѣ оканчивавшіеся на согласный, — въ древнѣйшій періодъ исторіи русскаго языка

иногда были столь тѣсно слиты съ слѣдовавшими за ними именами и глаголами, что вслѣдствіе дѣйствія ассимиляціи и диссимиляціи, потеряли свои конечные согласные или лишили имена и глаголы ихъ начальныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ слышалось: безаконіе(=без-законіе), бе-зълобы (=без зълобы), обьртѣти (=об-вьртѣти), оболоко (=об-волоко) и т. п.; духовная новгородца Климента XIII в.: и-свинеи; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: росѣчена, разнаменаѥть; галицкая грамота 1393 г.: и-стада; Новгородская лѣтопись XIV в.: и-Суждаля, и-своею руку, бе-своея братья, и-заморья, исѣкоша, ижгоша, ишли, обечерившися; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: ишьдъ и т. п. (постоянно); смоленскій договоръ 1229 г.: ишлъ=ишло; грамота рижанъ ок. 1300 г.: обестился. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ тѣхъ предлоговъ-префиксовъ, которые сохранили свои согласные звуки вполнѣ,—въ русскомъ языкѣ явилось стремленіе къ возстановленію предлоговъ-префиксовъ, утратившихъ свои конечные согласные, въ ихъ звуковой полнотѣ и къ отдѣленію ихъ отъ именъ и глаголовъ, и мы начинаемъ встрѣчать въ памятникахъ новыя звуковыя сочетанія: Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII вѣка: рассудити 14; Евангеліе 1270 г.: *ижьже*нуть 24; Кормчая ок. 1282 г.: безлобьѥ 458; Рязанская Кормчая 1284 г.: рассужаѥть 59 об., расъсужения 310 об., *ижьже*неться 328 об.; Пандекты 1296 г.: безъ закона 36 об., безъ сего 49, безъ свѣта 57 об., безъ суда 166 об.; Толстовскій Сборникъ XIII в.: *объвдовѣша* 111; грамота рижанъ ок. 1300 г.: изъ Смоленьска, изъ свѣта; Ев. 1323 г.: *ижьже*неться 164; Ев. 1339 г.: бесъ сапогъ 167 об.; Евангеліе 1354 г.: иссыпати 32, иссыплють 107 об., рассядуться 36, рассыпаѥть 43 об., 55, 99, рассужати 51 об.; Ев. 1355 г.: исъсѣченъ 8 об., иссѣцѣте 82 об., рассядутся 30 об., *ижже*нуть 73 об., 77, 148, *ижжи*вшю 100; Чудовской Нов. Завѣтъ: *ижже*нуть 33, *ижже*ну 44 об.; Лаврент. сп. лѣтоп.: расъсѣя 4; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: ражьжегъся 64 об.; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: рассужденье 17 об., рассудно 45, разъсѣкающе 66 об., *обва*рено 16, 19, без женъ 38 и т. п.; Ев. 1393 г.: бесъ скровища и бесъ сапогъ 157, безъ сапогъ 160 об., разсужаті 48 об., і*ижже*неть 19, —нуть 30, —нутся 40 и т. п.; Апокалипсисъ XIV в.: исъ своихъ мѣстъ 86: Служебникъ преп. Сергія XIV в.: *объвивъ* 29; Мстижское Ев. XIV в.: расъсядутся

32 об., росъсадить 59, исъсяче 65 об., 90 об., исъсѣците 98 об. и т. п.; Новгородская лѣтопись XIV в.: ізъ своего двора 301, изъ своеі земли 304; Палея 1406 г. Въ то же время стали исчезать формы въ родѣ изѣлати, отимати, отяти и т. п. и получили преобладаніе формы съ *j* послѣ префикса: изъѣдати, отъяти и т. п. Пандекты 1296 г.: изъяснити 93 об., изъѣде 70; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: изъимали; Ев. 1317 г.: изъѣдаютъ 95; Ев. 1357 г.: изъѣсть, изъѣдаютъ; Новгородская лѣтопись: розъѣхапася 308. изъимаша 254, 257, изъима 257, 318, — ли 280 (рядомъ: изедаѥмы 222, 227); Амартолъ XIV в.: изъѥдъши 162. изъѣдять 166 об., изъимавъ 173 об.; Палея 1406 г. Въ современномъ языкѣ древнія образованія въ родѣ разинуть, разиня, разѣвать, Исады (пристань на Волгѣ), росолъ, бестыжій, ишолъ (съ значеніемъ: шолъ; то же въ сербскихъ и польскихъ говорахъ), обозъ, обернуть, обязать, отворить, обѣдъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. и обыкновенно слышится у насъ: безъ заботы, беззаботность, ис себя, рассудокъ, *обвить*, *обвѣсить*, объѣдаться, отъѣденный и т. п., съ возстановленнымъ согласнымъ въ предлогѣ-префиксѣ или въ началѣ слѣдующаго слова.

Великорусское нарѣчіе знаетъ слово, гдѣ возстановленіе префикса сдѣлано неудачно. Это—глаголъ раззорить и производныя. Корень ихъ—*ор-*, тотъ же, что въ церковно-славянскомъ и современн. сербскомъ об-*ор*-ити, и нѣкогда этотъ глаголъ звучалъ разорити, съ однимъ *з*. Нашъ народъ, не имѣя другихъ словъ съ тѣмъ же корнемъ, подъ вліяніемъ словъ съ корнемъ *зор-* въ *зоря*, *зоркій*, *озорной* и т. п., при возстановленіи согласнаго въ *роз-*, удвоилъ *з*. Двойное *з* въ раззорити повело къ образованію глагола *зорить* съ значеніемъ раззорять, существующаго во многихъ великорусскихъ говорахъ и проникшаго даже въ литературный языкъ: «чиновники вездѣ часовни и скиты *зорили*» (Печерскій, Въ лѣсахъ).

Предлоги-префиксы съ конечнымъ *з*, находясь передъ словами съ начальнымъ *р*, въ древности имѣли послѣ *з* вставное *д*: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: из-*д*-Ростова 1 об., въз*д*раста 1, раз*д*рушить 6, из*д*реши 9 (постоянно съ *д*); смоленскій договоръ 1229 г.: ръз*д*рушенъ, и т. п. Это *д*, изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, отсутствующее въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (напримѣръ, въ Словахъ Григорія Богослова XI в.; въ Русской Правдѣ

по сп. XIII в. рядомъ: **без ряду** и **без-*д*-ряду** 14, 24), уже рѣдко въ памятникахъ конца XIII и XIV в. Прологъ 1262 г.: изрѣзаша, възревнова, изринути и т. п. (часто); Ев. 1323 г.: възрадоватися. възрыдати и т. п. (очень часто); Пандекты 1296 г. (часто); Ев. 1339 г. (во второмъ почеркѣ постоянно; первый почеркъ имѣетъ, также постоянно, -*здр*-): Лаврент. сп. лѣт. (часто); Паремейникъ 1378 г. (очень часто); Ев. 1393 г. (очень часто) и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ и цѣлыхъ слоговъ произошло въ русскомъ языкѣ главнымъ образомъ въ двухъ группахъ словъ.

1) Слова, очень часто употреблявшіяся въ рѣчи, сократились, одни въ меньшемъ, другія въ бо́льшемъ размѣрѣ. Это, между прочимъ, — современн. великорусск. *теперь*, *теперь* (грамоты XVI—XVII в. нерѣдко: топерe, тепере; письмо ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: топерe; Лютер. Катихизисъ 1562 г.: тепере-чи)—изъ топерьво, топоревъ (см. выше. стр. 91);—*надо*—изъ надоб*ѣ* (дат. или мѣстн. п.);—*молъ*—изъ формъ 3-го л. ед. глагола молвить (грамота нач. XV в.: отмолылся = отмолвился, А. Юр. 430; грамоты 1554 г. и 1643 г.: молылъ Ак. Арх. Э. I, 251; Ак. Ист. III, 381; грамота 1610 г.: молыти Ак. Арх. Э. II, 321; письмо ц. Алексѣя Мих. 1657 г.: да и то *молъ* Петру=молви, повел. п., Ак. Арх. Э. IV, 140),—*скать* (въ дé-*скать*; срв. въ документѣ перв. полов. XVIII в.: угрожалъ ему—дамъ *скать* я тебѣ знать, Опис. дѣлъ Архива св. Синода, XVIII, стр. 522; въ «Пословицахъ» Ив. Богдановича: зубки попритеръ не доживши *скать* лѣтъ, хоть *скать* домъ огнемъ гори; радъ бы *скать* Ѳомушка елку срубилъ; о *де* см. выше, стр. 96)—изъ скáжеть, скáжуть:—*съ* въ слушаю-*съ* и т. п. (царское слово Бориса Годунова: князь Ѳедоръ-*осу* Ивановичъ, князь Дмитрей-*осу* Ивановичъ, Ак. Арх. Э. II, 77; сочиненія протопопа Аввакума: я-*су*. простите, своровалъ, какъ-*су* мнѣ царя не жалѣть; письмо ц. Алексѣя Михайловича: и́но-*су* я тебя благословлю; срв. современн. южно-великор. *су*)—изъ *осу́дарь*, *госу́дарь*;—*ста* въ пожалу(й)-*ста*, здоро́во-*ста*, спаси́бо-*ста*, *я́-ста* его и въ домъ не пущу и т. п. («всѣ ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ. Всѣ ли-*ста* здѣсь? повторилъ староста. Всѣ-*ста*, отвѣчали граждане», Пушкинъ; «отбиваютъ мила дружка отъ меня, мила дружка *ста* Павлушка», «отступится доброй молодецъ *ста* Павелъ», вятск. нар. пѣсня; эта частица—въ Розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ 1689 г. I, 24)—изъ *осуда́рь*, *госуда́рь*;—*гыть*, *грыть*—изъ *говори́ть*;—*ли*—изъ *гляди*, и т. п.

2. Слова и формы, имѣвшія рядомъ два вполнѣ или почти тождественныхъ слога, потеряли при нихъ одинъ: рыболове, им. мн., рыболовей, род. мн.,— изъ рыбо*ловове* и т. д. (Лаврент. сп. лѣт. 160; московскія грамоты XV—XVI вв.), канархáти — изъ *канон*архати (въ московскихъ памятникахъ XV—XVII вв.), схимонáхъ—изъ схи*момон*ахъ, Вячóсловъ (фамилія)—изъ Вячóсл*авов*ъ (Илья Ивановъ сынъ Вячесловъ Ак. Юр. 458, 1608 г., Филька Вечесловъ Доп. къ Ак. Ист. XI, 35, 1684 г.), соврем. великор. шúворотъ—изъ ши*вово*ротъ (срв. въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: жесткоши*вии* 63=жестоковыйные), вѣроятно, соврем. великор. радушíе—изъ ра*додушíе*, близорукíй—изъ близорокíй (подъ вліяніемъ слова рука), бли*зозо*рокíй (срв. ц.-сл. прилагательное доброзр*акъ* и т. п.).

Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ. 1. Въ древне-русскихъ памятникахъ названія мѣсяцевъ нерѣдко писались: септя*м*брь, октя*м*брь, ноя*м*брь, деκя*м*брь. Происхожденіе буквы *м* въ этихъ словахъ неясно; вѣроятно, онъ явился у болгаръ, въ первое время существованія ихъ литературнаго языка, и употреблялся при **а** для болѣе точной передачи греческаго сочетанія εμ. Наши памятники иногда имѣли *м* въ титлѣ, и, напримѣръ, въ Церковномъ Уставѣ XI—XII в. Тип. Библ. мы читаемъ сеп″тябрь. Вслѣдствіе неправильнаго чтенія такого сокращенія произошло неправильное написаніе (находящееся, между прочимъ, въ этомъ же Уставѣ) семптябрь, откуда семтябрь и наконецъ сентябрь (Прологъ 1383 г. 123 об.; Путенское Ев. XIV в. 223, 227, 242; Ипатскій сп. л.). Въ виду этого не слѣдуетъ думать, что *н* въ данномъ словѣ образовалось изъ *п*.

2. Въ великорусскомъ парѣчіи мѣстоименія этотъ, эдакій часто звучатъ э*ф*тотъ, э*х*тотъ, э*н*тотъ, эстотъ, э*в*дакій, э*г*дакій и т. д. Наблюденіе надъ народнымъ употребленіемъ этихъ мѣстоименій показываетъ, что звуки *в* и *ф*, *х* и *г*, *н*, *с* являются въ нихъ всего чаще только въ извѣстныхъ случаяхъ. Именно, *в* и *ф* являются только тогда, когда впереди мѣстоименія находится предлогъ *въ*: *въ эфтомъ мѣстѣ*; *въ эвдакомъ дѣлѣ*; *н* является послѣ предлога *на*: *на энтомъ мѣстѣ*; *с* слышится послѣ предлоговъ *съ*, *изъ*: *съ эстимъ*, *изъ эздакой дали*; *х*, *г*—послѣ предлога *къ*: *къ эхтому*, *къ эгдакому скоту*. Если мы обратимся къ старымъ памятникамъ, то найдемъ, что указательная частица *э* прежде употреблялась отдѣльно отъ мѣстоименій, такъ же, какъ частица *ни* въ современныхъ *ни* въ

чемъ, *ни* къ кому и т. п.: Путешествіе попа Лукьянова 1701 г. (по изд. Русскаго Архива): *е* къ темъ къ цвѣтамъ 41. Въ старомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи въ мѣстоименіи *ни*что, при отдѣленіи частицы *ни* отъ мѣстоименія *что* предлогомъ, иногда встрѣчается повтореніе этого предлога: Лютер. Катихизисъ 1562 г.: *в* ни *во* што 163; Литовскій Статутъ 1588 г.: *в* ни *во* што 72. Въ польскомъ языкѣ нѣчто подобное изрѣдка встрѣчается и теперь: *w* ni *w* czym, *z* ni *s* czym, *w* ni *we* cz (ни во что). То же было и въ великорусскомъ (отчасти также въ бѣлорусскомъ) нарѣчіи, и мѣстоименныя формы *въ* эфтомъ, *съ* эстимъ и т. п. образовались изъ *въ э въ* томъ, *съ э съ* тѣмъ, т. е. черезъ постановку предлога и передъ *э*, и послѣ *э*. Конечно, съ теченіемъ времени эфтотъ стало употребляться или безъ всякаго предлога, или съ другими предлогами (не *въ*), и т. д. (и ето все дѣлалось въ среду, письмо ц. Алексѣя Мих. 1652 г. Ак. Арх. Э. IV, 79); но подобное употребленіе до сихъ поръ еще не получило широкаго распространенія.

3. Древне-русскій языкъ и современные русскіе говоры имѣютъ *ч* въ чепь (=цѣпь) и родственныхъ: причепиться, чепецъ, очепокъ (малор. очіпокъ), чепуха. Эти слова, не смотря на тожество значенія, или совсѣмъ не родственны съ *ц*ѣпь и производными, или *ц*ѣпь вошло въ нашъ литературный языкъ изъ тѣхъ великорусскихъ говоровъ, которые замѣняютъ *ч* черезъ *ц* (цокаютъ). Наше *ц*апля (при южно-великор. и бѣлор. чапля и при фамиліи Чаплинъ), несомнѣнно, заимствовано литературнымъ языкомъ изъ цокающихъ говоровъ, точно также какъ фамилія Чевкинъ (отъ *ц*ѣвка).

Предисловіе къ 3-му изданію.

Не смотря на значительныя измѣненія, наши „Лекціи“ и въ третьемъ изданіи сохраняютъ свой первоначальный характеръ. Мы не гонимся за обиліемъ выписокъ изъ рукописей, если эти выписки представляютъ однообразный матеріалъ, хотя владѣемъ такимъ ихъ количествомъ, что легко могли бы увеличить размѣры „Лекцій“ раза въ три. Мы не предлагаемъ ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ и не предаемся лингвистическимъ мечтаніямъ (вошедшимъ, увы, въ моду въ молодую науку о русскомъ языкѣ). Вообще всѣ наши старанія направлены къ тому, чтобы „Лекціи“ остались тѣмъ, чѣмъ были въ первомъ изданіи,— пособіемъ при изученіи исторіи русскаго языка въ университетѣ.

А. Соболевскій.

VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія владѣлъ большею частью тѣхъ формъ склоненія и спряженія, которыя находились въ церковно-славянскомъ языкѣ. Конечно, эти общія русскому языку съ церковно-славянскимъ формы имѣли русскую звуковую окраску, такъ что, напримѣръ, форма 3-го л. мн. ч. сигматическаго аориста въ русскомъ языкѣ звучала съ *а*, а не съ носовымъ ѧ на концѣ: падоша или падоша, а не падошѧ, а форма того же лица и числа имперфекта оканчивалась на *у*, а не на носовое ѫ: падахъ*у*, а не падахъѫ. Но нѣкоторыя формы, извѣстныя въ церковно-славянскомъ языкѣ, отсутствовали въ русскомъ. Таковы, между прочимъ, формы сильнаго аориста типа *несъ* и формы сигматическаго аориста типа *нѣсъ*. Въ свою очередь русскій языкъ имѣлъ нѣкоторое количество формъ, не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Они слѣдующія.

Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. на *ъ*. Имена женскаго рода съ основою на *а* такъ называемаго мягкаго склоненія (въ родѣ *земля*), имена прилагательныя членныя женскаго рода и мѣстоименія также женскаго рода въ русскомъ языкѣ имѣли формы род. п. ед. ч. съ окончаніемъ *ъ*: земл*ъ*, добро*ъ*, моѥ*ъ* (=ц.-слав. земла, добрыа, моѥа). Эти формы находятся уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Мы читаемъ въ Остромировомъ Ев.: к҃ недѣл*ъ* 12=второй недѣли, г҃ недѣл*ъ* 19, 21=третьей недѣли, великыя недѣл*ъ* 152, 153; въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: отъ троиц*ъ* 8 об., отъ нет*ъ* 155 об., нозѣ ѥ*ъ* 169; въ Архангельскомъ

Ев. 1092 г.: великыя недѣлѫ 86 об., 88 об., святыя Еуфимиѫ 130, Анны пророчицѫ 157, жьдуще Захариѫ 167, святоѫ мученицѫ 169, пророка Илиѫ 169 об., и др.

Тѣ же имена и мѣстоимения въ русскомъ языкѣ имѣли формы именительнаго и винительнаго пад. мн. ч. на ѫ. Остромирово Ев.: бысть потъ его яко каплѫ кръви капликыцаа на землю 160; Святославовъ Сб. 1073 г.: пътицѫ лѣтающть 129 об, приемля душѫ человѣчьскы 156. Соотвѣтствующія церк.-слав. формы оканчиваются на а: капла, пътица, стьза.

Имена мужескаго рода съ основою на *о* такъ называемаго мягкаго склоненія (*конь*), имена прилагательныя членныя муж. р. и мѣстоименія также муж. р. въ русскомъ языкѣ образовывали формы вин. п. мн. ч. съ окончаніемъ ѫ. Формы на ѫ встрѣчаются уже въ старшихъ русскихъ памятникахъ. Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вьсѫ помыслы 17 об., сицѫ даемъ дары 49; Архангельское Ев.: дамь тобѣ ключѫ 168 об. Тѣ же формы въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣютъ окончаніе а: ключа, вьса.

Въ болѣе позднихъ памятникахъ русскаго письма, XII, XIII и XIV вв. формы на ѫ встрѣчаются, въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ XI в.; при этомъ въ книгахъ, содержащихъ въ себѣ русскіе списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, они находятся рядомъ съ формами на *я*, *а*=ц.-слав. а, въ родѣ земля, душа=ц.-слав. земла, душа, а въ грамотахъ, писанныхъ на болѣе или менѣе чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси иль съ очень незначительною примѣсью церковно-славянскаго элемента, они господствуютъ, и при нихъ совсѣмъ не замѣчается формъ на *я*, *а*. Это показываетъ, что формы на *я*, *а*=церк. слав. а—въ народномъ русскомъ языкѣ древняго періода не существовали и что присутствіе ихъ въ книгахъ всякаго рода, въ лѣтописяхъ и т. п. должно объяснять вліяніемъ церковно-славянскаго языка.

Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что изъ нихъ въ сербскомъ и словинскомъ не было и нѣтъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ на ѫ. и что формы род. ед. женск. р., имен. и винит. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. въ этихъ языкахъ восходятъ къ болѣе древнимъ формамъ на а. Напротивъ того, въ языкахъ чешскомъ, старомъ и новомъ, и словацкомъ названныя формы оканчивались и иногда оканчиваются на

e, соотвѣтствующее русскому *ъ*: др.-чешск. ze svéj země, téj-to chvile, ve vše kraje, nade vše krále, mnohé zemé и т. п.; Пражскіе глаголическіе отрывки: прѣставеніе Богородицѣ, сиѣ (вин. мн. муж. р.); въ нихъ, какъ въ русскомъ языкѣ, мы не находимъ формъ, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ возвести къ болѣе древнимъ формамъ па ѧ. То же можно сказать и о польскомъ языкѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ его и отчасти въ современныхъ польскихъ говорахъ формы род. ед. женск. р., им. и вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. оканчиваются на *e*: Молитвы 1375 г.: tworzyciel nieba i ziemie, z dziewice Marije, otpuści nasze winy, и такимъ образомъ соотвѣтствуютъ русскимъ формамъ на *ъ*; формы на *e*=ц.-слав. ѧ, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ (очень немногихъ) ошибокъ и описокъ, не встрѣчаются въ памятникахъ, какъ не встрѣчаются и въ тѣхъ современныхъ польскихъ говорахъ, которые сохраняютъ въ концѣ словъ носовые гласные.

Происхожденіе *ъ* въ разсматриваемыхъ теперь русскихъ формахъ не вполнѣ ясно. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что это *ъ* произошло изъ ѧ; но возможно предположить, что это *ъ* образовалось изъ того же сочетанія звуковъ, изъ котораго развилось церк.-слав. окончаніе данныхъ формъ ѧ.

Формы косвенныхъ падежей членныхъ именъ прилагательныхъ. Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ имѣетъ два вида формъ: къ первому относятся тѣ, которыя образованы черезъ присоединеніе падежной формы члена (=мѣстоименія *и*) къ соотвѣтствующей формѣ имени; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ формѣ имени въ именит. ед. муж. рода. Такимъ образомъ въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ два ряда формъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе формы род., дат. и мѣстп. п. ед. и род.-мѣстн. дв. всѣхъ родовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. п. муж. и ср. р. членныхъ прилагательныхъ имѣлъ окончаніе *аго*, *яго*, *аго*, *яго*. Въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого окончанія мы видимъ окончанія *ого* для прилагательныхъ съ твердою основою и *его* для прилагательныхъ съ мягкою основою. Эти формы по своему образованію относятся ко второму виду. Въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы родит. пад. на *ого* и *его* рѣдки; зато они по-

стоянно встрѣчаются въ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ—въ грамотахъ, въ которыхъ формы на *аго, аго* совершенно отсутствуютъ. Такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнеск*ого*, дѣтск*ого*, гочк*ого*, лучьш*его* и т. п., и не находимъ ни одной формы на *аго*. Въ виду этого можно думать, что формы на *аго* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время или существовали въ незначительномъ числѣ, или—что̀ болѣе вѣроятно—совсѣмъ не существовали. Если одни изъ современныхъ славянскихъ языковъ имѣютъ формы родит. ед. на *ого* (*ога*): сербскій, отчасти словинскій и верхне-лужицкій,—другіе имѣютъ формы на *его* (польск. *ego*, чешск. *ého*); ни тѣ, ни другіе не знали и не знаютъ формъ на *аго* или ихъ рефлексовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. пад. ед. женск. р. имѣлъ окончаніе *ыѧ, аѧ*. Въ старыхъ русскихъ памятникахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ окончаніе *ыѣ, ѣѣ*, которое нѣкогда существовало въ живомъ русскомъ языкѣ. Послѣднее видно какъ изъ того, что оно и теперь встрѣчается (особенно въ пѣсняхъ) въ говорахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ (очень рѣдко въ малорусскихъ), такъ особенно изъ того, что въ старыхъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ его сравнительно часто, напр.: король... полск*ыи* землѣ, куявск*ыи* землѣ, добрянск*ыи* землѣ, поморск*ыи* землѣ (грамота польскаго короля Казимира 1361 г.), съ Скирменовъск*ии* слободки, съ Исконьск*ии* слободки (духовная Дмитрія Донскаго), переяславск*іе* соли (московская грамота 1432 г.), отъ Архангельск*іе* деревни (устюжская грамота 1555 г.), торгов*ые* цѣны, Пречист*ые* Богородицы, лишн*іе* волокиты (Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича). Рядомъ съ формами род. п. женск. р. на *ыѣ, ѣѣ*, но чаще, чѣмъ эти послѣднія, мы встрѣчаемъ въ старыхъ памятникахъ формы на *оѣ* и *еѣ*. Они извѣстны съ давняго времени: Архангельское Ев. 1092 г.: свят*оѣ* мученицѣ 169; Минея 1097 г.: конць утрьн*еѣ* 481; Успенскій Сборникъ XII в.: съмрьти тоѣ пагубьп*оѣ*, на мѣстѣ ветъх*оѣ* деревян*оѣ* (церкви). Ихъ рефлексы (великорусскія формы на *ой, ей*) въ современныхъ русскихъ говорахъ господствуютъ. Современныя сербскія и словинскія формы род. ед. женск. р. на *е*, вѣроятно, восходятъ къ древнимъ формамъ на *оѧ*; современныя западно-славянскія формы того же падежа оканчиваются на рефлексы окончанія *еѣ*: *éj, ej, é, eje*; ни сербскій и словинскій, ни

западно-славянскіе языки, повидимому, не знали и не знаютъ формъ род. ед. женск. на *ыѧ* или *ыѣ*.

Формы дательн. п. ед. муж. и ср. р. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ууму*, *уму*, *юуму*, *юму*. Въ русскомъ языкѣ этимъ окончаніямъ соотвѣтствуютъ окончанія *ому* и *ему*, встрѣчающіяся въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: благовѣрьн*ому* 90 об., ближьн*ему* 92 об., въземлюшт*ему* 93 об., прѣступаѭшт*ему* 139 об., врачьбн*ому* 140 об.; въ Сборникѣ Святослава 1076 г.: небесн*ому* 5, вышьн*ему* 6, съзъдан*ому* 9, пьрв*ому* 54, ништ*ему* 81; въ Минеѣ 1096 г.: болѣзньн*ому* 94, бѣсовьск*ому* 154, дрѣвьн*ему* 207; въ Минеѣ 1097 г.: безаконьн*ому*, тих*ому* 315, възлюблен*ому* 330, сътворш*ему* 441, и др. Въ русскихъ грамотахъ мы видимъ исключительно эти послѣднія окончанія. Изъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы на *ууму*, *уму* болѣе или менѣе часто попадаются только въ древнѣйшихъ, XI и XII вв.; памятники послѣдующаго времени имѣютъ ихъ рѣже и въ XIV в. они встрѣчаются въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго происхожденія мы находимъ, вмѣсто формъ на *ому*, *ему*, формы дат. п. ед. съ двумя *о* или съ *ео*, которыя, конечно, не что иное, какъ подражанія формамъ церковно-славянскимъ съ двумя *у*; они особенно часто встрѣчаются въ русскихъ нотныхъ стихираряхъ, тріодяхъ и т. п. богослужебныхъ книгахъ XII—XIV вв. (напримѣръ, въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Синод. Б. № 279: непрѣкосновеньн*оо*му 50 об.), но находятся и въ такихъ памятникахъ, какъ Сборникъ Святослава 1073 г.: прѣчист*оо*му 22 об., Архангельское Ев. 1092 г.: просящ*ео*му 24 об. Все это показываетъ, что окончанія *ууму*, *уму* въ живомъ русскомъ языкѣ въ историческое время не существовали. Въ сербскомъ языкѣ (а отчасти также и въ словинскомъ и верхнелужицкомъ) для дат. п. употребляются тѣ же окончанія *ому* и *ему*, что и въ русскомъ; въ западно-славянскихъ языкахъ мы обыкновенно находимъ окончанія *е́ти*, *ети*; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было и нѣтъ окончаній *ууму*, *уму* или ихъ рефлексовъ.

Формы дат.-мѣстн. п. ед. женск. р. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ѣи* и *ии*. Въ древне-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ и формы подобныя церковно-славянскимъ формамъ— формы на *ѣи*, но главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ нихъ, которые

списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ грамотахъ онѣ не встрѣчаются; нѣкоторыя данныя лѣтописей (особенно Новгородской XIV в.: на Рогат*еи* улици 90, на Лубян*ѣи* улици 112, на Кулачьск*ѣи* 170; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: о задн*ѣи*ци боярьст*ѣи*) говорятъ въ пользу того, что они нѣкогда, въ маломъ числѣ, могли существовать въ живомъ древне-русскомъ языкѣ. Рядомъ съ ними въ памятникахъ находятся формы на *ои*, *еи*. Онѣ постоянно употребляются въ грамотахъ и нерѣдки въ спискахъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ неособенно силенъ церковно-славянскій элементъ. Такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: по ногатѣ смольнеск*ои*, у руск*ои* земли и т. п.; срв. въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: къ жив*ои* 269. Членныя формы на *ои*, *еи*, кромѣ русскаго, извѣстны также сербскому и отчасти словинскому и верхне-лужицкому языкамъ. Западно-славянскіе языки теперь имѣютъ обыкновенно формы на *éj*, *ej*, *é*, но въ древне-чешскомъ были формы и на *ѣи*.

Формы мѣстн. п. ед. муж.-ср. р. въ церковно-славянск. языкѣ оканчивались на *ѣмь* и *имь*. Въ русскомъ языкѣ, повидимому, существовали и эти окончанія (на что указываютъ данныя Русской Правды по сп. ок. 1282 г.: въ тиунѣ... ратаин*ѣмь* 4, о мѣсяцьн*ѣмь* рѣзѣ 11, въ свободн*емь* 19, и Новгородской лѣтописи XIV в.: въ Неревьск*емь* коньци 75, 145, на Ламьск*емь* Волоце 82, на Новем Търгу 82, 87); но рядомъ съ ними, и гораздо чаще, издревле употреблялись окончанія *омь* и *емь*. Они съ XII в. являются въ книгахъ часто, а въ грамотахъ постоянно. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то сербскій языкъ зналъ, повидимому, обѣ эти формы. Въ чешскомъ и польскомъ языкахъ мы находимъ теперь только окончанія *ém*, *em*, но прежде эти языки—по крайней мѣрѣ чешскій—имѣли также и формы на *ѣмь*.

Формы род.-мѣстн. п. дв. ч. въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли окончаніе *ую* и *юю*. Въ древне-русскомъ книжномъ языкѣ эти формы, теперь уже не существующія, оканчивались не только на *ую*, *юю*, но и на *ою*, *ею*: Архангельское Ев. 1092 г.: о бѣсьн*ою* 31 об., дьпь свят*ою* мученику 133 об., свят*ою* безмьздьнику 137, 173, свят*ою* правьдьнику 139 об., свят*ою* отьцю, святою цьсарю 163; Минея 1096 г.: из мрачьн*ою* адовьн*ою* боку 139, мудр*ою* мученику 175, 179; Минея 1097 г.: чьстьн*ою* страдальцю 296, из дѣ-

вичьскою и муженеискусьною боку 351. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ую*, по неимѣнію данныхъ, нельзя рѣшить. Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы теперь не находимъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ родит.-мѣстн. п. дв. на *ою*, кромѣ лужицкихъ, гдѣ еще существуютъ формы этихъ падежей на *eju* и *iju*, и старо-сербскаго: свето*ю* праведьнику Волканово Ев. конца XII в. 180 об. Формы на *ую*, *ою* ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, кромѣ церковно-славянскаго, повидимому, не были извѣстны.

Формы дат. и мѣстн. пад. *тобѣ*, *собѣ*, *тебе*, *себе*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ формы дат. и мѣстн. п. ед. мѣстоименій 2-го л. и возвратнаго звучали тебѣ, себѣ. Обѣ эти формы существовали и существуютъ и въ русскомъ языкѣ, но рядомъ съ ними встрѣчаются довольно часто и формы тобѣ, собѣ. Ихъ мы находимъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: собѣ 162 об., 211, 233 об. и т. п.; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: о собѣ 3 об., въ собѣ 40, къ собѣ 14 об., по тобѣ 29 об., отпущаються тобѣ грѣси 79, тобѣ глаголю 79 об., къ тобѣ 81 об. и др.; въ Минеѣ 1095 г.: о тобѣ 178; въ Минеѣ 1097 г.: о собѣ 490. Въ современномъ сербскомъ языкѣ существуютъ формы только съ *е*: тебѝ, себѝ, а въ современныхъ польскомъ и чешскомъ только съ *о*: tobie, sobie, tobě, sobě (словацк. tebe, sebe).

Тѣ же формы тѣхъ же мѣстоименій въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли въ концѣ всегда *ъ*. Въ древне-русскомъ языкѣ, на ряду съ формами на *ъ*, мы находимъ еще формы съ окончаніемъ *е*, т.-е. тебе, себе, тожественныя съ формами родит. п. ед. Вѣроятно, эти формы первоначально имѣли значеніе только мѣстнаго пад. (срв. мѣстн. ед. небесе), но очень рано получили значеніе также и дат. п. Съ этимъ значеніемъ мы находимъ ихъ уже въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: въ себе 18 об., 63, къ тебе 31 об., 64, 65, 80, себе пытажштy 16, вънемли себе 37 об., вънимаи себе 39, не обавися тебе 43 об., будеть тебе 101 об., и др., а также въ Архангельскомъ Ев. и въ Минеяхъ 1095—1097 гг. Они встрѣчаются такъ часто, что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ъ* и *е*. Въ современныхъ славянскихъ языкахъ (въ томъ числѣ и русскомъ) они неизвѣстны, кромѣ, можетъ быть, сербскаго, гдѣ форма дат. обыкновенно звучитъ тебе (Караджичъ, Словарь, v. *тебе*).

Формы 2-го лица ед. ч. на *шь*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ для 2-го л. ед. ч. наст. врем. два окончанія *си* и *ши*. Въ русскомъ языкѣ окончаніе *си* существовало и существуетъ до настоящаго времени, а окончаніе *ши* является только въ тѣхъ старыхъ памятникахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ или имѣютъ въ своемъ языкѣ церковно-славянскій элементъ. Въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера, на мѣстѣ церковно-славянскаго окончанія *ши*, мы находимъ окончаніе *шь*; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: посулишь; въ рижской грамотѣ около 1300 г.: вѣдаешь, слышышь, дѣешь, купишь, емлешь и др. Изрѣдка *шь* встрѣчается и въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, и въ русскихъ сочиненіяхъ съ церковно-славянскимъ элементомъ въ языкѣ; такъ, въ Евангеліи XII в. кіевск. Церк.-Археологич. Муз. мы находимъ: тружаешь 33 об.; въ Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: прѣтъкнешь 63; въ Прологѣ 1262 г.: прѣмениши 104; въ Кормчей ок. 1282 г.: изгубишь 586 об., съхранишь, будешь, переступишь, узришь 587 об., стоишь 592, служишь 592 об., начнешь 596, дьржишь 603 об. и др.; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: терпишь 19 об., просъмрадишь и оквасишь 41, послушаешь 42, стяжешь 43 об., мнишь 71 об. и др.; въ Погодинскомъ Ев. XIII в. № 13: требуешь 22 об. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то формы на *шь* извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ такъ наз. Фрейзингенской рукописи XI в.: vzovues, zadenes, prides (=взовешь, задѣнешь, придешь), и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: Иверское Ев. XII—XIII в.: спиши'; Карпинское Ев. XIII в.: спиши 103; Стаматовское Ев.: грѣдешь (Срезневскій, Св. и зам. LXXXII, 43). Повидимому, ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церковно-славянскаго, не было окончанія *ши*.

Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на *ть*. Церковно-славянскій языкъ для формъ 3-го л. наст. вр. имѣлъ окончаніе *ть*. Въ русскомъ языкѣ, почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, преобладаютъ формы на *ть*, и, напримѣръ, Остромирово Ев. почти совсѣмъ не имѣетъ формъ на *ть*; что же касается до грамотъ, то въ нихъ до конца XIV в. мы вовсе не находимъ формъ на *ть*, такъ что

формы 3-го л. въ нихъ оканчиваются исключительно на *тъ*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ теперь не существуетъ ни того, ни другого окончанія (только польск. jest изъ **есть**, чешск. jest или изъ **есть**, или **есть**); но въ старыхъ памятникахъ сохранились нѣкоторые слѣды древнихъ формъ: такъ, въ польскихъ Петербургскихъ отрывкахъ XIV в., въ Флоріанской Псалтыри XIV в. и въ Молитвенникѣ 1527 г. мы видимъ форму jeść=**есть**; въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в. находится большое количество формъ на *t* въ родѣ nudi*t*=нудитъ, osuzaje*t*=осуждаетъ, stanu*t*=станутъ; въ чешской Виттембергской Псалтыри XIV в. читается: su*t*=суть, zaplati*t*, otplati*t*=заплатитъ, отплатитъ, гдѣ *т*, можетъ быть, произносилось мягко, можетъ быть, твердо.

Точно также въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ нѣтъ окончанія *тъ* и для 3-го л. ед. аориста. Въ церковно-славянскомъ языкѣ эта форма иногда оканчивалась на *тъ*: бы*тъ*, въза*тъ*; въ русскомъ мы имѣемъ—бы*ть*, да*ть*, съ *ъ*, и възя, безъ *тъ* или *ть*. Формы въ родѣ възя*тъ*, весьма нерѣдкія въ русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, повидимому, никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ. Онѣ неизвѣстны (какъ и формы аориста на *тъ*) также и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Формы 3-го л. имперфекта въ церковно-славянскомъ языкѣ всегда оканчивались на *е* въ единств. и на **ѫ** во множеств. ч.: несѣа*ше*, несѣах**ѫ** (только въ церк.-слав. Саввиномъ Ев. одинъ разъ: запрещаше*тъ*, по изд. Срезневскаго 64). Въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ формами на *е* и *у*, мы нерѣдко встрѣчаемъ также формы съ окончаніемъ *ть*; послѣднее, безъ сомнѣнія, перешло въ формы имперфекта изъ формъ наст. вр. Древнѣйшая форма имперфекта на *тъ* находится въ Остромировомъ Ев.: муждаше*тъ*; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. подобныя формы довольно часты: ляжаше*ть*, стрѣжаху*ть*, угнѣтаху*ть*, моляху*ти* и (*и* изъ *ъ*, вслѣдствіе ассимиляціи *ъ* съ *и*—вин. ед. мѣстоименія); то же можно сказать о Юрьевскомъ Ев. и другихъ памятникахъ XII вѣка. Формы на *ть* встрѣчаются въ памятникахъ какъ южно-русскихъ, такъ и сѣверно-русскихъ, между прочимъ въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в., и могутъ считаться обще-русскими. Къ сожалѣнію, въ грамотахъ формъ имперфекта нѣтъ, и поэтому мы не можемъ сказать, насколько формы на *тъ* были распространены въ живомъ русскомъ

языкѣ. Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы имперфекта на *мъ* (или на *мъ*) существовали нѣкогда въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Въ сербскомъ Волкановомъ Ев. XII в.: хулашет*ъ*, въпраша-ху*тъ*, цѣловаху*тъ* и т. п.; въ сербскомъ спискѣ Учительнаго Ев. Константина Болгарскаго XIII в.: глаголаху*тъ*, отсилааху*тъ* и т. п. (Starine, V, 38); въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в.: izbivachu*t*.

Формы 1-го лица мн. ч. на *ме* **и** *мо*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ эти формы оканчивались или на *мъ*, или—рѣже—на *мы*. Русскій языкъ издревле знаетъ оба эти окончанія, второе по преимуществу въ формахъ ѥсм*ы*, вѣм*ы*, дам*ы* и ѣм*ы* (отмѣтимъ въ новгородской грамотѣ ок. 1260 г.: ѥсм*ы*, въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: дам*ы*, продам*ы*, въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: стоим*ы* 269); но имѣетъ, кромѣ ихъ, еще два другихъ—*ме* и *мо*. Изъ нихъ первое извѣстно по преимуществу въ памятникахъ новгородскихъ, псковскихъ и смоленско-полоцкихъ: Прологъ 1262 г.: ѥсм*е* (до десяти разъ); Новгородская лѣтопись XIV в.: ѥсм*е* (часто), проливаим*е* (повелит.) 37, 169; Слово о полку игор.: мужаим*ъ*ся (повелит.); псковской Апостолъ 1307 г.: ѥсм*е*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: ѥсм*е*; грамота Витовта 1399 г.: ѥсм*е*; новгородская грамота 1614 г.: выручили ѥсм*е*, Ак. Калач. II, 806; сверхъ того, въ Ев. 1358 г., написанномъ въ Московской области: нѣсм*е* 18; но встрѣчается въ нихъ рѣдко (главнымъ образомъ въ одной формѣ—ѥсм*е*). Оно существуетъ, кромѣ русскаго языка, также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, чешскомъ и словацкомъ. Окончаніе *мо* (изъявит. и повелит. накл.) извѣстно въ памятникахъ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ, также въ современныхъ малорусскихъ говорахъ: галицкія грамоты XIV—XV вв.: приводи*мо*, чини*мо*, есь*мо*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: поразумѣи*мо*, работаи*мо*, поругаи*мо*, и т. п.; грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей XIV—XVI вв.: чини*мо*, ес*мо* (часто); Четья 1489 г.: ес*мо*, буде*мо*, держѣ*мо*, празнуи*мо* и т. п.; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: приступѣ*мо* 113 об., послухаймо 162 об.; Ев. Тяпинскаго: иди*мо* и др. Формы на *мо*, кромѣ русскаго языка, встрѣчаются также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ и словацкомъ.

Кромѣ формъ 1 л. мн. на *ме* и *мо*, памятники русскаго языка имѣютъ еще одну форму того же лица и числа на *мя*: ес*мя*. Она

встрѣчается уже въ новгородской грамотѣ ок. 1375 г. (**ѥсмя** спустилѣ), въ двинскихъ рядной и закладной XIV—XV в., въ московскомъ Ев. 1393 г. (сѣмя овраамле **ѥсмя** 15 об.), въ Сборникѣ XIV в. Троицк. Л. (Пѣтуховъ, Древнія поученія на великій постъ, 35) и въ Ипатскомъ сп. лѣт. 580. Грамоты разнаго рода XV—XVII. в., писанныя въ предѣлахъ Московскаго государства, имѣютъ ее очень часто. Происхожденіе ея неясно, но во всякомъ случаѣ она не можетъ быть объясняема изъ **ѥсме**, такъ какъ переходъ конечнаго ударяемаго *е* въ *а* ни въ новгородскомъ, ни въ московскомъ говорахъ никогда не былъ извѣстенъ (срв. въ тѣхъ же старыхъ памятникахъ, гдѣ *есмя*, постоянное сохраненіе *е* въ *есте*; *естя*—по образу *есмя*—появилось не раньше XV в.: грамота 1503 г. Ак. Юр. 18). Сѣверно-великорусскій Златоустъ XVI в. Публ. Библ. (Q. 972) имѣетъ: самовластьни *есма* добру 4 об. (съ отвердѣніемъ *м*).—Современные славянскіе языки не знаютъ формъ сходныхъ съ **ѥсмя**.

Имперфектъ на *яхъ*, *ахъ*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имперфектъ имѣлъ окончанія или полныя *ѣахъ*, *яахъ*, *аахъ*, *ѣаше* и т. д., или сокращенныя *ѣхъ*, *яхъ*, *ахъ*. Живой древне-русскій языкъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ полныхъ окончаній и употребляетъ только сокращенныя *яхъ* и *ахъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: *бяше* 129 об. (=ц.-слав. *бѣаше*, *бѣше*); Архангельское Ев. 1092 г.: г.: **идяше**, **живяше**, **съмяше** (=ц.-слав. **идѣаше**, **живѣаше**, **смѣаше**; въ послѣдней формѣ *ѣ* принадлежитъ корню), сѣдяше, вѣдяше и др.; Минея 1095 г.: **тьрьпяше** 209, **идяше** 214; Минея 1096 г.: **идяста** 48. Памятники послѣдующаго времени и между ними лѣтописи имѣютъ формы имперфекта на *яхъ* и *ахъ* въ большомъ количествѣ, за исключеніемъ грамотъ, въ которыхъ вовсе не встрѣчается формъ имперфекта. Кромѣ этихъ формъ, древніе русскіе памятники знаютъ смѣшанныя формы имперфекта, представляющія собою соединеніе церковно-славянскихъ формъ на *ѣахъ* съ русскими на *яхъ* и оканчивающіяся на *яахъ*: Остромирово Ев.: *бяаше*, **идяаше**, **живяаше** и др. (часто); Святославовъ Сборникъ 1073 г.: **ведяаше**, *бяаху*, **идяаше**, **имяаше**, богат**яаше** и др. (часто); Архангельское Ев.: сѣдяаше, *бяаху*, **идяаше**, хотяаше и др. Конечно, подобныя формы—формы исключительно книжныя, чуждыя живому русскому языку.

Впрочемъ живому русскому языку въ историческое время были еще извѣстны кое-какія формы имперфекта на *ѧхъ*; по крайней мѣрѣ формы въ родѣ *имѣѧше* упорно держатся въ русскихъ книгахъ даже второй половины XIV в. (напримѣръ, въ Ев. 1355 г., въ Лаврентьевск. сп. лѣт.). Также возможно, что въ то же время существовала имперфектная форма *бѣхъ* (рядомъ съ *бяхъ*). Она находится, между прочимъ, въ Новгородской лѣт. XIV в.: *бѣху* 43, *бѣше* 60, *беше* 202. Другіе славянскіе языки въ историческое время своего существованія имѣли и имѣютъ формы имперфекта близкія къ русскимъ формамъ. Должно замѣтить, что русскія формы имперфекта нерѣдко являются съ несмягченными зубными и свистящими и съ мягкими губными (безъ *л*): Пантелеймоново Ев. XII в.: сты*дяах*уся 120; Златоструй XII в.: ло*мяху* 104; Житіе Ѳеодосія Печерскаго XII в.: отъпу*стяше* 14 об., распу*стяше* 15, просла*вяше* 13 об., ку*пяше* 4 и т. п. Конечно, рядомъ съ этими сравнительно-новыми формами оставались въ употребленіи и древнія: хо*жаше*, ну*щаше*, лю*бляше*. Сходныя формы встрѣчаются въ средне-болгарскихъ, древне-сербскихъ и старо-чешскихъ памятникахъ: исхо*дѣхѫ* Слѣпченскій Апостолъ XII в. 1 об.; пр*ѣтѣхуть* (=пр*ѣтяхуть*, ц.-сл. пр*ѣита*ахѫ), хо*дѣхуть* Волканово Ев. XII в.; zcho*dĕše* Святовитскій сборникъ 109.

Спряженіе имперфекта въ русскомъ языкѣ одинаково съ спряженіемъ его въ церковно-славянскомъ языкѣ; только формы 2-го и 3-го лицъ дв. ч. и 2-го л. мн. въ сѣверно-русскихъ (по преимуществу) памятникахъ XIII—XIV вв. иногда оканчиваются не на *ста*, *сте* или *шета*, *шете*, а на *шта*, *што*: Житіе Нифонта 1219 г.: стоя*шьте* два мюрина 20, два хѣрувимъ стоя*што* одесную 119; Толстовскій сборникъ XIII в.: бя*шта* 124 об.; Пандекты 1296 г.: поя*шта* 133; Ев. 1339 г.: идя*шть* (дв., ъ=е) 2 об., зря*шьте* (дв.) 10; Ев. 1357 г.: зря*шьта* 151 об., идя*шьта* 154 об., хожа*шьта* 167 об., бѣа*шьта* 175; Ев. 1358 г.: идя*шта* 3, бѣ*шта* 146 об., иска*шта* 204, чюдя*штася* 208 об.; новгородское Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: бѣ*шьта* 66 об.; Новгородская лѣт.: мышля*шьта* 129; псковское Лукино Ев. 1409 г.: бя*шьте*; Амартолъ XIV в. (вѣроятно, западно-русскій): творя*шта* 153, има*шьта* 154, бия*што* 175 об. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить степень древности подобныхъ формъ въ русскомъ языкѣ, но считаемъ нелишнимъ

указать на существованіе сходныхъ формъ въ старо-чешскомъ и въ современныхъ лужицкихъ языкахъ.

Давнопрошедшее. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ давнопрошедшее или plusquamperfectum, состоявшее изъ аориста *бѣхъ* или имперфекта *бѣахъ* и причастія на *лъ*. Русскіе памятники знаютъ это давнопрошедшее: Житіе Ѳеодосія Печерскаго XII в.: приведоша разбоиники, ихъже *бѣша яли* въ селѣ; *бѣ* въ искушении *былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: обновлена бысть цьркы, яже *бѣ ополъла* въ пожаръ, еще бо не *бяху ся утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; но рядомъ съ ними употребляютъ и другое, состоящее изъ прошедшаго сложнаго *былъ есмь* и причастія на *лъ* (*есмь* часто опускается): смоленскій договоръ съ Ригою 1229 г.: *ишлъ былъ* (=ишло было); новгородскій договоръ съ Тверью 1265 г.: что *былъ отъялъ* братъ твои; смоленская грамота 1284 г.: *ищьло было;* Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: Ярославъ *былъ уставилъ* и убити 19; грамота рижанъ ок. 1300 г.: *приготовилися есме были;* новгородскій договоръ съ Тверью 1305 г.: *дали есме былъ;* галицкая закладная 1386 г.: *придалъ былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: ударилъ еси пятою Новъгородъ и *шелъ еси былъ* на стрыя 363; Ипатскій сп. л.: хрестъ *есте были цѣловали* 349. Давнопрошедшее второго типа извѣстно, кромѣ русскаго, также сербскому, словинскому и западно-славянскимъ языкамъ.

Причастія настоящаго времени на *а*. Церковно-славянскія причастія наст. вр. дѣйств. зал. оканчивались въ имен. п. ед. муж. р. или на **ѧ**: люб**ѧ**, или на *ы*: *иды*. Формы на **ѧ**=*я* обычны во всѣхъ русскихъ памятникахъ, но формы на *ы* употребляются только въ тѣхъ памятникахъ, которые или списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, или имѣютъ въ своемъ языкѣ въ томъ или другомъ количествѣ церковно-славянскую примѣсь. Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы грамоты, не знаютъ причастій на *ы* и вмѣсто ихъ, въ томъ же значеніи—имен. п. ед. муж. р.—, имѣютъ причастія на *а*: ид*а*, которыя появляются очень рано: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: рек*а* 188 (=церк.-слав. рек*ы*), приснотек*аи* 247 (=ц.-слав.—тек*ыи*); Минея 1096 г.: зов*а* 44, 82, 120, 185, мог*а* 83; Минея 1097 г.: жив*а* 487; Минея XI в. (Публ. Библ. F. 36): с*аи* 9 (=ц.-слав. с*ыи*); Добрилово Ев. 1164 г.: чьт*аи* 80 об.; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: дад*а*, пек*а* 17, ѣд*а* 25 об.;

смоленская грамота ок. 1230 г.: возма; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мога, постерега; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1301 г.: жива; духовная Ивана Калиты: ида; галицкая грамота 1409 г.: прида; галицкая грамота 1422 г.: стана, и друг. Современный русскій языкъ не знаетъ причастныхъ формъ ни на *ы*, ни на *а*. Отсутствіе въ грамотахъ причастій на *ы* и постоянное употребленіе въ нихъ причастій на *а* позволяетъ предполагать, что первыя не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ, принадлежа только литературному языку древней Руси, и что ихъ мѣсто въ народныхъ говорахъ было занято вторыми. Это предположеніе относительно русскаго языка до нѣкоторой степени подтверждается языками польскимъ и чешскимъ, въ которыхъ никогда не было и нѣтъ причастныхъ формъ на *ы* и встрѣчаются одни формы на *а*: ст.-польск. rzeka, чешск. řka (=церк.-слав. реки, др.-русск. рька), чеш. jda (=церк.-слав. иды, др.-русск. ида), jsa (=церк.-слав. сы, др.-русск. са) и т. п. Происхожденіе окончанія *а* и его отношеніе къ окончанію *ы* для насъ не совсѣмъ ясно, но кажется, это *а* по происхожденію сходно съ *ъ* въ род. ед. женск. р. душъ и друг.

Неопредѣленное наклоненіе на *ть*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ форму собственно-неопред. н. на *ти* и двѣ формы такъ наз. супина на *тъ* и на *ть*; послѣднюю знали только глаголы съ гортанными согласными въ основахъ, въ родѣ лагъ: облеп*ть*. Въ русскомъ языкѣ существовали всѣ эти формы — форма на *ти* въ значеніи только неопред. н., форма на *тъ* въ значеніи только супина, а форма на *ть* въ значеніи и неопред. н., и супина. Послѣдняя встрѣчается уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Остромирово Ев.: не придохъ разорить ѣ напълни*ть* 213; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: придѣяху почрьпа*ть* 257; Архангельское Ев.: не имуть вькуси*ть* съмьрти 80 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: оному подобаѥть рос*ть*, а мнѣ мни*ть*ся 8 об., вьзиде на гору ѥдинъ помоли*ть*ся 70 об., да ся не възвратить въспять вьзя*ть* ризъ своихъ 80 об.; Учительн. Ев. Константина Болгарскаго XII в.: приде не тъкъмо себе яви*ть*, нъ и научити 43; Пантелеймоново Ев. XII в.: приде отъ коньць земля слыша*ть* премудрость 46; Милятино Ев. 1215 г.: бысть вънити въ домь хлѣба ѣс*ть* 119 об.; Ев. Погодина XIII в. № 12: да снидеть ицѣли*ть* сына 12 об.; Ев. Погодина XIII в. № 13: задѣша понес*ть* (крестъ) 168; Толстовскій

Сборникъ XIII в.: велитъ зва*ть* нищая и напоити 31; Прологъ 1262 г.: не дълъга врѣмени трѣбуи тъкмо въ ѥдинъ день получи*ть* отпускъ 104; Кормчая ок. 1282 г.: яко нѣ кого наряди*ть* служити 518, не поститися, но инѣми духовными исполни*т*ься 518 об. Она извѣстна также старшимъ русскимъ грамотамъ: смоленскій договоръ 1229 г.: аже извиниться латининъ, не мьтати ѥго у погрѣбъ... у жельза усади*т*ь, такова правда узя*т*е (*е*=*ь*); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: немьчицю постави*т*ь и передъ княземь; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: шолъ соли веси*т*ь. Памятники XIV в. имѣютъ формы на *т*ь сравнительно нерѣдко: Ев. 1339 г:: придоша послуша*т*ь ѥго 90; грамота литовскихъ князей 1350 г.: аже побѣгнеть холопъ, выда*т*ь его; Ев. 1354 г.: придохъ раздѣли*т*ь человѣка на отца своего 38 об., приде взыска*т*ь и спасть погыбшаго; Ев. 1355 г.: шли бяху брашна купи*т*ь 14; Ев. до 1362 г.: како можеть человѣкъ роди*т*ся старъ сы 2 об., подобаѥть... мнѣ мни*т*ся 5, иже имать уши слыша*т*ь да слышить 51 об., подобаѥть в трети день въскресну*т*ь 107; Паремейникъ 1378 г.: уклонися яс*т*ь 98 об.; Ев. 1393 г.: пришелъ ѥси погуби*т*ь насъ 61 об., посла и паству*т*ь свинии 129; Ев. 1399 г.: пришелъ ѥси мучи*т*ь насъ 37; Мстижское Ев. XIV в.: не достоить твори*т*ь в суботу 37 об., никто же можеть разъграби*т*ь 60 об.; Луцкое Ев.: прииде слыша*т*ь прѣмудрость 58; полоцкая вкладная XIV в. (въ Ев. Погодина № 12): ажо ми ся учинить не бы*т*ь у Полоть(ск)е; двинская грамота XIV—XV в. (Ак. Калачова II, № 126): отступи*т*ся, отда*т*ь, вари*т*ь; галицкая грамота 1418 г.: имає заступити и оправи*т*ь. Изъ другихъ славянскихъ языковъ польскій яз. имѣетъ формы неопред. накл. на *ć*=*т*ь издревле въ огромномъ количествѣ (формы на *ci*=*ти* и *t*=*т*ъ даже въ старо-польскихъ памятникахъ очень рѣдки); то же можно сказать о лужицкихъ языкахъ (формы на *ć*, *ś i*=*ти* очень рѣдки; формъ на *t* нѣтъ совсѣмъ); въ чешскомъ языкѣ распространены всѣ три формы неопред. накл.; сербскій и словинскій языки знаютъ формы и на *ти*, и на *т*ь.

Кромѣ указанныхъ формальныхъ особенностей русскаго языка, должно упомянуть о слѣдующемъ.

Формы дат. и твор. мн. въ великорусскомъ нарѣчіи оканчиваются на *мя*: творит. двумя́, тремя́, четырьмя́, стомя́ (между прочимъ, у Державина и Добрынина), пермск. имя́, всѣмя́, своимя, добрымя,

сибирск. *имя́*, донск. всѣ*мя́*, дат. сѣверно-великор. и сибирск. *имя́* (имъ), вятск. всѣ*мя́* (всѣмъ), тобольск. тѣ*мя́* (тѣмъ). Формы твор. мн. на *мя* встрѣчаются изрѣдка также въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: дво*мя́*, дву*мя́*, тре*мя́*, тро*мя́*, съ се*мя́* (=семью) головами (Бѣлор. Сб. III, 198). Формы на *мя* извѣстны по памятникамъ съ XIV—XV в.: Ипатскій сп. лѣт.: тре*мя* имены 483; Литовская лѣтопись XV в.: не полюбилъся *имя* (Ольгерду и Кейстуту; формы дв. ч. въ этой лѣтописи не употребляются; Уч. Зап. Ак. Н.); Житіе Михаила Клопскаго по Синод. списку Макарьевскихъ Миней (янв.): прешедшимъ четырь*мя* лѣтомъ 471; Житіе Даніила Переяславскаго по списку XVII в. Рум. Муз. Унд. № 301: лѣтомъ тре*мя*надесять минувшемъ 3; Римскія Дѣянія по сп. нач. XVIII в.: велѣлъ стати четыремъ слугамъ, единому предъ нимъ, а дву*мя* со сторонъ (изд. Общ. др. письм. II, 222); соловецкая грамота 1561 г.: крестьяномъ пятьма или шести*мя* добрымъ (Ак. Арх. Э. I, 285); Елецкія книги 1593 г.: тридцатьми осми человѣкомъ (по снимку Иванова № 47). Быть можетъ, оно родственно съ сербскимъ окончаніемъ дат. и твор. мн. *ме* (если это *ме*—изъ *ма*); срв. въ польской Шарошпатацкой Библіи XIV в.: miedzy twy*mó* oczyma 57.

Форма 1-го л. ед. глагола *быти* въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только ѥсмь, но и (чаще) ѥсми. Мы находимъ ее съ окончаніемъ *ми* въ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южно-русскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 г.; она сохраняется, въ видѣ *сми*, у гуцуловъ (въ Карпатахъ); сверхъ того, форма ѥсми находится въ одномъ сербскомъ Патерикѣ XIV в.

Формы 1-го л. двойств. на *вѣ*, обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, обычны и въ древне-русскихъ; но въ послѣднихъ, рядомъ съ ними, встрѣчаются также формы на *ва*: Прологъ 1262 г.: съгрѣшихо*ва* 19, поидево*а* 28 об., последуѥво*а* 77, служиво*а* 79, слышихова 88, умрево*а* 105 об., поидиво*а* (повелит.) 113 об.; Ев. 1354 г.: можево*а* 56, хощево*а* 148 об.; Луцкое Ев. XIV в.: хощево*а*, просиво*а* 182; Новгородская лѣт. XIV в.: приимѣво*а* 177; молдавская грамота 1400 г.: имаево*а*. Эти формы (теперь съ значеніемъ множ. ч.) извѣстны разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Формы наст. вр. на *аамь* или *амь*, *ааши* или *аши*, въ родѣ ц.-слав. им*аамь*, им*амь*, издревле чужды русскому языку. Поэтому

въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (въ числѣ ихъ въ Остромировомъ Ев.) им*аамъ*=им*амъ*, 1 л. ед., постоянно пишется съ *ъ* на концѣ (рядомъ русскія формы вѣмъ, *дамъ* и т. п. обыкновенно имѣютъ *ъ*). Формы им*амъ* (грамота Ивана Гольшанскаго 1401 г.), им*амы* (молдавская грамота 1395 г., Уляницкій), позже м*амъ*, встрѣчающіяся въ юго-западно-русскихъ документахъ,—полонизмы: срв. ст.-польск. jim*am*, современн. m*am*. Современная великорусская форма созд*амъ*—несомнѣнное новообразованіе (по образцу *дамъ*). Современныя западно-малорусскія (лемковскія) зн*амъ*, спів*амъ* и т. п.—заимствованія изъ польскаго или словацкаго языка, гдѣ формы на *am*, *ám* многочисленны.

Формы сослагательнаго накл. съ *бимъ* (*былъ бимъ*), обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, искони чужды русскому языку и очень рѣдки даже въ тѣхъ русскихъ текстахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Ихъ мѣсто въ русскомъ языкѣ было занято формами съ *быхъ* (*былъ быхъ*), рѣдкими въ церковно-славянскомъ языкѣ, но обычными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Наконецъ должно замѣтить, что церковно-славянскія формы дат. *чьсому—чесому*, мѣстн. *чьсомъ—чесомъ* (отъ *чьто*) никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ (уже въ Остромировомъ Ев.: *чемъ* 78, 79; въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г.: *чемъ* 20; въ Златоструѣ XII в., л. 111, и въ Кормчей XII в. Син. Библ., л. 260: *ничему*), равно какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ; что формы род.-мѣстн. отъ *дъва* и *оба* звучали не только *дъвою* и *обою* (Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: до *двою* гривну 5, *двою* мужю 16; грамота Герденя 1264 г.: *обою* сторону; псковская грам. 1483 г.: съ *обою* сторонъ Ак. Юр. № 2; сѣв.-русск. грам. XVI в.: въ *двою* рублѣхъ Ак. Юр. 442), съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, но также—чаще—*дъву* и *обу* (Сказаніе о Борисѣ и Гл. XII в. 7; Синод. Кормчая XII в. № 227; Русск. Пр. 14), съ именнымъ окончаніемъ; что формъ дат.-твор. отъ *дъва* было двѣ: одна, обычная въ церковно-славянскихъ памятникахъ—*дъвѣма*, съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, другая, неизвѣстная церковно-славянскому языку—*дъвома*, съ именнымъ окончаніемъ.

IX. Исторія формъ склоненія.

Мы не будемъ касаться тѣхъ формальныхъ измѣненій, которыя находятся въ связи съ исторіею звуковъ, въ родѣ измѣненія им.-вин. ед. средн. р. моѥ въ *моjо*, *моё* или измѣненія твор. ед. рукоѭ въ *рукой*; о нихъ была уже рѣчь выше. Мы будемъ говорить только о тѣхъ измѣненіяхъ формъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ или вліянію однѣхъ формъ на другія, или борьбѣ формъ между собою, или другимъ не фонетическимъ факторамъ.

Смѣшеніе именныхъ основъ. Склоненіе именъ въ санскритскомъ языкѣ имѣетъ нѣсколько системъ; именно, въ этомъ языкѣ различаются склоненія именъ съ основами 1) на *ă*, 2) на *ā*, 3) на *ĭ*, 4) на *ĭ̄*, 5) на *ŭ*, 6) на *ŭ̄* и 7) на разные согласные. Склоненіе именъ въ греческомъ языкѣ также дѣлится на нѣсколько системъ, тѣхъ же, что и въ санскритѣ. Въ славянскихъ языкахъ уже въ древнѣйшій, доисторическій періодъ ихъ существованія исчезла значительная часть древнихъ формъ отъ основъ на *ъъ* (=санскритск. *ŭ̄*) и на согласные, и мѣсто ихъ было занято формами вновь образовавшимися по образцу формъ отъ основъ на *ъ* (=санскр. *ĭ̄*), *о* (=санскр. *ă*) и *а* (=санскр. *ā*). Такимъ образомъ, напримѣръ, отъ основы *матер* была утрачена форма твор. п. ед. и ея мѣсто было занято новою формою *матерьмь*, образовавшеюся по образцу формъ отъ основъ на *ъ*, въ родѣ *костьмь*. Точно также къ древнѣйшему періоду существованія славянскихъ языковъ относится начало смѣшенія основъ на *о* муж. и ср. р. и основъ на *ъ* (=санскр. *ŭ̄*) муж. и ср. р.,—основъ на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ и основъ на *ъ* муж. и ср. р.,—основъ на *о* ср. р. и основъ на *ес* (=санскр. *ăs*) ср. р.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ъ**. Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что въ первыхъ нѣкогда было довольно много именъ съ основою на *ъ*. Древнія формы большей ихъ части еще въ глубокой древности были замѣнены новыми, образовавшимися по образцу формъ именъ съ основою на *о*; между прочимъ всѣ прилагательныя съ основою на *ъ* перешли въ славянскихъ языкахъ въ склоненіе основъ на *о*; срв. славянскія *бѣдръ*, *остръ* и т. п. съ литовскими budr*ùs*, aštr*ùs*. Вслѣдствіе этого, въ славянскихъ языкахъ сохранились древнія формы только отъ существительныхъ съ основою на *ъ*, и то отъ очень немногихъ. Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка формы склоненія основъ на *ъ* являются всего чаще отъ пяти словъ: *сынъ*, *домъ*, *медъ*, *врѣхъ*, *полъ*; но въ склоненіи даже этихъ словъ издревле существуютъ, рядомъ съ древними формами отъ основъ на *ъ*, новыя формы, образованныя по образцу основъ на *о*. То же, что въ церковно-славянскомъ, мы видимъ и въ древне-русскомъ языкѣ: здѣсь постоянно, рядомъ съ древними формами немногихъ именъ съ основою на *ъ*, встрѣчаются новыя, въ родѣ род. сын*а*, мѣстн. сын*ѣ* и т. д. Въ свою очередь, имена съ основою на *о* въ русскомъ языкѣ, главнымъ образомъ муж. р., подчинились вліянію именъ съ основою на *ъ*; вслѣдствіе чего въ ихъ склоненіи мы нерѣдко находимъ двоякія формы—древнія, отъ основы на *о*, и новыя, образованныя по образцу формъ основъ на *ъ*. Эти двоякія формы тянутся черезъ всю исторію русскаго языка и сохраняются до настоящаго времени.

Форма род. п. ед. основъ на *о* оканчивалась на *а*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась на *у* (*ю*). Въ древне-русскихъ памятникахъ отъ именъ съ основою на *о* (означающихъ неодушевленные предметы) мы видимъ, кромѣ формъ род. ед. на *а*, также формы того же пад. на *у* (*ю*). Такъ, напр., мы читаемъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: отъ льн*у* 218 об.; въ Прологѣ 1262 г.: что и ѥще ѥсть долг*у* 60 об., корчагу боб*у* мочена 63 об., своѥго род*у* 81 об.; въ новгородской грамотѣ 1265 г.: отъ лн*у*; въ Кормчей ок. 1282 г.: лн*у* 589 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: солод*у*, гороху 4, 22; въ новгородской грамотѣ 1305 г.: ис Торъжк*у*; въ полоцкой грамотѣ ок. 1331 г.: отъ воск*у*, отъ хмѣл*ю*; въ Ев. 1356 г.: со брег*у* 70; въ волынской вкладной 1376 г.: обаполъ Бог*у*; въ новгородской грамотѣ 1373 г.: полон*у* новторского; въ

Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: роду княжа 22; въ Новгородской лѣтописи: не створи ряду 55, до тьргу 60, съ пълку 33, просяце пълку 86, съ Торожку 168; въ галицкой грамотѣ 1400 г.: безъ одвукуу; въ Палеѣ 1406 г.: отъ мозгу 46, съ холъму 190 об.; въ галицкой грам. 1418 г.: того листу. Слово о полку игоревѣ имѣетъ рядомъ Дона и Дону.

Форма дат. ед. основъ на *о* оканчивалась на *у*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась, между прочимъ, на *ови* и *еви*. Древніе памятники, кромѣ формъ дат. ед. на *у*, имѣютъ отъ основъ на *о* (особенно отъ именъ лицъ) также формы на *ови*, *еви*. Мстиславова грамота 1130 г.: Георгиеви; смоленская грамота ок. 1230 г.: Богови, мастерови; полоцкая грамота около 1300 г.: бровстови; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мостови, манастыреви; полоцкая грамота ок. 1331 г.: купцъви, вѣсцъви; Новгородская лѣтопись: Драгуилови 28, Судилови 49, Андрееви 49, Гюргеви 49, Якуновι 69, Михалеви 85, отцеви 187, коневи 291. Формы дат. на *ови* встрѣчаются также въ грамотахъ галицкихъ, но особенно часты въ Волынской лѣтописи, сохранившейся въ Ипатскомъ спискѣ: Воишелгови, Данилови, холмови, ледови, соньмови, Юрьеви, цареви и т. п.

Форма мѣстн. ед. основъ на *о* оканчивалась на *ѣ* (*и*); та же форма основъ на *ъ* оканчивалась на *у* (*ю*). Въ древнихъ памятникахъ отъ именъ съ основою на *о* формы мѣстн. ед. встрѣчаются не только съ окончаніемъ *ѣ*, *и*, но также (по преимуществу, когда слова — двусложныя, означающія неодушевленные предметы) — съ окончаніемъ *у*: въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: быша на Бору 4 об.; въ Прологѣ 1262 г.: на ариеве леду 35, въ пиру 46, въ торгу 53 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: въ гною 186 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ пиру, на тьргу 6, 7; въ Пандектахъ 1296 г.: въ миру 29, 66, 120 об., на снѣгу 77 об., на торгу 112 об.; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1265 г.: на Торожку; въ договорѣ ок. 1301 г.: в Торъжьку; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: на воску 194; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: сидѣла дружина у (=въ) пиру; въ Амартолѣ XIV в.: въ пиру 121 об.; въ духовной Ивана Калиты: на шелку; въ Ев. 1339 г.: на брегу 47; въ Паремейникѣ 1378 г.: въ стану 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: у Луцку; въ грамотѣ Витовта послѣ 1392 г.: у Туреиску; въ Новгородской лѣт.: побѣди на Бору Чюдь 15,

на Новемь Търгу 49, 60, на мале часу 87, въ Торжьку 272. Памятники псковскіе XIV—XV вв. имѣютъ формы на *у* отъ личныхъ собственныхъ именъ (въ записяхъ): Апостолъ 1309—1312 г.: при попѣ Паруху; Параклитикъ 1369 г.: при князи при Борису; Прологъ 1383 г.: при попѣ Федосу; Паремейникъ 1413 г.: при князи Борису. Памятники западно-русскіе XV—XVI вв. имѣютъ формы на *у* отъ именъ и мужескаго, и средняго рода очень часто: смоленскій Исаакъ Сиринъ 1428 г., запись: въ градѣ Смоленьску; полоцкая грамота 1407 г.: у Полоцку; полоцкая грамота 1478 г.: въ членьку; Лѣтописецъ Переяславскій (по изд. кн. Оболенскаго): въ Смоленску 41, у Курьску 54, въ Полотсцю 5; Литовскій Статутъ 1588 г.: о недаванью 44, у воиску 57, на писару 127 и т. п.; Евангеліе Тяпинскаго XVI в.: в ученью своемъ, на скончению, о закаменению и т. п. Московскія грамоты XVI—XVII вв. нерѣдко имѣютъ формы на *у* отъ названій городовъ на *скъ*: въ Смоленску, въ Можайску, въ Сѣвску.

Въ формахъ зват. ед. издревле постоянно употреблялось окончаніе основъ на *ъ—у* у многихъ изъ тѣхъ существительныхъ съ основою на *о*, которыя имѣли передъ гласнымъ основы *j* или мягкій согласный: цьсарю. Въ древне-русскомъ языкѣ мы иногда (очень рѣдко) встрѣчаемъ, вмѣсто окончанія *е*,—окончаніе *у* у словъ съ основою на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ; такъ, въ двухъ новгородскихъ Стихираряхъ XII в. Акад. Наукъ и Син. Библ. № 279 мы читаемъ: тебѣ женихy мои люблю, вмѣсто: женихе; въ Волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: сваty 440, 446, 455, 469, 470.

Форма имен. мн. основъ на *о* оканчивалась на *и*; форма того же падежа основъ на *ъ* имѣла окончаніе *ове* или *еве*. Древніе памятники, рядомъ съ формами на *и*, имѣютъ изрѣдка формы имен. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *ове, еве*: новгородская грамота ок. 1300 г.: послове; духовная в. кн. Ивана Калиты: татарове; Ев. 1355 г.: попове (запись); новгородскія грамоты 1372 и 1373 г.: послове (не только им., но и вин. мн.); Новгородская лѣтопись: дъждеве 263; Лаврентьевскій сп. лѣт.: воробьеве 58, разбоеве 124; московская грамота 1449 г.: соловарове (Ак. Калачова I, 101). Нѣсколько большее количество подобныхъ формъ находится въ Волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: попове, борове, татарове, и притомъ не только въ значеніи им. мн., но и вин.: поидоша въ ляхове.

Форма род. мн. основъ на *о* оканчивалась на *ъ* (*ь*); та же форма основъ на *ъ* имѣла окончаніе на *овъ* или *евъ*. Памятники русскаго языка съ XII в. имѣютъ въ большомъ количествѣ формы род. мн. отъ словъ муж. р. съ основою на *о*, оканчивающіяся на *овъ*, *евъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: вождев*ъ* 7; Златоструй XII в.: дългов*ъ* 5 об.; Житіе Епифанія XII в.: бѣсов*ъ*; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: манастыр*евъ* 7, бѣсов*ъ* 13, 19, дух*овъ*, пълков*ъ* 13, трудов*ъ* 14 об.; договоръ Смоленска съ Ригою ок. 1230 г.: розбойников*ъ*; Прологъ 1262 г.: хлѣбов*ъ* 25 об., 132 об., бѣсов*ъ*, конев*ъ* 68 об.; договоръ Новгорода съ тверскимъ княземъ ок. 1265 г.: купцев*ъ*, повозов*ъ*; Ев. 1270 г.: хлѣбов*ъ* 39 об., динариев*ъ* 70 об.; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: хлѣбов*ъ*, уборок*овъ* 4, 22, послух*овъ* 11, 12; Рязанская Кормчая 1284 г.: образов*ъ* 6 об., трудов*ъ* 7, сборов*ъ* 10, презвитеров*ъ* 36 и др.; Пандекты 1296 г.: трудов*ъ*, бѣсов*ъ*, часов*ъ*, стихов*ъ*, псалмов*ъ*, трепарев*ъ*, въплев*ъ*, и др.; договоръ Новгорода ок. 1301 г.: новъгородьцев*ъ*, новоторъжьцев*ъ*; договоръ Новгорода ок. 1305 г.: приставов*ъ*, закладников*ъ*; духовная Ивана Калиты: бортников*ъ*, оброчников*ъ*, поясов*ъ*, судов*ъ*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: городов*ъ*; Лаврентьевскій сп. л.: сторожов*ъ* 231, преятелев*ъ* 296; Паремейникъ 1378 г.: жителев*ъ* 34; Новгородская лѣт.: дворов*ъ*, конев*ъ*, кораблев*ъ*, злодѣев*ъ*. Рядомъ съ этими формами въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются еще въ значительномъ количествѣ и старыя формы: новгородская грамота ок. 1325 г: твоихъ мужь; духовная Ив. Калиты: ис портъ; Духовная Семена Гордаго: конь своихъ; Новгородская лѣтопись: городъ вашихъ 194, възяша 6 городъкъ 50, и т. п.

Формы именъ муж. р. съ основою на *о*, имѣющія окончанія формъ основъ на *ъ*, пользуются широкимъ распространеніемъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Формы род. и мѣстн. ед. на *у* многочисленны во всѣхъ его говорахъ, между прочимъ въ литературномъ языкѣ: песк*у́*, творог*у*, са́хар*у́*, на холод*у́*, на кра*ю* и т. п.; при этомъ рядомъ съ ними употребляются и старыя формы основъ на *о* съ окончаніями *а* и *ъ*, *и*. Нѣкоторыя слова имѣютъ по двѣ падежныхъ формы род. и мѣстн. ед.—на *а* и *у*, на *ъ* и *у*.

Формы дат. ед. на *ови*, *еви* исчезли изъ великорусскихъ говоровъ и въ настоящее время распространены только въ малорусскомъ на-

рѣчіи: бог*ови*, бог*ові* (рядомъ съ бог*у*); они употребляются въ значеніи не только дат., но и мѣстн. ед.

Формы зват. ед. на *у* также исчезли изъ великорусскихъ говоровъ, но еще существуютъ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, въ первомъ рѣдко: сынк*у* (рядомъ съ куме), во второмъ часто: дід*у*, сват*у* и т. п. (рядомъ съ дід*е*, свате).

Формы имен. мн. на *ове*, *еве* сохранились въ ничтожномъ количествѣ въ великорусскихъ говорахъ: онежск. (пѣсенн.) татар*ове*, улан*ове*, путивльск. царе*ве*. Въ бѣлорусскихъ говорахъ они также очень рѣдки: сват*ове*, муж*ове*. Малорусское нарѣчіе имѣетъ ихъ въ большемъ числѣ, особенно говоръ лемковъ: вітр*ове* (рядомъ съ свати, вітри).

Формы род. мн. на *овъ*, *евъ* имѣютъ очень широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ. Великорусскіе и бѣлорусскіе говоры еще сохраняютъ старыя формы род. мн. основъ на *о*: глазъ, разъ, рогъ, сапогъ и т. п., но они въ нихъ малочисленны (рядомъ съ ними: рог*овъ*, сапог*овъ*). Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. мн. больше: годъ, часъ, конь, но они все таки являются исключеніями. Даже слова средняго рода основъ на *о*, въ значительномъ большинствѣ случаевъ сохраняющія древнія окончанія, въ род. мн. нерѣдко имѣютъ окончаніе *овъ*: великор. мѣст*овъ*, дѣл*овъ*, съ сердц*овъ*, кушань*евъ*, ружь*евъ* (у Гоголя), гулянь*евъ* (у Писемскаго); у Суморокова: я подозрѣні*евъ* достоинъ ли такихъ (Хоревъ); у В. Майкова: желані*евъ*, дѣйстві*евъ* (даже: граці*евъ*); то же—хотя и очень рѣдко—въ древнихъ памятникахъ: свобод*ъ* и мыт*овъ* не ставити (рядомъ: княже мыто), договоръ Новгорода съ Тверью 1371 г.; заважи*евъ*, Скорина, Второзаконіе, 47 об.

Изъ словъ съ основою на *ъ* въ настоящее время ни одно не сохраняетъ древняго склоненія; всѣ они склоняются одинаково со словами съ основою на *о*.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ь**. Имена съ основою на *ь* муж. р. имѣли ту же судьбу, что и имена съ основою на *ъ*. Всѣ прилагательныя съ этою основою (кромѣ числительныхъ *три*, *четыри*) утратили свое древнее склоненіе еще въ доисторическую пору: одни перешли въ склоненіе основъ на *о*, другія стали несклоняемыми. Къ послѣднимъ изъ нихъ мы можемъ отнести такія прилагательныя, какъ *исплъ*, *свобод*, *неудоб*, которыя встрѣчаются въ церковно-

славянскомъ языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: *исплънь* небо и вся земья славы ѥго, два брата *исплъни* сѫща вѣры, *свободь* ѥго сътвориши. Значительная часть существительныхъ съ основою на *ъ*, также еще въ глубокой древности, утратила формы древняго склоненія, и только на основаніи данныхъ литовскаго языка и фонетическихъ особенностей этихъ словъ мы можемъ думать, что они нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ъ*. Мы можемъ смѣло сказать, что всѣ слова муж. р. въ родѣ *зять*, *тать*, съ окончаніемъ *ть*, прежде принадлежали къ числу словъ съ основою на *ъ*, такъ какъ, если бы они принадлежали къ словамъ съ основою на *о*, то въ нихъ *т* смягчилось бы передъ *j* и мы имѣли бы въ церковнославянскомъ языкѣ *зѧшть*, а не *зѧть*, въ русскомъ *зять* и т. д.; точно также мы можемъ сказать, что всѣ слова муж. р. на *дь*, *бь*, *вь*, *мь*, *пь* нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ъ*.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы находимъ смѣшеніе основъ на *ъ* съ основами на *о* въ единств. числѣ и видимъ, что часто имена съ основою на *ъ* принимаютъ падежныя окончанія основъ на *о* и весьма рѣдко, наоборотъ, слова съ основою на *о*—окончанія основъ на *ъ*. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются рядомъ формы род. п. огня, звѣря и огни, звѣри, дат. огню, звѣрю и огни, звѣри и т. д.; но первыя болѣе часты, чѣмъ вторыя. Въ памятникахъ XIII—XIV вв. древнія формы основъ на *ъ* муж. рода чрезвычайно рѣдки и ограничиваются почти ничтожнымъ количествомъ случаевъ, главнымъ образомъ отъ словъ: *гость*, *тъсть*, *зять* и *путь*. Въ новгородской грамотѣ 1270 г. мы читаемъ: гости нашему; въ Кормчей ок. 1282 г.: к зяти 487; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: церковьнаго тати 251; въ новгородской грамотѣ ок. 1235 г.: гости новгородьскому; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: отъ тести своего 332, ко тьсти 410; въ Новгородской лѣтописи: къ зяти 130, възмолися зяти 193, на зяти его на Андрѣя (вин.) 196; въ Ипатскомъ сп. л.: тьсти своему 207, к зяти 335, 361. Слово *путь*, хотя и не всегда (Ряз. Кормчая 1284 г.: долъготы путя 129, отъ путя 299 об.; Скорина: подлѣ путя, Быт., 89), но сохраняетъ древнія формы склоненія въ ед. ч. и въ настоящее время.

Во множеств. числѣ основы на *ъ* муж. р. сохранили древнія формы вин. и род. пад. и остатки древнихъ формъ твор. п. Въ род. п. мы постоянно видимъ древнія формы въ родѣ гостъи (откуда

гостей) и гости. Они послужили къ образованію такихъ же формъ и отъ основъ на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ, муж. р. Мы находимъ: въ Ев. 1270 г.: пѣнязии 49; въ Кормчей ок. 1282 г.: безъ стихарии 613; въ Рязанской Кормчей 1282 г.: мужии 48, 58, 178; въ Амартолѣ XIV в.: мужии 143 об., мечии 145; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: князии 265, 347, 418, 419, 440, мужи 14; въ Паремейникѣ 1378 г.: мужии 9, 16 об., 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: рублій; въ Ев. 1393 г.: мужии 18 об.; въ южно-русской грамотѣ еп. Даніила 1398 г.: коніи; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: князии 93 об., 109; въ Служебникѣ преп. Сергія: князеи 10, 22 об., 25, создателеи 37 об., 38 об.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: мѣсяцїи 110; въ Новгородской лѣт.: князии 308; въ Ипатскомъ сп. л.: мужии 378, князьи 391, мѣсяции 384; въ Четьѣ 1489 г.: мѣсяцеи 16, 16 об. Въ современномъ русскомъ языкѣ вполнѣ обычны формы род. мн. муж. р.: князей, ножей, рублей, даже мѣсяцей (при рублёвъ, мѣсяцевъ); по извѣстны и формы род. мн. средн. р.: полей, морей.—Въ творит. п. мы изрѣдка находимъ древнія формы: гостьми. Они не только сохранились, но и повели къ образованію, отъ именъ съ основою на *о*, новыхъ формъ твор. мн. на *ьми*. Добрилово Ев. 1164 г.: мужьми 128 об.; грамота рижанъ въ Витебскъ около 1300 г.: коньми; Прологъ 1356 г.: ножьми 2 об., стражьми 87 об.; Лаврентьевскій сп. л.: мечьми 76; Чудовской Новый Завѣтъ: ножми 39 об., князми 68, мужми 77 об., якорми 79; Паремейникъ XVI в. Троицк. Лавр. № 4: князьми 13 об.; Ипатскій сп. л.: конми 369; западно-русскія грамоты XV—XVI вв.: князми, полми (отъ поле). Подобныя формы мы находимъ изрѣдка и въ современномъ языкѣ.—Обратное вліяніе, вліяніе основъ на *о* на основы на *ь*, отмѣчено въ твор. и мѣстн. мн.: пути темными, Ефремъ Сиринъ 1377 г. 58 об.; на путихъ, Псалтирь 1296 г. 277.—Кромѣ этихъ формъ основы на *ь* сохранили остатки формъ дат. и мѣстн. мн. на *ьмъ*, *ьхъ*; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ бѣлорусскихъ, отчасти въ южно-великорусскихъ говорахъ: гостёмъ, гостёхъ.

Смѣшеніе основъ на **о** *средн. р. и на* **ес** *средн. р.* началось въ доисторическій періодъ и кончилось тѣмъ, что древнія формы отъ основъ на *ес*, кромѣ имен.-вин. и род. мн., исчезли и ихъ мѣсто заняли новыя формы по образцу основъ на *о*; такъ, отъ *небо* развились новыя формы род. ед. неба, дат. небу и т. д., а древнія формы небесе, небеси исчезли. Нѣкоторыя слова съ основою на *ес*

образовали новыя формы по образцу основъ на *о* съ сохраненіемъ суффикса *ес* во мн. ч.: небе*са*, чуде*са*, а одно также и въ единств.: коле*со*, коле*са*, коле*су* и т. п. (древнее коло, коле*се*). Послѣднее нѣкогда имѣло новыя формы и безъ суффикса *ес*: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: съ колы (срв. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: слов*ы* 144 об.); Лаврентьевскій сп. лѣт.: на кол*а* 131, 251, на кол*ѣхъ* 252 (кол*а*=повозка). Особо стоятъ слѣдующія рѣдкія формы словъ съ основою на *ес*: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: божия чюде*ся* 245; Златоструй XII в.: вся знамения и чюде*ся*; Милятино Ев. 1215 г.: изъ оче*ся* 16, знамения велика и чюде*сн* 54 об.

Смѣшеніе основъ на **о**, **ъ**, **ь** *и на* **а**. Между тѣмъ какъ начало смѣшенія основъ на *о* съ основами на *ъ*, *ъ*, *ес* относится къ доисторической эпохѣ, смѣшеніе основъ на *о*, *ъ*, *ъ* и согласные всѣхъ родовъ (*волкъ*, *гость* и др.) съ основами на *а* женск. р. (*жена*) началось около XIII в. Оно имѣло мѣсто въ формахъ дат., твор. и мѣстн. пад. множ. ч. и состояло въ томъ, что имена съ основами на *о*, *ъ*, *ъ* усвоили себѣ для этихъ падежей окончанія основъ на *а*. Мы читаемъ: въ Паремейникѣ 1271 г.: ѥгуптян*амъ* 9, безакониямъ 210 об., съ клобу*ками* 214, матигорьц*амъ* (отъ матигорьць), запись; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: къ латин*амъ* 36; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: по постоянии*мъ*; въ Ев. 1317 г.: владычьстви *ямъ* 85 об.; въ Ев. 1339 г.: на сборищ*ахъ* 64, на сонмищ*ахъ* 76; въ Ев. 1354 г.: на распутьях*ъ* 117; въ Ев. 1355 г.: книжник*амъ* 87; въ Прологѣ 1356 г.: къ гробищ*амъ* 4 об., въ гробищ*ахъ* 4 об., 5; въ Ев. 1358 г.: о глагол*ахъ* 202 об.; въ новгородскомъ договорѣ съ Тверью 1371 г.: дворян*амъ*, бояр*амъ*; въ договорѣ 1373 г.: купц*амъ*; въ Ев. 1393 г.: на торжищ*ахъ* 69, книжник*амъ* 114; въ Тактиконѣ Никона Черног. 1397 г.: о раздор*ахъ* 6; въ Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: по мѣст*амъ* 56; въ Паремейникѣ XIV в. Троицк. Лавры № 4: требищ*амъ* 43; въ двинской рядной XIV—XV в.: посадник*амъ*, княжоостровьч*амъ* (*ч*=*и*); въ двинской купчей XIV—XV в.: чернц*амъ*. Старыя формы дат. мн. въ родѣ волк*омъ*, кост*емъ*, твор. мн. волк*ы*, кость*ми*, мѣстн. мн. волц*ѣхъ*, кост*ехъ* долгое время продолжали существовать рядомъ съ новыми формами на *амъ*, *ами*, *ахъ*, и мы ихъ находимъ въ значительномъ количествѣ въ памятникахъ не только XIV—XV вв. (здѣсь они господствуютъ), но и XVI—XVII вв. Судебникъ 1550 г.: съ князи, на отвѣтчик*ѣхъ*, на послу-

*съ*хъ, въ заим*ъ*хъ; Домострой: з грибы, с рыжики 86, въ сундукехъ 93, 94, в пирозъхъ 117, в погребехъ и на ледникехъ 127; Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г.: помѣщикомъ, мостомъ, торгомъ, селомъ, людемъ, властемъ, дѣтемъ, матеремъ, приставы, недруги, обычаи, дѣлы, государствы, помѣстьи, рѣчьми, крѣпостьми, печатьми, пищальми, описьми, въ год*ъ*хъ, въ мѣст*ъ*хъ, въ город*ъ*хъ, въ полк*ъ*хъ, во дьяц*ъ*хъ (отъ дьякъ), въ послус*ъ*хъ, въ дѣл*ъ*хъ и т. п.; Ев. Тяпинскаго: ученикомъ, часомъ, псомъ, деломъ, узкими воротьı, в перекладехъ, в писмехъ, въ городехъ и т. п. Московскій дѣловой языкъ начала XVIII в. еще нерѣдко сохраняетъ ихъ; но сомнительно, чтобы они въ это время существовали въ Москвѣ въ живомъ употребленіи. Эти формы еще сохраняются въ современныхъ говорахъ: съ широкими воротьı (В. Майковъ), съ тесовыми воротьı (Пушкинъ); сѣв.-великор. (пѣсенн.): по стойломъ, съ добрыми молодцьı; бѣлор. ворого́мъ (рѣдко); малор. (лемк. и бойк. дат. часі́мъ (изъ часомъ), твор. часи, мѣстн. часіхъ (изъ час*ъ*хъ).

Нѣкоторыя великорусскія формы мѣстн. мн., принимая новое окончаніе, сохранили древнюю мягкость согласныхъ: во лузях*ъ* (пѣсенн.; древняя форма: луз*ъ*хъ, отъ лугъ), въ лѣсях*ъ*, въ утр*я*хъ (отъ утро), во сня*х*ъ, вмѣстя*х*ъ (=вмѣстѣ), можетъ быть, въ торопя*х*ъ (отъ торопъ?).

Въ свою очередь основы на *о* оказали вліяніе на основы на *а* (а вмѣстѣ и на основы на ъ) въ формахъ твор. мн. Окончаніе этихъ формъ основъ на *о—ы* (волкы) перешло въ формы основъ на *а*, и такимъ образомъ окончаніе этихъ послѣднихъ, вмѣсто древняго *ами*, стало звучать *амы*. Новыя формы, въ родѣ слезамы, городамы, въ настоящее время имѣютъ распространеніе во многихъ сѣверно-великорусскихъ, въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Старые памятники не знаютъ этихъ формъ; мы изрѣдка находимъ въ нихъ формы твор. мн. на *мы* лишь отъ мѣстоименій и прилагательныхъ: Прологъ 1356 г.: безаконьны*мы*; Ипатскій сп. лѣт.: ратны*мы* 431, околны*мы* 613; сѣв.-великор. Погодинскій сборникъ нач. XV в. № 872: всѣ*мы* 188 об., вси*мы* 190 об., мужи си*мы* 190 об., сиче*мы* глаголы (*ч*=*и*) 228 об.; новгородская грамота 1459—1470 г.: малы*мы* островкы, Ак. Арх. Э. I, 47; псковская Палея 1494 г.: всѣ*мы* 158; сѣверно-великор. Златоустъ XVI в. Публ. Библ. Q. 972: си*мы* глаголы 14.

Точно также основы на *ь* оказали вліяніе на мягкія основы на *а* въ формахъ род. мн. Новыя формы, въ родѣ тысяч*ей*, извѣстны въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ: московск. свѣч*ей* (Грибоѣдовъ; рядомъ: свѣчъ), парч*ей*, юнош*ей* и т. п. Старшій случай ихъ употребленія отмѣченъ нами въ памятникѣ XIV в.: кромѣ рабъ и рабын*ей*, Тактиконъ 1397 г., 32; они уже нерѣдки въ памятникахъ XVI—XVII вв. (у Курбскаго не разъ: тысящ*ей*; въ Ев. Тяпинскаго: около двухъ тисеч*ей*; у Посошкова: пул*ей* не станутъ терять I, 282).

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **о**. Смѣшеніе основъ на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ (а равно слившихся съ ними древнихъ основъ на *ъ*) муж. и средн. р. (*волкъ*, *окно*) съ основами на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (а равно и съ основами на *ь*) тѣхъ же родовъ (*конь*, *поле*) состояло въ томъ, что формы мѣстн. п. ед. и мн. мягкихъ основъ, на мѣсто своихъ древнихъ окончаній *и* и *ихъ*, приняли отъ твердыхъ основъ окончанія *ѣ* и *ѣхъ*. Старшій случай этого смѣшенія находится въ Минеѣ 1095 г.: въ человѣч*ѣ* образѣ 81; онъ не внушаетъ довѣрія и похожъ на описку. Другіе случаи мѣстн. ед. на *ѣ* мы видимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: при Анатол*ѣ* 14; въ Паремейникѣ 1271 г.: при мор*е* 234 об., на лиц*е* своем*ь* 254; въ Кормчей ок. 1282 г.: въ Ярославл*ѣ* 575; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: на судѣ епископл*ѣ* 62 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ многословиѥ своем*ь* 107; въ Тріоди 1311 г.: въ стихирар*ѣ* 17, въ отц*ѣ* 31; въ Ев. 1317 г.: о слѣпц*ѣ* 12 об., въ сборищ*ѣ* 70; въ духовной Семена Гордаго: на Кержач*ѣ*, на княжен*ьѣ*; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: въ здоровь*ѣ*, по отц*ѣ*; въ Ев. 1354 г.: при мор*ѣ* 50, въ мор*ѣ* 70 об.; въ Ев. 1357 г.: во отц*ѣ* 21, 21 об., о князь 76 об., въ солнц*ѣ* 109, о слѣпц*ѣ* 115, в законѣ господн*ѣ* 171 об., въ Галич*ѣ*, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: въ манастыр*ѣ*, въ огн*ѣ* и т. п. Формы мѣстн. мн. на *ѣхъ* мы находимъ въ Кормчей ок. 1282 г.: в мятеж*ѣхъ* 446; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: въ жилищ*ѣхъ* 93, о пастыр*ѣхъ* 87, на крае*ѣхъ* 148 об., въ манастыр*ѣхъ* 166, 167 об. и др., о мятеж*ѣхъ* 193 об., въ июдѣ*ѣхъ* 202, о лиц*ѣхъ* 237; въ Псалтыри 1296 г.: въ манастыр*ѣхъ*; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: о князе*ѣхъ* 10, въ манастыр*ѣхъ* 46; въ псковскомъ Апостолѣ 1307 г.: при князе*ѣхъ*, въ князь*ѣхъ*, запись;

въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: на кривичѣхъ, на вятичѣхъ 18, на конѣхъ 55, въ сторожѣхъ 65, в черпьцѣхъ 451,—ехъ 461 и т. п.

Древнія формы на *и*, *ихъ* въ XIV в. были еще въ постоянномъ употребленіи, и, напримѣръ, въ договорѣ Семена Гордаго съ братьями мы читаемъ: при нашемъ отци. Теперь формы на *и* существуютъ въ большомъ количествѣ въ говорахъ бѣлорусскихъ (на кони) и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ только: въ забытьи); большинство малорусскихъ говоровъ имѣетъ въ мѣстн. ед. мягкихъ основъ *і* изъ *ѣ*. Формы на *ихъ*, кажется, теперь уже не существуютъ въ русскомъ языкѣ.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, имѣло мѣсто только въ формахъ винит. п. мн., употреблявшихся также и въ значеніи имен. п. Оно состояло въ замѣнѣ окончанія вин. мн. твердыхъ основъ *ы* (волкы) окончаніемъ того же пад. мягкихъ основъ *ѣ* (мужѣ) и было извѣстно главнымъ образомъ въ старомъ новгородскомъ говорѣ: Прологъ 1262 г.: потове... приятѣ быша 121 об.; Ев. до 1362 г.: горе вамъ лицемѣрѣ 45, ученицы іоановѣ 48 об., будутъ трусѣ 56, въстануть лжии христѣ 93 об., отпущаются грѣсѣ 138 об., народѣ угнѣтаютъ тя 143, что стоите праздьнѣ 152 и др.; грамота 1372 г.: пословѣ Михаиловѣ; грамота 1392 г.: побилѣ розбоиникѣ Матьфѣева сына; Апостолъ 1391 г.: на языки неразумнѣ 58; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: достоинии плодѣ 47 об., суть уставѣ положени 49 об., святѣи соборѣ 51 об. и т. п. (нерѣдко); Новгородская лѣт.: начаша воєвати городѣ черниговьскѣе и възяша... и иные городѣ мнозѣ 158, избьени быша печерьскеи и югърьскии (даньщики) 95; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: бѣсѣ изгна 68 об., сквозѣ градѣ 70 и т. п. (часто), мертвеи 61; Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. (часто, между прочимъ: росѣяне 52); Апостолъ 1495 г. Рум. Муз. (часто). Должно имѣть въ виду, что рядомъ съ формами на *ѣ* очень рѣдко встрѣчаются формы на *е* и что *ѣ* можетъ быть графическимъ изображеніемъ звука *и*. Срв. соврем. бѣлорусск. имен. мн. мужикѣ, вовкѣ, им.-вин. мн. вѣнкі, дворэ.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **а**. Основы женск. р. на *а* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ (*жена*) оказали вліяніе на основы на *а* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (*душа*), которое имѣло своимъ результатомъ принятіе въ формы род. и дат.-

мѣстн. ед., им.-вин. дв., им.-вин. мн. мягкихъ основъ окончаній формъ тѣхъ же падежей твердыхъ основъ.

Формы род. ед. на *и* вмѣсто древняго *ъ* (это *и* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ *ы* твердыхъ основъ: жены) встрѣчаются уже въ памятникахъ XI—XII вв., новгородскихъ и кіевскихъ: въ Минеѣ 1095 г.: изъ отроковичи 45, преподобьныя Евфросинии 192; въ Стихирарѣ 1157 г.: пророка Захарии 7, святыя Мария егюптяныни 133 об., святыя Марии 156 об.; въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Син. Библ. № 279: пророка Захарии 8, святыя Ефросинии 24 об., Зиновия и Зиновии 43; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: нѣколику братии 17, отъ судии 36 об. Памятники XIII—XIV вв., особенно сѣверно-русскіе, имѣютъ формы на *и* очень часто: Милятино Ев. 1215 г.: милостыни вашея 145; Евангеліе 1270 г.: отъ Аримафѣи 8, жены самаряныни 13, седмь братьи 45, не створивъ воли 80; Паремейникъ 1271 г.; Кормчая ок. 1282 г.; Рязанская Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.; духовная Ивана Калиты: княгини моѥѥ; духовная Семена Гордаго: у Овци, своее купли.

Древнія формы род. ед. мягкихъ основъ на *ъ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, въ большинствѣ которыхъ на мѣстѣ древняго *ъ* слышится *і* (душі), въ меньшинствѣ—*е* (душе) или дифтонги, потомки *ъ*; говоры великорусскіе и бѣлорусскіе ихъ уже почти совсѣмъ утратили, такъ что ихъ остатки теряются среди массы формъ на *и*.

Формы дат.-мѣстн. ед. на *ъ* вмѣсто древняго *и* являются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Минея 1095 г.: въ ветьсѣ одежъ 93, къ ширынъ 99, святѣи госпожъ Богородицъ, записъ; Минея 1096 г.: въ пустынъ 51; но становятся многочисленными только въ памятникахъ XIII—XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII в.: въ власяницъ 102, въ тьмьницъ 146 об.; Милятино Ев. 1215 г.: на землъ 88; Трефолой 1260 г.: къ зарѣ; Ев. 1270 г.: земле содомьстѣи 29; Паремейникъ 1271 г.: въ руцѣ господнъ 208; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: въ тяжѥ, но нуже 13, въ продаже 26; Кормчая ок. 1282 г.: по отнъ смерти 574 об.; духовная Ивана Калиты: далъ Федосьѥ; духовная Семена Гордаго: дядъ, даю своѥи княгинъ, братьъ; Путенское Ев. XIV в.: на овчъ купѣли 20, у тьмьницъ 263 (*у*=*въ*).

Формы дат.-мѣстн. ед. мягкихъ основъ на *и* еще вполнѣ обычны въ памятникахъ XIV в., и, напримѣръ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: княгини своеи (дат.). Они сохраняются въ настоящее время въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ (души) и извѣстны также въ великорусскомъ нарѣчіи. Но обыкновенно великорусскіе говоры употребляютъ формы дат.-мѣстн. на *ѣ* (душѣ), и притомъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сѣверныхъ, окончаніе *ѣ* имѣетъ мѣсто въ формахъ не только мягкихъ основъ на *а*, но и основъ на *ъ* женск. р.: на печѣ, въ грязѣ и т. п. (Лаврент. сп. лѣт.: на мьстѣ; грамоты XVI в.: къ записѣ, къ грязѣ, на елѣ, Ак. Θед.-Чех. I, 121, 123; Домострой: в грязѣ 130).

Формы имен.-вин. п. дв. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* встрѣчаются изрѣдка въ памятникахъ XII—XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII в.: дъвѣ пътицѣ 39 об.; Ев. 1270 г.: дъвѣ тысящѣ 54 об.; Паремейникъ 1271 г.: кому сине очи 158; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: 12 вѣкше 4; новгородская грамота ок. 1305 г.: по двѣ вѣкшѣ; Ев. 1354 г. 38, Ев. 1355 г. 32, Ев. 1358 г. 38 об.: двѣ птицѣ; Погодинск. Прологъ XIV в. № 60: двѣ свѣщѣ 6 об. Эти формы, какъ и древнія формы дв. ч. на *и*, въ настоящее время уже не существуютъ.

Формы имен.-вин. мн. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* начинаютъ появляться въ достовѣрныхъ примѣрахъ съ XIII в.: Милятино Ев. 1215 г.: начнеть бити рабы и рабыни 103; Паремейникъ 1271 г.: съзижються пустыни 205, овьни и овьци ихъ 216; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: крадеть овци или козы 9; Кормчая 1284 г.: судьи видять 328; Тріодь 1311 г.: блудници чреплють твоѥ милосердьѥ (отъ блудница) 11 об.; Ев. 1354 г.: придоша птици 44 об., пасущии свиньи 70 об., внидоша в свиньи 99 об., начнеть бити рабыни 104; Ев. 1355 г.: внидоша въ свиньи 37 об., погуби убиицы 51; Ев. 1357 г.: взрите на птици, въ житници събирають 35, 40, придоша птици 44 об., 68, птици позобаша 94 об.; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: души вашѣ исполнены зависти 57 об.; Паремейникъ 1378 г.: паремьи (им.) 1 об., велможи величаються 40, напои овци наши 82 об., бѣхъ три недѣли 112, створю пустыни въ блата 122; Лаврентьевскій сп. лѣт.: ископаша печеру и кѣльи и т. п.

Формы им.-вин. мн. на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврент. сп. лѣт.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время

они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, причемъ мѣсто древняго *ъ* въ однихъ изъ нихъ занимаетъ *і* (душ*і*), въ другихъ—*є* (душ*є*) или дифтонги, потомки *ъ*; здѣсь они являются даже въ склоненіи основъ на *ѣ* женск. р. (срв. въ надписи на крестѣ 1161 г.: мощ*ъ*, имен., и т. п.). Говоры великорусскіе и бѣлорусскіе имѣютъ формы на *ъ* въ скудныхъ остаткахъ и обыкновенно употребляютъ новыя формы на *и*.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на *а* на твердыя, мы наблюдаемъ въ формахъ род. ед. и имен.-вин. мн.

Формы род. ед. твердыхъ основъ на *ъ* вмѣсто *ы* мы находимъ въ Минеѣ 1096 г.: съ высот*ъ* 64; въ Поученіяхъ Кирилла Іерусалим. XII в.: отъ въстоку гор*ъ* Елеоньскыя 36; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: до сея сѫбот*ъ* 77 об.; въ Тріоди до 1226 г.: дошьдъше страсти Христов*ъ* 28 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: отъ неправьд*ъ* 24; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: по полу гривн*ъ*, полъ гривне; въ духовной новгородца Климента XIII в.: полъ гривне, у Коз*ъ*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: старост*ъ* не судити; въ такомъ же договорѣ 1371 г.: с ыноѥ сторон*ъ*; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: не поминати грамот*ъ*, до Михаил*ъ*, пѣтъ измѣн*ъ*; въ Измарагдѣ XIV в.: нищет*ъ* ради 55 об.; въ Новгородской лѣт.: ис печер*ъ* 10, бе-знатбе 45, у Нѣжате 62, изъ Русе 103, слушаюче льстьб*ъ* ихъ 105, посадника дѣля Мирошке и Иванка и Ѳом*ъ* 114, Мирошке и Иванка не пусти 115, рѣп*ъ* возъ 162 и др.; въ двинской рядной XV в.: тысячя бѣлк*ъ*, до жен*ъ*; въ сѣверно-великор. грамотѣ XIV—XV в. (Мейчикъ, 117): отъ пунанцове земли, отъ митрофанове земли, отъ матфеиве земли, отъ Цунове горки; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: изъ Москве 407. до Москв*ъ* 408; въ псковскомъ Трефолоѣ 1446 г. Син. Библ.: отъ Козодоеве лавици, запись; въ новгородскомъ Учительномъ Ев. 1471 г. Публ. Библ.: рукою Кюрил*ъ* дьяка, запись; въ псковской Палеѣ 1517 г. Рум. Муз.: изъ Домантове стен*ъ*, запись; въ Октоихѣ 1536 г. Тр. Л.: повелѣніемъ раб*ъ* Божіи Ѳеодор*ъ* инок*ъ*, запись. Нѣкоторые памятники новгородскаго происхожденія имѣютъ, согласно съ особенностью новгородскаго говора, *и* вмѣсто *ъ*: договоръ съ Тверью 1270 г.: у Кюрил*и*; двинскія грамоты XIV—XV в.: с ыв*и* = съ ивы, взыскалъ отцин*и* своеи, отъ олуфѣрьев*и* земли, до несторов*и* ножни; грамота 1667 г.: отъ берези, до берези.

Современный языкъ знаетъ еще формы род. ед. твердыхъ основъ на *ъ* вмѣсто *ы* въ сравнительно-значительномъ числѣ: южно-великорусск. у голодной кум*ъ* все хлѣбъ на умѣ, около вод*ъ*, изъ Москв*ъ*; сѣв.-великор. отъ Амелфы Тимофеевн*ъ*; малорусск. съ правд*ї*, и т. п.

Формы имен.-вин. мн. твердыхъ основъ на *ъ* вмѣсто *ы* изрѣдка встрѣчаются въ тѣхъ же памятникахъ, которые имѣютъ род. ед. на *ъ*, т. е. главнымъ образомъ въ новгородскихъ: договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: андрѣев*ъ* дѣти; договоръ 1372 г.: на порук*ъ*; грамота 1392 г.: смотрѣвъ въ грамот*ъ* въ стар*ъи* въ заморьск*ъи* въ хрестн*ъи*, грамот*ъ* опришьнии; Новгородская лѣт.: шнеке (вин.) привезоша 99.

Въ современномъ языкѣ именныя формы им.-вин. мн. твердыхъ основъ женск. р. на *ъ* встрѣчаются, кажется, только въ бѣлорусскихъ говорахъ, и то рѣдко: дѣвк*ъ* вино выпили, ру́чк*ъ* мые (=моетъ).

Переходъ именъ съ основами на т *и на* о *въ склоненіе основъ на* а. Уменьшительныя на *я*=древнее ѧ, въ родѣ Ваня, Коля, Катя, Васеня, братеня, бат*я*, первоначально были словами средняго рода, имѣли основу на *т* и склонялись какъ тел*ѧ*: род. Ваня*те*, дат. Ваня*ти* и т. д. Подобныя формы по памятникамъ намъ почти неизвѣстны (срв. названіе села Ослебя*те*вьское въ духовной Дмитрія Донскаго), но мы можемъ ихъ возстановить на основаніи старосербскихъ уменьшительныхъ Андре (изъ Андр*ѧ*), Яке (изъ Як*ѧ*), род. Андре*та*, Яке*та* и т. д. (срв. великор. Ваня*тка*), и на основаніи современныхъ великор. гусеня*та*, жиденя*та*, малорусск. оченя*та* и др. То же можно сказать о старо-русск. (XVI—XVII вв.) Иванча и т. п.; срв. ново-болг. Иванчо, гдѣ *о* восходитъ къ ѧ. Эти уменьшительныя, съ тѣхъ поръ какъ ихъ застаетъ исторія, склоняются какъ основы на *а*. Повидимому, подъ ихъ вліяніемъ, другія уменьшительныя также перешли въ склоненіе основъ на *а*.

Уменьшительныя на *ко* первоначально были словами средняго рода (срв. греч. παιδίον, ἀνδρίον, γυναίκιον; у Аристофана: Σωκρατίδιον φίλτατον, γλυκύτατον Μυρρινίδιον—отъ Μυρρίνη; нѣмецк. mädchen, mütterchen, Jülchen) и склонялись такъ же, какъ основы на *о*. Въ сѣверно-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно они обыкновенно сохраняютъ старое склоненіе: смоленская грамота 1284 г.: Дядк*о*, Федорк*о*; духовная Ивана Калиты: Борис*ку* Воркову; духов-

ная в. кн. Ивана Ивановича: Нестерко; Новгородская лѣт.: Иванка не пусти 115, съ Михалкомъ 121, Михалку Степаницю 127 и т. п.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: Василько, Владимирко, Михалко, и. т. п. (часто); Ев. 1389—1425 г., вѣроятно, московское (Публ. Библ.): діаконишко Зиновиішко, зап.; Измарагдъ 1552 г. Рум. Муз.: Андрѣецъ Юрьево сынишко, зап.; но рядомъ съ этими формами мы находимъ уже нѣкоторое количество новыхъ формъ: Минея 1096 г.: помагаи рабу своєму Дъмъкъ, запись (Дъмъка—уменьшительное отъ кого-то имени); новгородская грамота 1189—1199 г. (по копіи XIII в.): с Мирошкою (Мирошко—уменьшительное отъ Мирославъ); духовная Климента XIII в.: у Борки, съ Боркою; Новгородская лѣт.: Мирошка посадникъ 117, послала Мирошку, прия Мирошку 111, Мирошке (род.) не пусти 115 и т. п. Памятники послѣ XIV в. имѣютъ формы и старыя, и новыя вмѣстѣ, и, напримѣръ, въ грамотѣ 1545 г. мы читаемъ: Ивашку да Олешкъ Васильевымъ дѣтемъ; а въ грамотѣ 1556 г.: за Сенкою да за Ивашкомъ, Ак. Арх. Э. I, 192, 270. Современные великорусскіе и бѣлорусскіе говоры сохраняютъ нѣкоторое количество старыхъ формъ: великор. дружко́ (при дру́жка), гнѣдко́, гнѣдка́ и т д., сѣрко́; сѣв.-великор. Иванушко, Сашко́, батюшко, у батюшка, батюшкомъ, мое конишечко дорожное (онежскія былины); арханг. мальчишко, бабёнко, дѣвчонко, книжонко; южно-великор. путивльск. съ Ва́ськом̀ъ, съ дя́диньком̀ъ; но обыкновенно слова въ родѣ Васька, мальчишка, мужичишка склоняются какъ основы на *а*.—Малорусскіе говоры сохраняютъ старое склоненіе почти безъ измѣненія.

Имена на *ло* также утратили свое древнее склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *а*. Это имена 1) исконныя русскія въ родѣ объѣдало, воротило, заправило, Чурило, иногда уменьшительныя по значенію (срв. вѣтрило въ Словѣ о полку игор.=вѣтерокъ, мужило въ великорусскихъ пѣсняхъ=муженекъ), 2) заимствовавшія отъ исконныхъ русскихъ свое окончаніе, перешедшія изъ греческаго языка: Михайло, Данило, Гаврило и т. п. Они первоначально склонялись во всемъ русскомъ языкѣ какъ слова на *о* средняго рода, но въ сѣверно-русскихъ говорахъ рано начали переходить въ склоненіе основъ на *а*, т. е. оканчиваться въ имен. ед. на *а*, въ род. ед. на ы и т. д. Мы читаемъ въ духовной новгородца Климента XIII в.: Самуилъ даите боровъ; въ новгородской грам. 1392 г.: до Михаилъ;

въ Новгородской лѣт.: призваша Судил*у* 43 (рядомъ: даша посадницьство Судил*у*, дат.), съ Нездил*ою* 174, посла Нездил*у* Прокшиниця 218, убиша попа Петрил*у* (Петрил*о*—уменьшительное отъ Петръ) 235, послаша Мануил*у* 163, убиша Рагуил*у* 123, поставиц церковь Гаврил*а* 98, послаша Гаврил*у* 214, убиша Данил*у* 232. Современные великорусскіе говоры обыкновенно склоняютъ слова на *ло* какъ слова женскаго рода.

Кромѣ этихъ словъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что существительныя на *а* и *я* въ родѣ пройд*а*, рев*а*, пустомел*я*, розин*я*, только съ сравнительно-недавняго времени стали склоняться одинаково съ жен*а*, земл*я* и что прежде они были не что иное, какъ причастія наст. вр. Срв. съ пройд*а*—древне-русск. прич. им. ед. муж. р. ид*а*, чешск. jd*a* (отъ *ити*), съ пустомел*я* — ц.-слав. мел*ѧ*, русск. мел*я* (отъ *млѣти*, *молоти*).

Переходъ именъ съ основами на **о** *въ склоненіе членныхъ прилагательныхъ.* Небольшое число словъ на *ай*, вслѣдствіе близости окончанія своего имен. п. ед. ч. къ окончанію того же пад. членныхъ прилагательныхъ (особенно въ а́кающихъ говорахъ), перешло въ склоненіе этихъ послѣднихъ. Великорусскіе говоры имѣютъ: вожат*ый*, *-аго* и т. д.; провожат*ый*, *-аго* и т. д.; позыват*ый*, ношат*ый*; въ письмѣ ц. Алексѣя Михайловича: обережат*ый*; въ бѣлорусскихъ говорахъ есть орат*ы*, *-аго* и т. д. =ратай. Но литературный языкъ еще сохраняетъ нѣсколько словъ съ древнимъ именнымъ склоненіемъ: ходат*ай*, соглядат*ай*, глашат*ай*; великорусскія былины имѣютъ рат*ай*, *-я* и т. д.

Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ. Мѣстоименное склоненіе меньше уклонилось отъ старины, чѣмъ именное.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько случаевъ *вліянія именнаго склоненія на мѣстоименное.* Формы род. (они же и формы вин. п.) ед. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій въ древнее время звучали мен*е*, теб*е*, себ*е*, такъ же, какъ звучатъ они и теперь въ малорусскомъ нарѣчіи. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ эти формы исчезли и замѣнились формами, образовавшимися подъ вліяніемъ именныхъ формъ. Въ однихъ случаяхъ мѣстоименныя формы приняли окончаніе именныхъ формъ муж. р. *а* (то же, что въ хлѣб*а*, копя), въ другихъ—окончаніе *ъ* (теперь *е*, не *ё*), взятое у старыхъ имен. формъ женск. (въ родѣ душ*ъ*). Формы

меня, *тебя*, *себя* не отличаются древностью и восходятъ по памятникамъ только къ XV в.: московская грамота 1436—1445 г. (Лебедевъ, 3): отъ *меня*; московская грамота 1474—1478 г. (Ак. Калачова I, 448): за *меня*; Домострой: *себя* (часто); формы же *мен*ѣ, *тебѣ*, *себѣ* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма: Остромирово Ев.: въ *себѣ* пришьдъ 118, вѣзьмѣте иго мое на *себѣ* 244; Архангельское Ев.: не посѣтихомъ *тебѣ* 75; Минея 1095 г.: ис *тебѣ* 89, 160, 206, 211, 232 и др. (очень часто); Пандекты Антіоха XI вѣка: не вѣмь *тебѣ* 229 об.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: у *себѣ* 101 об., у *тебѣ* 162, за *тебѣ* 178; Кормчая XII в.: въ *себѣ* мѣсто 4, за самого *себѣ* погубльша 12, къ нѣкоему *себѣ* отъдасть 58, отълучить *себѣ* 91; Милятино Ев. 1215 г.: вы есте оправьдающеи *себѣ* 123, любити ближьняго яко *себѣ* 130 об, блюдите сами *себѣ* 132; Житіе Нифонта 1219 г.: видѣ самъ *себѣ* 126, отъ *тебѣ* 131 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: ищуть *тебѣ* 67, възлюбиши яко самъ *себѣ* 83 об., постави у *себѣ* 100 об.; Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. (очень часто). Изъ современныхъ говоровъ во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ изъ южно-великорусскихъ (въ томъ числѣ въ московскомъ) мы находимъ въ постоянномъ употребленіи формы род.-вин. *меня*, *тебя*, *себя*; въ другихъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ обыкновенно слышатся формы на *ѣ*: *меиѣ*, *тебѣ*, *себѣ*; послѣднія впрочемъ изрѣдка являются и на сѣверѣ, причемъ тамъ вмѣсто *ѣ* иногда слышится *и*; въ онежскихъ былинахъ: скидывайте съ себи платьица цвѣтныи.

Затѣмъ, въ области мѣстоименнаго склоненія заслуживаютъ вниманія случаи *смѣшенія* однихъ *мѣстоименныхъ основъ*, *твердыхъ*, съ другими, *мягкими*. Великорусскія формы твор. ед. *чѣмъ*, *кѣмъ* (древн. *чимь*, *кымь*, *кимъ*: Житіе Нифонта 1219 г.: повѣжь с *кымь* бесѣдовавъ 116; Прологъ 1262 г.: с *кымь* бесѣдуеши 87, *никымъ* же видимъ 100; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: вывести послухы передъ *кымь* же купивъше 9) обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ твердыхъ основъ въ родѣ *тѣмъ*; они—слѣдствіе вліянія твердыхъ мѣстоименныхъ основъ на мягкія. Они не отличаются большою древностью, но первая изъ нихъ въ XIV в. въ московскомъ говорѣ уже существовала, — впрочемъ рядомъ со старою формою *чимъ*. Въ духовной Семена Гордаго и первой духовной Дмитрія

Донскаго мы встрѣчаемъ послѣднюю: чимъ; во второй духовной Дмитрія Донскаго находится первая: чѣмъ.—Форма кѣмъ найдена нами въ Лѣствицѣ 1334 г.: ни надъ кѣмь же 8 об. и въ Чудовск. Сборникѣ XIV в. № 20: с кѣмь 113.

Цѣлый рядъ мѣстоименій съ твердою основою: *тъ*, *онъ*, *одинъ*, *самъ*, *инъ*, подобно именамъ, приняли въ имен. и вин. мн. муж. и женск. р. окончаніе *ѣ* (то же, что въ всѣ) вмѣсто *ы* и *и*; такимъ образомъ, вмѣсто древнихъ *ты*, *оны*, *одны*, *самы*, *ины*, *ти*, *они* и т. д., явились новыя формы: *тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, *инѣ*. Эти формы мы находимъ изрѣдка въ памятникахъ XIII в.; онѣ уже нерѣдки въ памятникахъ XIV в.: Кормчая ок. 1282 г.: тѣ (цари) спасаются 610; духовная Семена Гордаго: тѣ люди не надобны; Ев. 1355 г.: ины овца имамъ и тѣ ми подобаѥть привести 154 об.; Прологъ 1356 г.: самѣ ядуще 92 об., бѣша святии тѣ 94, онѣ (бѣсы) хотяху 96, онѣ же рѣша 97 об.; Ев. 1357 г.: онѣ (посланные) възложиша руцѣ 107; Ев. 1358 г.: тѣ утѣшаться, тѣ наслѣдять землю, тѣ насытятся 32 об., 194 и др.; Лаврентьевскій сп. лѣтоп.: кто одолѣѥть мы ли онѣ ли 45, печенѣзи топяху инѣ въ инѣхъ рѣкахъ 147. Хотя въ настоящее время на нѣкоторыя изъ этихъ формъ (онѣ, однѣ) принято смотрѣть какъ на формы исключительно женск. и средн. р., но ни старые памятники, ни современный языкъ не даютъ права на такого рода взглядъ: у Котошихина: однѣ пушкари; въ онежскихъ былинахъ: онѣ (богатыри) крестами помѣнялися, и т. п.; вообще народный языкъ употребляетъ формы съ *ѣ* безразлично для всѣхъ трехъ родовъ. Формы тѣ, онѣ въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусск. *ті*, *вонѣ*, *самі* и т. п.

Нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія окончанія *ѣ* въ имен. и вин. мн.,—въ твор. ед., род., дат., твор. и мѣстн. мн. въ великорусскихъ говорахъ часто имѣютъ въ основѣ *и* на мѣстѣ древняго *ѣ*: великорусск. сам*и*мъ, сам*и*ми, сам*и*хъ, одн*и*мъ, одн*и*ми, одн*и*хъ и т. п. (рядомъ: самѣмъ, однѣмъ); въ бѣлорусскомъ нарѣчіи тотъ же звукъ въ основѣ имѣетъ мѣстоименіе *весь*: вс*и*мъ, вс*и*хъ, вс*и*ми. Это *и* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію мягкихъ мѣстоименныхъ основъ: срв. мо*и*хъ, тво*и*хъ. Трудно сказать, когда появились формы сам*и*мъ, сам*и*хъ (мы находимъ сам*и*мъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 345); формы вс*и*хъ, вс*и*мъ мы видимъ нерѣдко въ зап.-русскихъ

памятникахъ XIV в.: въ грамотѣ Витовта 1383 г.: всѝми пожитки, всѝмъ потомкомъ; въ Амартолѣ XIV в.: всѝхъ людий 64. Замѣчательно, что московскій говоръ прежде нѣсколько приближался къ бѣлорусскому нарѣчію: онъ имѣлъ формы всѝмъ, всѝхъ, всѝми; такъ, въ духовной Ивана Калиты мы читаемъ: со всѝми волостьми, по всѝмъ пискупьямъ; въ Ев. 1393 г.: всѝхъ зелии 42 об., 66 об.; срв. въ Рязанской Кормчей 1284 г.: всѝхъ и т. п., не разъ (и тихъ=тѝхъ 134 и др.). Въ старыхъ новгородскихъ всѝмь (съ всѝмь племенемь духовная Климента XIII в.), всѝхъ (двинская рядная XIV—XV в.) и т. д. и въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ всѝмъ, всѝхъ, всѝми *и* можетъ восходить къ древнему *ъ*.

Наоборотъ, мѣстоименія, сохранившія *и* въ имен. и вин. мн.,— въ твор. ед., род., дат., твор. и мѣстн. множ. иногда имѣютъ въ основѣ *ъ* на мѣстѣ древняго *и*: Пандекты 1296 в.: не сѣхъ токмо малыхъ 120 об.; кіевская Псалтырь 1397 г.: нечестьемъ своемь 98 об.; Мстижское Ев. XIV в.: всѣмъ сердцемь своѥмь 93 об.; псковская Псалтирь XIV в.: устъ моѥхъ; Новгородская лѣт.: стрыемь своемь 296; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: оброки своеми чяды своеми; московскія грамоты XV—XVI вв.: до сѣхъ мѣстъ (часто); современн. великорусск. твор. моемъ (не моёмъ), сѣмъ, род.-мѣстн. моехъ, сѣхъ, дат. моемъ, сѣмъ, твор. моеми, сѣми; такехъ; до кехъ поръ (рядомъ: до кеихъ—). Сходныя формы встрѣчаются въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: ѥмъ=имъ, своѥмъ=своимъ, своѥми=своими, и т. п., но они постоянно пишутся съ *е* (не съ *ъ*), и потому должны по происхожденію отличаться отъ великорусскихъ формъ; повидимому, они получили свое *е* изъ формъ ед. ч. *его*, *ему*, *моего* и т. п.

Нерѣдкія въ великорусскихъ говорахъ и обычныя въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ формы въ родѣ тыхъ, одныхъ, самыхъ не имѣютъ никакого отношенія къ смѣшенію основъ; это—членныя мѣстоименныя формы, одинаковыя по образованію съ формами членныхъ прилагательныхъ: добрыхъ и т. п.; они извѣстны въ памятникахъ съ давняго времени: съ однымь, духовная новгородца Климента XIII в.; тыми, духовная Калиты; ис тыхъ сель, духовная в. кн. Ивана Ивановича.

Наконецъ должно упомянуть о заимствованіи мѣстоименіемъ *что* у мѣстоименій *съ*, *мой* и друг. ихъ окончанія род. ед. и объ-

образованіи новой формы род. *чего* (Златоструй XII в. 4, Прологъ 1262 г. 80 об., Кормчая ок. 1282 г. 531, грамота Кейстута ок. 1341 г. и др.). Эта форма, общая всему русскому языку, уже давно вытѣснила изъ употребленія древнюю форму род. *чьсо*.

Смѣшеніе падежей. Цѣлый рядъ измѣненій въ формальномъ строѣ русскаго языка имѣлъ своею причиною смѣшеніе падежей въ одномъ и томъ же склоненіи, или употребленіе однихъ падежныхъ формъ словъ въ значеніи другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же словъ.

Именительный и звательный. Форму зват. п. издревле имѣли только имена, и то не всѣ и не во всѣхъ числахъ. Она была свойственна только единственному числу существительныхъ муж. и женск. родовъ; множественное и двойственное числа ея не имѣли, т. е. форма им. п. этихъ чиселъ употреблялась, между прочимъ, въ значеніи зват. п. Прилагательныя имѣли форму зват. п. рѣдко обыкновенно вмѣсто нея, въ ея значеніи, употреблялась форма им. п. Сверхъ того, при рядѣ словъ, которыя должны бы были стоять въ формѣ зват. пад., иногда въ этой формѣ стояло только одно первое слово или нѣсколько первыхъ словъ, а остальныя имѣли форму имен. п. Наконецъ, славянскіе языки еще въ доисторическую эпоху утратили форму звательн. п. отъ многихъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ въ началѣ исторической эпохи русскій языкъ несомнѣнно имѣлъ форму зват. п. ед. ч. только отъ основъ на *ъ*, на *о*, на *а* (едва ли всѣхъ: слова въ родѣ суди*и*, пустын*и*, кажется, не имѣли формы зват. п.) и на *ь* муж. и женск. р. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы уже встрѣчаемъ замѣну формы зват. п. основъ на *о* и на *а* формою; имен. п.: Остромирово Ев.: Мар'ѳ*а*, Мар'ѳ*а* печешисѧ 217 об. (срв. въ ц.-слав. Зографскомъ Ев,: горе тебѣ Хоразинъ, горе тебѣ Витъсаід*а* 14, 103); Минея 1095 г.: Захари*я* богодъхновене 45, Захари*я* священиче 47 и т. п.; Минея 1097 г.: Михаиле архистрати*гъ* 322; Путятина Минея XI в.: стрѣлу избьранѫ тя съкрываѭть Иѥреми*я* 2, Пелаги*а* прѣславная попьрала ѥси 13 об.; Софійская Минея XI—XII в. № 199: радуися пресвѣтьла хвал*а* и радости 28; Галицкое Ев. 1144 г.: авва отьц*ь*, вся възможьна тобѣ суть 104. Памятники XIII—XIV вв., сѣверно-русскіе, имѣютъ эту замѣну нерѣдко: Тріодь Саввина до 1226 г.: радуися цесаремъ похвал*а*,

радуися дьржаво вѣры 40 об., радуитеся Мареа и Мария 68 об., отьвьрзи ми зѣници, сынъ Давыдовъ, съпасе нашь 164 об.; Ев. 1270 г.: врачь исцѣлися самъ; Ев. 1357 г.: радуися царь ию(дѣ)искъ 146, 148; Ев. 1358 г.: Лазорь гриди вонъ 156 об., радуися царь июдѣискъ 184 об., 186, 186 об.; Ев. 1393 г.: Закхѣи слѣзи 124, Лазорь гряди 147 об.; Мстижское Ев. XIV в.: отроковица въстани 91; Лаврентьевск. сп. лѣт.: потягнѣте дружина по князѣ 57, переклюкала мя еси Ольга 60, нынѣ господа отци и братья чтите исправливая, запись, и др. Слово *братия* имѣетъ, вмѣсто формы зват., форму имен. особенно часто: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: то мы братия поразумѣимъ 3 об., братия разумѣѥмъ 131; Житіе Ѳеодосія Печерск. XII в.: чада моя и братия 38, обѣщаюся вамъ братия 38 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: шедъше братия убиите и 2 об., братия моя милая отъдаите 3 об., не дѣите мене братия моя 5; Житіе Нифонта 1219 г.: се же мънѣ отьци и братия повѣдающи 44, не мозѣмъ братия прельститися 71; Апостолъ 1220 г.: тѣмъ братия дължьници ѥсмъ 40, молю васъ братия 89, препираюся братия моя о васъ 72 об., молю вы братия 74 об., 76 об. и т. п.; запись при Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: вы господо и братья... чьтѣте; но Мстиславова грамота 1130 г.: и вы братиѣ (ѣ=е). Срв. въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: идѣмъ братия моя, братия не възбоимъсѧ и т. п. Трудно сомнѣваться, что въ великорусскихъ говорахъ въ XIV в. уже преобладала, въ значеніи зват. п.,—форма имен.; но, несомнѣнно, древнія формы зват. отъ нѣкоторыхъ словъ были еще въ полномъ употребленіи. Таковы формы *господине, княже, сыну*: былъ господине рядъ, двинская рядная; господине игуменъ, господине Григории, запись Ев. XIV в. (Срезневскій, Св. и зам. XX); они нерѣдко встрѣчаются и послѣ XIV в.: Домострой: не подиви господине 49; грамоты XVI—XVII вв.

Современные великорусскіе говоры утратили почти совсѣмъ формы зват. п. (кромѣ Боже, Господи и пѣсенныхъ: ой же ты, ратаю-ратаюшко; ой же ты, Иванушко Дубровичу) и на мѣстѣ ихъ обыкновенно употребляютъ формы имен. п. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры сохраняютъ и въ настоящее время въ обиліи формы зват. основъ на ъ, о, а, въ родѣ сынку, коню, пане, рыбко.

Рядомъ съ замѣною формы зват. п. формою имен. п., мы встрѣчаемъ и обратное явленіе—замѣну формы имен. п. муж. р. фор-

мою зват. п., наблюдаемое нами главнымъ образомъ въ древнихъ новгородскихъ памятникахъ. Первоначально, конечно, форма зват. п. употреблялась вмѣсто формы имен. п. только тогда, когда въ ней должно было стоять или собственное имя, или по крайней мѣрѣ слово, означающее одушевленный предметъ; но впослѣдствіи въ новгородскомъ говорѣ форма зват. п. въ значеніи имен. стала образовываться и отъ словъ, означающихъ предметы не одушевленные, и даже отъ мѣстоименій, прилагательныхъ и причастій (съ сохраненіемъ *к* передъ *е*). Мы читаемъ въ новгородскихъ памятникахъ: во вкладной Варлаама Хутынскаго конца XII в.: въдале Варламе; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в.: блазнъ не хотию написане, нъ дияволею пакостию, запись; въ Кормчей ок. 1282 г.: Юрьѥ Володимѣричь, Юрьѥ сѣдѳ 574 об.; въ Ев. 1355 г.: гнашѳ и Симоне и ижѳ бяху с нимь 112; въ Новгородской лѣт.: заложи церковь Сьмьюне Дыбачевиць 96, сърубиша церковь Кьснятине съ братомь 99, останъке разидеся, новгородьци останъке живыхъ послаша Гюргя 162, Иванке Тимошкиниць 220, придоша... Петре Водовиковиць 229; въ новгородской грам. 1392 г.: посаднике и весь господинъ великыи Новъгородъ, тъ товаръ, что в Ругодивѣ порубилѣ, и противъ того товара..., дворъ ихъ погорѣле; въ приписке XIV в. въ Софійск. Каноникѣ № 397: переплѣтале книги си Ѥремии дьякъ и поволочилъ; въ двинской рядной XIV—XV в.: Завке ста на судѣ, Савке рчѳ, Смене Ночине имале по рукописанью и взяле у насъ...; въ двинскихъ купчихъ XV в.: купи Игнате, да Игнате, Грихне Даниловъ, Иване Федоровичь, Онтапе Кузмине, Климята Васильеве, Зѣновеи Иванове. Памятники не новгородскаго происхожденія XII—XIV вв. знаютъ употребленіе формы зват. п. муж. р. вмѣсто имен. п. почти исключительно въ собственныхъ именахъ, и то очень рѣдко: Златоструй XII в.: Игнатиѥ повелѣваѥть 51, святыи Николаѥ явися 67 об., сътвори святыи Николаѥ 68, можеть Николаѥ, Николаѥ пращаѥть 73 об. и др.; договоръ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1371 г.: князь Юрье Володимеровичь. Въ памятникахъ самаго конца XIV в. и слѣдующихъ вѣковъ форма зват. на *е* вмѣсто формы имен. отъ собственныхъ именъ на *ій* встрѣчается въ огромномъ количествѣ: новгородскій Тактиконъ 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала: рѳче Богослове Григорие 28 об., святыи Дионусье, великыи Василье 2 об.,

и т. п.; новгородскій Апостолъ 1495 г.: Корпиліе сотникъ 40, Корниліе бѣ чая, срѣте его Корниліе 42 и т. п.; московскіе литературные памятники XV—XVII в. (особенно житія святыхъ: Игнатіе, Василіе); московскія грамоты XVI—XVII вв. (Юрье). Но эти формы (кромѣ Юрье) не могутъ быть признаваемы за русскія: они перешли къ намъ изъ средне-болгарскаго языка вмѣстѣ съ поздними болгарскими текстами.

Кромѣ имен. п., форма зват. п. въ новгородскихъ памятникахъ встрѣчается изрѣдка также въ значеніи вин. ед.: грамота 1392 г.: аже гдѣ изнаидуть или тать или товаре=товаръ.

Современный русскій языкъ знаетъ употребленіе зват. вм. имен. только въ пѣсняхъ (рѣдко): онежск. Петре, Садке, воронке; бѣлорусск. улане, паничу; малорусск. козаче и т. п.; можетъ быть, къ этимъ формамъ слѣдуетъ отнести также малорусск. галицк. уменьшительныя Васё и т. п. (срв. великор. Вася).

Именительный и винительный. Какъ извѣстно, искони слова средняго рода имѣли одну и ту же форму какъ для имен., такъ и для вин. п. всѣхъ чиселъ; слова муж. и женск. р. знали одну форму имен.-вин. п. для двойств. ч. Сверхъ того, въ славянскихъ языкахъ еще въ доисторическую пору ихъ существованія произошло, вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій, отожествленіе формъ имен. и вин. ед. основъ на ъ, о, ь (сынъ, вълкъ, гостъ, костъ) и имен.-вин. мн. основъ на *а* и ь женск. р. (жены, кости), а также началось употребленіе, въ основахъ на *ѣ* и на согласные муж. и женск. р.,—формъ вин. п. ед. вмѣсто имен.: вин. крѣвь вмѣсто имен. кры (эта форма имен. п. ед. дошла до насъ только въ старословинскихъ и старо-польскихъ памятникахъ), вин. любѣвь рядомъ съ имен. любы, вин. камень рядомъ съ имен. камы и т. п. Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ въ первое время его исторіи всѣ формы имен. дв. были вмѣстѣ съ тѣмъ формами вин. дв., большая часть формъ имен. ед. была тожественна съ формами вин. ед. и значительная часть формъ имен. мн. совпадала по звукамъ съ формами вин. мн. Въ XIII—XIV вв. нѣкоторыя формы имен. ед., несходныя съ вин. ед., въ родѣ камы, повидимому, уже почти прекратили свое существованіе; по крайней мѣрѣ памятники не даютъ намъ основанія думать, чтобы въ XIII—XIV вв. они были распространены въ живомъ говорѣ. Въ то же время формы имен. п. ми.

муж. р. стали уже смѣшиваться съ формами вин. мн., т. е. употребляться одни вмѣсто другихъ.

Нѣкоторое количество случаевъ употребленія формъ вин. мн. муж. р. въ значеніи имен. находится въ памятникахъ самой ранней эпохи: Святосл. Сборникъ. 1073 г.: три друзи (не трие) 188; Архангельское Ев.: старьци людьскыи 98 об.; Юрьевское Ев.: дьни ти 67 об., 141, 167; Кормчая XII в.: страньскыи попове 85 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: пущени быхомъ три братия; Паремейникъ XII в. Тиш. Б. № 157: отимуться грѣхы 51; но эти случаи могутъ быть относимы на счетъ не русскаго, а церковно-славянскаго языка: срв. въ ц.-слав. Синайской Псалтыри им. мн. дьни 203, 220; въ Болонской Псалтыри: пѫти мои 370; въ Ассемановомъ Ев.: браки быша 9. Несомнѣнные примѣры смѣшенія им. и вин. мн. муж. р. встрѣчаются въ памятникахъ только съ XIII в., сѣверно-русскаго происхожденія.

Мы находимъ формы вин. вмѣсто формъ имен. (а вмѣстѣ и зват.) въ Житіи Нифонта 1219 г.: неизслѣдованыя неизмѣрныя чины расставлени быша 113; въ Тріоди до 1266 г.: лики ангельскыя веселяхуся 171: въ Прологѣ 1262 г.: друзии живы измани быша 60, въ немь же честьныя гвозды въложены суть 53 об., будуть устроєни люди 75 об., звери снедають 108; въ Паремейникѣ 1271 г.: быша мі осьли и рабы 14, врази июдовы погыбнуть 83, изидуть въпуци аспидовы 92 об., вратници адовы 192, прави пути твои 214 об., будете ми люди 225 об.; въ Кормчей ок. 1282 г.: избрашася три браты 573 об., люди събираються 582, поють четвьрообразнии животы 594; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: люді вылѣзуть 13; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: инако съгрѣшающе в заточенье посылаемы суть 254, дарове овы суть... овы же суть отемлемы 290, рабы ражаються 313, фарисѣи сказаеми отълучены 360; вь Псалтыри 1296 г.: люди поучишася 3 об., вси пути господни 46; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка и вси талщикы (им. ед. тальщикъ), кто мои недругы; въ Ев. 1317 г.: гроби полны суть 50 об.; въ Ев. 1339 г.: моисѣєвы єсмы ученици 23 об., очищаєте... внутрь же полны грабленья, гроби полъны суть костии 160 об., будуть остріи пути 203; въ духовной Семена Гордаго: мои тивуни и посельскиь и ключники; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: отци мои ду-

шевныѣ; въ Ев. 1355 г.: вы отци игумены и попове, запись, люди сѣдящеи во тьмѣ 168; въ Ев. 1357 г.: своѣ не прияша 1, что стоите праздьны 43 об., прекратятся дни ты 62 об.; въ Ев. 1358 г.: хромии ходять, прокажепыя очищаються 40 об., многи пророци въстануть 160; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: стояху кумиры, придоша рязаньскыѣ князи, и др.; въ Паремейникѣ 1378 г.: пути безумныхъ правы 52, премудры созъдаша храмы, а безумны раскопаша 55 об., собрашася князи и упаты... вси князи странны 101; въ Ев. 1393 г.: вы печалны будете 27, что страшливы ѥсте 33, прокаженыя оцищаються 37 об., плевелы суть сынове непріязьнены 44 об., одержимы бяхуть 96 об.; въ двинской рядной XIV—XV в.: виноваты ль ѥсте, ѥсмя невиноваты, посадники спросиша; въ Новгородской лѣт. XIV в.: измьроша коня вся 76, съдумавъше новгородьце показаша путь 115, одени въ брънє и коне ихъ, инии корабле стояху 137, ядяху люди листъ 162, върхы огорѣша 206, меды изварены 232, сташа обоі послы 300.

Наоборотъ, мы читаемъ формы имен. вм. формъ вин. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: съзъвавъ князи и люди 144 об., идѣмъ въ ближьняя вьси и гради 147; въ Житіи Нифонта 1219 г.: князи имамъ 68 об.; въ Прологѣ 1262 г.: праздьнолюбьци (вин.) приведоша ми 14, держаще ножи и мечи 35 об., положиша вси хлеби 120 об.; въ Ев. 1270 г.: учаше народи 37; въ Паремейникѣ 1271 г.: грѣхы свои повѣдаша 44 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: на чужии домы 201, ѥфиопьскыѥ образи черни въ багряни прѣложивъ 362, три ѥпископы старци привлекъ 388 об.; въ Псалтыри 1296 г.: въ боголюбивыя мужи, запись, подвигни черноризци и черноризицѣ 74 об.; въ духовной Семена Гордаго: приказываю свои бояре; въ Ев. 1355 г.: расыпа пѣнязи 4 об., прѣбысть яко три мѣсяци 155 об.; въ Ев. 1357 г.: будеть раздѣленъ... три на два а два на три ѥ 81 об., съзвавъ старѣишины и князи 113, пребысть яко три мѣсяци 173; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: пустити воробьи, нача вои совкупляти, по друзи послашася, и др.; въ Новгородской лѣт.: изищю муж(ѣ) новгородьстии 164, поимавъ стареишиѥ мужи новгородьстии 168, дары принесе кони и вельблуды 193, по Ярослава послове (вин.) послаша 286, придохомъ на конюси свое.

Въ XVI в. старыя формы им. мн., теперь не существующія, повидимому, еще употреблялись въ живомъ говорѣ: Скорина: сапози

имеите на ногахъ, Исходъ, 23; Судебникъ 1550 г.: пошлется на послуси; московскія грамоты этого времени имѣютъ формы послуси, недрузи, намѣстнигы, татарове сравнительно часто. Въ московскихъ грамотахъ XVII в. еще встрѣчается форма послуси, въ формулѣ: «а на то послуси», но значеніе ея едва ли всегда было извѣстно писцамъ; по крайней мѣрѣ послѣ этой формулы иногда называется лишь одно лицо-свидѣтель.

Въ современномъ языкѣ мы почти совсѣмъ не находимъ древнихъ формъ им. мн. существительныхъ муж. р. съ основами на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ и на ь; они исчезли, и вмѣсто нихъ теперь во всемъ русскомъ языкѣ употребляются древнія формы винит. п.: волки, труды, пути, съ значеніемъ и имен., и винит. п. Равнымъ образомъ нѣкоторыя мѣстоименія имѣютъ, въ значеніи имен.-вин. мн. муж. р., — древнія формы вин. мн.: великор. всѣ, тѣ, онѣ, однѣ, малор. всі (*і* изъ *ѣ*), великор. и бѣлор. моѣ, твоѣ, своѣ. Сверхъ того, малорусское нарѣчіе утратило древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ и замѣняетъ ихъ древними формами вин. п.: коні (*і* изъ *ѣ*), съ значеніемъ и имен., и вин. п. Наоборотъ, въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ вытѣснили древнія формы вин. мн.; эти формы и формы имен. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій теперь имѣютъ также значеніе вин. мн.: лучи, мои, твои, свои; кромѣ того, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи форма имен. мн. вси есть также и форма вин. мн. Исключенія представляются съ одной стороны древними формами им. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій и нечленныхъ прилагательныхъ: они, сами, одни, ради (отъ радъ), пьяни (В. Майковъ, Соч. 346), сыти, богати, виноваті, изъ которыхъ *одни* употребляется въ значеніи какъ имен., такъ и вин., съ другой—древними формами вин. мн. именъ съ основою на *о*. женцѣ, дожжѣ, пнѣ, изрѣдка встрѣчающимися въ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи имен. мн.

Членныя прилагательныя и мѣстоименія въ настоящее время имѣютъ для имен. и вин. мн. муж. р. однѣ и тѣ же формы. Это или древнія формы имен. мн.: синіи, или древнія формы вин. мн.: добрыѣ, или новыя смѣшанныя формы, составленныя какъ изъ имен. имени и винит. члена: синіѣ, такъ и изъ вин. имени и имен. члена: добрыи. Смѣшанныя формы, свойственныя всѣмъ русскимъ гово-

рамъ, извѣстны по памятникамъ со второй половины XIII в.: Рязанская Кормчая 1284 г.: инiѥ деньѥ (имен.) 85; Пандекты 1296 г.: мирьскiи суще 42, мирьскiи ѥсмы вси 45; Житiе Саввы Освящ. XIII в.: скитьскiи отци уставиша 35; Ев. 1354 г.: приведоша ему бѣсныи и разслабленыя 32, въ мѣхы новыи 36, 65 об., рассадить вино мѣхы ветхыи 65, 87; Лаврентьевскiй сп. лѣт.: послаша лѣпшiи мужи, мертвыи срама не имамъ, сквозѣ половѣчьскыи вои, и т. п. (часто); Новгородская лѣт.: чернiи люди погнаша 267, приѣхаша послы татарскыи 271, посадивше мужи нарочитыи (вин.) 305. Наше правописанiе употребляетъ изъ указанныхъ формъ только формы на *ъ*, съ передачею послѣдняго черезъ *е*: *ые*, *iе*; но въ живомъ великорусскомъ говорѣ формы на *и*, т. е. съ окончанiемъ *ыи*, *iи*, пользуются несравненно большимъ распространенiемъ, чѣмъ формы на *ъ*.

Здѣсь можно упомянуть объ употребленiи формы род.-вин. *когожьдо* (отъ къжьдо) въ значенiи имен. п., изрѣдка встрѣчающемся въ древнихъ памятникахъ. Мы читаемъ въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: *когожьдо* васъ не отрѣпить ли волу своего 60 об.; въ галицко-волынск. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 7: начаша глаголати ему *когождо* ихъ 184 об.; въ Ев. 1354 г.: *когождо* ихъ что мало возметь 19, разидуться *когождо* въ своя сы 29, *когожьдо* васъ не отрѣшит ли вола 112; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: идоша *когождо* въ домы своя, обѣдаша *когождо* с бояры своими, разидодошася *когождо* во своя си, и т. п. (срв. въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ XIV в.: признавъ единого *кождо* должникъ 36; см. выше, стр. 126). Современный языкъ уже не имѣетъ формы *когождо* ни въ какомъ значенiи.

Къ смѣшенiю имен. и вин. п. не слѣдуетъ относить употребленiя формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ наклоненiи, очень частаго въ новгородскихъ, смоленскихъ и московскихъ памятникахъ до конца XVII в.: Милятино Ев. 1215 г.: достоить ли мужю жена пустити 124; смоленскiй договоръ 1229 г.: аже будѣте убитъ одна гривна серьбра заплатити, такова правда узяти; договоръ Новгорода съ Тверью 1270 г.: та грамота дати назадъ; договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1300 г.: дати ему долгая; духовная новгородца Климента XIII в.: взяти Климятѳ гривна кунъ; Домострой XVI в.: сама бы знала како мука сѣяти, како квашня притворити, у крильца солома переняти грязная, а инaя класти, како кормити семъя, како

поучяти мужу своя жена, како домъ устроити и всякая домашняя порядня; Уложеніе ц. Алексѣя Мих. 1649 г.: учинити вѣра, та чужая земля отдати; современныя московск. туда рука подать, шутка сказать; сѣв.-великор. надо душа спасти, надо корова купить и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ употребленіемъ имен. п. (=подлежащаго) при неопредѣленномъ наклоненіи (=дополненіи), извѣстнымъ, кромѣ русскаго, также въ другихъ языкахъ, между прочимъ въ санскритскомъ и литовскомъ. Немногочисленные примѣры формъ имен. ед. женск. р. вмѣсто формъ вин., въ родѣ находящихся въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 года: есмь увѣдалъ любовь ваша правая съ сыномь моимь; въ Новгородской лѣт.: даи Богъ исправити правда новгородьская 218, даи Богъ молитва ѥго святая всѣмъ крестьяномъ 225; въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: взялъ собѣ Степанъ полянка, Ак. Юр. 271; въ Домостроѣ: соимя рубашка, и даже въ современныхъ русскихъ говорахъ,—обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію оборота имен. п. съ неопредѣл. наклоненіемъ.

Къ числу остатковъ древнихъ формъ имен. мн., указанныхъ выше, нельзя, кажется, прибавить формъ сосѣди (или сусѣди; въ сб. Ундольскаго XIV — XV в. № 558: на сусѣди своя 9 об.) и черти. Послѣднія, вѣроятно принадлежатъ именамъ съ основою на ь, которыхъ формы ед. ч. до насъ не дошли; срв. соврем. бѣлор. че́рти (при черты́); старс-чешск. črtě příspěchu (Святовитск. сборникъ 146), соврем. чешск. sousedé, съ č, é изъ ѥ; польск. діалектич. ćerći, и т. п. То же можно сказать о формѣ холопи, обычной въ московскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. (род. холопей и т. д.). Срв. литературн. форму род. мн. тетеревей (въ грамотѣ 1551 г. Ак. Арх. Э. I, 223) и областн. (вологодск.) форму им. ед. тетеревь, род.—я, и т. д., при польск. cietrzew'; срв. также существующія въ великорусскомъ нарѣчіи рядомъ имена комарь и комаръ.

Родительный и винительный. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ довольно-частое употребленіе такъ называемаго родительнаго раздѣлительнаго (genitivus partitivus), т. е. употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ формъ род. п. вмѣсто формъ вин.: греческ. гомер. πίνειν οἴνοιο, нѣмецк. des kalbes essen, франц. donner du vin, современ. русск. дать хлѣба, принести воды и т. п. Но славянскіе языки (помимо того, что имѣютъ нѣкоторое число глаголовъ, прежде сочинявшихся, а отчасти и теперь еще сочиняющих-

ся и съ род., и съ вин. п.: *видѣти, глядѣти, слышати, любити, мьстити* и др.) знаютъ издревле употребленіе родительнаго падежа единств. числа вмѣсто винительнаго и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ понятія о раздѣленіи: 1) при глаголахъ съ отрицаніемъ, 2) при глаголахъ безъ отрицанія, отъ именъ какъ означающихъ одушевленный предметъ (чаще), такъ и означающихъ предметъ неодушевленный (изрѣдка). Древне-русскій языкъ не представляетъ исключенія изъ славянской семьи. Остромирово Ев., между прочимъ, имѣетъ: чьт*а* отьц*а* моег*о*, живот*а* вѣчьн*аго* имате; Слово о полку игор.: поостри сердц*а* своег*о*; новгородская грамота 1189—1199 г. (по списку XIII в.): потвердихомъ мир*а* старог*о*; Поученія Кирилла Іерусалим. XII в.: съзьда Иерусалим*а* 122 об.; Златоструй XII в.: въсташа языкъ на язык*а* 6; Тріодь Саввина до 1226 г.: Христа за мир*а* молите 182 об.; Прологъ 1262 г.: старецъ труп*а* бьяше 93; Рязанская Кормчая 1284 г.: въсхытиста святительск*аго* сан*а*; Пандекты 1296 г.: тамо дар*а* *того* да приимуть 137; Академическій сп. лѣт. XV в.: зряще на кресть*а* честн*аго* (Лѣтопись по Лаврентьевск. сп. 471), и т. п. Въ древне-русскомъ языкѣ мы находимъ, сверхъ того, формы род. дв. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ (почти постоянно), мѣстоименій *и* (часто) и *самъ* и числительнаго *оба* вмѣсто формъ винит.: Путятина Минея XI в.: *ваю* хвалимъ 12; Толстовскій сборникъ XIII в.: Господь крьсти *обою* (апостоловъ) 35; Ев., 1354 г.: Іанъ посла *наю* к тобѣ 90, кто въпрашаеть *ваю* 112, 138, срящеть *ваю* человѣкъ 138 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: възвысила есть *ваю* любы 135, *наю* пустяши, *ваю* пущу 173, мысля на *наю* 177, прия *ею* (двухъ княжичей) в любовь 368, побѣди *ею* Юрги 413 и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: можете ли ся за *наю* бити 268; Григорій Богословъ XIV в.: нищь и богатъ стрѣтостася, *обою* же Господь створи 107; Слово о полку игор.: *самою* (соколовъ) опуташа.

Само собою разумѣется, рядомъ съ род. ед. часто встрѣчается и вин., особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ, при глаголахъ безъ отрицанія: Остромирово Ев.: прослави сын*ъ* твои, вѣруѥши ли въ сын*ъ* божи*и*; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: отдасть за конь или за волъ 14, аже кто переиметь чюжь холопъ 24; духовная новгородца Климента XIII в.: даю сиви*и* жеребець, даите боровъ лутьши*и*; грамота рижанъ ок. 1300 г.: далъ еси приставъ своего человѣка; Новгородская лѣт.: послаша къ Гюргеви по сынъ 55, прия

Гюрги сыновьць въ миръ 56, по Фому посла по новоторожьскыи посадникъ 160, убиша Овъстрата и сынъ его Луготу и въвьргоша и въ грѣблю мьртвъ 161, убиша Ивана братъ матѣѥвъ 180, подъ святыи Николу 213; нѣмцинъ убиша Данилу 232 и т. п.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: поиди на братъ свои 73, (Ярославъ) князя ихъ уби Моиславъ 151, прияша князь свои кыяне 169, надѣюся на Богъ 256 и др.; Ипатскій сп. лѣт.: быти всимъ за одинъ братъ 257, а ты пристави свои мужь 262, берендичи убиша володимирь мужь, убиша же и ти лѣпшии берендичь 366 и др.; духовная Дмитрія Донскаго: жывите за одинъ; галицкая грамота 1393 г.: дали шисть кобылъ а жеребець; сѣверно-русская грамота 1410—1417 г.: намѣстници мои пристава дадутъ, да и (его) судятъ, Ак. Арх. Э. I, 14.

Съ теченіемъ времени употребленіе формъ род. п. вмѣсто формъ вин. распространилось и 1) на множественное число, и 2) на мѣстоименія женскаго рода ед. ч.

Старшіе случаи употребленія формъ род. мн. при глаголахъ безъ отрицанія относятся только къ XIV в.: грамота Ивана Калиты (въ копіи): пожаловалъ есмь соколниковъ печерскихъ, Ак. Арх. Э. I, 1; Ев. 1383 г.: остави мертвыхъ погребьсти своя мертвеца 19 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: нападе на всѣхъ ихъ (іудеевъ) 72; Сильвестровскій Сборникъ XIV в.: трохъ скрушеныхъ (боговъ) въвергохъ въ воду 165 об.; Амартолъ XIV в.: прося помощи на персянъ 26 об., съсуды, ихъже принесе отець 121 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: страньствующихъ убиваху 14, прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть 58, созва боляръ и кыянъ 250, и др. Но формы вин. мн. еще свободно употребляются какъ въ XIV—XV вв., такъ даже въ XVI—XVII вв.: приказываю свои бояре, духовная Семена Гордаго; приказываю дѣти свои своей княгинѣ (рядомъ: благословляю дѣтии своихъ), духовная Дмитрія Донскаго; судитъ игуменъ свои люди самъ, московская грамота 1455—1472 г. Ак. Калачова I, 103; на ѳомкины старожилци шлеш ли ся, шлетесь ли на священники и на старосты, московская грамота 1542 г. Ак. Ѳед.-Чех. I, 87, 90; зап.-русск. Ев. Тяпинскаго XVI в.: передъ старшие и короли ведени будете, любите вороги ваши, возрите на птахи небесные, принесли к нему всі форые (=хворые), солнце розсвечаеть на лихие и добрие и дожчіть на справедливые, и др.

Случаи употребленія формъ род. ед. мѣстоименій женск. рода при

глаголахъ безъ отрицанія въ древнихъ памятникахъ сравнительно рѣдки; можно указать: умысли съзьдати цьркъвь и съзьдавъ ѥѣ, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.; наказавъ ѥя, бивъ *ея* (жену), Сборникъ XIV в. Рум. Муз. № 1548, л. 80; елини имяхутъ *ея* (ехидну) аки богыню, Сборникъ 1490 г. Уваров. № 613, л. 11; но въ сѣверно-русскихъ грамотахъ и московскихъ законодательныхъ памятникахъ XVI—XVII вв. формы *ее*, *тое*, *сее*, *всее* съ значеніемъ вин. п. уже господствуютъ (формы *ю* въ нихъ уже не встрѣчается).

Въ настоящее время формы род. п. употребляются вмѣсто формъ вин. въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) постоянно отъ всѣхъ словъ при глаголахъ съ отрицаніемъ; 2) постоянно отъ словъ муж. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ замѣняющихъ ихъ мѣстоименій; 3) во множ. ч. отъ словъ женск. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ мѣстоименій; 4) въ ед. ч. отъ нѣкоторыхъ мѣстоименій женск. р. (великор. *её* или *ее*=*еѣ*, *тое*, *самое*, *одное*, *всее*) и отъ словъ *мать* и *дочь* (южно-великор. ма́тере, до́чере); 5) отъ мѣстоименія *и* въ средн. р. (*его*, *ихъ*). Срв. въ Ев. 1357 г.: что отрѣшаѥта жрѣбя? она же рекоста яко Господь ѥго требуѥть 88; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: вамъ бѣ лѣпо глаголати слово Божье, но вы отрѣваете *его* 68; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже имате овца ѥдино... не изметь ли ѥго 38 об. Старыя формы вин. п. и ед., и мн. отъ словъ, означающихъ одушевленные предметы, встрѣчаются въ русскихъ говорахъ нашего времени болѣе или менѣе рѣдко: великор. отдать за мужъ, въ работник*и*, въ чужіе люд*и* и т. п.; но старыя формы вин. дв. часто сохраняются: куплю дв*а* кон*я*, об*ѣ* коровы. Формы род. ед. отъ словъ, означающихъ неодушевленные предметы, изрѣдка могутъ занимать мѣсто вин. п.: великор. дамъ тумак*а*, бѣлорусск. мае рубл*я*, вынесъ гэт*ого* стол*а*, стявъ (=срубилъ) дуб*а* и т. п.

Обратное явленіе представляетъ употребленіе формы род. ед. *чьсо* въ значеніи вин. и даже имен. пад., начавшееся благодаря сходству по окончанію этой въ своемъ родѣ единственной формы род. съ формами им.-вин. средн. р.: Архангельское Ев.: слава моя ни*чьсо* же ѥсть 4 об.; Юрьевское Ев.: имате ли *чьсо* съпѣдьно 26, нѣсть ни*чьсо* же таино 76, ни*чьсо* же достоино съмьрти обрѣтохъ 155; Добрилово Ев. 1164 г.: иже аще кльнѣться церковью ни*чсо* же ѥсть 78 об.; Ев. 1270 г.: ни въсхытить ихъ ни*чьсо* же 21; Га-

лицкое Ев. 1283 г.: *чсо* глаголеши 15 об.; Пандекты 1296 г.: крада *чсо* ємy вьıадяше 79 об. и т. п.; Бучацкое Ев. XIII в.: ни мало *чсо* можете 47 об. (рядомъ: не имущимъ лиха *что* сотворити 45); Палея 1406 г.: ни въ *чсо* же мнять 9 (рядомъ: *что* ради=чего ради, Прологъ 1262 г., Пандекты 1296 г. и др.). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе ассимиляціи согласныхъ, форма *чсо* перешла въ *що* съ значеніемъ исключительно им.-вин. (см. выше, стр. 108).

Родительный и дательный-мѣстный. Смѣшеніе род. п. съ дат.-мѣстн. наблюдается только въ единств. ч. въ словахъ женскаго рода. Какъ мы уже указали, древне-русскій языкъ, особенно новгородскій говоръ, зналъ употребленіе формъ род. пад. женск. р. на *ѣ* отъ основъ на *а* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ, т. е. онъ употреблялъ, напримѣръ, гривнѣ вмѣсто гривны. При такомъ окончаніи форма род. п. ед. ч. была по звукамъ тожественна съ формами дат. и мѣстн. Вслѣдствіе совпаденія формъ род. съ формами дат. и мѣстн. п. образовалось въ великорусскихъ говорахъ (преимущественно въ тѣхъ, которые ведутъ свое начало отъ стараго новгородскаго) употребленіе формъ дат. и мѣстн. п. женскаго рода вмѣсто род. съ одной стороны и формъ род. въ значеніи дат. и мѣстн. съ другой.

Старшіе памятники, исключительно новгородскаго происхожденія, имѣютъ главнымъ образомъ формы дат.-мѣстн. ед. на мѣстѣ формъ родит.: Стихирарь 1157 г.: въ ручѣ своєго сына и владыцѣ 183 Патерикъ Синайскій XII в.: близь вьси нарицаємѣи 64 об.; Паремейникъ 1271 г.: извести и-земли єгупѣтстѣи 210 об.; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: отъ владыцѣ; Прологъ 1356 г.: ис темници телесьнѣи 54 об.; Новгородская лѣт.: у Вьлѣнѣ у рѣцѣ, боле кръви не цролья крьстьяньстѣи 86, у святѣи Богородици 103, безъ владыцѣ 216, у святѣи Маринѣ; Ипатскій сп. лѣт.: отъ святѣи Софьѣ 332.

Формы род. въ значеніи дат.-мѣстн. появляются съ XIV в. въ памятникахъ также новгородскаго происхожденія: въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV в.: на онои страны; въ Прологѣ 1400 г.: ко святыма Козмы и Дамьяну, запись; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: поклонилъся еси нашему старѣйшины 138; въ грамотѣ 1459—1470 г.: господину владыкы Іоны, Ак. Арх. Э. I, 46; въ Ев. 1471 г. Публ. Библ.: при архимандрѣтѣ Кузьмы, запись; во вкладной 1513 г. (Софійск. Прологъ № 1374): святому чудотворцу Николы; во 2-й

Новгородской лѣтописи по сп. XVII в.: о опришнины, въ деревни Княжщины, на Вѣшеры рѣки, въ земшины (Новгородскія лѣтописи, 98, 99, 105, 106); въ Словѣ о полку игор.: тяжко ти головы кромѣ плечю; въ пѣсняхъ, записанныхъ на русскомъ сѣверѣ (вѣроятно, въ Холмогорахъ) для Ричарда Джемса въ XVII в.: охте мнѣ, молоды, горѣвати. Сверхъ того, мы читаемъ въ псковской грамотѣ 1483 г. (по сп. XVI в.): дали Климяты соцкому, по псковской пошлины, Ак. Юр. № 2. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слышится нерѣдко: въ моей дружины, ко дружины, къ Нѣпры рѣкѣ, по избы, по правды, по истины; точно также слышится въ южно-великорусскомъ путивльскомъ говорѣ: къ жены, на травы, къ удовы, и кое-гдѣ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Смѣшеніе род. съ дат.-мѣстн. мы наблюдаемъ не только въ области существительныхъ женск. р., но и въ области прилагательныхъ членныхъ: новгородская грамота 1189—1199 г. по сп. XIII в.: оже съгренеть (сброситъ) чюжее женѣ повои с головы, оже тяжа родить в-ыное земли в городѣхъ; духовная Семена Гордаго: въ Юрье(в)ское волости; Ипатскій сп. лѣт.: по милое своеи дчери, угодна быть рѣчь его всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ, идяше на шюсть сторонѣ; новгородская грамота XVII в.: къ Пробоиные улицы (Ак. Калачова, II, 392).

Дательный и творительный. Отожествленіе окончаній дат. и твор. мн. ч., послѣ того какъ форма твор. мн. на *ми* потеряла свое конечное *и* (см. выше, стр. 97), имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе формъ твор. мн. на *ми* въ значеніи дат. п. Случаи его, встрѣчающіеся въ древнихъ памятникахъ, внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и похожи на ошибки или описки: новгородск. Служебникъ XIV в. Рум. М. № 399: даруи Боже молящимися съ нами спѣніе жития 16, сътвори нами знаменіе 30 (рядомъ: со всѣми боящимися тебе и хранящимъ заповѣди твоя 33 об.); новгородск. Служебникъ 1400 г.: даруи Боже и молящимися съ нами спѣяніе житья 32; новгородск. Ев. XIV—XV в. Воскресенск. монаст. № 2: по двѣма или по тремя мѣрамъ; новгородск. Ипатскій сп. лѣт.: како будеть обѣими нами годно... годно ли ти миръ... 256. Нѣкоторые современные сѣв.-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *и* и *ы*, употребляютъ формы дат. и тв. мн. смѣшанно, одни вмѣсто другихъ: съ дровамъ, съ вамъ и къ нами, по полями.

Творительный и мѣстный. Звуковая близость окончаній твор. и мѣстн. ед. муж.-ср. р. мѣстоименій и членныхъ прилагательныхъ повела между прочимъ, къ тому, что формы твор. стали употребляться въ значеніи мѣстн.: Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: о вседьневнымь крещеніи; новгородск. Ев. 1355 г. 163 и Ев. до 1362 г. Тип. Библ. 146 об: о глаголѣ глаголаньмъ; новгородск. Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: въ отьцьствии своимъ 65 об.; западно-русск. Мстижское Ев. XIV в.: по въстаньи моимь; южно-русск. грамота 1386 г.: у (=въ) правдѣ и у хрестнымъ целованьи, Arch Sang. I, 3; Лѣствица 1499 г. М. Арх. М. ин. д.: при свѣщенным митрополитѣ, запись; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: въ новымъ завѣтѣ, у символе апостольскимъ, о словѣ своимъ, о симъ блудѣ, ни о чимъ, въ нимъ и др. Всѣ современные русскіе говоры имѣютъ формы твор. вмѣсто формъ мѣстн. болѣе или менѣе часто: владим. во вторымъ часу, при всѣмъ мірѣ; казанск. на большимъ трактѣ; моск. въ этимъ; нѣкоторые (какъ литературный языкъ)—только при отсутствіи ударенія на окончаніи.

Малорусскіе говоры знаютъ также смѣшеніе *дат. и мѣстн.* ед. муж.-ср. р. мѣстоименій и членныхъ прилагательныхъ, развившееся, вѣроятно, подъ вліяніемъ тожества окончаній въ формахъ тѣхъ же падежей единств. ч. женск. р.: украинск. въ вишнёвому садочку и т п.

Смѣшеніе чиселъ. Это смѣшеніе всего болѣе касается формъ двойств. числа съ одной стороны и единств. и множ. съ другой.

Въ древнѣйшую пору жизни славянскихъ языковъ двойственное число имѣло полное количество формъ и употреблялось въ нихъ такъ же, какъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ, именно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда было числительное *два* или *оба*, 2) когда поименовывались или перечислялись два лица или предмета, 3) когда говорилось о предметахъ парныхъ—глазахъ, ногахъ, рукахъ, родителяхъ и т. п. Употребленіе формъ дв. ч. въ указанныхъ случаяхъ мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно: при *два* или *оба*: Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: за мѣхъ *двѣ* ногатѣ 59; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *два* братеника утекла, уби *два* сына его, съ *двѣма* сыномa, розоидошася *обѣ* свободѣ, и т. п.; при перечисленіи двухъ лицъ или предметовъ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: съ сынма своима Юргемъ и Володимеромъ, видѣ стоящa мученику Бориса и Глѣба, къ тѣмa мученикома Борису и

Глѣбу, и т. п.; при упоминаніи парныхъ предметовъ: Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: въ томь бѣста родителя святаго 2; Житіе Нифонта 1219 г.: изуваше сапога своя 29; Лаврентьевскій сп. лѣт.: подъ пазусь 76, лось рогома боль (бодаль); Іовъ толковый 1394 г.: препоясая ихъ ужемь по бокома 17 об., и т. п. Въ немногихъ случаяхъ слова, означающія парные предметы, издревле употреблялись въ двойств. числѣ и тогда, когда мы ожидали бы формъ множ. числа; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. мы читаемъ: Богъ далъ есть въ руцѣ наши. Сверхъ того, одинъ древній памятникъ—Новгородская лѣт. по сп. XIV в.—имѣетъ древнія формы дв. ч. вмѣсто ед.; онъ, поименовывая два лица, употребляетъ дв. ч. не только для относящагося къ нимъ сказуемаго или опредѣленія, но и для нихъ самихъ, обоихъ, или одного: перенесена бысга Бориса и Глѣба (вмѣсто Борисъ и Глѣбъ) 8, на канонъ святою Петру и Павлу (вмѣсто Петра и Павла) 74, на святую царю Костянтину и Елены (вм. Костянтина) 118, попъ святую Костянтину и Елены 204. Нѣчто подобное мы читаемъ въ одной изъ приписокъ къ псковскому Ирмолою 1344 г.: о господина Козма и Дамияна; въ двухъ мѣстахъ Лаврентьевскаго сп. лѣт.: по дву десяту и шестью 27, на память святого апостола Петру и Павла 461; въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV в.: церковь страдалець Христовъ Самону, Гурия и Авива 67 об.; въ Словѣ похвальн. свв. Борису и Глѣбу XII в. (по сп. XV в.): сия... мученика Бориса и Глѣба обрѣтошася («Памятники Общ. древн. письм.» № 98, стр. 20); въ Житіи царевича Петра Ордынскаго XIV в. (по позднему списку): Петра и Павла Христова апостола посласта мя къ тобѣ (Макарій, Ист. р. церкви, IV, 344). Срв. въ санскритѣ mātarā pitarā, двѣ формы дв. ч., =мать и отецъ.

Но съ теченіемъ времени рядомъ съ формами дв. ч. мы начинаемъ встрѣчать формы множ. ч. Житіе Нифонта 1219 г.: помози рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшема книги сия, запись; духовная в. кн. Ивана Ивановича: из дву жеребьевъ; Ев. 1354 г.: нечистыма рукама рекше неумвеными 76 об.; вкладная Даніила Холмскаго 1576 г.: з обема береги; Лаврентьевскій сп. лѣт.: разоидошася обѣ свободѣ бесерменьскиѣ, имѣита послушаные къ старѣишимъ ваю, иже зас на добро учать, и т. п.; духовная Дмитрія Донскаго: два ковша золоты, изъ двою моихъ жеребьевъ, мои два жеребья: Служеб-

никъ преп. Сергія: предъидущимъ двѣма свѣщникомъ 21 об., святыма своима и пречистыми и непорочными руками 34 об.; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: двѣма стомъ 13 об., двѣма сты 50 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: быста други 40 (о двухъ лицахъ); Прологъ 1432 г. Публ. Библ.: съ двѣма отроковицами 148 об., святыхъ мученику Борису и Глѣба, запись; двинская грамота XIV в.: обима истчи; грамота Свидригайла 1438 г.: двема копьи. Формы имен. п. дв. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ церковно-славянскихъ, очень часто замѣняются формами множ. ч.: Остромирово Ев.: рече женама: не боите вы са; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: вы небесьная чловѣка єста, вы князя княземъ 7 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: вы глаголета 25, коєго духа єста вы 10; Житіе Саввы Освященнаго XIII в.: оба вы 92 об.; Паремейникъ 1271 г.: вы самѣ вѣста 145 об. (срв. въ Прологѣ 1262 г.: ангелъ не обрящеть ва 15, азъ отлучаю ва 18 об.); южно-русская грамота 1386 г.: мы два исъ братомъ моимъ, Arch. Sang. I, 7. Числительныя два (двѣ), оба (обѣ) и связанныя съ ними существительныя-опредѣляемыя въ формахъ имен. или вин. дв. иногда являются въ сопровожденіи опредѣленій прилагательныхъ или мѣстоименій въ формахъ множ. ч. не имен. или вин. падежей, а родительн.; такъ, въ западно-русской припискѣ къ Луцкому Ев., XV в., мы читаемъ: застали єсмо 2 гривеньце золотыхъ; въ грамотѣ Свидригайла 1422 г.: по два гроши польскихъ; въ западно-русскомъ Лѣтописцѣ Переяславскомъ нач. XVI в.: по двѣ кунѣ чрънихъ 12; въ Библіи Скорины: вделаемъ два кружки златыхъ; въ Ев. Тяпинскаго: стрели (встрѣтили) его два бешаныхъ, шли за нимъ два слепыхъ'; въ 2-й Новогородской лѣт. XVII в.: горіло два двора пустыхъ 117. Срв. современн. два богатыхъ человѣка, двѣ злыхъ собаки (хотя рядомъ: два богатые человѣка, и т. д.). Числительныя *три* и *четыре*, въ разныхъ отношеніяхъ подчинившіяся числительному *два*, здѣсь также слѣдуютъ за нимъ: новгородская грамота 1545 г.: 4 дворы поповыхъ; грамота 1641 г.: четыре башни рубленыхъ; Ак. Арх. Э. I, 187, III, 44; современн. три, четыре богатыхъ человѣка, и т. п.

Въ то же время числительное *двѣнадцать*, прежде прилагательное, измѣнявшееся по родамъ и согласовавшееся съ именами и мѣстоименіями въ родѣ и падежѣ двойств. числа: дъва на десять ученика,

двою на десять ученику, *двѣма* на десять ученикома и т. д.,— превратилось въ существительное (какъ *пять*, *десять*, *двадцать*) и стало сочиняться съ именемъ въ род. п. мн., вмѣстѣ съ тѣмъ утративъ способность измѣняться по родамъ: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: имѣяше сыновъ 12, л. 1; Милятино Ев. 1215 г.: съзвавъ дъва на десяти ученикъ своихъ 97 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: бѣ с нимь 12 бѣсовъ инѣхъ 122 об.; Тріодь 1311 г.: въздрадуються ученикъ два на десять 42; срв. въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: призъва *оба* на десяте ученикъ своихъ 110.

Мало-по-малу старыя формы дв. ч., кромѣ формъ имен.-вин. и нѣсколькихъ другихъ, исчезли и ихъ мѣсто заняли или соотвѣтствующія имъ старыя формы множ. ч., или вновь образовавшаяся, новая форма, также множ. ч. Такъ, формы дву—*двою* (род.-мѣстн.), *двѣма*, очью, *очима* и т. п. были вытѣснены вновь образовавшимися по образцу формъ множ. ч. формами дву-*хъ* (форма дв. ч. *ду* съ окончаніемъ *хъ*, тѣмъ же, что въ *ихъ*, *моихъ*), дву-*мъ*, дву-*мя* или дву-*ми*, очей, очамъ, очами, очахъ (срв. костей и т. д.).

Формы имен.-вин. дв. муж. р. на *а* въ великорусскихъ говорахъ остались древнія (но: два рубли); то же можно сказать о формахъ им.-вин. дв. именъ женск. р. съ мягк. основ. (двѣ души, земли); остальныя формы имен.-вин. женск. р. и почти всѣ формы средн. р. образовались вновь. И тѣ и другія стали употребляться не только при числительномъ *два*, но и при *три* и *четыре*: Ипатск. сп. лѣт.: изъбрашася трие брата 11 и т. п. (но духовная Ив. Калиты: далъ кесмь 3 поясы золоты).

Формы имен.-вин. дв. муж. р. на *а* и женск. р. на *и* вполнѣ совпадали какъ по звукамъ, такъ по ударенію съ формами род. ед. Это послужило причиною образованія формъ имен.-вин. дв. женск. и средн. р. по образцу формъ род. ед. тѣхъ же родовъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, вмѣсто древней формы дв. жепъ явилась тожественная съ формою род. ед. новая форма жены. Подобнаго рода формы мы знаемъ по памятникамъ съ XIV в.: духовная Ивана Калиты: двѣ чары, двѣ чашки, двѣ круглы гривенки; Ев. 1355 г.: вземъ 2 рыбы 52 об.; Ев. 1357 г.: приимъ двѣ рыбы 45, двѣ цаты 104; Паремейникъ XIV в. Троицк. Л.: поятъ 2 жены 22; Ипатскій сп. лѣт.: двѣ жены 450.—Формы дв. ч. средн. р. въ имен.-вин. п. отожествились съ формами муж. р., т. е. получили окончаніе *а* (вмѣсто *ъ*):

Паремейникъ 1271 г.: лѣтъ 9 сътъ и дв*а*надьсять 62 об., лѣтъ 9 сътъ и дв*а* 63; Пандекты 1296 г.: двѣ послушания 37; духовная новгородца Климента XIII в.: даю дв*а* сел*а*; духовная Ив. Калиты: далъ блюдо серебрьно а дв*а* мал*ая*; Прологъ 1356 г.: обрѣтохъ 2 слов*а* 32; Ев. до 1362 г.: аще кто поиметь тя поприще единo или с нимъ дв*а* 26 об.; Тактиконъ 1397 г.: чтень*я* двѣ 12, дв*а* варенья 14 об.; Ев. 1399 г.: дв*а* ок*а* имущю 98; Новгородская лѣт.: дв*а* лѣт*а* 334. Впрочемъ, въ XIV в. еще сохранялись въ великорусскихъ говорахъ и старыя формы дв. ч. женск. и средн. рода; такъ, въ приписке въ Стихирарѣ 1380 г. мы читаемъ: придоша двѣ телѣз*ѣ*; въ духовной Ив. Калиты: 2 сел*ѣ* коломенскии, 2 блюдц*и*; а форма дв*ѣ* ст*ѣ* существуетъ даже и теперь.

Форма женск.-ср. р. дв*ѣ*надцать въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ вытѣснила древнюю форму муж. р. дв*а*надцать; наоборотъ, въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ форма дв*а*надцать стала употребляться вмѣсто дв*ѣ*надцать (Ев. 1317 г., вѣроятно, западно-русское: дв*а*надесяте кошниць 62).

Формы им.-вин. дв. муж. р. на *а* въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ въ настоящее время почти исчезли: два столы; срв. въ галицкой грамотѣ 1393 г.: два хрест*ы* серебная; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: да ему... ина два город*ы* 257; Страсти Госп. XV в.: дв*а* светк*и* (свидѣтеля) 8; у Скорины: два кружк*и* златыхъ, и т. п.; формы им.-вин. дв. женск. р. на *ѣ* въ остаткахъ еще сохраняются: бѣлор. двѣ ноз*ѣ*, тры кош*ѣ*, малорусск. дві нозі, три годині. То же въ южно-великор. путивльскомъ: два двор*ы*, двѣ, три, четыре сос*ѣ* (отъ соха).

Памятники XIV—XVII вв. имѣютъ рядъ новыхъ формъ числительныхъ съ окончаніями род.-мѣстн. и дат.-твор. дв. ч., но со значеніемъ множ. ч. Въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. мы читаемъ: тр*ею* ангелъ 152 об. (вмѣсто трей); въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: тр*ею* (род.) 94; въ западно-русск. грамотѣ 1475 г.: тр*ьма* сты копами грошей, Arch. Sang. I, 72; въ московской грамотѣ ок. 1575 г.: чотыр*ма* человѣкомъ, Ак. Арх. Э. 1, 351; въ сѣверновеликор. грамотѣ 1551 г.: къ пят*ма* варницамъ, Ак. Юр. 191; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: чотыр'*ма* тисѣчамъ, пять*ма* тисячамъ, десять*ма* девъкамъ, десеть*ма* тисѣчъ*ма* талантовъ (твор.), дванадъцать*ма* ученикомъ, з дванадцать*ма* учепиками; въ Познанскомъ сбор-

никѣ XVI в.: тымъ шест*ма* головы постиналъ, з двадцат*ма* тисе-чем*а* людей, господаръ трыдъцатьм*а* и двумъ городамъ и др.

Современные сѣверно-великорусскіе говоры, потомки стараго новгородскаго говора, сохраняютъ употребленіе старыхъ формъ твор. п. дв. ч. съ значеніемъ множ. ч.: рѣпотками желѣзным*а*, песками рудожолтым*а* и т. п. (очень рѣдкое въ старыхъ памятникахъ; однако въ грамотѣ 1578 г.: съ Васильевым*а* дѣтми, Ак. Юр. 130; въ грамотѣ 1635 г.: тѣм*а* животы, Ак. Калач. I, 728; срв. въ Новгородской лѣт. XIV в. форму дат. мн. по всѣмъ церквам*а*. Бѣлорусскіе и и малорусскіе говоры также имѣютъ нѣкоторое количество формъ твор. п. на *ма* какъ старыхъ, съ значеніемъ дв. ч.: очим*а*, плечим*а*, такъ и новыхъ, съ значеніемъ мн. ч.: бѣлор. слезым*а*, малор. двери*ма*.

Смѣшеніе родовъ проникло главнымъ образомъ въ область прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій. Оно состояло въ томъ, что формы имен.-вин. мн. муж. р. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были тожественны по звукамъ съ формами женск. и средн. р., замѣнили собою эти послѣднія и такимъ образомъ стали употребляться при существительныхъ всѣхъ трехъ родовъ. Мы находимъ формы муж. р. вмѣсто формъ женск. р. въ Житіи Нифонта 1219 г.: въспущая хвалы всякоя чистоты исполнен*і* 122: въ Рязанской Кормчей 1284 г.: книгы тро*і* 50. дьяконисы истязан*і* будуть 59, сущ*ии* въ нѣхъ дьяконисы причтен*и* будуть 56, (жены) да быша любимы был*и* 175; въ духовной новгородца Климента XIII в.: на сво*и* руки; въ Ев. 1339 г.: аще быша силы был*и* 99; въ дух. в. кн. Ивана Ивановича: дѣти (женск. р.) мо*и*; въ Ев. 1354 г.: аще быша был*и* силы бывшая в тобѣ 41, бу*і* (дѣвы) рѣша 82 об., вѣтви омладѣл*и* будуть 130, блаженн*и* неплодови 142 об., жены бяше пришл*и* 143 об.; въ Ев. 1355 г.: аще быша был*и* силы моя 34, жены ужасн*и* быша 149; въ Ев. 1358 г.: обители суть мноз*и* 28 об., жены *иже* бяху ицѣлен*і* 93, двери затворен*и* суть 99; въ Паремейникѣ 1371 г.: списан*и* быша сия книги, запись; въ Паремейникѣ 1378 г.: списаны быша книгы сі*и*, запись; въ Ев. 1393 г.: жены бяху пріпл*і* 140, и т. п.

Формы муж. р. вмѣсто формъ средн. р. читаются нами въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: т*ѣ* села, что ми ся достал*и* мѣста рязаньская; въ духовной Дмитріи Донского: моя села кушленая или

княжи, тѣ села, съ тѣми селы которыѣ тягли къ Костромѣ; въ Ев. 1358 г.: дѣла эли суть 8, помышленья зли исходять 78 об.; въ Апостолѣ 1391 г.: во врата желѣзныя въводящия въ градъ 23 об.; въ Тактиконѣ 1397 г.: сказания собрани 13; въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ: сердца непорочны, уста полны 106 об., знаменья яже даны ему 154 об. и др.; въ Служебникѣ преп. Сергія: открываѣть покрывала всѣ 86; въ Псалтыри XIV в. Рум. Муз. № 327: уста полны горести; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: знаменья... не суть писаны; въ Ев. XIV—XV в. Спб. Дух. Ак. № 7: евангеліа воскресныи заутрении 142; въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV в.: чюда тѣ 160 об. Впрочемъ въ памятникахъ не только XIV в., но и XV в.,—мы еще часто встрѣчаемъ употребленіе старыхъ формъ имен.-вин. мн. средн. р. прилагательныхъ и мѣстоименій; такъ, въ духовной кн. Ивана Ивановича мы находимъ: тѣхъ селъ которая будуть..., иная мѣста рязаньская отъмѣньная; въ духовной Дмитрія Донскаго: по та же мѣста, которая будуть села, моя села купленая; въ грамотѣ Свидригайла 1438 г.: вся тая мѣста; въ грамотѣ Казимира 1452 г.: та имѣнья верху писаная, тая имѣнья, Arch. Sang., I; въ сѣверно-русской грамотѣ 1517 г.: по которая мѣста, Ак. Калачова II, 490.

Въ настоящее время прилагательныя, причастія и мѣстоименія въ имен. и вин. мн. имѣютъ одни и тѣ же окончанія для всѣхъ трехъ родовъ; изъ нихъ прилагательныя, причастія и мѣстоименія членныя имѣютъ четыре окончанія: старое окончаніе имен. муж. р. *іи*, старое окончаніе вин. муж. р. *ыѣ* и два окончанія смѣшанныхъ *іѣ* и *ыи;* такимъ образомъ мы говоримъ теперь совершенно одинаково: люди, вещи, села хорошіе, хорошіи. Ученіе нашихъ учебныхъ грамматикъ о томъ, что формы на *ые*, *іе* (=др.-русск. *ыѣ*, *іѣ*)—формы муж. р., а формы на *ыя*, *ія* (заимствованныя изъ церковнославянскаго языка; въ нихъ *я*=ц.-слав. ѧ)—формы женск. и средн. р., не имѣетъ подъ собою никакого основанія.

Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на *лъ*), которыя употребляются теперь исключительно какъ сказуемыя, сохранили, для подлежащихъ всѣхъ родовъ, только одну старую форму—форму муж. р., такъ что мы говоримъ теперь шли, ѣхали, дали при подлежащихъ всѣхъ трехъ родовъ.

Окончаніе формъ им.-вин. мн. существительныхъ муж. и женск.

р. рано проникло въ формы тѣхъ же падежей существительныхъ средн. р. Мы находимъ въ Пчелѣ нач. XV в. Публ. Библ. форму имен. мн. числа 1 об.; читаемъ въ Словѣ о полку игоревѣ: взмути рѣки и озеры, уныша забралы. Современные южно-великорусскіе и бѣлорусскіе (а отчасти и сѣверно-великорусскіе) говоры сохраняютъ древнюю форму им.-вин. мн. средн. р. только при ударенiи на окончанiи: дѣлá и т. п., и то не всегда: озеркú, ушкú; рядомъ: вéслы, óкны, окóшки, яйцы, яйчки и т. п.

Потеря рода. Вслѣдствіе ряда измѣненій, русскій языкъ уже давно утратилъ признаки рода для значительной части формъ мн. ч. Формы множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій теперь одни и тѣ же для всѣхъ трехъ родовъ: добрые, мои, добрыхъ и т. д. То же можно сказать о формахъ множ. ч. нѣкоторыхъ существительныхъ: гости, кости, гостей и т. д. Изъ формъ того же числа прочихъ существительныхъ только форма род. п. сохраняетъ два разныхъ окончанiя: одно для именъ муж. р., другое для именъ женск. и средн. р. Но и эта форма уже теряетъ свое значенiе признака рода, такъ какъ окончанiе *овъ* начало переходить въ форму средн. р. (см. выше, стр. 174), и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ: мѣстóвъ, дѣлóвъ и т. п., какъ нѣчто обычное. Сверхъ того, нельзя забывать о существованiи древнихъ формъ род. мн. муж. р. безъ окончанiя *овъ*: глазъ, рогъ, сапогъ и др. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что всѣ современныя существительныя, утратившiя формы ед. ч. и употребляющiяся только въ формахъ множ. ч. (pluralia tantum) потеряли родъ. Относительно однихъ изъ нихъ мы не можемъ сказать даже того, какого они рода были въ древности, такъ какъ они неизвѣстны въ древнихъ памятникахъ: *нападки, молóки, кудри, слюни, щи*; относительно другихъ эти памятники даютъ неожиданныя данныя. Мы привыкли смотрѣть на слово *куры* какъ на слово женск. р.; между тѣмъ въ московскихъ памятникахъ XV—XVII вв. находятся рядомъ двѣ формы род. п. куръ и куровъ (въ Домостроѣ: Богъ пошлетъ у куровъ яицъ), изъ которыхъ вторая дѣлаетъ несомнѣнною принадлежность этого слова къ числу словъ муж. р. (срв. имен. ед.: *куръ*, пѣтухъ). Точно также слова *хоромы, оковы, чары, святки, взятки* принимаются обыкновенно за слова женск. р.; но мы знаемъ слѣдующiя формы: дат. п. хоромомъ въ Новгородской лѣт. XIV в. и въ Лаврентьевск. сп. лѣт., род. п. хоромовъ въ Ака-

демическомъ и Радзивиловскомъ спискахъ лѣт. XV в. (подъ 1016 г.); послѣдняя встрѣчается въ московскихъ текстахъ XVII в. (срв. имен. ед. *хоромъ*=ц.-слав. *храмъ*, въ Русск. Правдѣ по сп. ок. 1282 г.); мѣстн. п. въ оковѣхъ въ Псалтыри 1296 г.; род. п. чаровъ въ Лѣствицѣ XIII в. Рум. Муз. № 199, л. 13 об., а твор. п. чарми въ Чудовск. Сборн. XV в. № 255, л. 269 об.; род. ед. въ навечерии того святка въ отрывкѣ Стихираря XII в. въ Рум. Муз. № 1729 (=праздника) и вин. ед. останися на святокъ Лаврентьевск. сп. лѣт.; род. п. взятковъ у писателей XVIII в. (срв. имен. ед. *взятокъ* добыча пчелы). Наоборотъ, слово *помоги*, относимое нами къ числу словъ муж. р., въ Златоструѣ XII в. является съ окончаніемъ женск. р.: имен. помыѣ.

Можно отмѣтить, что южно-великорусскіе сильно-а́кающіе говоры въ настоящее время теряютъ средній родъ, оставаясь такимъ образомъ только при двухъ родахъ. Всѣ тѣ существительныя средн. р., которыя имѣютъ ударе́ніе не на окончаніи, т. е. оканчиваются на неударяемое *а*,—переходятъ въ число словъ женск. р.: мо́я де́рево и т. п. Впрочемъ еще въ началѣ XVII в. Ксенія Годунова писала: у насъ моров*ая* повѣтре*я*.

Вліяніе однихъ падежей на другіе. Явленія, имѣющія своею причиною вліяніе однихъ падежей на другіе въ одномъ и томъ же склоненіи, весьма немногочисленны. Къ числу ихъ принадлежатъ новыя формы косвенныхъ падежей множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ формъ имен. и мѣстн. мн., которыя теперь уже не существуютъ и о которыхъ мы знаемъ изъ памятниковъ XIV—XVII вв. Въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: гре*ц*омъ 121 об., дат. мн. отъ грекъ (срв. имен. мн. гре*ци*, мѣстн. гре*цѣх*ъ); въ Ипатскомъ сп. лѣт.: грѣ*ц*емь 275, ятвяземь 502, 509, 540, дат., отъ ятвязь 503, 549, ото всихъ ятвязь 580, ходи на ятвязѣ 196; въ московскихъ текстахъ XV—XVII вв.: отъ фрязь, поля*ц*ь; во 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: со всѣми священни*ц*ы 93, священі*ц*ѣмъ 99, дат., даже: послѣ вели*ц*а дни 65. Послѣднія формы и сходныя съ ними, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ московскихъ грамотеевъ XVI—XVII вв., кажутся намъ искусственными и книжными, никогда не бывшими въ живомъ употребленіи. Къ числу новыхъ явленій принадлежатъ также и слѣдующія образованія.

Дательный и мѣстный пад. на **кѣ** *и т. п.* Слова, имѣющія передъ гласнымъ основы (передъ *о* или *а*) гортанный согласный, въ нѣкоторыхъ падежахъ: въ мѣстн. ед. и мн. муж. и средн. р., въ дат. и мѣстн. ед. женск. р. (а также въ им.-вин. дв. женск. и средн. р.), еще въ обще-славянскій періодъ измѣнили этотъ гортанный въ соотвѣтствующій свистящій или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зубной: вълиѣ, вълиѣхъ, ржиѣ, женьстѣ. Но всѣ прочія падежныя формы подобныхъ словъ сохранили свой гортанный, и ихъ вліяніе на падежныя формы съ свистящимъ или зубнымъ повело къ тому, что въ этихъ послѣднихъ гортанный появился вновь, заступивъ мѣсто свистящаго или зубного. Такимъ образомъ вліяніе формъ вълкъ и т. д. вызвало замѣну формъ вълиѣ, вълцѣхъ формами вълкѣ, вълкѣхъ. Формы дат. и мѣстн. п. съ гортаннымъ встрѣчаются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Святославовъ Сборникъ 1073 г. имѣетъ: въ чловѣчьскѣи души 132, золобѣ женьскѣ 174 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: въ добротѣ женьскѣи 175, зълобѣ женьскѣ 180 об.; Минея 1096 г.: рабу своемy Дѣмькѣ, запись; Слова Григорія Богослова XI в.: воскѣ 188 об.; Златоструй XII в.: по царьскѣи заповѣди; Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: дъскѣ 176 об.; Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: въ чрньчьскѣмь житии 16 об., въ селѣ манастырьскѣ 25 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: въ княжении пиньскѣ 1, Смолиньскѣ 7, въ русьскѣи сторонѣ 7 об.,—земли 9 об., въ русьскѣ земли 8; Выголѳксинскій сборникъ XII—XIII в.: о прельсти хрьстиньскѣи, о Студиискѣмь манастыри; договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: у Смольнѣскь (къ=кѣ); Кормчая ок. 1282 г.: въ Изборьске 573 об.; духовная новгородца Климента: на Борьже, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу сѣверно-русскіе, имѣютъ гортанные вмѣсто свистящихъ и зубного уже нерѣдко (между прочимъ, Тактикопъ 1397 г.: о праздникѣх 24; Новгородская лѣт.: въ плътьникихъ 117). Мало-по-малу формы съ гортанными настолько распространились, что въ той или другой мѣрѣ вытѣснили древнія формы. Послѣднія в прочемъ существовали довольно долго и совсѣмъ исчезли въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ части говоровъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ и ближайшихъ) только въ XVII в. (духовная в. кн. Ивана Ивановича: въ Боровьсцѣ; моложская грамота 1536 г.: въ лузѣхъ, Ак.. Ѳед.-Чех. I, 54; московск.

грамота 1539 г.: на дорозѣ, Ак. Арх. Э. I, 164; Домострой: въ пирозѣхъ; Уложеніе ц. Алексѣя Мих. 1649 г.: во дьяцѣхъ, въ послусѣхъ и т. п.). Изъ нихъ формы ед. ч. еще сохраняются и въ сильно-а́кающихъ южно-великорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: въ руцѣ—въ руці, при дорозѣ — при дорозі, на версѣ и т. п. (рядомъ: на рѣчкѣ, на річкі).

Дательный-мѣстный и творительный пад. ед. ч. на **оей** *и. т. п.* Формы род. п. ед. женск. р. членныхъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій нѣкогда оканчивались у насъ на *оѣ*, *еѣ*: доброѣ, синеѣ, тоѣ. Когда въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ въ нѣкоторой части этихъ формъ исчезъ конечный *ѣ* и такимъ образомъ получились формы добр*ой*, син*ей*, т*ой*,—эти послѣднія оказали вліяніе на формы, сохранившія свой *ѣ*, и передали имъ свой конечный *j*, такъ что образовались новыя формы род. ед. добр*оей*, синеей, т*оей*. Звуковая близость окончаній *оей*, *еей* съ окончаніями дат.-мѣстн. *ой*, *ей* и твор. ед. *ою*, *ею* повела къ тому, что формы въ родѣ добр*оей* получили значеніе не только род., но также и дат.-мѣстн.-твор. ед. женск. р. Далѣе, въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы род.-дат.-мѣстн.-твор. женск. р. въ родѣ добр*оей* оказали вліяніе на формы мѣстн. ед. муж.-средн. р., которое имѣло своимъ результатомъ образованіе формъ мѣстн. ед. муж.-средн. р. на *оемъ*, *еемъ*, въ родѣ добр*оемъ*.

Формы на *оей*, *оемъ* и т. п. мало извѣстны по памятникамъ. Мы можемъ указать только на новгородскій Тактиконъ 1397 г.: въ всяк*оемъ* безъпристрастии 23; на полоцкую грамоту 1405 г.: (въ) всяк*оимъ* дѣлѣ; на Литовскую лѣтопись: на княжении на литовск*оимъ*, и на верхотурскій документъ 1663 г.: съ т*оей* деревни.

Современные великорусскіе говоры (кромѣ сильно-а́кающихъ) знаютъ въ обычномъ употребленіи только формы мѣстоименія *та*: московск. въ т*оёй*, съ т*оёй*, въ т*оёмъ*; формы прилагательныхъ весьма часто употребляются въ пѣсняхъ (особенно въ былинахъ): по той дорогѣ прямоѣжжеей, во славн*оемъ* городѣ во Кіевѣ и т. п.: въ современныхъ великорусскихъ сильно-а́кающихъ и бѣлорусскихъ говорахъ формы женск. р. въ родѣ т*эй*, родн*эй* (со стяженіемъ *ое* въ *э*) имѣютъ болѣе или менѣе значительное распространеніе (ем. стр. 101). Сверхъ того, нѣкоторые бѣлорусскіе говоры знаютъ мѣстоименныя формы женск. р. т*оей* и т*оёй*, одн*оей* и одн*оёй* съ

значеніемъ род.-дат.-мѣстн. п., и формы *тоею* и т. п. съ значеніемъ твор. п.

Сходныя малорусскія формы: род. ед. женск. р. *тоєї*, твор. *тоєю* и т. п. (имен. ед. муж. р. *той*), извѣстныя по памятникамъ съ XVI в., кажется, имѣютъ съ великорусскими и бѣлорусскими формами только случайное сходство и образовались подъ вліяніемъ формъ въ родѣ *моєї*, *моєю* (имен. ед. муж. р. **мōй*). Употребляющіяся рядомъ съ ними формы род. *тієї*, *тоєї*, твор. *тією*, *тиєю* заимствовали свои *і* и *и*, по всей вѣроятности, изъ формъ дат.-мѣстн. тій, твор. тимъ и друг.

Именительный единств. ч. на **ы**. Эту форму имѣли немногія слова женск. р., въ родѣ *церкы*, *свекры*, и она стояла особнякомъ среди формъ имен. ед. женск. р. Отсюда измѣненія этой формы въ разныхъ направленіяхъ. Древніе памятники имѣютъ (рядомъ съ этою формою) еще другую, образовавшуюся изъ нея подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей: церк*ви* (въ Рязанской Кормчей 1284 г., во многихъ спискахъ Ев. XIV в., въ Лаврентьевск. сп. лѣт., въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. и др.), смок*ви* (въ Ев. 1393 г.). Форма на *ви*, теперь уже не существующая, рано получила болѣе обычное для имен. ед. женск. р. окончаніе *а*: смокв*а*, тыкв*а*, буквa, церквa, свекровa, малор. брова́, что повело къ утратѣ этими словами ихъ древнихъ формъ (по склоненію основъ на *ъв*) и къ замѣнѣ ихъ новыми по образцу формъ основъ на *а*: род. смокв*ы*, вин. смокв*у* и т. д. (церкв*ы*, им. мн., въ Рязанск. Кормчей 1284 г. 224 об.; вин.-мн. въ Пандектахъ 1296 г. 68). Сверхъ того, нѣсколько формъ им. ед. на *ы* довольно рано приняли на мѣсто *ы* окончаніе *а*: редьк*а*, азбук*а* (срв. въ Степенной книгѣ по печатн. изд.: начало рускія азбук*вы*, азбук*овъ* своихъ I, 50, 51). Одна изъ формъ им. ед. на *ы*—свекр*ы*—сохраняется еще въ южно-великорусскихъ говорахъ, съ значеніемъ всѣхъ падежей единств. ч.: у свекр*ы*, къ свекр*ы* и т. д. (срв. выше, стр. 193).

Для исторіи формъ на *ы* слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленіе формы на *ы* съ значеніемъ им. мн.: исякнуть люб*ы* многихъ, Ев. 1358 г., 160 об.; еда обьемлють отъ триула смок*ы*, Ев. 1357 г. 161 об. (здѣсь еще: рцы церк*и*, дат., о церк*ы*, мѣстн., 25).

Именительный единств. ч. на *и*. Нѣкоторое количество существительныхъ, по большей части женск. р., имѣло въ древности форму имен. ед. съ окончаніемъ *и*: сѣдин*и*, пустын*и*, больш*и* (сравн. степ.),

бывъши (прич.) и т. п.; прочія падежныя формы были по окончаніямъ тожественны съ соотвѣтствующими формами мягкихъ основъ на *а*. Это повело къ образованію, рядомъ съ древними формами имен. ед. на *и*,—новыхъ формъ того же пад. на *а*, которыя мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: яко же мъл'ия исходить 145 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: судия неправьдьныи 228 об.; Миней 1095 г.: мълния 171, млъния 207; Архангельское Ев.: млънья 121 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: судья; Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: братия ту сущая 11 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: лания 79 (=ц.-слав. алии); смоленская грам. ок. 1230 г.: судья; Ев. 1270 г.: церкы святящая злато 46, мълния 47 об.; Кормчая ок. 1282 г.: судья 587, риза бывшя на Христѣ 610 об.; Прологъ 1356 г.: удари его бѣснующаяся 74 об.; Ев. 1358 г. 39 об., Ев. до 1362 г. 30 об., Мстижское Ев. XIV в. 31: душа болша есть пища; Лаврентьевск. сп. лѣт.: молонья 144. Формы им. ед. на *и* сохраняются довольно долго; мы находимъ формы въ родѣ судии не разъ въ памятникахъ XIV в. (въ новгородск. Апостолѣ 1391 г.: судьи 167 и др.; въ новгородск. Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 10: молоньи 58; въ Погодинск. Прологѣ XIV в. № 59: Оксинии 264, и т. п.), а формы въ родѣ пустыни обычны не только въ памятникахъ XIV в. (духовная в. кн. Ивана Ивановича: княгини Ульяна, Мѣзыни, мѣстн. названіе; духовная Дмитрія Донскаго: моя княгини), но даже въ московскихъ текстахъ XVII в.: у Котошихина: боярыни честная 14 (рядомъ съ новыми формами на *а*; Домострой: государыня, рабыня), и въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: княгини, сударыни.

Кромѣ существительныхъ на *ии* женск. р., древне-русскій языкъ имѣлъ съ тѣмъ же окончаніемъ рядъ существительныхъ муж. р., почти исключительно заимствованныхъ. Это были — 1) церковно-славянскія по происхожденію слова въ родѣ къръмьчии, склонявшіяся въ церковно-славянскомъ языкѣ одинаково съ сждии, и 2) греческія по происхожденію собственныя имена въ родѣ Паисии, склонявшіяся въ церковно-славянскомъ языкѣ по образцу мягкихъ основъ на *о*. Первыя изъ этихъ существительныхъ нѣкоторое время сохраняли церковно-славянскія формы (въ Чудесахъ Николая Чудотв. по Хлудовск. сп. XIV в. № 25 мы читаемъ: кърмьчия радоваѳеся 4 об.), но потомъ, вслѣдствіе совпаденія ихъ окончанія имен. ед. съ окон-

ніемъ того же падежа членныхъ прилагательныхъ,—перешли въ склоненіе этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ получились современныя формы кормчі*ій*, — *его*, — *ему* и т. д. (но книгочѣ*й*,—*ея* и т. д.=ц.-слав. кънигъчи*ихъ*, — *ихъ* и т. д.). Вторыя, сохраняя свое церковно-славянское склоненіе: Паи*сіи*, —*ія*, —*ію* и т. д., стали склоняться также по образцу суд*іи*, какъ слова съ мягкою основою на *а*. Мы читаемъ въ Житіи Епифанія Кипрск. XII в.: вълѣзе Енорія 82 (=Онорій); въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: далъ . . . своего человѣка Прокопію; Новгородская лѣт.: съ Прокопьею (рядомъ: Рагуилу Прокопи*ин*ица, вин.); новгородская грамота въ Ригу 1418—1420 г.: на его брата на Ортимью, съ Ортимьею; двинскія грамоты; XIV—XV в.: Нозарья Вопславиць, Ак. Юр. 270; Назарья Ондриевичь, Макарья Семеновичь (Шахматовъ, 139, 144). Сходныя формы (Паисѣя, Геласея, Левкѣя) обычны въ грамотахъ XV—XVI вв. Формы имен. ед. на *ьи* (не на *ии*, *еи*, слѣдовательно съ указаніемъ на гласное произношеніе конечнаго *и*) обычны въ памятникахъ XIV в.: договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка; Прологъ XIV в. № 59: Григорьи папа 297 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: Юрьи (не разъ); Ипатск. сп. лѣт.: Юрьи (не разъ), Прокопьи 398; они сохраняются во всемъ русскомъ языкѣ и въ послѣдующія столѣтія. Форма Юрьи вполнѣ употребительна и въ московскихъ грамотахъ XVI и XVII вв., и въ южно-русскихъ документахъ того же времени, въ первыхъ рядомъ съ формами имен. ед. Юрья и Юрье (срв. выше, стр. 192—193).

Нѣсколько существительныхъ женск. р. на *и* замѣнило это свое окончаніе им. ед. взятымъ у словъ съ основой на ь окончаніемъ ь: пу́стынь (рядомъ съ пустыня), теплы́нь. Срв. мать, дочь при ма́ти, дочи́.

Именительный множеств. ч. муж. р. на *а*. Современные великорусскіе говоры имѣютъ нѣкоторое число формъ имен. или имен.-вин. мн. на *а* отъ словъ муж. р.: города́, берега́, учителя́, князья́. Въ однихъ изъ этихъ говоровъ они болѣе распространены, въ другихъ менѣе; языкъ великорусскихъ пѣсенъ и пословицъ, богатый архаизмами, имѣетъ меньше, чѣмъ живая рѣчь. Говоры бѣлорусскіе и малорусскіе не знаютъ (за ничтожными исключеніями) формъ имен. мн. муж. р. на *а*.

Разсматривая великорусскія формы на *а*, мы въ числѣ ихъ на-

ходимъ прежде всего нѣкоторое число древнихъ формъ имен.-вин. множ. отъ словъ, нѣкогда принадлежавшихъ не къ муж., а къ средн. р.: людишк*а*, крестьянишк*а*, погостишк*а* (очень часто въ грамотахъ XVI—XVII вв.), воротичк*а*, кудеречк*а*, плéчик*а*; срв. сынишко, подьишко и т. п. слова средн. р. (очень часто въ тѣхъ же грамотахъ; см. выше, стр. 184); подобныя уменьшительныя на *а* не чужды малорусскимъ говорамъ: галицк. дверейк*а* (отъ дверь), дзвононьк*а* (отъ дзвінъ) и др. Къ этимъ формамъ можно присоединить формы облак*а*, колокол*а*, при формахъ имен. ед. óблако, кóлоколо (рядомъ съ облакъ, колоколъ); изъ нихъ форма колокол*а* не разъ встрѣчается въ московскихъ грамотахъ XVI в.; срв. малор. пинск. им. мн. колокол*а*.

Затѣмъ мы находимъ нѣкоторое число также древнихъ формъ имен.-вин. дв. отъ словъ означающихъ парные предметы; это—формы *берегá*, *бокá*, *глазá*, *рога*, *рукавá*, *края́*. Утративъ (какъ и формы дв. ч. *очи*, *уши*, *плечи*, *колѣни*, *крылѣ*) значеніе дв. ч., они стали употребляться въ значеніи множ. ч. рядомъ съ древними формами множ. ч. *берези—береги*, *боци — боки* и т. д. и мало-по-малу вполнѣ или отчасти, вытѣснили послѣднія. Въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. мы читаемъ: имяше рог*à* подобна агньцу 154 об.; въ Амартолѣ XIV в.: овенъ и ему рог*а* высок*а* 170; въ Козмѣ Индикопловѣ по сп. XVI в.: движатся рог*а* . . , и неподвижна обрящетася (по изд. Общ. др. письм. 226); въ Пчелѣ по сп. нач. XV в.: вѣс*а* праведная (по изд. Семенова 47), въ значеніи нашего вѣсы, онежск. вѣсá. Подобныя формы на *а* встрѣчаются также въ малорусскихъ говорахъ: рукав*а*, ус*а*.

Затѣмъ мы находимъ значительное число древнихъ формъ имен. ед. отъ основъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ.

Древніе памятники имѣютъ названія народовъ *свея* (Новгородск. лѣт.), *латина* (Лаврентьевск. сп. лѣт.), *срачина—сорочина* (1-я Новгородск. лѣт. по сп. XV в.), *жидова* (зап.-русск. Страсти Господни по сп. XV в., изд. Общ. др. письм.) и склоняютъ ихъ какъ слова ед. ч. женск. р.: попрода латин*у* (Лаврентьевск. сп. лѣт. 348), нечист*ую* жидов*у* (Четья 1489 г. 205 об.). По всей вѣроятности, старыя формы *крестьяни*, *бояра* и т. д. нѣкогда были формами ед. ч. женск. р.; то же, кажется, можно сказать о современныхъ сѣверновеликорусск. формахъ *сватовú*, *сыновá*.

Въ древнихъ памятникахъ слово *господа* склоняется какъ жена. Въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г. мы читаемъ: аже закупъ бѣжить отъ господы 12; въ новгородской грамотѣ 1270 г.: холопъ почнеть вадити на господу; въ Новгородской лѣт.: кланяемся вамъ господѣ своеи; въ Прологѣ 1383 г.: да не обидять раби господы своея 81; въ Амартолѣ XIV в.: клеветати на господу, противитися господѣ своеи 143; въ Ипатск. сп. лѣт.: предати господу свою 481; въ духовной кіевскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: при томь былъ архимандритъ и иныхъ господы нашее старцевъ много; въ грамотѣ ок. 1459 г.: своей господѣ великимъ княземъ, Ак. Арх. Э. I, 65; у Скорины: прошу васъ господо моя, Бытіе 33. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ *господа* склоняется какъ существительное женск. р. ед. ч. Въ сербскомъ языкѣ слово *господа* сохраняетъ до сихъ поръ свое старое значеніе собирательное и старое склоненіе; старо-чешскій языкъ знаетъ его какъ слово ед. ч.: (Іуда) svú hospodu smĕv prodati (Святовитск. сборн. 175).

Церковно-славянскій языкъ имѣетъ собирательное *стража* (перешедшее изъ него въ русскій языкъ); Чудовской Новый Завѣтъ употребляетъ его съ удареніемъ на окончаніи: стража́, вин. стражу́, дат. стражи́. Современный русскій языкъ имѣетъ собирательное сторо́жа; въ старомъ языкѣ оно должно было употребляться также съ удареніемъ на окончаніи: сторожа́ и т. д. Срв. польск. stróża.

Въ древнихъ памятникахъ находится нѣсколько собирательныхъ съ окончаніемъ *ья*: *княжья* (откуда *князья*; стр. 146), *братья*, *зятья*, *шурья*, *дядья*, *холопья*. Мы читаемъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ всякоя княжья 47, со всею князьею 376, 379; въ Троицкомъ сп. лѣт. XIV в.: прислалася словѣньская княжья просяще (Лѣтоп. по Лавр. сп. 26); въ Новгородской лѣт.: вся княжья руская, позванъ полотьскою княжьею 100; въ Ипатск. сп. лѣт.: не обрѣтоша княжьи своея 214; срв. старо-чешск. kněžie (священники; = княжья): snidu sě vyšehrazská kněžie (Hradecký Rukopis, 9), соврем. польск. księża, словацк. kňažia (священники, им. мн.); въ духовной в. кн. Ив. Ивановича: кого ми дасть Богъ зятью по чести имъ золотѣ; въ московской грамотѣ 1456 г.: княгини Софьи и ее дѣтей и зятьи, Ак. Арх. Э. I, 44; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: у шюрьи своея 452; въ новгородской грамотѣ нач. XV в.: приказываю шурьи своей Ивану и Василью, Ак. Юр. 430; въ двинской грамотѣ XV в.: с шурiем своею, Ак. Калач. I,

440; въ актѣ 1625 г.: въ шурьѣ своеѣ мѣсто; въ грамотѣ 1584 г.: съ дядьею, и др. Слово *братья* встрѣчается въ памятникахъ въ формахъ ед. ч. очень часто: Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: бысть съмятеніе въ трьхъ кънязьхъ братии сущемъ по плъти 32 об.; Поученіе Владимира Мономаха: отъ братья моея, чти молодыя яко братью; Лаврентьевскій сп. лѣт.: еже ся створи въ насъ въ братьи. Оно употребляется теперь въ ед. ч. въ значеніи монастырскаго братства. Сверхъ приведенныхъ словъ, нѣкогда должны были существовать собирательныя ед. ч. *дружья* (и *друзья*), *сватья* (современн. малорусск. холмск. *свата*), *казачья* (Кирша Даниловъ: казачья вольная пріѣхали); срв. собирательныя ед. ч. ц.-слав. *братья*, *рабия* (рабы), ст.-чешск. panie (Святовитск. сборн. 153), стр.-польск. święcia (святые), biskupia (епископы), соврем. польск. svacia; санскритск. gavjā (коровы), греч. ἀνθρακιὰ (отъ ἄνθραξ), σποδιὰ (отъ σποδός), μυρμηκιὰ, νεοττιὰ и т. п.

Собирательныя на *ье* нѣкогда склонялись только въ ед. ч., какъ поле. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., напримѣръ, мы находимъ различныя падежныя формы ед. ч. отъ собирательныхъ *столпье* (огородиша столпеемь, со столпья), *деревье* (по деревью извѣшати), *колье* (городъ съ кольемь), *трупье* (в ысподи трупья). Формы ихъ множ. ч. встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно рѣдко и, вѣроятно, порешли въ нихъ изъ церк.-слав. оригиналовъ: Галицкое Ев. 1144 г.; другая падоша на каменьихъ 27 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: быша камения въврьжена 8 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.: въ дрѣвѣхъ и въ каменьихъ 358 об. (срв. въ церк.-слав. Маріинскомъ Ев.: на каменеихъ). Многія изъ этихъ словъ сохранили еще и теперь старое склоненіе: *тряпьё*, *дубьё*, *вороньё* и т. п.; относительно свв.-великор. и бѣлор. *сыновьё*, *сватовьё* можно догадываться, что они еще недавно склонялись какъ слова ед. ч. (срв. *сноповье* въ Ипатск. сп. лѣт. 584).

Собирательныя ед. ч., главнымъ образомъ муж. и женск. р., въ древности нерѣдко (но не всегда) имѣли при себѣ глаголъ и опредѣленіе множ. ч. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: приобрѣтоша братия 2; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: по сихъ братьи (=въ Ипатск. сп.: по сеи—), отвѣщавше дружина рекоша, собрашася дружина, гдѣ суть дружина наша ихъ же послахомъ по тя, братья наша исѣчена суть, пришѣхаша ростовьская земля и т. п.;

въ Ипатскомъ сп. лѣт.: дружинѣ не вѣдущимъ его; въ Посланіи м. Никифора къ Владимиру Мономаху: отвръжени быша латина; въ уставѣ Студійскомъ XII в.: съходитися самѣмъ братии въ келия 221; въ Словѣ о полку игоревѣ: храбрая дружина рыкаютъ; въ Прологѣ 1262 г.: придоша срацина воєвать 78 об.; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: сущи со мною вси братья; въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: готовающихъся братьи напихъ 80 об.; срв. современ. бѣлорусск. собралися уси сыповьё и т. п. Тожественное согласованіе собирательныхъ мы находимъ въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ; такъ, въ Супрасльской рукописи: народъ поидоша на нь, стоящимъ народу; въ Остромировомъ Ев.: народъ стоа и слышавъ глаголаахж.

Вслѣдствіе такого употребленія, формы имен. ед. нѣкоторыхъ собирательныхъ женск. р. получили значеніе формъ множеств. числа; т. е. формы имен. ед. *латина*, *господа* сдѣлались формами имен. множ. къ имен. ед. *латининъ*, *господинъ*; формы *братья*, *зятья*, *дядья*, *друзья* (или—какъ сохранилось въ разныхъ великорусскихъ говорахъ—*дружья́*)—формами имен. множ. къ имен. ед. *братъ*, *зять*, *дядя*, *другъ*. Равнымъ образомъ формы имен. ед. нѣкоторыхъ словъ средн. р., предварительно принявшія окончаніе *я* вмѣсто *е*: камéнья, кóлья, сватовья́ и т. п., сдѣлались формами имен. множ. ч. муж. р. къ имен. ед. *камень*, *колъ*, *сватъ*. Подобныя формы встрѣчаются въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Ев. 1358 г. мы читаемъ: аще будуть струпья (=струпья) 161; въ Паремейникѣ 1378 г.: коренья праведникъ не отъимутся 50.

Новыя формы имен. множ. ч. на *а*: бока, латина, господа, братья, каменья и т. п., вызвали образованіе цѣлаго ряда новыхъ формъ имен. (или имен.-вин.) множ. на *а* съ предыдущимъ или твердымъ, или мягкимъ согласнымъ, или *j*; такъ, по образцу бока, господа, образовались формы имен. мн. города́, тагана́, лѣса́ (Лѣтопись Аврамки 1495 г.: города поимаша нѣмѣчкія 159; Домострой XVI в.: котлы и горшки... тагана и рѣшотки 125; Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г.: тѣ лѣса), погреба́, дома́, гроба́, писаря́ и т. п. (въ говорахъ даже лошадя́, податя́, вещá и др. женск. р.); по образцу новыхъ формъ множ. ч. братья, деревья, сватовья явились формы полéнья, стýлья, пенья, мужевья́, дядевья́, кумовья́ и т. п. (московская грамота 1626 г.: дядевья, Ак. Юр. 280, и т. п.). Сверхъ того, нѣкоторыя

изъ старыхъ формъ имен. множ. на *е*, благодаря вліянію новыхъ формъ имен. множ. на *а*, стали оканчиваться также на *а* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ: древняя (Лаврентьевскій сп. лѣт. 11), поѣзжаня, дворяня, татаровя (въ московскихъ грамотахъ XVI и XVII вв. и у Котошихина). Любопытно, что одна такая форма находится въ *галицко-волынскомъ* Житіи Саввы XIII в.: поволавряня отлучишася 131 об. (можетъ быть, описка?).

Новыя формы им. мн., естественно, повели къ образованію значительнаго количества новыхъ формъ косвенныхъ падежей того же числа, вполнѣ или отчасти вытѣснившихъ собою старыя. Какъ скоро, напримѣръ, мѣсто формы имен. мн. господи*е* было занято формою господ*а*, немедленно образовались новыя формы род. мн. господъ, дат. господ*амъ*, твор. господ*ами*, которыя быстро вытѣснили старыя формы господ*ей*, господ*емъ*, господ*ьми*; форма князья, сдѣлавшись формою имен. мн. и занявъ мѣсто старой формы князи, повела къ образованію новыхъ формъ князь*евъ* (сѣв.-великор.), князь*ямъ* и т. д., которыя вытѣснили старыя формы князъ, князя*мъ*. Количество подобныхъ формъ косвенныхъ падежей довольно значительно; къ нимъ принадлежатъ, между прочими, формы братъ*евъ*, сынов*ей*, сынов*ьямъ*, полѣнь*евъ*, полѣнь*ямъ* и др.

Время появленія этихъ новыхъ формъ относительно позднее. Мы читаемъ въ Рязанск. Кормчей 1284 г.: къ латин*амъ* 36, но этотъ памятникъ—списокъ съ средне-болгарскаго оригинала; въ Тактикопѣ 1397 г.: братья*мъ*, братья*ми*, братья*хъ* (часто; и этотъ памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); но новыя формы въ Словѣ Палладія Мниха (сб. Ундольскаго XIV—XV в. № 558): къ братья*мъ* своимъ 9 об., и въ Ипатскомъ сп. лѣт.: съ шюрья*ми* своими 224, принадлежатъ несомнѣнно русскому языку. Въ московскихъ памятникахъ XVII в. новыя формы уже обычны, и напримѣръ, въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича 1649 г. мы находимъ: братья*мъ*, дядья*ми*, сыновья*ми* и т. п., не разъ.

Измѣненія въ склоненіи числительныхъ. Кромѣ замѣны древнихъ формъ род. *дву*, дат.-твор. *двѣма* новыми формами двух*ъ*, двум*ъ*, двум*я*, двум*и* и кромѣ образованія новыхъ формъ косвенныхъ падежей великорусск. твор. трем*я*, четырьм*я* (по образцу двум*я*), малор. род. пятёх*ъ*, десятёх*ъ*, дат. пятём*ъ*, десятём*ъ*, твор. пятьм*а*, десятьм*а* и т. п., склоненіе именъ числительныхъ потерпѣло значительныя измѣненія.

Сложныя числительныя количественныя, въ родѣ *одинъ на десять*, *пять на десять*, *пять десятъ*, *шестъ десятъ*, въ древнюю эпоху склонялись такъ, что только первая ихъ часть измѣнялась по падежамъ: Святославовъ Сборн. 1073 г.: съборъ святыихъ съта и шести десятъ и пяти отьць; Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: бѣ уже съвъкупилося братия до пяти на десяте; Лаврентьевскій сп. лѣт.: семью десятъ жерелъ, по семи десятъ женъ, и т. п. Но съ теченіемъ времени обѣ части числительныхъ въ родѣ *одинъ на десять*, слились одна съ другою настолько тѣсно, что образовали одно цѣлое, которое стало склоняться какъ *десять*, измѣняя или одну вторую часть, или и первую часть, и вторую: гал.-волынск. Поликарпово Ев. 1307 г., новгородск. Ев. до 1362 г., псковское Лукино Ев. 1409 г.: двѣма на десятьма; Ев. 1393 г.: двѣма на 10-ма 104; московская грамота 1621 г.: по девятинадцати алтынъ, Ак. Арх. Э. III, 169; грамота 1637 г.: въ трехънадцати семьяхъ, Ак. Арх. Э. III, 420; у Котошихина: будутъ лѣтъ пятинадцати или семинадцати, и др. Точно также и въ числительныхъ въ родѣ *пять десять* вторая часть отожествилась съ *десять* и, подобно первой части, стала правильно измѣняться по падежамъ: пяти десяти, пятью десятью и т. п.

Сложныя числительныя *два десяти*, *три десяте*, *четыре десяте*, въ древности склонявшіяся въ обѣихъ частяхъ въ двойств. или множ. ч., замѣнили формы десяти и десяте формою ед. ч. десять, послѣдовали за числительными въ родѣ *пять десять* и стали склоняться какъ эти послѣднія, измѣняя или обѣ части, или одну первую, или одну вторую часть: Архангельское Ев. 1092 г.: възвратишася седмь десять 134, до осми десять 157; Паремейникъ 1271 г.: подоста оба и три десять мужь 12 об., ковьчегъ тридесяти лакътъ 72; Рязанская Кормчая 1284 г.: по трехъ десять лѣтѣхъ 293; Ев. 1354 г.: треми десять 67 об.; Ев. 1357 г.: два десять и пять стадии 8, обѣ яко трии десять лѣтъ 64 об.; Ев. 1358 г.: взврати три десять сребреникъ 185, четырьдесятью шестью лѣтъ 5 об.; Ев. до 1362 г.: три десять 35 об., 151 об.; Ев. 1399 г.: два десять и пять стадии 2 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: тридьсяти и пяти лѣтъ 95 об., боле четырьдесяти 75 об., 76; гал.-волынск. Луцкое Ев. XIV в.: не оставить ли девяти десяті и девяти 45.

Въ современномъ русскомъ языкѣ сложныя числительныя *один-*

надцать, *двѣнадцать* или (по-бѣлорусски и по-малорусски) *дванадцать* и т. д., *двадцать*, *тридцать* не измѣняются по родамъ и склоняются какъ *десять*, а сложныя числительныя *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ* и т. д. склоняются въ обѣихъ частяхъ, во второй—такъ же, какъ *десять*.

Числительное *сто*, обыкновенно сохраняющее древнее склоненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превратилось въ несклоняемое слово: великор. о *сто* человѣкахъ, малор. *сто* хлопами (срв. въ гал.-волыиск. Поликарповомъ Ев. 1307 г.: три *сто* 143; въ кіевскомъ Ев. 1411 г.: о *сто* овецъ 147 об.; въ южно-русск. Пересопницкомъ Ев. XVI в.: о *сто* овецъ). Въ другихъ случаяхъ употребленіе его формъ бываетъ болѣе или менѣе неправильно: Познанскій сборникъ XVI в.: надъ *сту* витезми; великор. грамота 1588 г.: *сту* саженми (твор.), Ак. Арх. Э. I, 412.

Нѣчто сходное произошло съ тѣми числительными количественными, которыя вошли въ составъ сложныхъ числительныхъ порядковыхъ и въ настоящее время употребляются только въ имен. ед. ч. Въ древности на мѣстѣ этихъ числительныхъ количественныхъ обыкновенно были числительныя порядковыя, имѣвшія правильныя формы склоненія: въ четвьрьтодесятьное и второе лѣто (Святослав. Сборникъ 1073 г. 250); шестьдесятьныя и шестыя олумпиады (род. ед.; Кириллъ Іерусалимскій XII в. 122 об.); въ тридесятьное и шестое лѣто (Апостолъ 1220 г. 7); въ четвертѣмь и осмьдесятнѣмь правилѣ (Ряз. Кормчая 1284 г. 66 об.); лѣта тисячного трисотного осмдесятого третего (зап.-русск. грам. 1383 г.); въ лѣто двѣсотное и третее (зап.-русск. Четья 1489 г.); шестисотого и первого лѣта (Скорина, Бытіе, 19 об.). Съ теченіемъ времени, такъ какъ на мѣстѣ числительныхъ порядковыхъ могли иногда находиться числительныя количественныя въ род. пад.: подъ лѣтомь божія нароженья тисячего триисотъ шистьцятого шестого (галицкая купчая 1366 г.); въ лѣто 3-ке тысущи въ 700-ке и 70-ное 1-ке (Палея 1406 г. 58 об.), въ лѣто семое тысящѣ (гал.-вол. Ефремъ Сиринъ 1492 г.), в лѣто осмое тисящчи двадцать первого году (зап.-русск. грамота 1513 г.);— то вмѣсто порядковыхъ числительныхъ стали являться количественныя, и уже не въ род., а въ имен. п.; такъ, мы читаемъ: в лѣто 6000-ное 9-сотъ 6-е (Уставъ церк. 1398 г., зап.); лѣта шестьтысячиого девятьсотъ пятьдесятъ первого (зап.-русск. грам. 1443 г.);

лѣто шестьтысячное девятьсотное семдесятъ седмое (зап.-русск. грам. 1468 г.); року тысяча и чотыриста и деветьдесятого второго (зап.-русск. грам. 1492 г.). Въ настоящее время въ сложныхъ порядковыхъ числительныхъ только одна послѣдняя часть есть дѣйствительно порядковое числительное, которое измѣняется по родамъ и падежамъ, а остальныя части являются постоянно въ видѣ числительныхъ количественныхъ, остающихся неизмѣнно въ формѣ им. ед.: двадцать первый,—перваго,—первому и т. д.

Потеря склоненія. Нечленныя склоняемыя причастія настоящ. и прошедш. врем. дѣйствит. зал. и нечленныя формы прилагательныхъ сравнительной степени съ теченіемъ времени утратили способность измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ и лишились большей части своихъ падежныхъ формъ.

Причастія стали употребляться неправильно, не согласуясь съ именами въ родѣ, числѣ и падежѣ, довольно рано Мы читаемъ въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.: повелѣ мнѣ прѣмѣну сътвориті рѣчи, инако набъдяште тождьство разумъ, запись; въ Юрьевскомъ Ев.: подобьни чловѣкомъ чающе господа 123 об.; въ Златоструѣ XII в.: брашьно иже ти идущи довълно будетъ 75 об.; въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: оному съповѣдающи ми 8, повелѣ иному отъ братии... несъше въсыпати 27, помысли вълиявъше въ кан'дила въжещи 28; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в.: яко самому вълѣзъше въ корабль сѣдѣти 67 об.; въ Синайскомъ Патерикѣ XII в.: видѣхъ купѣль наплънену воды и прѣливающися 10, видѣхомъ постьника сльзы изливающи 28 об.; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: видѣ смоковьницу имущи листвие 127; въ Житіи Нифонта 1219 г.: многашьды ми послушающе молитвы иего 22, бѣда иему бѣ велика движюще нозѣ 29, се мънѣ правьдьнику повѣдающе 44 об., помолившися иепископъ старьцю 74, оному въ молитвѣ пребывающе 114, горе инокомъ имущи злато 140 об., исправя чтѣте, запись; въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г.: русину не ставити дѣтьского не явивъше старость (ь=ъ) латиньскому; въ Прологѣ 1262 г.: Богъ покаявшеся ниневгитяномъ пощадѣ 25, сыну издавъши ницимъ 99, отъ съгрѣшении прѣставшімъ и въ истину покаявъся 104, ангелу рекше имъ 110, хрьстьяномъ послушающе словесъ, запись; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: иже далъ иему господинъ плугъ, тъ то погубивъши иему платити 18; въ Корм-

чей ок. 1282 г.: жены кланяются тако молвя 520; въ Пандектахъ 1296 г.: въ бещестии намъ бывше 27 об., вземше кому древо 31, многомъ хотящимъ и не могуще 53 об., убогому въземъшю и досажающе 81 об.; въ Ев. 1354 г.: не убоитеся убивающихъ тѣло а души не могуще убити 38 об., бысть ему възлежаще в дому 45, купцю ищуще бісера 47 об., яко народу дивитися видящи пѣмыя глаголюща 50 об., Исусъ отшедши скрыся 157 об.; въ Ев. 1358 г.: (теща симонова) ставъ и служаше 86, слышавши Исусъ чюдися 90 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: идучи ми сѣмо 5 (dat. abs.), забывъ молвяхуть 361, Володимеричи лишася Рюрика ѣхаша 396, татарове станы своѣ урядивъ идоша 439, и друг. Въ большей части приведенныхъ примѣровъ мы видимъ формы имен. ед. и имен. множ. (съ окончаніями древнимъ *е* или новымъ *и*) на мѣстѣ формъ косвенныхъ падежей всѣхъ родовъ и чиселъ и, сверхъ того, формы имен. ед. на мѣстѣ имен. мн. и наоборотъ.

Форма дат. п. причастій была замѣнена формою имен. ед. или множ., между прочимъ, въ оборотѣ дательный самостоятельный. Въ дополненіе къ находящимся выше даннымъ XII—XIV вв. вотъ еще нѣсколько изъ западно-русскихъ памятниковъ XVI в.: Познанскій сборникъ: Бово утекъ девятнадцати стоявшы; Ев. Тяпинскаго: по чонъши ему розмавлятисе привели ему одного, вечеру будучи селъ. Но въ Страстяхъ Господнихъ XV в.: учневе пришли а намъ спячимъ узяли; впрочемъ рядомъ: учнове намъ заснувши украли его. Срв. у Кантемира: *идучи мы* къ дому осмѣлился я (Соч. I, 109).

Въ настоящее время русскій языкъ имѣетъ двѣ падежныя формы причастій—старую форму имен. ед. муж. р.: видя, увидѣвъ, и новую, съ окончаніемъ *и*, форму им. мн. муж. р.: идучи, видѣвши; впрочемъ рядомъ съ послѣднею въ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ встрѣчается форма на *е*: малор. подольск. питаюче, збудивше. Всѣ эти формы употребляются безразлично, всего чаще при именахъ и мѣстоименіяхъ въ имен. п., но иногда также при именахъ и мѣстоименіяхъ въ косвенныхъ падежахъ: поздравляю васъ обручившись, причастившись, не учась въ попы не ставятъ (=не учащагося), будетъ ее (лошадь) не пивши гнать (=не пившую, Кохановская), видѣли молодца сядучи, не видѣли молодца поѣдучи; или внѣ связи съ именами и мѣстоименіями: имѣя это въ виду, судя по всему, можно думать.....; иначе говоря, выражаясь точнѣе...., и т. п.

Наши грамматики называютъ эти неизмѣняемыя причастныя формы дѣепричастіями.

Сравнительная степень. Потеря большей части падежныхъ формъ прилагательными сравнительной степени началась не позже XII в.; неправильное (безъ согласованія) употребленіе формъ имен.-вин. ед. средн. р. и имен. мн. муж. р. уже нерѣдко въ памятникахъ XIII и XIV вв.: Златоструй XII в.: не ѥси богатѣѥ Давыда 21; смоленская грам. 1229 г.: аже камь льгче будѣть; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: творите ѥго сына огневи двѣгубѣѥ васъ; Ев. 1270 г.: ѥму же вячьши отда 70 об.; Кормчая ок. 1282 г.: не вкусить ѥретикъ тѣла Христова иже невѣрнѣѥ жидовъ и бѣсовъ несмысльнѣѥ 458 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.: нѣсть соль *боле* пославшаго и 38, есть ли кто сильнѣѥ Бога 147; Ев. 1354 г.: колми человѣкъ *лучши* овьчати 54, *лучше* бо ти ѥсть внити 54; Ев. 1355 г.: въ кую годину лучьши ѥму бысть 8 об., будуть послѣдняя горше первыихъ 36 об.; Ев. 1357 г.: мнозихъ птиць сулеи ѥсте 31, поиметь сѣдмь духъ инѣхъ лютѣиши себе 35, ѥгда кто честнѣѥ тебе будеть званыхъ 94 об.; Ев. 1358 г.: нѣсть ученикъ выше учителя 38 об., кая ѥсть заповѣдь первѣи всѣхъ 131; Лаврентьевск. сп. лѣт.: ты еси старѣе 356; Паремейникъ 1378 г.: премудръ премудрѣѥ будеть 18; духовная Дмитрія Донскаго: будеть боле или меньши; Чудовской Новый Завѣтъ: нѣсть ученикъ боле учителя 29 об., ѳда ты боле еси отца 42 об., нѣсть рабъ боле господина 49 об.; Апокалипсисъ Рум. Муз. XIV в.: зане ѥсть (Христосъ) честнѣѥ насъ 58 об.

Современный русскій языкъ знаетъ только двѣ формы сравнит. степени—старую имен.-вин. ѳд. средн. р.: выше, сильнѣе, и старую имен. множ. муж. р.: лучьше, больше, которыя употребляются безразлично.

Членъ. Вѣроятно, немногимъ извѣстно, что въ русскомъ языкѣ былъ и даже ѳсть членъ. Это—нѳ тотъ членъ *и*, который мы видимъ въ прилагательныхъ членныхъ; это—указательное мѣстоименіѳ *тъ*, которое въ качествѣ члена употребляется также въ ново-болгарскомъ языкѣ. Членъ *тъ* прежде ставился иногда передъ тѣмъ словомъ, къ которому онъ относился, иногда послѣ этого слова; послѣднее было, кажется, чаще (см. Житіѳ Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.). Первоначально членъ (или еще указательное мѣстоименіѳ,

изъ котораго онъ развился) вполнѣ правильно измѣнялся по родамъ и числамъ, такъ что въ имен. ед. слова муж. р. имѣли при себѣ членъ *тъ*, слова женск. р.—*та*, слова средн. р.—*то*, въ род.—*того*, въ дат.—*тому* и т. д.: не могуще сняти гривны, и усѣкънуша главу его, и тако сняша гривну *ту*; смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ *тотъ* орати лошадью *тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь *ту*; два ляха легоста.... и поѣха Ярославъ.... идѣ же ляха *та* ловяшета его; сташа обаполы рѣкы, бьяхуться обои об рѣку, бѣ бо рѣка *та*... (Ипатскій сп. лѣт. 93, 191, 207, 273). Это правильное употребленіе члена въ Московской Руси сохранялось еще въ XVII в.; мы его находимъ и въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума: бѣда-*та* на церковь-*ту* пришла, болши тое бездѣлицы-*той* вѣдаю, сынъ онъ дьяволь... надъ просвирою-*тою* молитву батьку-*тому* своему говоритъ передъ переносомъ-*тѣмъ*, которые младенцы-*тѣ* отъ еретиковъ-*тѣхъ* крещены, такъ же бы надобно царя-*тово* Алексѣя постричи (очень часто), и въ Житіи преп. Нила Столобенскаго XVII в.: егда прииде... на островъ-*той* и обшедъ мѣсто острова-*того* и видѣвъ, яко угодно есть мѣсто *то*... бѣ бо на островѣ-*томъ* гора и лѣсъ, и пришедъ на гору-*ту*...., первие ископа себѣ пещеру въ горѣ-*той* (по сп. Ундольскаго № 345), и въ письмахъ ц. Алексѣя Михайловича къ патр. Никону. Но членъ въ русскомъ языкѣ не получилъ такого развитія, какъ въ ново-болгарскомъ, и съ теченіемъ времени сталъ выходить изъ употребленія, такъ что сохранился въ скудныхъ остаткахъ. Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ большей части русскихъ говоровъ онъ сохранилъ только одну форму средн. р. и превратился въ несклоняемую частицу *то*, которая ставится безразлично при формахъ всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей и съ которою рядомъ изрѣдка, при имен.-вин. ед. муж. рода, употребляется и правильная форма муж. р.: мосто-*тъ* нашъ каковъ, въ ученьѣ проко-*тъ* не великъ. Московскій простонародный говоръ XVIII в. знаетъ еще форму вин. ед. женск. р. *ту*: надобно быть смѣлу и смѣлость-*ту* дѣлаетъ сивуха (Аблесимовъ). Въ нѣкоторыхъ говорахъ, главнымъ образомъ сѣверно-великорусскихъ, остатки члена сохранились въ большемъ числѣ; такъ, въ шадринскомъ говорѣ (Пермской губ.). мы находимъ склоненіе члена въ такомъ видѣ: мужико-*тъ*, мужика-*то*, мужику-*ту*,

мужикомъ-*то*, о мужикѣ-*то*, мужики-*тѣ*, мужиковъ-*то*, мужикамъ-*то*, мужиками-*тѣ*, о мужикахъ-*ту*; дорога-*та*, дороги-*то*, дорогѣ-*то*, дорогу-*ту*, дорогой-*ту*, дорогѣ-*то*, дороги-*тѣ*, дорогъ-*ту*. дорогамъ-*ту*, дорогами-*тѣ*, о дорогахъ-*ту*. Въ тѣхъ же говорахъ—кажется, исключительно въ пѣсняхъ (въ былинахъ) — мы встрѣчаемъ всѣ формы члена передъ тѣми словами, къ которымъ онъ относится: про *того* Илью про Муромца; сѣлъ на *то* окошечко косящато; безъ бою, безъ драки, безъ *того* кроволитья великого; посадилъ на *ты* на цѣпи на желѣзныи; поѣхалъ во *тое* Подолье лиходѣево, и т. п. (сравни у болгаръ: я си ималъ *тога* добра коня,—*тия* мжжка дѣца, извади *туй* остру саблю, пие *тое* ладно вино, и т. п.).

Судьба формъ на *ги* **и** *ыи*, **на** *ги* **и** *иги*. Древнѣйшіе русскіе памятники имѣютъ по два окончанія для имен. ед. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій муж. р. и для род. множ. нѣкоторыхъ именъ всѣхъ родовъ, по преимуществу муж. и женск. р. Одна пара этихъ окончаній—*ыи* и *иги*—встрѣчается чрезвычайно часто: им. ед. добр*ыи*, син*иги*, род. мн. гост*иги*, кост*иги*; другая пара—*ги* и *ъи*—, напротивъ того, является лишь въ немногихъ памятникахъ, и то рѣдко; при этомъ окончаніе *ъи*, перѣдкое въ памятникахъ церковно-славянскихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Мы читаемъ въ Минеѣ 1095 г.: мощ*ьи* (род. мн. отъ *мощь*) 172; въ Минеѣ 1096 г.: печал*ьи* 145; въ Пандектахъ Антіоха XI в.: печал*ьи* 32 об., 35, страст*ьи* 39, дн*ьи* 50, рѣч*ьи* 50 об., сласт*ьи* 54 и т. п., ч*ьи* есть образъ 81; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: духъ бож*ьи*, сынъ бож*ьи* 6 об., свѣтъ вел*ьи* 7, не въста бол*ьи* Іоанна 23 и т. п., отъ четырь еваггел*ьи* 1 об., пощься дн*ьи* 40 и нощ*ьи* 6 об., не отъпущяете человѣкомъ съгрѣшен*ьи* ихъ 12, стадо свин*ьи* 17 об., люд*ьи* сихъ 28, тр*ьи* съвѣдѣтель 39 об., начяло болѣзн*ьи* 53; въ Синайскомъ Патерикѣ XII в.: въш*ьи* (род. мн. отъ *вошь*) 118 об.; въ Учительн. Ев. Константина Болгарскаго XII в.: вящ*ьи* 7 об., бол*ьи* 22 об. Памятники послѣдующаго времени, XIII—XIV в., сохраняютъ обѣ пары окончаній, изъ которыхъ первая въ нихъ по прежнему господствуетъ, а вторая — передаваемая не только черезъ *ги* и *ъи*, но и черезъ *ои* и *еи*—встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы находимъ *ги* или *ои* въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: вьсяк*ои* губивыи насъ 4 об., изидѣ умьр*ги* 152 об.; въ Житіи Нифонта

1219 г.: пречистъи тъ дѣтищь 118 об., блаженъи рече 139 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: *тои* же умре 31; въ Тріоди Саввиной до 1226 г.: ветъхъи 138 об.; въ Ев. 1270 г.: тъи исповѣда 2 об.; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: которъи причетникъ 47; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: тъи человѣкъ 3 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *тои* конь (рядомъ: тъи товаръ); въ Ев. 1323 г.: тъи исповѣда 2; въ Ев. 1339 г.: князь великои, запись; въ Прологѣ 1356 г.: *тои* же мя всади 91 об., *тои* же грѣхъ 93 об.; въ Ев. XIV в. Троицк. Л. № 5: никотороu же пророкъ 71 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: вдамъ ти которои ти городъ любъ; въ Новгородской лѣт.: княжь дѣцкои 237; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: на черьмховъи кустъ, на берьзовои пень, староста купечкеи (*е*=*ё*), Иванъ соцкои, колодязь солоноu; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: *тои*.—Окончаніе *ъи* или *еи* читается въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: чьi образъ 115 об., третьи дьнь 150 об., вьсѣхъ заповѣдьи 130; въ смоленской грамотѣ 1229 г.: сеи миръ; въ Ев. 1270 г.: днеи 5 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: у дѣтеи 15, бес треи кунъ 16; въ Галицкомъ Ев. 1283 г.: третеи день 50 об., вторыи и трѣтьеи 49 об., 125; въ Ряз. Кормчей: сеи же съборъ 141 об.; въ духовной новгородца Климента XIII в.: свинеи; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: что волостьи новгородьскыихъ, пи волостьи роздавати, отъ тѣхъ волостьи, людьи не выводити; въ договорѣ 1317 г.: людеи; въ Ев. 1355 г.: не сеи есть древодѣлинъ сынъ 40, въ огнь не угасущеи 90 об.; въ Ев. 1357 г.: стадо свиньи 36, 54 об., съгрѣшеньи вашихъ 115; въ южно-русской грамотѣ 1359 г.: грошеи; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: ты еси старѣишеи братъ 145, старѣишеи градъ 223; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: имѣньи своихъ 61, размышленьи лукавыхъ 81 об., многъ прегрѣшеньи 101 об., уродивыхъ исканьи 138, божественныхъ ученьи 138 об. и др.; въ Служебникѣ преп. Сергія: храмъ сеи 15, двереи 13 об., 18 об., 22, заповѣдеи 57 об., 69 об.; въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: дѣтеи 14, отъ четыреи вѣтръ 88 об.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: двереи; въ Паремейникѣ XIV в. Троицк. Л.: звѣреи 14, 15, 30, людеи 27, и т. п.

Въ великорусскихъ памятникахъ XV в. еще господствуютъ окончанія *ый* и *ий*, но окончанія *ой* и *ей* также уже нерѣдки; достаточно отмѣтить въ Погодинскомъ сборникѣ нач. XV в. № 872:

темнои дьяволе (зват.) 188, *тои* 193 об., 194, 235; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: тысячк*ои* 220, 231, Володимеръ галичьск*ои* 278, 280, 282, 284, 285, и др.; въ грамотѣ в кн. Василія Дмитріевича до 1425 г.: судь смѣстн*ои*; въ грамотѣ до 1428 г.: волъ бур*ои* да другѳ*ои* черн*ои*; въ грамотѣ кн. Юрія Дмитріевича 1433 г.: манастырьск*ои* прав*ои* и виноват*ои* человѣкъ (Ак. Калач. I, 440, 91, 543, 93); въ Каноникѣ 1457 г.: попъ старѣиш*ои* 85 об.; въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: мѣсячн*ои* и постн*ои* (стихирари; сборн. М. Дух. Ак. № 144); въ Библіи новгородск. архіеп. Геннадія 1499 г.: Василь ерусалимьск*ои*, Гридя исповѣдницк*ои*, Климентъ архангельск*ои*, запись. Малорусскіе и бѣлорусскіе памятники этого и XVI вѣковъ имѣютъ иногда въ род. множ. окончаніе *ей*: южно-русск. грамота 1438 г.: грош*еи*; южно-русск. грамота 1424 г.: свин*еи*, и т. п.; сверхъ того, въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. мы находимъ: Лаврент*ей* 6, больш*ей* (имен.) 33 об.; въ Ев. Тяпинскаго: кождый котор*ой* возритъ, дьв*ерей*, дн*ей*, ноч*ей*, и т. п.

Мало-по-малу въ великорусскихъ говорахъ формы на *ой*, *ей* получили преобладаніе надъ формами на *ый* и *ій*, и въ настоящее время все великорусское нарѣчіе не знаетъ окончаній *ый* и *ій* подъ ударѳніемъ, а сѣверной его части эти окончанія чужды и при отсутствіи ударенія: обще-великор. слѣп*о́й*, худ*о́й*, самъ-трет*е́й*, гост*е́й*, кост*е́й*, свин*е́й*, сѣв.-великор. д*о́*бр*ой*, умн*ой*, син*ей*. Бѣлорусскіе говоры не знаютъ окончанія *ой*, а окончаніе *ей* встрѣчается въ нихъ въ формахъ род. множ. (люд*ей* и т. п.) и въ немногихъ формахъ имен. ед.: соловѳ*й*, воробѳ*й* и т. п. То же въ говорахъ малорусскихъ, съ тою лишь разницею, что окончаніе род. мн. *ей* въ нихъ употребляется рядомъ съ окончаніемъ *ій*.

Судьба окончаній имен. ед. и род. множ. вполнѣ тожественна съ судьбою нѣкоторыхъ словъ и глагольныхъ формъ.

Древне-русскіе памятники имѣютъ слова *стрыи* дядя, род. *стрыя* и т. д., и *стрьи*, род. *стрья*. До XV вѣка первое встрѣчается весьма часто, второе—рѣже: Успенскій сборникъ XII в.: стрья 130 (род.; здѣсь же: стрыи); Житіѳ Саввы Освященнаго XIII в.: стрѣма 13, стрья 131; Рязанская Кормчая 1284 г.: стрья 283, 327 об. и др.; Новгородская лѣт.: стрѣмь 78, стрья 61, 81 (при стрѣмь 296 и др.); Прологъ 1356 г.: строи, строѣви 77 об.; Лаврентьевск. сп.

лѣт.: строя 158, строема (дат.) 195; галицко-волынскій Ефремъ Сир. синъ 1492 г.: стрья 145 об., 146 об., стрья 145, и т. п. Въ XV в. въ великорусскихъ памятникахъ (между прочимъ, въ Ипатскомъ сп. лѣт.) второе является уже весьма часто.

Въ памятникахъ до XV в. попадаются рядомъ формы *мыю*, *крыю*, *мыешь* и т. д. и *мью*, *крью*, *мьешь*, первыя часто, вторыя рѣдко: Святослав. Сборникъ 1076 г.: лицьмь си землю покрьи (повел.) 11 об.; Минея 1097 г.: покрьеть 426; Путятина Минея XI в.: крьяся 66 об.; Паремейникъ XII в. Тип. Библ. № 157: покрьеть 42 об., покрьемъ 53 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: открьеться 108; Прологъ 1262 г.: мья 13 об., мьяся 86, крьяхуся 15 об., крья 32 об., крьеші 50 об., покрьеть 54 об., съкрьють 83, по — 98; Паремейникъ 1271 г.: открьеть 100 об.; Пандекты 1296 г.: умью 38, мьющихъся 128 об.; Ев. 1317 г.: мьяшеся 9; Ев. 1323 г.: умью 167 об.; Ев. до 1362 г.: умью, умьеши 118; Ев. 1393 г.: откроеться 35 об.; Служебникъ XIV в., такъ наз. Антонія Римлянина: умью 21; Новгородская лѣт.: крьяшеся 133, и т. п. (еще примѣры см. выше, стр. 49). Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ *мыю*, *крыю* и т. п.; они имѣютъ только мóю (или мью), крóю.

Цѣлый рядъ словъ въ древнюю эпоху оканчивался у насъ на *ии* и на *ьи*, на *ия* и на *ья*: змии и змьи (Минея 1096 г.: змьи имен., 209; Минея 1095 г.: змья, род., 57; Псалтырь 1296 г.: змьи съ 221 об.; Новгородская лѣт.: змьи видѣша лѣтящь 155), ручии (Новгородская лѣт.: ручия 13) и ручьи (тамъ же: ручья 53, 87), змия и змья (Святослав. Сборникъ 1073 г.: змья, имен. ед., 209, вин. мн., 103 об. и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: змью 126 об.), шия и шья (Житіе Нифонта 1219 г.: съ шьи своихъ 63 об.; Пандекты 1296 г.: на шью 36; Лаврентьевск. сп. лѣт.: за шью 334; Новгородская лѣт.: къ шьи 42) и т. п. Формы съ *и* въ памятникахъ до XV вѣка обычны; формы съ ь — рѣже. Въ настоящее время великорусское нарѣчіе уже совсѣмъ не знаетъ первыхъ; они вытѣснены изъ употребленія вторыми: змьй (*ь* вм. *е*), ручéй и рýчей, шéя.

Формы повелит. накл. глаголовъ *бью*, *пью* и т. п. нѣкогда звучали бии, пии, биите, пиите и бьи, пьи, бьите, пьите, причемъ первыя въ старшихъ памятникахъ употребляются часто, вторыя — чрезвычайно рѣдко (Ев. 1270 г.: яжь и шьи). Современные великорус-

скіе говоры уже не знаютъ *бий* и т. д. и имѣютъ исключительно формы съ *е*: бей.

Въ нѣсколькихъ другихъ великорусскихъ словахъ мы видимъ побѣду *и* надъ *ь*. Это—забіяка (при бью), піявка (при пьянъ), сіять (при др.-русск. съяти, малор. ссяти).

Слово **кыи*, соврем. великор. *кій* съ производными (фамилія Кіевъ, въ великорусскихъ грамотахъ XVI в.), и названія города древн. Кыевъ, современн. великор. Кіевъ, и села (Тверск. губ.) соврем. Кіево, можетъ быть, никогда не имѣли рядомъ кы и т. п.

X. Исторія формъ спряженія.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія имѣлъ простыя формы настоящаго времени (они употреблялись также съ значеніемъ будущаго времени), имперфекта, сигматическаго аориста, повелительнаго наклоненія, и цѣлый рядъ сложныхъ формъ: будущаго времени, прошедшаго, давнопрошедшаго, сослагательнаго наклоненія. Сверхъ того, въ немъ было значительное количество формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій. Такимъ образомъ русскій языкъ въ древности былъ гораздо болѣе богатъ глагольными формами, чѣмъ въ настоящее время; иначе говоря, русскій языкъ на памяти исторіи потерялъ часть своихъ глагольныхъ образованій.

Потеря глагольныхъ формъ. Едва ли не первыми были потеряны формы *имперфекта*. Нерѣдкія въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, въ русскихъ житіяхъ, лѣтописяхъ и т. п., они вовсе не встрѣчаются ни въ грамотахъ, ни въ Русской Правдѣ. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности опредѣлить сколько-нибудь точно время исчезновенія русскаго имперфекта и должны ограничиться предположеніемъ, что въ XIII—XIV вв., въ тѣхъ вѣкахъ, къ которымъ относится большая часть нашихъ древнѣйшихъ грамотъ, онъ или уже совсѣмъ не существовалъ въ живой рѣчи, или употреблялся очень рѣдко. Современный русскій языкъ не знаетъ ни одной формы, въ которой можно было бы признать потомство древняго имперфекта.

Употребленіе *аориста* въ древне-русскихъ памятникахъ сходно съ употребленіемъ имперфекта. Формы аориста встрѣчаются весьма часто въ переводныхъ памятникахъ, въ лѣтописяхъ и т. п., но въ грамотахъ они рѣдки. Мы читаемъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г.: отложи*хомъ*, докончах*ъмъ*, постави*хомъ*; въ

смоленской грамотѣ 1284 г.: грамота писана *бысть*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: написа*хъ*; въ духовной Ивана Калиты: написа*хъ*; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: куп*и*, залож*и*, позв*а*, спрос*ила*, сряд*ишася*, *даша*, изоиде та пять лѣтъ; точно также въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: отлож*ила*, устав*ила* 2. Мѣсто аориста въ грамотахъ и въ Русской Правдѣ обыкновенно бываетъ занято формами прошедшаго сложнаго. Если мы возьмемъ Мстиславову грамоту 1130 г., мы въ ней не найдемъ ни одной формы аориста, но встрѣтимъ, на мѣстѣ аориста, четыре раза формы прошедшаго сложнаго: повелѣлъ ѥсмь, язъ далъ, далъ ѥсмь, велѣлъ ѥсмь. Въ смоленской грамотѣ 1229 г., въ самомъ ея началѣ, нѣтъ ни одной формы аориста, но стоитъ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго: умьрлъ, уздумалъ, прислалъ, было, ѥхали, утвѣрдили, урядили, было любо и т. д. Въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г., довольно большой по объему, формы прошедшаго времени нерѣдки, но это все формы прошедшаго сложнаго, а не аориста: пришли, поведали, еси отъялъ, былъ, бывалъ, заблудилъ, хотелъ и др. То же въ Русской Правдѣ: этоть памятникъ, при двухъ приведенныхъ формахъ аориста, имѣетъ рядъ формъ прош. вр.—исключительно прошедшаго сложнаго. По всей вѣроятности, формы аориста вышли изъ употребленія вскорѣ послѣ XIV в. (но въ новгородскихъ грамотахъ XV в. онѣ не рѣдкость: грамота 1456 г.: велѣ*хомъ*, отпусти*ша*, заплати*ша*; грамота 1459—1470 г.: би*ша*, пожалова*ша*, приложи*ша*; грамота 1471 г.: приѣха*ша*, повелѣ*хомъ*, Ак. Арх. Э. I, 43—45, 99—100; въ псковской грамотѣ 1483 г.: оправи*хомъ*, повини*хомъ*, да*хомъ*, Ак. Юр. № 2).

Въ современномъ языкѣ остатки ихъ чрезвычайно рѣдки. Кромѣ одной формы аориста, встрѣченной нами въ онежскихъ былинахъ (у Рыбникова): *бысть* князь веселъ и радостенъ, мы можемъ указать лишь частицу, междометіе *чу*: тише, *чу*, гитары звонъ...; да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ... Если мы вникнемъ въ смыслъ только что приведенныхъ стиховъ, то увидимъ, что частица *чу* восходитъ къ формѣ 2-го л. аориста отъ глагола *чути*, съ значеніемъ: слышишь. Замѣчательно, что въ сербскомъ языкѣ, въ пѣсняхъ, форма 2-го л. аориста *чу* нерѣдко употребляется съ значеніемъ настоящаго времени: oj, *чу* ли ме=слышишь ли меня.

Слѣдя за формами аориста по памятникамъ, мы можемъ замѣ-

тить, что въ послѣднее время своего существованія они подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, формы 3-го л. мн. аориста стали смѣшиваться съ формами 3-го л. ед. имперфекта, т. е. въ нихъ вмѣсто *ша* стало являться окончаніе *ше*: Милятино Ев. 1215 г.: птица небесьныя позоба*ше* ѥ 87 об.; новгородское Ев. XIII в. Публ. Библ. F. 8: придоша и позоба*ше* 1 об.; Ев. 1317 г.: позоба*ше* 37, 78; новгородская грамота 1372 г.: повелѣ*ше*, послa*ше*; Ев. 1393 г.: *яше*; Новгородская лѣт. XIV в.: въсажа*ше* 24, видѣ*ше* 130; Лаврентьевск. сп. лѣт.: повѣда*ше* 81, стоя*ше* 222, цѣлова*ше* 407; новгородская грамота 1448—1454 г.: се пожалова*ше* посадникъ и вси старыи посадники, Ак. Арх. Э. I, 32; зап.-русская Четья 1489 г.: мнози послуша*ше* ѳе; у Скорины формы на *ше* очень часты: сопротиви*шеся*, моли*шеся*, збего*шеся* (при подлежащихъ во множ. ч.).—Затѣмъ, мы видимъ употребленіе формъ аориста 3-го л. ед. и мн. съ окончаніями того же лица имперфекта; Ев. 1339 г.: приведо*ху* 88 об.; новгородск. Ев. XIV в. Рум. М. № 434: исцѣли*хуся* 68; псковское Лукино Ев. 1409 г.: придо*ху*; Скорина: слузи теши*ху* ѥго, поклони*хуся*, взя*ху*, ходи*ху*, и т. п.; двинская грамота XIV—XV *в.*: ту грамоту посадникъ подра*ше*, Ак. Юр. 270. Срв. въ Ев. 1354 г.: жены бя*ше* (=бя*ху*) пришли 143 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже с нимь бя*ше* чюдишася 81, дьци ѥму бѣ и та умро*ша*, жена приступи*ша* сзади коснуся 90 об.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ркоша яко Кии *есть* перевозникъ *бысть* 5 (Лаврентьевск. сп.: есть былъ), тоть *есме* погибо*хомъ* 399 (то же въ сходныхъ съ Ипатскимъ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ XV в.), *бъ* възложи 93 (Лавр. сп.: възложи*лъ*).—Въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIV—XVI вв. мы находимъ смѣшеніе формъ 3-го л. ед. аориста съ формами настоящ. вр., такъ что формы аориста являются съ окончаніемъ *ть*; Ев. 1339 г.: възложи на ни руцѣ и отъидет*ь* 57 об.; Ев. 1355 г.: Илья приде*ть* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 89, не знаяше дондеже роди*ть* сынъ свои первенѣць 162 об.; Ев. 1358 г.: Илья приде*ть* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 123; Ев. 1393 г.: посла воя своя... градъ ихъ зажьже*ть* 69 об., опъ утверди*ть* лице своѥ 91 об.; 2-ая Новгородская лѣт. по сп. XVII в.: посла... а самъ иде*ть*, воздвиже*ть*, и т. п.; срв. въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: тыи села доста*шет*ца, Ак. Юр. 273; въ псковскомъ Прологѣ 1425 г.: се куши*шеть* книгы сия староста и игу-

менъ и вси черньци. Формы аориста на *ху* и на *тъ*, вѣроятно, принадлежатъ книжному языку; сомнительно, чтобы онѣ когда-нибудь существовали въ живомъ говорѣ. Памятники позднiе, XVI и XVII вв., нерѣдко имѣютъ совершенно неправильное употребленiе формъ имперфекта и аориста: формы, напримѣръ, 1-го л. употребляются вмѣсто формъ 2-го, формы единств. числа вмѣсто формъ множ. и т. п.; въ 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: садъ весь изгорѣ*ша*, овому тимя изгорѣ*ша*, а иному чрево погорѣ*ша*, иные въ воде потопа*ше* 65; у Котошихина: Иванъ Грозный сына своего смири на оный свѣтъ, проби*ша* его осномъ своимъ; въ Житiи преп. Адрiана Пошехонскаго XVII в.: преподобный учини*хъ* себѣ хижицу, князи и боляре подава*хъ* имъ милостыня, мучители оцѣпи*хъ* ужемъ и влечаху, разбойницы выграби*хъ* имѣнiе, мучители *рече*, *нача* старосты (имен.) вопрошати и т. п. (по сп. Ундольскаго № 1308); въ Житiи Геннадiя Костромскаго конца XVI в.: мы на конехъ *яздяху*, а онъ никакоже требова*ху*, старецъ сотвори*хъ* молитву и т. п. (по сп. Синод. Библ. № 929); въ послѣсловiи къ печатн. московск. Апостолу 1644 г.: мы слухи наши отврати*ша*. Одинъ случай такого употребленiя найденъ нами въ Ев. 1393 г.: послании обрѣто*хъ* болящаго раба ицѣливша 93.. Приведенныя формы показываютъ, что въ XVI—XVII вв. формы имперфекта и аориста уже перестали быть понятными даже для русскихъ грамотеевъ.

Нѣкоторое количество формъ потеряно *будущимъ сложнымъ*. Будущее сложное въ древне-русскомъ языкѣ состояло изъ неопредѣленнаго наклоненiя глагола и формы настоящаго времени *буду*, или *иму*, или *хочу*, или *начьну* (*почьну*).

Формы изъ неопредѣленнаго наклоненiя и *буду* были особенно распространены и встрѣчаются такъ же часто въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ и въ современномъ языкѣ.—Формы съ глаголомъ *иму* встрѣчаются довольно часто въ старыхъ памятникахъ, какъ въ сѣверно-русскихъ, такъ и въ западно- и южно-русскихъ,—въ лѣтописяхъ, житiяхъ, грамотахъ и т. п.; такъ, мы читаемъ въ Житiи Ѳеодосiя Печ. по сп. XII в.: не *имуть* ти *створити* 19 об.; въ рижской грамотѣ ок. 1284 г.: аже *иметь жялобитися* насъ кто; въ духовной Ивана Калиты: а ци *iмуть искати* татарове; въ духовной Семена Гордаго: хто сю грамоту *иметь рушити*; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: а ци по грѣхомъ *имуть* изъ орды *искати*

Коломны; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: не *имамъ* уже *царствовати*; въ двинской рядной XIV—XV в.: кто *иметь наступати*, Ак. Юр. 271. Вслѣдствіе своего широкаго распространенія въ древности, формы буд. вр. съ *иму* сохранились въ остаткахъ до настоящаго времени. Въ вологодскомъ, костромскомъ и ярославскомъ говорахъ великорусскаго нарѣчія мы слышимъ: *иму дѣлать*, *нему дѣлать* и т. п. Сходныя формы существуютъ и въ малорусскихъ говорахъ: украинск. *му іти*, *співати му*, *робити му* и т. п.—Формъ изъ неопредѣленнаго накл. и *хочу* (однородныхъ съ южно-славянскими) было меньше; въ грамотахъ мы ихъ почти не встрѣчаемъ (грамота рижанъ ок. 1300 г.: мы *хочомъ* Богу жяловатися); но въ Несторовой и Кіевской лѣтописяхъ они нерѣдки: *благословити* тя *хотять* сынове рустіи (Ипатск., Радзивиловск., Академическ. сп.: *имуть*), како азъ *хочу* инъ законъ *приняти* единъ (=какъ я приму); аще убью брата моего, *имѣти* тя *хочю* во отца мѣсто; еда ли теперво *хощеть быти* се, и т. п. (Лаврентьевск. сп.); како я *хочю молвити*, а на мя *хотять молвити* твоя дружина; сде ли *хочемъ стояти*,... паки ли *хочемъ* сде *перестояти*, а се Володимеръ за нами (Ипатск. сп. 191, 287). Въ настоящее время формы буд. вр. съ глаголомъ *хочу* въ русскомъ языкѣ уже неизвѣстны.—Формы съ *начьну* были, кажется, сравнительно рѣдки: Мстиславова грамота 1130 г.: даже которыи князь *почьнеть хотѣти* отняти (=захочетъ); Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: а что будеть съ нимь погыбло, то же ємy *начнеть платити* 7 (=заплатитъ); Лаврентьевскій сп. лѣт.: аще ты познаеши и *радоватися почнеши*, дружина *смѣятися начнуть* 62. Современный языкъ не знаетъ употребленія *начну* какъ вспомогательнаго глагола, и формы буд. вр. въ родѣ приведенныхъ въ немъ уже не существуютъ.

Сверхъ этихъ формъ, русскій языкъ утратилъ всѣ глагольныя формы *двойственнаго числа*. Въ древне-русскомъ яз. формы двойств. ч. глагола употреблялись или тогда, когда подлежащее было въ формѣ дв. ч., или когда было два подлежащихъ, каждое въ ед. ч.: отьць и мати сына своєго *плакастася*; Никонъ и другыи чьрньць *отъгидоста* (Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.); рече Редедя къ Мьстиславу: что ради *губивъ* дружину, *снидевъ* ся сама боротъ; Всеволодъ и Мстиславъ *стояста* и *познаста* брата своего; братє, поѣди Ростову, а оттолѣ миръ *възмевъ*. (Лаврентьевск. сп. лѣт.). Но

уже съ XII в. мы встрѣчаемъ, при подлежащемъ въ дв. или при двухъ подлежащихъ въ ед. ч.,—сказуемое во множ. числѣ; такъ, въ смоленской грамотѣ 1229 г.: та два была... *ѥхали*; въ записи Ев. 1355 г. два писца говорятъ о себѣ: аще *будемъ* грубо написали; въ Ев. 1358 г.: двѣ птицѣ *продаются* 58 об., та (Іаковъ и Іо.) *готоваша* 64 об., *бѣаша* отягченѣ очи 149; въ Служебникѣ 1380 г. Воскресенск. монаст.: *поидуть* оба брата 47; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: не *суть* два 21 об., *посланіа* сестрѣ (имен.) 47; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *разоидошася* обѣ слободѣ, и т. п.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: вѣ *ся* сами *вѣдаимы* 271, и т. п. Срв. въ новгородск Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 10: по немъ идо*ста* народи *мнози* 16. Въ настоящее время формы дв. ч. не существуютъ въ достовѣрныхъ остаткахъ.

Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго. Формы прошедшаго сложнаго нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго, такъ называемаго спрягаемаго (на *лъ*), и вспомогательнаго глагола *есмь*. Первоначально вспомогательный глаголъ измѣнялся правильно по лицамъ и числамъ; но очень рано формы 3-го л. всѣхъ чиселъ прошедшаго сложнаго стали употребляться безъ него, такъ какъ въ немъ не чувствовалось особенной надобности. Формы безъ вспомогательнаго глагола мы встрѣчаемъ въ церковно-славянскомъ яз., напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: показа добляя мати яко ученіими благыѧ вѣры *въскрѣмила* (безъ *ѥсть*); васъ не землѣ *покрыла* ни небо приѧтъ (безъ *ѥсть*). Они нерѣдки въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ въ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (между прочимъ въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.), такъ и въ грамотахъ, записяхъ и т. п.: надпись на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: Глѣбъ князь *мѣриль* море по леду (безъ *есть*); запись Юрьевскаго Ев. ок. 1120 г.: Угриньць *псалъ*; смоленская грамота 1229 г.: коли Алъбрахтъ владыка ризкии *умьрлъ*, *уздумалъ* князѣ (*ь*=ъ) смольнескыи, *прислалъ*, та два *была* у Ризѣ, изъ Ригы *ѥхали*. Послѣдняя грамота заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго 3 л. безъ вспомогательнаго глагола, и въ ней нѣтъ ни одной формы со вспомогательнымъ глаголомъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ памятникахъ: въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: тому за нь платити кто и *изетялъ* (изрубилъ; *е*=ь); въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г.: что ся *учинило* тяже; въ Ла-

врентьевскомъ сп. лѣт.: се нашь *доспѣлъ*, что ради вѣче *было*, отець ти *умьрлъ*, бысть сѣча зла яка же не *была* въ Руси, въ се же лѣто Всеславъ рать *почалъ*, се половци *росушася* по земли.

Рядомъ съ формами 3-го л. прошедшаго сложнаго безъ вспомогательнаго глагола, мы обыкновенно находимъ въ старыхъ памят. кахъ формы 1-го и 2-го л. со вспомогательнымъ глаголомъ; такъ, въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г. мы читаемъ: которыхъ дворць *въпросили* ваша братья посли (безъ *суть*), а тѣхъ ся **кесмы** *отступили*; на чемь *цѣловали* отци ваши и наши крестъ (безъ *суть*)...; иноѥ грамоты у насъ нѣтуть ни *потаили* **кесмь**; въ духовной Климента XIII в.: *далъ* **кесмь**, *взялъ* **кесмь**; не *было* у мене брата ни сыну (безъ *есть*); въ смоленской грамотѣ 1284 г.: *судилъ есмь*, *выдалъ есмь*; ту *были* бояре, отъ немець *были* на суде, *искали* колокола (безъ *суть*), печатникъ *печаталъ*, писець княжь *псалъ* (безъ *есть*); въ новгородской грамотѣ ок. 1294 г.: **кесте** *присылали*; князь великыи *послалъ* к вамо (*о*=*ъ*) сына (безъ *есть*). Такого рода двоякое употребленіе формъ прошедшаго сложнаго не могло долго продолжаться: формы 3-го л. оказали вліяніе на формы 1-го и 2-го л., и послѣднія также стали превращаться въ неполныя формы, т. е. употребляться, подобно формамъ 3-го л., безъ вспомогательнаго глагола. Этому много способствовало развившееся употребленіе личныхъ мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго.

Если мы обратимъ вниманіе на употребленіе личныхъ мѣстоименій въ другихъ языкахъ, то замѣтимъ, что въ языкахъ латинскомъ и греческомъ они употребляются сравнительно рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ, напримѣръ, во французскомъ. То же, что въ латинскомъ и греческомъ, мы видимъ и въ церковно-славянскомъ, и въ древнерусскомъ языкахъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, въ большей части случаевъ, личныя мѣстоименія отсутствуютъ; такъ, въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в. мы читаемъ: аще хощеши видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ (безъ *ты*); много си жалю **кего** ради (безъ *я*); глагола **кѣ** яко много молихы и (безъ *я*); аще хощеши видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ и тако приходящи сѣмо видиши мя (безъ *ты*); въ Словѣ о полку игоревѣ: оба есвѣ Святъславлича. Въ грамотахъ и лѣтописяхъ XII—XIV вв. то же отсутствіе личныхъ мѣстоименій: въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: можеши ся с нимъ бороти; по что губите себе, коли можете

престояти насъ, аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ, имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; се уже хочемъ померети; можемъ главы своя сложити за тя; хочемъ ся еще бити; печенѣзи мняще, яко предатися хотять, и т. п. Употребленіе личныхъ мѣстоименій 1-го, 2-го, 3-го л. наблюдается всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣстоименія находятся подъ логическимъ удареніемъ (срв. латинскій и греческій яз.); Житіе Ѳеодосія Печ.: мати ѥго съповѣда ѥдиному отъ братия, *азъ* же отъ него вся си слышавъ....; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: оже кто възищеть кунъ на друзѣ, а *онъ* ся начнеть запирати 10; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *азъ* Бога познахъ и радуюся, аще *ты* познаеши, и радоватися почнеши; аще *вы* сего укора не жаль, *азъ* единъ погыну; аще одолѣеши *ты*, то возмеши имѣнье мое, аще ли *азъ* одолѣю, то възму твое; *мы* ся доискахомъ саблями, а *сихъ* оружье мечь; *вы* есте братья единого отца. Сверхъ случаевъ въ родѣ приведенныхъ, мѣстоименія 1-го и 2-го л. нерѣдко употреблялись тогда, когда при нихъ находилось приложеніе: запись Юрьевскаго Ев. ок. 1120 г.: *азъ* грѣшьныи Ѳеодоръ напсахъ; запись Мстиславова Ев.: *азъ* грѣшьныи рабъ написахъ, *азъ* рабъ божии.... съписахъ; Мстиславова грамота 1130 г.: се *азъ* Мьстиславъ повелѣлъ ѥсмь; а се *я* Всеволодъ далъ ѥсмь; *ты* игумене и *вы* братиѣ молите; однако въ приписке 1116 г. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: игуменъ Силивестръ написа*хъ* книгы си. Но иногда въ древне-русскихъ памятникахъ личныя мѣстоименія стоятъ какъ бы безъ всякой надобности; такъ, въ Мстиславовой грамотѣ мы читаемъ: *вы* дължьни ѥсте молити Бога: въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: аже не отложишь лишнего дѣла, *мы* хочомъ Богу жяловатися; *мы* свое обиды не положимъ; пыне *мы* ся тобе молимъ, и т. п.

Такое употребленіе личныхъ мѣстоименій способствовало тому, что формы прошедшаго сложнаго стали терять вспомогательный глаголъ и въ 1-мъ и во 2-мъ л., причемъ отсутствіе вспомогательнаго глагола восполнялось личнымъ мѣстоименіемъ; такъ, въ Пандектахъ Антіоха XI в. мы читаемъ: *ты осклабилъся*, а она въсмиялася 43 об.; въ Мстиславовой грамотѣ: *язъ далъ* рукою своѥю (безъ ѥси, ѥсмь); въ приписке XII—XIII в. въ Уставѣ церковн. Син. Библ. № 330: *язъ былъ* на низу; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *мы* вашее братие не *обидъли* ни *грабили* (безъ ѥсмъ); *ты* его

товаръ *узялъ* (безъ **есми**); *ты* ему не *далъ*; *ты* ему *велѣлъ* продати; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: *азъ* мьстіла уже обиду; *ты* ему добра *хотѣлъ*, и т. п. Рядомъ съ формами безъ **есми**, но съ *ты*, мы находимъ въ только что упомянутой грамотѣ рижанъ довольно значительное количество случаевъ употребленія полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, т.-е. съ **есми**, но безъ *ты*.

По мѣрѣ того, какъ употребленіе личныхъ мѣстоименій все увеличивалось,—уменьшалась потребность въ употребленіи полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, и наконецъ эти формы были совершенно вытѣснены изъ живого говора. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ грамотахъ XVI—XVII вв. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го л. нерѣдко; такъ, во вкладной 1567 г. мы читаемъ: *далъ есми*; въ новгородскихъ грамотахъ 1577 г.: *дали есмя*; 1579 г.: *продалъ есмь*; 1614 г.: *выручили есме*; въ Домостроѣ по сп. XVI в.: *ночевала есмь*, а тамо *есмь* и не *поспѣла* 75; въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ: *изволили естя* 178; въ Ев. Тяпинскаго: пять талантовъ мі *еси поручилъ*; жнешь, где не *сеелъ еси*, и збираешь, куды не *розсыпалъ еси*.

Впрочемъ современный языкъ сохраняетъ скудные остатки старыхъ полныхъ формъ прошедшаго сложнаго; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ языкѣ пѣсенъ какъ на сѣверѣ Руси, такъ и на югѣ.

Исторія формъ давнопрошедшаго. Эти формы, какъ указано выше (стр. 164), являются въ памятникахъ въ двухъ видахъ. Формы перваго вида, въ составъ которыхъ входилъ имперфектъ или аористъ вспомогательнаго глагола, прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ имперфектомъ и аористомъ; формы же второго вида сохранялись довольно долго, и, напримѣръ, въ зап.-русск. Страстяхъ Господнихъ XV в. и въ Библіи Скорины мы видимъ употребленіе ихъ вполнѣ правильное; Страсти: чули есмо ангелы говорячо къ жонамъ, которые *пришли были* до гробу; знайденъ Іосепъ есть, которого *замкнули были*; Скорина: *насадилъ былъ* Богъ рай = въ латинскомъ текстѣ: plantaverat paradisum; Аманъ *пришелъ былъ* предъ палату = въ латинскомъ текстѣ: Aman intraverat; розгневался суть на Сихема, яко срамоту *былъ учинилъ* Израилеви, и т. п. То же въ московской грамотѣ 1455—1462 г.: язъ *велѣлъ*

былъ ихъ судити... а ноничя есми ихъ пожаловалъ (Ак. Калач. I, 103); въ грамотѣ арх. Геннадія 1490 г.: которые еретики *были покаялися*,.... всѣ сбѣжали (Р. Истор. Библ., VI, 768); въ грамотѣ 1504 г.: мы *поили были* тѣхъ потесовъ класти, доколѣ грамоты не привезли; въ грамотѣ 1525 г.: Якушъ у поля *сталъ былъ* да отъ поля сбѣжалъ (Ак. Юр. 22, 35); въ грамотѣ 1592 г.: князь *пожаловалъ былъ* судью Ѳилипа, и Ѳилипа въ тѣ поры въ животѣ не стало (Ак. Ѳед.-Чех. I, 59); въ Исторіи Курбскаго: что ихъ *было осталося*, тѣ покорившася; въ Царственной книгѣ XVI—XVII в.: татарове *были* по лѣсу *розбежалися* (печ. изд. 568); въ московской разрядной книгѣ 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др., III, 3): козаки *были* на службу *поили*, а нынѣ воротилися; въ печатной Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 г.: когда Люциферъ вознестися похотѣлъ, ему же не *довелося было*, и онъ діяволомъ за то учиненъ. Кое-какіе остатки этихъ формъ существуютъ даже и теперь, въ современныхъ говорахъ, съ значеніемъ простого прошедшаго; такъ, въ сказкахъ мы находимъ: *жилъ былъ*; въ онежскихъ былинахъ: эти королю *были* рѣчи не *понравилися*; никого не *наглядѣлъ* тутъ *былъ*. Повидимому, современныя великор. онъ *было пошелъ*, одинъ *было* прохожій камень *взялъ* и т. п. также восходятъ къ формамъ давнопрошедшаго; во всякомъ случаѣ стоитъ отмѣтить въ Космографіи Бѣльскаго 1670 г.: Июда въ тѣ поры какъ Іосиѳа продали, *отшелъ было* отъ братіи и понялъ жёну 46, и у Кантемира: еще не *обѣдалъ было* народъ, а улица тѣсна была (I, 104).

Исторія формъ сослагательнаго наклоненія. Эти формы нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *быхъ*. Ихъ мы видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: аж *быхъмъ* что тако *учинили*, аж *бы* миръ твьрдъ *былъ*, аж *бы нальзлъ* правду (смоленская грамота 1229 г.), а *бысте пустили* жито (полоцкая грамота ок. 1300 г.), то есть тобе достоино аже *бы* тые люди *казнилъ*, какъ то *бышь* инии людье *боялися*, кто лихую думу подъдаваетъ; аже *бы* ты у своемь слове *стоялъ*, а нашю братию *проводилъ бы*, мы *быхомъ* не *поминали* того коня (грамота рижанъ ок. 1300 г.). Здѣсь формы сослагательнаго накл. употреблены вполнѣ правильно: аж *быхъмъ учинили*—правильная форма 1-го л. множ.; аж *бы былъ*—правильная форма 3-го л. ед.; *бысте пустили*—правильная форма 2-го л. мн. Подобныя древнія формы постоянно встрѣчаются въ

большей части памятниковъ до XIV в. включительно; рядомъ съ ними, въ меньшой части тѣхъ же памятниковъ, изрѣдка являются новыя формы, состоящія изъ разныхъ формъ причастія на *лъ* и изъ *бы*—формы 2-го и 3-го л. ед. ч., утратившей свое первоначальное значеніе формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и сдѣлавшейся частицею, которая стала указывать на условность. Послѣднія получились вслѣдствіе того, что формы причастія на *лъ* уже въ множествѣ случаевъ приняли значеніе глагольныхъ формъ прошедшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ древнія формы сослагательнаго наклоненія съ *бы* стали пониматься какъ формы прошедшаго сложнаго въ сложеніи съ частицею *бы*. Первые памятники, въ которыхъ мы встрѣчаемъ частицу *бы*, относятся къ XIII—XIV в.: Милятино Ев. 1215 г.: аще *бы* въ Турѣ быша силы былы 22; Ев. 1339 г.: аще *бы* мя бысте вѣдали 16, аще *бы* слѣпи были 20 об., аще *бы* в Туре быша силы были 99; духовная Семена Гордаго: лихихъ *бы* есте людии не слушали, слушали *бы* есте отца нашего владыки; Ев. 1354 г.: аще Богъ отець вашь бы былъ любили *бы* мя кесте 16,—любили *бы* мя бысте 18; Ев. 1358 г.: грѣха *бы* не быша имѣли 13 об., 179, 179 об.; Ев. до 1362 г.: аще мя бысте знали, знали *бы* бысте и отца 122 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: въ дне *бы* есте пришли 191; Ев. 1399 г.: аще *бы* вы слѣпи были 13, аще *бы* въ Турѣ быша силы былы *бы* бывъшая въ ваю 75; Мстижское Ев. XIV в.: аще *бы* бысте вѣры имали 8, аще быхъ не *бы* имъ дѣлъ створилъ 10 об., аще не *бы* прикратилися дни ты 55 об., аще *бы* ся не прикратили дни тѣ 71 об.; Ипатскій сп. лѣт.: вы *бы* есте повѣдалѣ 440. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ въ составъ формы сослагательнаго наклоненія входитъ полная форма прошедшаго сложнаго: лихихъ *бы есте* людии не *слушали*. Въ памятникахъ болѣе позднихъ мы видимъ употребленіе и тѣхъ и другихъ формъ: такъ, въ грамотѣ Витовта 1427 г. мы встрѣчаемъ правильныя формы: коли *быхомъ* хотѣли... или кому *быхомъ* призволили; въ Библіи Скорины: да *быхомъ* ходили, а *быхъ* позналъ; но у Скорины рядомъ и неправильныя: да *бы* горели светила, а *бы* были выбавени люди, сложили *бы* есте. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ правильныя формы сослагательнаго наклоненія существуютъ и до сихъ поръ, но въ массѣ другихъ говоровъ они исчезли, и на мѣстѣ ихъ мы находимъ формы прошедшаго сложнаго съ частицею *бы*. Послѣдняя часто является

въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ различными союзами, что ее можно считать составною частью союзовъ; таковы союзы *чтобы*, *дабы*, *абы*. Употребленіе ихъ замѣчается уже въ памятникахъ XIV и XV вв.; въ духовной Семена Гордаго: пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы* не перестала память родителии нашихъ и наша; въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: *абы* вамъ не закажали; въ молдавской грамотѣ 1388 г.: просимъ, *штобы* есте учинили; въ зап.-русск. Страстяхъ Госп XV в.: *штобы* есте не отнимали; въ Повѣсти объ Акирѣ по сп. XV в.: уне есть женѣ, *дабы* свой сынъ умерлъ *бы*, нѣли дабы ей чюжь кормити (срв. моливъ, *а быша* проводили, Новгородская лѣт. 324; про то же названъ Покровъ праздникъ, *што бы-хомъ* знали, Четья 1489 г. 52; того дѣля, *что быша* познали, Ипатскій сп. лѣт. 433).

Кромѣ сложныхъ формъ сослагательнаго наклоненія, древне-русскій языкъ имѣлъ форму 3-го л. ед. этого наклоненія *бы*, безъ формъ причастія, съ значеніемъ было бы: оже *бы* ми баба жива (приписка писца въ Прологѣ XIV в. Син. Биб. № 239), аще бо *бы* перевозникъ Кии, то не *бы* ходилъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.). Эта форма сохранилась до нашего времени: хорошо *бы* это сдѣлать, и т. п.

Исторія формъ будущаго совершеннаго. Формы будущаго совершеннаго (futurum exactum), состоявшія изъ формъ причастія прошедшаго на *.л* и формы *буду*, мы находимъ въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: кто *будетъ началъ*, тому платити; аже кто познаетъ свое, что *будетъ погубилъ*, а что *будетъ* съ нимь *погыбло*, то же ему начнетъ платити, и т. п.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *будутъ* тобе людье тую думу *подгдали*, тоть не у честь тебе дали; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: аще кде *буду изгрубилъ*, запись; въ духовной Семена Гордаго: что *буду судилъ*, а того вы не восчинайте; кого *буду прикупилъ* или хто ми *ся буде* въ винѣ *достало* или хто *ся будетъ* у тѣхъ людеи *женилъ*, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю; въ Ев. 1355 г.: аще *будемъ* грубо *написали*, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: аще ли *взялъ будетъ*, елико *далъ будетъ* на немъ; въ посланіи новгородск. архіеп. Геннадія 1489 г.: могълъ бы еси крѣпость свою подрьжати, за что *будешь оставилъ* архіепископью; въ грамотѣ 1525 г.: что *будешь слышелъ*, и ты то сказывай прямо, Ак. Арх. Э. I, 144. Съ теченіемъ времени, когда формы причастія на *л* уже во множествѣ случаевъ приняли зна-

ченіе глагольныхъ формъ прошедшаго времени, древнія формы будущаго совершеннаго стали исчезать какъ отдѣльныя глагольныя образованія, и ихъ составная часть—формы *буду*, *будешь* и т. д.—замѣнилась формою 3-го л. ед. *буде* или *будетъ*, которая стала употребляться какъ союзъ, съ значеніемъ *если*. Таково употребленіе формы *будетъ* хотя бы въ грамотѣ 1579 г.: а чево *будетъ* (я) забыла (прош. вр.) написати, и въ томъ вѣдаетъ Богъ, Ак. Өед.-Чех. I, 216, или въ грамотѣ 1615 г.: а *будетъ* мы учнемъ (будущ. вр.); таково же употребленіе *буде*, *будетъ* въ современныхъ великорусскихъ говорахъ.

Для исторіи формъ будущаго совершеннаго любопытны слѣдующія данныя: аще *буду* гдѣ *описался есмь* (запись Уваровск. Псалтыри 1526 г.; почти то же въ записи Софійск. Миней 1438 г.); еже въ чемъ *буду описахся* или *преступихъ* (запись Толков. Ев. 1464 г. Общ. др. письм.; почти то же въ записи Троицк. Златоуста 1557 г.); где *буду погрѣшихъ* (вкладная м-та Макарія въ іюл. книгѣ Четьихъ-Миней).

Исторія формъ настоящаго времени. Формы настоящаго времени (съ значеніемъ какъ настоящаго, такъ и будущаго врем.) въ древности имѣли три ряда окончаній: 1) *мь*, *си*, *сть*..., 2) *у* (*ю*), *ешь*, *етъ*..., 3) *ю*, *ишь*, *итъ*...

Формъ съ окончаніями перваго ряда было мало и прежде, а въ настоящее время они сохраняются въ еще меньшемъ количествѣ: великорусск. (московск.): *дамъ*, *пымъ*, *дастъ*, *пстъ*, *есть*, *опьстъ*, *дадутъ*, *пдятъ*; бѣлор. *дамъ*, *пмъ*, *дасі́*, *есі́*, *дастъ*, *ёсть* (=есть), *дамо́*, *пмо́*, *дастё*, *пстё́*, *дадуть*, *пдуть*; малор. *дамъ*, *їімъ*, *вімъ*, *дасі́*, *їісі*, *вісі́*, *есі́*, *дастъ*, *їістъ*, *вістъ*, *дамо́*, *їімо́*, *вімо́*, *дасте́*, *їісте́*, *вісте́*, *дадуть*, *їідять*, *відять*. Кромѣ того, великорусскія пѣсни удерживаютъ формы *есі́*, *есте́*, и въ разныхъ великорусскихъ говорахъ сохранились формы 2-го л. *дасі́*, *псі́*, *есі́*.

Мѣсто нѣкоторыхъ древнихъ формъ настоящ. врем. глаголовъ *дамь* и *пмь* теперь занято соотвѣтствующими формами повелительнаго-желательнаго наклоненія съ значеніемъ настоящ. врем. Великорусск. *дашь*, *ѣшь*, малор. *дашъ*, *їішъ*—не что иное какъ формы 2-го л. ед. повелительн.-желательнаго накл., звучавшія въ древнее время *дажь*, *ѣжь*. Само собою разумѣется, причиною измѣненія въ значеніи этихъ формъ послужила фонетическая близость или тожество окончаній *жь* и *шь*. Точно также великорусскія и бѣлорусскія

формы 1-го и 2-го л. мн. да*димъ*, ѣ*димъ*, да*дите*, ѣ*дите*—собственно формы повелительнаго-желательнаго накл., получившія значеніе изъявит. накл. настоящ. врем. потому, что ихъ окончанія тожественны съ окончаніями формъ 1-го и 2-го л. мн. въ родѣ *бранимъ*, *браните*. Появленіе формъ повелит.-желат. накл. въ значеніи настоящ. врем. относится приблизительно къ XIV в.; по крайней мѣрѣ мы знаемъ три такихъ формы—одну въ Псалтыри XIV в. Публ. Библ. F. 4: до избытка ѣ*ши* 5, гдѣ окончаніе *ши* (вм. *шь*) явилось, конечно, вслѣдствіе того, что писецъ хотѣлъ дать русской формѣ церковно-славянскую окраску, двѣ другія (обѣ въ условныхъ предложеніяхъ) въ Новгородской лѣт.: или не вы*дадите*, язъ вамъ не князь 267, и въ Ипатскомъ сп. лѣт.: оже мы *дадимъ* симъ животъ 380 (Хлѣбниковскій и Погодинскій списки здѣсь имѣютъ: *дамы*). Срв. стр. 254.

Рядомъ съ древнею формою 2-го л. ед. настоящ. врем. *хочешь* теперь употребляются формы *хочь* и *хошь*. Первая широко распространена въ великорусскихъ говорахъ и постоянно употребляется въ говорахъ малорусскихъ: живи, коли *хочь* (Кохановская); чи не *хочь* по чарці; коли не *хочь* обідать, такъ...; що *хочь* роби (Квитка); вторая, происшедшая изъ первой подъ вліяніемъ формъ 2-го л. на *шь*, извѣстна только въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, между прочимъ въ московскомъ; она не отличается большою древностью и мы можемъ указать ее только въ 1-й Новгородской лѣт. по сп. Археографич. Комиссіи XV в.: *хошь*, и ты поѣди, а не въс*хошь*, ино какъ тебѣ любо 421; памятники XVII в. (между прочимъ Книга о ратномъ строеніи 1647 г.) имѣютъ ее часто. Должно замѣтить, что соотвѣтствующая нашей *хочь* церк.-слав. форма *хощти* (съ *и*, какъ въ повелит *даждь* и т. п.) также не рѣдко употребляется съ значеніемъ настоящ. врем. (между прочимъ въ Румянц. Лѣствицѣ XII в. 30 об.).

Окончанія настоящ. врем. *у* (*ю*), *ешь*, *етъ*..., *ю*, *ишь*, *итъ*... сохранились почти вполнѣ, и только въ акающихъ говорахъ, тамъ, гдѣ эти окончанія не имѣютъ на себѣ ударенія, произошло смѣшеніе одного спряженія съ другимъ; такимъ образомъ мы теперь произносимъ, напримѣръ, формы 2-го л. ед. 1-го спряженія (безъ ударенія на концѣ) тожественно съ формами того же лица 2-го спряженія: встан*ешь* одинаково съ люб*ишь*, и т. п.; формы 3-го л.

мн. глаголовъ 2-го спряженія теперь у насъ обыкновенно звучатъ какъ формы 1-го спряженія: люб*ютъ*, смотр*ютъ*, одинаково съ пиш*утъ*. Въ сильно акающихъ южно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ нерѣдки случаи перехода окончанія 3-го л. ед. глаголовъ 1-го спряженія во 2-ое спряженіе: гоне, лове, и т. п.

Къ числу слѣдствій смѣшенія одного спряженія съ другимъ не слѣдуетъ относить такихъ двоякихъ формъ, какъ бѣг*у*, бѣг*утъ* (1-е спряженіе), бѣж*ишь*, бѣж*итъ*, бѣж*ать* Сл. о п. игор. (2-е спр.); хоч*у*, хоч*ешь*, хоч*етъ*, хоч*емъ*, хоч*ете* (1 е спр.), хот*имъ*, хот*ите*, хотя*тъ* (2-е спр.); чт*у*, чт*утъ* (1-е спр.), чт*ишь* (изъ чьстишь), чт*итъ*, чт*имъ*, чт*ите*, чт*ятъ* (2-е спр.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соединеніемъ формъ двухъ спряженій, которыя нѣкогда существовали въ языкѣ во всей своей полнотѣ и употреблялись безразлично, съ одинаковымъ значеніемъ (срв. выше, стр. 108). По всей вѣроятности, къ числу глаголовъ, имѣвшихъ прежде два спряженія, относится и глаголъ *дышу*: въ древнемъ языкѣ онъ измѣняется преимущественно по 1-му спряженію: дыш*ешь*, дыш*утъ* (однако въ Бесѣдахъ папы Григорія XIII в.: дыш*итъ*, дыш*атъ*, дышащю и т. п.), тогда какъ въ языкѣ поэтовъ XVIII в. онъ можетъ имѣть формы по 2-му спряженію: дыш*итъ*, В. Майковъ; дыш*атъ*, Державинъ.

Сверхъ этихъ явленій, въ исторіи формъ настоящ. врем. можно отмѣтить нѣсколько случаевъ вліянія однихъ формъ одного и того же спряженія на другія, а также вліянія на формы настоящ. врем. формъ неопредѣл. накл. и причастія прошедшаго. Формы 1-го л. ед. и 3-го л. мн. повліяли на другія формы въ тѣхъ случаяхъ, когда согласный въ этихъ формахъ былъ отличенъ отъ согласнаго въ формахъ 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го л. мн.; образовавшіяся такимъ образомъ новыя формы нерѣдки въ великорусскихъ говорахъ (между прочимъ, въ московскомъ) и встрѣчаются въ говорахъ бѣлорусскихъ; въ нихъ, напримѣръ, при пек*у*, пек*утъ* слышится пек*ёшь*, пек*ётъ* и т. д. Наоборотъ, формы 1-го ед. и 3-го л. мн. въ нѣкоторыхъ случаяхъ испытали на себѣ вліяніе другихъ формъ; вслѣдствіе этого, напримѣръ, при мо*жешь*, мо*жемъ* получились формы 1-го ед. мо*жу*, 3-го мн. мо*гутъ*, распространенныя въ малорусскихъ говорахъ и не чуждыя также бѣлорусскимъ.—Вліяніе на формы настоящ. врем. формъ неопредѣл. накл. и причастія мы

паходимъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ; такъ, въ древнемъ языкѣ, при неопредѣл. накл. *плыти*, *слыти*, *дути* (церк.-слав. *дѣти*), были формы настоящ. врем. *плоу*, *слову*, *дмy*; рядомъ съ ними, вслѣдствіе вліянія неопредѣл. накл. и причастія, образовались новыя формы настоящ. врем., господствующія теперь въ великорусскомъ нарѣчіи: *слыву*, *плыву*, *дую* (бѣлорусск. *дму*, *дмешь*); они извѣстны съ XVI в. (Познанскій сборникъ: *слыветь*, *слывуть*).

Далѣе, въ исторіи формъ настоящ. врем. мы можемъ остановиться на судьбѣ формъ 3-го л. ед. и мн. Въ древне-русскомъ языкѣ 3-е л. ед. и мн. или имѣло окончаніе *ть*, или было безъ этого окончанія: *будеть* и *буде*, *будуть* и *буду*; но формы съ *ть* преобладали надъ формами безъ *ть*. Послѣднія въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко; но мы читаемъ въ записи Остромирова Ев: *напише*; въ записи Минеи 1095 г.: *обряще*; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: *вѣдаѥ*; въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.: *ѥ*, *бѫде*, *нарицаѥ*, *бываѥ*, *боли*, *су*, и т. п. Само собою разумѣется, формы безъ *ть* Святославова Сборника и другихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, если не всѣ, то многія,—могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковно-славянскому языку. Въ болѣе позднихъ сѣверно-русскихъ памятникахъ подобныя формы встрѣчаются, но сравнительно рѣдко (между прочимъ въ новгородской грамотѣ 1315 г.: *поиду*, множ.); въ галицко-волынскихъ памятникахъ они болѣе часты (особенно 3-го л. ед.): такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: *ѥ*, *приходи*, *достои*, *су*. *иму*; въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в.: *ѥ*, *буде*, *купи*, *проси*, *въсхыти*. Формы на *ть* сохранились во всемъ русскомъ языкѣ. причемъ въ части великорусскихъ говоровъ ихъ конечный согласный отвердѣлъ (см. выше, стр. 117), а въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ мягкое *т* перешло въ *ц*. Формы безъ *ть* встрѣчаются также во всемъ русскомъ языкѣ; въ сильно акающихъ южно-великорусскихъ и въ малорусскихъ говорахъ формы ед. ч. безъ *ть*, на *е*, очень часты: *несе*, *буде* и т. п. (но *несетця*, *любить*, *будуть*); то же можно сказать о юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Литературный языкъ почти не знаетъ формъ безъ *ть*; нѣсколько находящихся въ немъ глагольныхъ формъ безъ *ть* какъ-бы утратили свое глагольное значеніе: *жьту*=нѣсть ту (часто и въ старыхъ памятникахъ), *нельзя* (старое *нѣ*-льзѣ)=нѣсть льзѣ,

нѣ-чего, *нѣ*-кого, *нѣ*-чему, *нѣ*-кому (Новгородская лѣт. 256: *нѣ*-чимь)=нѣтъ ничего и т. д., *нѣ*-што=развѣ, если (договоръ короля Казимира 1483 г.: а *нѣ*што што Богъ измыслитъ, ино имъ... Ак. З. Р. I, № 80; срв. съ *нѣ* въ *нѣ*што—*есть* въ *если*), *буде*=будетъ, если, *де* изъ дѣ**ѥ**=дѣ**ѥ**ть, 3-е л. ед. ч. отъ глагола *дѣяти* говорить.

Формы настоящаго времени нерѣдко имѣютъ значеніе будущаго времени. Употребленіе ихъ съ этимъ значеніемъ началось въ глубокой древности, и въ древне-русскихъ памятникахъ они употребляются почти такъ же, какъ и въ современномъ языкѣ, т. е. однѣ формы настоящаго являются въ нихъ съ значеніемъ настоящаго времени, другія—съ значеніемъ будущаго; сверхъ того, въ нихъ есть нѣкоторое количество формъ, которыя имѣютъ значеніе и настоящаго времени, и будущаго: Остромирово Ев.: сльньце *мьрькнетъ* и луна не дасть свѣта 145 об.=померкнетъ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: поѣди ис Переяславля; пакы ли не поидешь добромъ, *иду* на тя ратью 406; псковская грамота 1483 г.: насъ части лишаютъ, а проѣзду не *дадутъ*, Ак. Юр. № 2; сѣв.-великор. грамота ок. 1490 г.: люди *купятъ* и продаютъ, Ак. Юр. 9; волоцкая грамота 1500 г.: являютъ сю грамоту волостелю и они не *дадутъ* ничего, Ак. Арх. Э. I, 102; разрядная книга 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др. III, 1): *дадутъ*=даютъ. Срв. современн. *бѣгу*, *велю*, *крещу*, *рожу*, *женю*, *молвлю* и т. п., *рѣшу*, *обижу* (у В. Майкова 186, 252, 307), поэтическое *паду* (у Пушкина): поколѣнья восходятъ, зрѣютъ и *падутъ* (наст. вр.); *паду* ли я, стрѣлой пронзенный (буд. вр.); даже форма *будетъ*, при различномъ употребленіи имѣетъ значеніе настоящ. врем. (=довольно, достаточно).

Исторія формъ повелительнаго наклоненія. Формы повелительн. накл. (собственно желательнаго) отправляли въ древности, какъ и теперь, функціи какъ повелительнаго, такъ, отчасти, желательнаго и сослагательнаго накл. Формы 1-го л. ед. повелит. н. исчезли изъ употребленія еще въ глубокой древности, и мы находимъ только самые скудные остатки ихъ въ языкѣ древне-русскихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (Толстовская Псалтырь XII в.: *бѫдѣмъ* 184); формы 3-го л. мн. также исчезли и неизвѣстны даже въ остаткахъ; такимъ образомъ до насъ дошли только формы 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2 го дв. и мн. Формы повелит. накл. въ древне-русскомъ языкѣ имѣли троякія окончанія:

1) нѣкоторые глаголы имѣли во 2-мъ и 3-мъ л. ед. окончаніе ь, въ 1-мъ л. мн. *имъ* и во 2-мъ л. мн. *ите*: дажь, дад*имъ*, дад*ите*; ѣжь, ѣд*имъ*, ѣд*ите*; вижь, вид*имъ*, вид*ите*; вѣжь и т. д.; изъ этихъ формъ двѣ въ настоящее время сохраняются въ литературномъ языкѣ: съ значеніемъ повелит. накл.—*ьшь* и въ видѣ частицы—*ишь*; форма *дажь* въ значеніи повелит. накл. уже въ XIV в. была непонятна переписчикамъ, и они обыкновенно, вмѣсто нея, писали *даи же*: Поликарпово Ев. 1307 г.: хлѣбъ нашь *даи же* намъ днесь 89 об.; Ев. 1355 г.: *даи же* ми воды пити, *даи же* ми воду сию 14, *даи же* славу Богу 19 и др.; 2) нѣкоторые глаголы имѣли окончанія *и*, *имъ*, *ите*: гляд*и*, гляд*имъ*, гляд*ите*; наконецъ 3) остальные глаголы оканчивались на *и*, *ьмъ*, *ьте*: вед*и*, вед*ьмъ*, вед*ьте*.

Различныя формы повелит. накл. оказали другъ на друга вліяніе, и такимъ образомъ создалось нѣсколько новыхъ формъ.

Формы 2-го и 3-го л. на *жь* оказали вліяніе на свои формы 2-го л. мн. и создали новыя формы 2-го л. мн. на *жьте*; такъ, подъ вліяніемъ формы вижь явилась форма вижьте (Кормчая XIII—XIV в. Рум. Муз. № 230, л. 136 об.; Сборникъ XIII—XIV в. Общ. ист. и древн. 25 об., 33; Чудовской Нов. Зав. 19 об., 34; Ипатскій сп. лѣт. 207); форма вѣжь послужила къ образованію формы вѣ*жьте* (тотъ же Сборникъ 42, увѣ*жьте* 29; вѣ*жите* Чудовск. Нов. Зав. 139 об.; повѣ*жьте* Лаврентьевск. сп. лѣт. 68); форма ѣжь дала начало формѣ ѣ*жьте* (зап.-русск. сб. Син. Библ. XVI в. № 367: въстаньте а е*жьте* 435). Затѣмъ формы 2-го и 3-го ед. на *жь* и новыя формы 2-го мн. на *жьте* оказали вліяніе на формы повел. накл. на *и*, *имъ*, *ите*, *и*, *ьмъ*, *ьте*, что повело также къ образованію новыхъ формъ. Ихъ мы видимъ часто уже въ памятникахъ XIII—XIV в.: гал.-вол. Ев. XII—XIII в. Никольскаго монаст. № 150: починте мало 36; гал.-вол. Галицкое Ев. ок. 1266 г.: украдь, оставьте, обидьте, въверьзьте; гал.-вол. Холмское Ев. XIII—XIV в.: прилежь (вм. прилежи), наполньте, видьте, въстаньте, будьте, останьтеся; гал.-вол. Луцкое Ев. XIV в.: прекѣдьмы, сядьте, плачьтеся; зап.-русск. грамота Кейстута послѣ 1341 г.: будте; у Скорины: поведь, приедь, помольте, молвь ему, и т. п. Въ настоящее время подобныя формы широко распространены во всемъ русскомъ языкѣ и могутъ считаться обще-русскими: встань, встаньте, сядь, сядьте и т. п. Рядомъ съ этими формами сохранились (особенно когда

удареніе формы 2-го л. ед. было на конечномъ *и*) и старыя формы: великорусск. люби́, любите, смотри́, смотри́те.

Формы 1-го и 2-го л. мп. на *ѣмъ, ѣте* (ведѣмъ) и на *имъ, ите* (глядимъ) также оказали другъ на друга вліяніе. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ формы въ родѣ ищѣмъ (вм. ищимъ), ищѣте (вм. ищите), вяжѣмъ, вяжѣте; хотя онѣ встрѣчаются только въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что они существовали и въ живомъ русскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ относительно древняго галицко-волынскаго говора можно сказать навѣрное, что онѣ въ немъ были нерѣдки. На это указываютъ такія новыя формы 1-го и 2-го л. мн. повелит. накл., которымъ подобныхъ нѣтъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ и которыя могутъ быть названы собственно галицко-волынскими: Христинопольскій Апостолъ XII—XIII в.: не хвалѣтеся 77; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: простѣте, запись; Галицкое Ев. 1283 г.: заколѣте 59 об.; Поликарпово Ев. 1307 г.: отвалѣте; Луцкое Ев. XIV в.: храньтеся, творьте, молѣтеся. Подобнаго рода формы мы находимъ также въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пустѣте, помолѣмся, творѣмъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: подадѣмъ (съ значеніемъ будущ. вр.) 68. Что до современнаго языка, то рефлексомъ новыхъ формъ на *ѣмъ, ѣте* (ищѣте, отвалѣте) являются обычныя малорусскія формы въ родѣ ищіте, отваліте, съ *і* изъ *ѣ*, и нерѣдкія въ бѣлорусскихъ говорахъ формы въ родѣ помоле́мся.

Въ свою очередь формы на *имъ, ите* (глядимъ, глядите), вмѣстѣ съ формами ед. ч. на *и* (гляди, веди), оказали вліяніе на формы на *ѣмъ, ѣте* (ведѣмъ, ведѣте) и повели къ образованію новыхъ формъ въ родѣ ведимъ, ведите, берімъ, берите. Послѣднія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: приведите 73, останитеся 230; Архангельское Ев. 1092 г.: метимъ 115 об.; Минея 1095 г.: почьрьпимъ 111; Минея 1097 г.: въсълимъ 313; Путятина Минея XI в.: не кльните, запись; Слово Ипполита объ антихристѣ XII в.: рьците. Памятники XIII—XIV вв., сѣверно-русскіе, имѣютъ ихъ уже довольно часто; Милятино Ев. 1215 г.: приведите 41 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: поидивѣ 31 об., 151 об., побѣгнимъ 90; духовная новгородца Климента: възмите; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: съведитеся 7; грамота рижанъ

ок. 1284 г.: шлите (древн. сълъте); Ев. 1317 г. г.: чтите, запись, сберите, принесите, призовите; Ев. 1355 г.: идите, приведите, рците, въверзите; Новгородская лѣт.: идита, поидите, приимите, помозите, и друг. Старыя формы на *ьмъ, ьте* были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и западно-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV вв.: смоленская грамота ок. 1297 г.: будете со мною въ любви; грамота рижанъ около 1300 г.: будьте готови; они нерѣдки въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.; изъ болѣе позднихъ памятниковъ можно указать въ Познанскомъ сборникѣ XVI в. поведете, тецете; въ великорусской грамотѣ 1542 г.: поѣдете за нами, Ак. Фед.-Чех. I, 89. Съ теченіемъ времени формы 2-го мн. на *ьте*, сохраняющіяся въ малорусскомъ нарѣчіи (съ *і* на мѣстѣ *ь*), были вытѣснены совсѣмъ въ великорусскихъ и въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ формами на *ите*. Формы 1-го мн. на *ьмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ мѣсто заняли близкія къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ формы 1-го мн. настоящ. врем. съ значеніемъ будущаго. Древнѣйшій случай употребленія формы настоящаго въ качествѣ формы повелит. накл. мы находимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в., гдѣ мы читаемъ: сѣрящомъ (*о* изъ *е*)= εἰσελθόμεθα; въ Прологѣ 1262 г. мы имѣемъ: подражаѥмъ мудрыя дѣвы 84 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт. не разъ имѣетъ формы настоящ. врем. вмѣсто формъ повелит.: пойдемъ, высадимъ дружину свою; рече Мстиславъ дружинѣ своей: пойдемъ на ня; станемъ. потягнемъ, ляжемъ, мечемъ, и т. п. Срв. въ Златоструѣ XII в.: рекоша: разбиѥмъ ключь да видимъ 68 об.; здѣсь въ разбиѥмъ, можетъ быть, ѥ означаетъ звукъ *е*. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи обыкновенно слышится: или пойдёмъ, сберёмъ и т. п. (при тульск. пойдемъ, съ *е*, и т. п.), или пойдёмте, сберёмте, съ двумя личными окончаніями; въ малорусскомъ нарѣчіи соотвѣтствующія формы обыкновенно оканчиваются на *емо*.

Говоря о формахъ повелит. наклон., мы должны упомянуть о вліяніи на эти формы другихъ глагольныхъ образованій, главнымъ образомъ формъ настоящаго времени. Нѣкоторыя формы повелит. наклон. въ древности имѣли передъ окончаніемъ свистящій звукъ, т. е. въ нихъ слышалось *ц*, *з*, *с*, тогда какъ въ формахъ настоящ. врем. слышался или одинъ изъ гортанныхъ *к*, *г*, *х*, или шипящій

ч, *жс*, *ш*. Вслѣдствіе вліянія формъ настоящ. врем., формы повелит. накл. съ свистящимъ звукомъ стали исчезать, уступая мѣсто новымъ формамъ или съ гортаннымъ, или съ шипящимъ звукомъ. Такъ явились современныя великорусскія лягъ, ляжте (по образцу вижь, встань, встаньте), пеки, пеките, помоги, помогите, которыя заняли мѣсто древнихъ формъ лязи, лязѣте, пьщи, пьщѣте, мози, мозѣте и которыя восходятъ къ XIV в.: Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавры № 4: стреги моєго входа 33; гал.-вол. Ев. Верковича: отверги 89 об. Такъ явились современныя малорусскія формы печи, печімо, печіте, бѣлорусская помо*жи*, подобныя которымъ встрѣчаются также въ памятникахъ великорусскаго происхожденія: Лаврентьевск. сп. лѣт.: рьчи 76; Ипатск. сп. лѣт.: стере*жи* 456; московская грамота 1525 г.: сол*жи*, Ак. Арх. Э. I, 144; западно-русскіе памятники XVI в. имѣютъ формы съ шипящими почти постоянно: Познанскій сборникъ: помо*жы*, стре*жы*; Ев. Тяпинскаго: помо*жи*, отсѣчи, ре*чи*, стере*жи*те; Литовскій Статутъ: Боже помо*жы*; рядомъ въ Познанскомъ сборникѣ: помози,—*зимо*.

Формы повелит. наклон. въ славянскихъ языкахъ издревле отправляли функціи желательнаго и сослагательнаго наклон., по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ. Такое употребленіе формъ повелит. накл. встрѣчается, между прочимъ, въ церковнославянскомъ и древне-русскомъ языкахъ. Въ церк.-слав. Супрасльской рукописи мы находимъ форму повелит. накл., напримѣръ, въ выраженіи: въспомянемъ добрѫ дѣтель мѫжь, да *подвигнѣмься* на подражаніе, гдѣ форма повелит. накл. по значенію соотвѣтствуетъ латинскому сослагательному: ut nos *incitemus*. Въ гал.-вол. Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: идеже аще *вълѣзѣте*, тѹ пребудете; въ гал.-вол. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 6: вонь же градъ колижьдо *вънидѣте*,... ѣдите 105; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: за кормилца 12 гривнъ и за кормилицю, хотя *си буди* холопъ или раба 4; здѣсь формы повелит. наклон. *вълѣзѣте* и др. употреблены также въ значеніи греческаго и латинскаго сослагательнаго. Въ Вопрошаніи Кирика по сп. ок. 1282 г. мы находимъ выраженіе: аще и мьртвыя *въскрешаи*, не можеть попомь быти (Р. Истор. Библ., VI, 46); здѣсь форма 3-го ед. повелит. наклон. соотвѣтствуетъ греческому желательному. Главное, повелительное значеніе формъ повелител. наклон. сохраняется ими въ

современномъ русскомъ языкѣ во всей полнотѣ; значеніе же желат.-сослагат. наклон. всѣхъ лицъ и чиселъ въ немъ имѣетъ одна форма, форма 2-го и 3-го л. ед., когда находится въ придаточныхъ условныхъ предложеніяхъ, при подлежащихъ всѣхъ лицъ и чиселъ: *скажи* я ему слово, онъ сдѣлаетъ все; *скажи* ты..., *скажи* онъ..., *скажи* мы..., и т. д.; *захоти*, такъ (онъ) былъ бы дѣловой; какъ мѣсяцъ ни *свѣти*, а все не солнца свѣтъ, и т. п. Не лишнее замѣтить, что форма 2-го и 3-го л. ед. съ теченіемъ времени перешла изъ придаточныхъ предложеній въ главныя и стала въ этихъ послѣднихъ употребляться въ качествѣ формы изъявит. наклон. для обозначенія быстро совершившагося дѣйствія; въ грамотѣ 1518 г.: Ѳеофанъ старецъ съ братьею и староста... они *возми* образъ Пречистые да *поведи*, Ак. Юр. 30; современн. великорусск. онъ *глядь*, а волкъ передъ нимъ; онъ ему и *скажи*; онъ его *ударь*.

Исторія формъ возвратнаго залога. Какъ въ литовскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ формы страдательнаго и возвратнаго залоговъ издревле образовывались чрезъ присоединеніе къ формамъ дѣйствит. зал. формы возвратнаго мѣстоименія; но въ то время, какъ литовскій языкъ имѣетъ мѣстоименную форму, прикрѣпленную къ глагольнымъ формамъ и отличную по звукамъ отъ формъ того же мѣстоименія, когда оно употребляется отдѣльно,—въ славянскихъ языкахъ мы видимъ свободное употребленіе формъ возвратнаго мѣстоименія, такъ что глагольная форма употребляется сама по себѣ, а мѣстоименная сама по себѣ; при этомъ послѣдняя можетъ стоять и передъ глаголомъ, и послѣ глагола, и непосредственно рядомъ съ глаголомъ, и черезъ одно или нѣсколько словъ отъ него.

Въ древне-русскомъ языкѣ употребленіе мѣстоименной формы ся (вин. п.) или—рѣдко—*си* (дат. п.; см. выше, стр. 101) предъ глаголомъ было столь же обычно, какъ и послѣ глагола. Оно было свойственно всѣмъ древне-русскимъ говорамъ, и мы читаемъ въ кіевской Мстиславовой грамотѣ 1130 г.: донелѣже *ся* миръ *состоитъ*, кто *ся изоостанетъ* въ манастыри; въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: притьча *ся пригодитъ*; въ новгородской грамотѣ ок. 1262 г.: что *ся учинило* тяже, гдѣ *ся* тяжа *родитъ*; въ московской духовной Ивана Калиты: что *ся остало*, тыми *ся подъялятъ* сынове мои; въ духовной Семена Гордаго: хто *ся будетъ* у тѣхъ людии женилъ; въ Новгородской лѣт.: копая подъ другомъ яму самъ *ся* в

ню ввалить 271. Рядомъ съ употребленіемъ *ся* передъ глаголомъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ *ся* послѣ глагола, какъ непосредственно за глаголомъ, такъ и чрезъ одно слово; въ записи Святославова Сборника 1073 г. мы читаемъ: *коньчяшися* книгы сия; въ припискѣ къ Юрьевск. Ев.: *възвратихъся*, *съконьчася* вьсе дѣло; въ смоленской грамотѣ 1230 г.: ать *управяться* сами; въ духовной вел. кн. Ив. Ивановича: *подъляться*. Свободное употребленіе *ся* во всемъ русскомъ языкѣ продолжалось довольно долго: въ XVII в. мы нерѣдко его видимъ въ памятникахъ южно-русскихъ, въ XVI в.— въ памятникахъ великорусскихъ, въ родѣ московскаго Судебника 1550 г.: чтобы *ся* недѣльщики не *отпирали*, или Домостроя: не *слѣло* бы *ся*, все то *ся пригожаетъ*, или даже грамоты: о семъ судья рекъ *ся доложити* митрополита, *гилеш* ли *ся* на розъѣжджіе мужи (1518 г.; Ак. Юр. 30, 31). Великорусскія грамоты его имѣютъ въ формулахъ и въ XVII в.: съ воры *ся* ему не водити (1615 г.; Ак. Юр. 297). Великорусскія пословицы его сохраняютъ даже въ XVIII в.: аще за друга *ся поручаешь*, свою душу другу полагаешь (сборникъ пословицъ 1758 г.).

Въ настоящее время въ значительномъ большинствѣ русскихъ говоровъ мы находимъ *ся* или *си* прикрѣпленнымъ къ глагольной формѣ и поставленнымъ послѣ этой формы,—и только сравнительно немногіе, по преимуществу западные, говоры малорусскаго нарѣчія еще сохраняютъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія.

Памятники XV—XVII вв. даютъ намъ нѣкоторое количество слу́чаевъ употребленія формы возвратнаго залога съ двумя *ся*: Ипатскій сп. лѣт.: а не можемъ *ся* вмѣститися в печерѣ 111; Погодинскій сб. XV—XVI в. № 853: христіана *ся* нарицаешися 90; великорусск. грамота 1518 г.: на розъѣзжчика *ся*, господине, ...не шлюся, Ак. Юр. 31; грамота 1600 г.: сказали, что *ся* они въ искѣхъ помирилися, Ак. Калач. I, 525; Ев. Тяпинскаго: чірвонеетиа бо *ся* нѣбо. Въ нихъ то *ся*, которое не прикрѣплено къ глагольной формѣ, является уже частицею безъ опредѣленнаго значенія. Отсюда употребленіе *ся* какъ-будто безъ исякаго значенія въ великорусскомъ нарѣчіи: грамота 1608 г.: писалъ еси, что будто *ся* ты у отпусковъ былъ, Ак. Арх. Э. II, 178; современн. гляди-ко-*ся*, поди-ко-*ся* (и поди-ко-*съ*), ну-ко-*ся* и т. п.

Исторія формъ неопредѣленнаго наклоненія. Изъ двухъ древнихъ формъ древне-русскаго неопредѣленнаго наклоненія формы на *ти* (*чи*) господствуютъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ въ книгахъ, списанныхъ съ церкоино-славянскихъ оригиналовъ, такъ и въ грамотахъ; формы на *ть* (*чь*), напротивъ того, встрѣчаются въ нихъ сравнительно рѣдко. Но чѣмъ болѣе памятники приближаются къ нашему времени, тѣмъ чаще намъ встрѣчаются формы на *ть*, тѣмъ болѣе они получаютъ преобладаніе. Тѣмъ не менѣе формы на *ти* еще вполнѣ обычны во всѣхъ памятникахъ XVII в. Вытѣсненіе ихъ формами на *ть* вполнѣ естественно, такъ какъ языкъ вообще предпочитаетъ употреблять болѣе короткія формы. Въ современномъ литературномъ языкѣ формы на *ти* рѣдки и являются только тогда, когда удареніе стоитъ на конечномъ *и*: идти́, нести́, везти́, вести́; но и въ этомъ случаѣ рядомъ съ ними обыкновенно употребляются также формы несть, везть и т. д.; кромѣ подобныхъ формъ на *ти*, въ литературномъ языкѣ изрѣдка встрѣчаются архаизмы въ родѣ пе*чи́* (бѣда, коль пироги начнетъ *пе́чи* сапожникъ...). Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы на *ти* находятся въ полномъ употребленіи; въ другихъ они такъ же рѣдки, какъ въ литературномъ языкѣ, хотя пѣсни сохраняютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи формы на *ти* не особенно рѣдки. Въ однихъ изъ малорусскихъ говоровъ они господствуютъ, въ другихъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ формы на *ть*.

Формы такъ называемаго супина на *ть* въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ употребляются исключительно при глаголахъ движенія и встрѣчаются довольно часто до самаго конца XIV в.: смоленская грамота 1229 г.: латинину не звати русина на полѣ битося (*о—ъ*); смоленская грамота ок. 1230 г.: немьчичю нельзѣ позвати на поле русипа битъся; договоръ Новгорода съ Тверью 1265 г.: ездити звери гонитъ; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: идетъ искатъ кунъ; западно-русская грамота Кейстута послѣ 1341 г.: а быхомъ пустили търговатъ, поидетъ торговатъ; псковской Ирмолой 1344 г.: сѣсти ужинатъ, приписка писца; Лаврентьевск. сп. лѣт.: иде учитъ, посла два варяга прикончатъ, мы не цѣловатъ ихъ приѣхали, снидевѣ ся сама боротъ, пришли есьмы воеватъ, и т. п. (нерѣдко); Палея 1406 г. (нерѣдко). Въ современномъ языкѣ

мы не находимъ никакихъ достовѣрныхъ остатковъ этого супина; есть. правда, въ одномъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ формы неопредѣл. наклон. на *тъ*, но онѣ могутъ быть объясняемы какъ древнія формы на *ть* съ отвердѣвшимъ *т*.

Мѣсто супина на *тъ* въ настоящее время занято или неопредѣленнымъ наклоненіемъ=супиномъ на *ть*, или неопредѣл. накл. на *ти*. Формы на *ть* у насъ издревле употреблялись рядомъ съ формами на *тъ*, въ одномъ съ ними значеніи (см. выше, стр. 165); замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* также началась въ глубокой древности. Мы, напримѣръ, читаемъ въ Остромировомъ Ев.: идѫ уготова*ти* мѣсто 45 об., посъла призва*ти* 80 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: не придохъ положи*ти* мира 41 (срв. въ церк.-слав. Зограф. скомъ Ев.: придъ да*ти* 111). Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ также знаютъ употребленіе неопредѣл. накл.: смоленская грам. 1229 г.: ѣхали твердити миръ; договоръ Дмитрія Донскаго 1372 г.: пошли люди жалова*тися*, и т. п. Позднѣе, въ памятникахъ XV—XVI в., замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* встрѣчается очень часто.

Формы неопредѣл. наклон. въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько отличались по звукамъ основы отъ формъ настоящ. вр. и другихъ; вслѣдствіе этого, когда произошло вліяніе вторыхъ формъ на первыя, явилось нѣсколько новыхъ формъ неопредѣл. накл.

Такова форма *итти*, образовавшаяся изъ древней *ити* вслѣдствіе вліянія формы *иду* и т. п. и встрѣчающаяся уже въ великорусскихъ памятникахъ XIV в.: Ев. 1358 г.: вни*дьти* 66, вни*дти*, прои*дти* 66 об., и*дти* 75 об., при*дти* 90, прei*дти* 111 и др.; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 6: и*дти* 3, при*дти* 8; она слышится во всемъ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (и*т*ти, и*т*тить) и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ.

Такова форма *ийти*, образовавшаяся изъ древней *ити*, вѣроятно, подъ вліяніемъ *найти*, во*йти* и т. п. и найденная нами, между прочимъ, въ великорусскомъ Прологѣ 1432 г. Публ. Библ.: въстахъ *ийти* хотя спать 64; она распространена въ великорусскихъ говорахъ и встрѣчается у писателей XVIII в. (напримѣръ, въ «Трутнѣ» Новикова).—Всѣ формы неопредѣл. наклон. глагола *иду* — *ити*, *итти*, *ийти* въ великорусскихъ говорахъ нерѣдко имѣютъ второе окончаніе неопредѣл. наклон. и звучатъ ити*ть*, итти*ть*, ийти*ть* (особенно формы возвратн. зал.: обойти*ть*ся, разойти*ть*ся, Пушкинъ,

сойтиться, Лермонтовъ, и т. п.); изъ нихъ первая не рѣдка въ московскихъ грамотахъ XVII в. (напримѣръ, въ грамотѣ 1609 г., Ак. Калач. II, 674).

Таковы формы въ родѣ *лехчи*, пекчи, мохти, пекти, изъ которыхъ первыя встрѣчаются въ великорусскомъ нарѣчіи, вторыя особенно распространены въ малорусскомъ; великорусскіе памятники XVII в. имѣютъ еще формы въ родѣ *измотчи* (отъ измогу; грамота 1609 г.), уберетчися (грамота 1616 г.), постритчися (пѣсня въ записи Рич. Джемса), стеретчися (паломникъ Гагара) и т. п.; въ пѣсенникѣ второй половины XVIII в.: *петчи* (отъ пеку); въ современн. пріалтайскомъ говорѣ: *смотчись* (собраться съ силами); въ этихъ формахъ окончаніе *тчи*, повидимому, образовалось изъ окончанія *чи* подъ вліяніемъ формъ настоящ. врем. съ шипящимъ (печешь, можешь). Но см. стр. 141.

Такова, вѣроятно, форма *ржати*, при церк.-слав. и др.-русск. *ръзати* (настоящ. вр. *ръжю*).

Исторія причастій. Причастія настоящаго времени въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имѣютъ форму имен. ед. муж. р. съ окончаніемъ *а* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ церковно-славянскій языкъ имѣетъ окончаніе *ѧ*,—слѣдовательно съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ. Формы въ родѣ *ида*, *мога* еще нерѣдки въ памятникахъ XIV в. (между прочимъ въ грамотахъ и лѣтописяхъ), но потомъ исчезаютъ, когда именно,—за неимѣніемъ данныхъ мы не можемъ опредѣлить. Въ современномъ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этихъ формъ, если не считать формы *мога* и нѣкоторыхъ именъ существительныхъ (см. выше, стр. 186).

Мѣсто формъ на *а* очень рано стали занимать новыя формы причастій настоящ. времен. съ окончаніемъ *я*: *идя*, *неся*, которыя образовались вслѣдствіе вліянія на формы въ родѣ *ида*, *неса*—формъ въ родѣ *любя*, *емля*. Формы на *я* мы находимъ какъ въ памятникахъ списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (въ Тріоди 1311 г.: *зовя* 73), такъ и въ грамотахъ и лѣтописахъ; напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ около 1300 г. мы читаемъ: *идя*, *ведя*; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: *повьргя*; въ двинской рядной XIV—XV в.: *рця* (=ц.-слав. *реку*, др.-русск *рька*); въ Новгородской лѣт.: *идя* 40, *река* 193, 208, *ждя* 205; въ Ипатскомъ сп. л.: *река* 23. Эти формы на *я* съ теченіемъ времени широко

распространились въ языкѣ и вытѣснили формы на *а*. Изъ послѣднихъ сохранилась лишь одна форма *мога*, извѣстная въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ (мо́г*а*) и, можетъ быть, существующая также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ (В. Майковъ: кто кого смог*а*, такъ тотъ того въ рога).

Причастія на *а*, *я* первоначально были исключительно причастіями настоящ. врем.: прохождааше исцѣла вьсакъ недѫгъ, Остромирово Ев. 68 об. (=исцѣляя); прѣбываше задавя (=давя) клеврѣта, аще бы искуся (=искушая) пришьлъ, Учительн. Ев. Константина Болгарск. XII в. 98, 102; рака ста не поступяч*и* (=поступая), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в. 11. Но съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, образованныя отъ глагольныхъ основъ съ длительнымъ оттѣнкомъ, сохранили свое древнее значеніе, — другія, бывшія по своимъ основамъ въ связи съ глаголами совершеннаго вида, въ цѣломъ рядѣ случаевъ утратили значеніе настоящ. врем. и сдѣлались причастіями прошедш. врем. (=греческ. причаст. аориста). Мы находимъ ихъ уже въ памятникахъ XIII и XIV вв. употребляющимися одинаково съ причастіями прошедш. врем. на *ъ*, *въ*; такъ, въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г. мы читаемъ: дѣтьскыи не исправить возм*а* мьзду (=взявъ): въ записи Пантелеймонова Ев. XII в.: исправ*яче* чьтѣте (=исправивше); въ Прологѣ 1262 г.: мощи ѥя възмя Акакии и погрѣбѣ 17, заимя ноздри пльваше 50 об., ть поимя мя вьсаді въ тьмницю 83; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: отъѥхалъ городъ повьргя (=бросивъ); въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: створи нарядъ утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ с ними и честь возм*а* у нихъ 359, пожг*а* городъ възвратися 368, посла его приставя къ нему своѣ мужи 384, князь вид*а* в волость поима городы 393, упереди Романъ скопя полкы и въѣха в рускую землю, а володимерци лиш*ася* Рюрика ѣхаша.... 396; и т. п.; въ Новгородской лѣт.: иде князь поимя съ собою мужи повгородьскыя 201, поиде князь поимя съ собою новгородце 271, соімя ризу 282 и т. п. Въ современномъ русскомъ языкѣ причастныя формы на *я* употребляются въ одномъ значеніи съ формами причастій прошедш. врем., и мы говоримъ придя рядомъ съ пришедъ, принеся, приведя рядомъ съ принесши, приведши. Нашъ литературный языкъ знаетъ, съ значеніемъ прошедш. врем., только употребленіе старыхъ формъ имен. ед. на *я*;

старыхъ формъ имен. мн. на *че, чи*, встрѣчающихся въ памятникахъ XVII в. (Котошихинъ: поидучи въ походъ=пошедши), въ немъ уже не существуетъ.

Въ судьбѣ причастій прошедш. врем. обращаютъ на себя вниманіе тѣ явленія, которыя имѣютъ своею причиною вліяніе причастій съ окончаніемъ *въ*, въ родѣ любивъ, давъ, на причастія съ окончаніемъ *ъ*, въ родѣ начьнъ, възмъ, шьдъ, и наоборотъ. Глаголы, нѣкогда имѣвшіе въ основѣ неопредѣл. накл. посовой гласный: *възмти, начмти, клмти* и т. п., имѣли въ древности причастія на *мъ* и *нъ*: вьзьмъ,—ше, начьнъ,—ше, кльнъ,—ше. Эти формы были весьма распространены въ старомъ языкѣ и нерѣдки въ памятникахъ; такъ, напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г. мы читаемъ емъ, снемъ, емъшо; въ Ев. Гяпипскаго XVI в.: вынемшы, розпенъши. почонъши. Они сохранились въ современныхъ русскихъ говорахъ или въ древнемъ своемъ видѣ, или въ нѣсколько измѣненномъ: взёмши или взямши. Рядомъ съ ними, по образцу формъ любивъ, давъ, развились новыя формы съ тою основою, что въ неопред. накл., и съ окончаніемъ *въ*: взявъ, начавъ, заклявъ и т. п. Мы находимъ ихъ прежде всего въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ: въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: *явъ* 67, *изявъ* 19. появъ 231, възявъ 172 об., 331 об., заклявъ 64 об., распявъ 198 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: *явъ* за руку отроковицж 86; въ гал.-вол. Ев. Никольскаго монаст. XII—XIII в.: *явъ* по руку слѣпьця 83. Современные русскіе говоры (особенно великорусскіе) употребляютъ ихъ весьма часто, а въ нашемъ литературномъ языкѣ они господствуютъ.— Съ этими формами одинаковы по образованію новыя формы причастій отъ глаголовъ съ основою въ неопредѣл. наклон. на какой-либо согласный, особенно на *д* и *т*. Большая часть старыхъ причастій отъ этихъ глаголовъ на *дъ* и *тъ* теперь уже исчезли изъ литературнаго языка и замѣнились въ немъ новыми на *въ*; такъ, напримѣръ, старыя формы ѣдъ, ѣдше, сѣдъ, сѣдше, украдъ, украдше замѣнились вновь образованными формами ѣвъ, ѣвши, сѣвъ, сѣвши, уравъ, уравши; въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ говорахъ эти новообразованія распространены еще больше, чѣмъ въ литературномъ языкѣ: вёвши, пришовши.

Великорусскіе и бѣлорусскіе народные говоры (но не нашъ литературный языкъ) знаютъ еще другія вновь образованныя формы

причастій прошедш. врем., въ которыхъ на мѣстѣ древняго *в* находится *м*: породи*мши*, заплака*мши*, напоё*мши* и т. п. (Писемскій, Горькая судьбина: раздыша*мши*сь, услыша*мши*, броси*мши*); они обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ въ родѣ взе*мъ* взе*мше*.

Наконецъ, въ нашемъ литературномъ языкѣ употребляется причастіе прошедш. врем. вонзенъ, пронзенный (Пушкинъ), съ *з* вмѣсто *ж* (др. русск. -нь*ж*енъ), явившимся въ немъ подъ вліяніемъ большей части глагольныхъ формъ: пронзишь и т. п.

Причастія страдательн. зал. прошедш. врем., будучи нечленными, звучатъ у насъ всегда съ однимъ *н*: дѣла*нъ*, дѣла*на*, дѣла*но*, а будучи членными, могутъ быть и съ однимъ, и съ двумя *н*: дѣла*ный* и дѣла*нный*. Обыкновенно, когда ударе́ніе находится на 3-мъ слогѣ отъ конца, нами предпочитаются формы съ однимъ *н*: пи́са*ный*, бро́ше*ный*, свя́за*ный*; а когда ударе́ніе стоитъ на второмъ слогѣ отъ конца, мы употребляемъ чаще формы съ двумя *н*: принесё*нный*, приведё*нный*, спасё*нный*, почтё*нный*. Русскій языкъ древнѣйшей эпохи не зналъ формъ съ двумя *н*. Они сравнительно новы и обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію отпричастныхъ прилагательныхъ на *нынъ*. Послѣднія мы видимъ въ церк.-слав. Саввиномъ Ев.: повелѣ*нънаа* и въ Синайскомъ Требникѣ: неизглаго-ла*нень*, — *нънаго*, нераскаа*нень*, неисписа*нень*, осжжде*нна*, и др. Нѣсколько такихъ прилагательныхъ мы находимъ въ русскихъ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ: въ Минеѣ 1095 г.: явле*нънаа* 64, недрѣма*ньну* 137; въ Тріоди постной XII в. Син. Биб. № 319: неиздрече*ньныи* 17 об., осквьрнева*ньно* 19 об., въздьржа*ньно* 118 об. и т. п. (съ нотами надь ъ); въ Апостолѣ 1220 г.: испыта*нноѥ*, благопоказа*ньноѥ* 5 и т. п.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: о оглаше*нъныхъ* 80 об., неислѣдова*ньно* 213 об., съчта*ньнаа* 244 и др.; въ Пандектахъ 1296 г.: истлѣ*нъныхъ* 47 об.; въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: прежесвяще*нень* есть и совершенъ 73; въ Новгородской лѣт. есть отпричастное прилагательное несказа*ньнъ* 305; въ Волынской лѣт. по Ипатскому сп.: невида*ньноя* рати (род.) 496; въ современномъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: почте*нный*, открове*нный*, открове*нень*, бездыха*нный*, жела*нный*, соверше*нный*, обыкнове*нный*, неожда*нно*-нега́да*нно* и т. п. Эти отпричастныя прилагательныя оказали вліяніе на причастія на

нъ, слѣдствіемъ чего было образованіе причастныхъ формъ съ двумя *н*, восходящее по памятникамъ къ XIII в.: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: *избранныя* 105, 124, 124 об.,—ыхъ 124; кіевская Псалтырь 1397 г.: *избраннымъ* 122, *окованныя* 127 об. и др.; Мстижское Ев. XIV в.: *избранныхъ* 50, 55 об.,—ыя 56; зап.-русск. Четья 1489 г.: *препоясанныи* 63 об., *речєнныи* 68, *псцѣленныи* 68 об.

Судьба формъ глагола *быти*. Въ языкахъ греческомъ и латинскомъ формы настоящ. врем. глагола *быть* въ качествѣ сказуемаго, какъ извѣстно, употребляются довольно правильно; но и въ нихъ есть предложенія, въ которыхъ мы не находимъ сказуемаго *есть*, *суть*; это по преимуществу—поговорки, изреченія, которыя всегда излагаются по возможности кратко: *οἷς παῖδες οἱ γέροντες, οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη* (Гомеръ); *οἶνος ἀλήθεια*; summum jus summa injuria; triste lupus stabulis; varium et mutabile semper femina, и т. п. Въ новыхъ европейскихъ языкахъ, при довольно-правильномъ употребленіи формъ настоящ. врем. глагола *быть*, въ поговоркахъ, изреченіяхъ также замѣчается отсутствіе сказуемаго; такъ, въ нѣмецкихъ поговоркахъ мы иногда не находимъ глагола: ein mann—ein wort; besser ein sperling in der hand, als zwei auf dem dache. Если мы обратимся къ древне-русскому языку, то увидимъ въ немъ то же: бѣда аки въ Роднѣ (Лаврентьевск. сп. лѣт.); луче ми смерть ни курское княженіе; злато красота женамъ; не потка въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ожь (=ежъ); орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами (Моленіе Даніила Заточника по сп. Ундольскаго к. XV в.). Въ другихъ языкахъ подобнаго рода опущеніе формъ *есть*, *суть* не нашло себѣ широкаго распространенія; но въ русскомъ языкѣ оно сдѣлалось обычнымъ и перешло въ обычную рѣчь. Отсутствіе сказуемаго 3-го л. мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: запись Святослав. Сборника 1073 г.: оже ти собѣ не любо, того и другу не твори; запись Святослав. Сборника 1076 г.: идеже криво, братіе, исправивъше чьтѣте; новгородская грамота 1189—1199 г. по сп. XIII в.: ходити нѣмьчьмь в Новгородъ безъ пакости, ити гостю домовь, оже родится тяжа... рубежа не творити, нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ... нъ омати свое у виновата; смоленскій договоръ 1229 г.: товаръ его свобо(де)нъ на въдѣ и на березѣ, ся грамота утвьржена

пьчатию (ъ=о, ь=е); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: рядъ мои съ немьци таковъ, вольное търгование имъ въ Ризѣ; Лаврентьевск. сп. лѣт.: уже мнѣ мужа не брѣсити, добра ли вы честь, пама ихъ не переборони, земля твоя яко и земля наша, срете я на бродѣ кде нынѣ Переяславль, се дружина у тебе отня, се лежить сѣверянинъ а се варягъ а дружина своя цѣла (часто: то же въ Ипатскомъ и другихъ спискахъ). Впрочемъ, рядомъ съ этими случаями отсутствія формъ *есть*, *суть*, мы часто видимъ въ старыхъ памятникахъ и ихъ присутствіе; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: сн грамота *есть* выдана; въ грамотѣ рижанъ 1284 г.: ныне то *есть* ведомо, рижане *суть* невиновати, та правда *есть* промежи насъ и васъ; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: не тако *есть* миръ доконцанъ; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: люба ми *есть* рѣчь, ловища ея *суть* по всеи земли, Русп *есть* веселье пити, вѣра наша свѣтъ *есть*, бози ваше древо *суть* и т. п.; въ Моленіи Даніила Заточника по сп. Ундольскаго к. XV в.: храбра борзо добудеши, а умныи дорогъ *есть*; кому ти *есть* Переяславль, а мнѣ Гореславль; лучѣ ми *есть* тако скончати животъ свои: ино *есть* лодія, а ино корабль; ино ти *есть* умепъ, а ино безуменъ; Ев. Тяпинскаго XVI в.: береме мое легко *есть*, одинъ *есть* вашъ учитѣль, свадьба готова *есть*, якъ аньгели *суть*, хто *суть* братья моя. Въ настоящее время формы 3-го л. глагола *быть* почти исчезли изъ русскаго яз., такъ что мы имѣемъ цѣлый рядъ предложеній безъ сказуемаго. Форма *суть* въ народномъ языкѣ совсѣмъ не встрѣчается (уродливыя выраженія, въ родѣ яко-бы народнаго выражения гр. А. Толстого: кто *мы* такіе *суть*, ему чужды); а форма *есть* употребляется главнымъ образомъ съ значеніемъ *имѣется*, *существуетъ*: *есть* книга, *есть* дѣло, это онъ и *есть*, это онп и *есть*, такъ и *есть*, причемъ, будучи сказуемымъ, можетъ имѣть при себѣ подлежащее во множ. ч.: у васъ книги и правила *есть*, грамота 1525 г., Ак. Арх. Э. I, 141; у васъ на тотъ лугъ крѣпости *есть* ли, *есть* у насъ правые грамоты, грамота 1542 г., Ак. Фед.-Чех. I, 87; нужныя вещи всѣ *есть*, Житіе Зосимы Соловецк. по сп. Рум. Муз. № 1; современн. московск.: книги у меня *есть*, *есть* разныя книги (срв. др.-русск. *суть* ми орудия въ Русп=*есть* у меня дѣла, Новгородская лѣт. XIV в. 159; *суть* гради ихъ до сего дне, *суть* у него сынове, Лаврентьевск. сп. л. 12, 26; *суть*

ны с тобою рѣчи, *суть* ми ѣще орудьица. Ипатскій сп. л. 340, 364; также срв. греч. ἔστι ἔμοιγε καὶ ζωοί и т. п.). Употребленіе формы *есть* съ главнымъ значеніемъ (связки) существовало довольно долго, иногда при подлежащемъ множ. ч. или 1-го и 2-го л. ед. Ев. 1399 г.: азъ и отецъ нѣцино *есть* 14; Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ нихъ же *есть* поляне в Кіевѣ и до сего дне (въ другихъ спискахъ: *суть*); Познанскій сборникъ XVI в.: хто *есть* ты, я *есть* гость, я *есть* Бово (даже: велми *есть* раненъ *есми*). Между прочимъ любопытно употребленіе ея въ Описаніи турецкой имперіи, составленномъ великоруссомъ во второй половинѣ XVII в.: пушекъ много *есть* лежитъ и т. п. (часто, при формахъ настоящ. врем.). Оно и теперь существуетъ еще въ нашемъ литературномъ языкѣ, но почти неизвѣстно въ языкѣ народномъ; въ былинахъ: *есть я* старъ казакъ, *я* неженатый *есть*.

Опущеніе формъ *есть*, *суть* повело къ опущенію формъ *есмь*, *еси*, *есмъ*, *есте* послѣ того, какъ при этихъ формахъ утвердились личныя мѣстоименія (Лаврентьевск. сп. л.: *ты* князь ли *еси*, *азъ есмь* мужь его 65). Оно восходитъ по меньшей мѣрѣ къ XIV в.: Лаврентьевск. сп. л.: *мы* недужи противу вамъ стати 68 (то же въ Ипатскомъ и другихъ спискахъ), *азъ* имъ противенъ 23, се *азъ* готовъ уже 267. *ты* господинъ, *ты* отець 367 и др., безъ *есмь*, *есть*, *еси*; Слово о полку игор.: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый *ты*, Игорю; а *мы*, дружина, жадни веселіа. Форму 1-го л. мы читаемъ въ записи Уваровск. рукописи 1473—1477 г. № 338: силно *есмь* радъ, коли кончалъ строку послѣднюю. Формы 2-го л. еще не рѣдкость въ XVI и XVII вв.; они находятся и въ московскихъ грамотахъ этихъ столѣтій, и въ зап.-русск. Ев. Тяпинскаго (здѣсь: знаю те, хто *еси* святый Божий; бологий *еси*, Симоне; што страшливы *есте*, и др.); но едва ли въ вто время они были для всѣхъ понятны (Сборникъ к. XV в. Син. Библ. № 951: подобаетъ істиному хрістіанину видѣти, что *еси* Богъ 11, камень *еси* Христова церковь 13 об. и т. п., гдѣ *еси*=есть). Нашъ литературный языкъ не знаетъ формъ 1-го и 2-го л., но въ великорусскихъ говорахъ, впрочемъ исключительно въ пѣсняхъ, встрѣчаются двѣ изъ нихъ: ой ты гой *еси*, вы дочери *есте* купецкія, а въ малорусскомъ нарѣчіи одна: добре *еси*, мій кобзарю...

Формы *нѣсмь*, *нѣси* и т. д., кромѣ формы *нѣ*=нѣтъ, давно

вышли изъ живого употребленія и уже въ концѣ XIV в. были, повидимому, непонятны. По крайней мѣрѣ писецъ Ев. 1399 г. очень часто (почти постоянно) замѣняетъ древнія *нъсмь* и пр. сложными *не есмь*: нѣ есть 6 об., нѣ несьмь 8 об., нѣ есмь 22, нѣ есте 11 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт. мы читаемъ: нѣ есмы 227.

Впрочемъ двѣ изъ этихъ формъ сохраняются еще русскимъ языкомъ въ качествѣ частицъ. Нашъ союзъ *если*—не что иное какъ соединеніе формы *есть*, составлявшей нѣкогда самостоятельное предложеніе, съ союзомъ *ли* если (срв. въ записи Словъ Исаака Сирина 1428 г. Публ. Библ.: *есть* накъ хочеть поити на нихъ, самъ бываше=если же хочетъ...). Великорусская частица *семъ*, обычная въ началѣ фразы передъ мѣстоимепіемъ *я*: *семъ* (или *семъ ка*) я погляжу и т. п. и какъ будто лишенная значенія, кажется, восходитъ къ формѣ *есмь*, чрезъ посредство есьмь, есемь (срв. выше, стр. 53); послѣднюю форму мы находимъ въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 37 об.; срв. сербск. јесам и сам, чешск. sem (*a*, *e* изъ ъ или ь).

XI. Удареніе.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для исторіи русскаго ударенія древнѣйшей эпохи. Хотя греческій литургическій уставъ IX—X вв., давшій начало нашему уставному письму XI—XIV вв., обыкновенно имѣлъ ударенія, тѣмъ не менѣе ихъ нѣтъ въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ. Одинъ изъ старшихъ русскихъ памятниковъ съ удареніями—Чудовской Новый Завѣтъ половины XIV в., соединяющій въ себѣ живыя ударенія современнаго писцу великорусскаго нарѣчія съ традиціонными удареніями церковнаго текста. За нимъ слѣдуетъ рядъ памятниковъ XIV и XV вв., или восходящихъ къ средне-болгарскимъ оригиналамъ, или вообще имѣющихъ въ своемъ правописаніи (а слѣдовательно, и въ удареніи) слѣды южнославянскаго вліянія. Рукописи XVI и особенно XVII вв. съ удареніями представляютъ уже обычное явленіе; одна изъ нихъ—огромный Хронографъ, составленный въ Москвѣ по приказу московскихъ государей и получившій окончательную редакцію въ первой половинѣ XVII в. (послѣдняя часть этого Хронографа съ описаніемъ событій XVI в.—извѣстна подъ названіемъ Царственной книги). Сверхъ того, имѣютъ ударенія всѣ книги церковной печати, московскія, западно-русскія, южно-русскія, какъ свѣтскаго (московская Книга ратнаго строенія 1647 г., Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г., кіевскій Лексиконъ Памвы Берынды), такъ главнымъ образомъ церковнаго характера; изъ послѣднихъ ударенія перешли въ новѣйшія церковныя книги.

Въ виду скудости древняго матеріала и неразработанности матеріала поздняго, XVI—XVII вв., мы можемъ говорить о древнѣйшей исторіи нашего ударенія отчасти на основаніи фонетическихъ явленій, въ родѣ опущенія гласныхъ (оно часто свидѣтельствуетъ

объ исконномъ отсутствіи ударенія на опущенномъ звукѣ), а главнымъ образомъ на основаніи сравнительнаго изученія нашего ударенія. Здѣсь намъ приходится пользоваться прежде всего данными по ударенію родственныхъ языковъ. какъ не-славянскихъ: литовскаго, санкритскаго, греческаго, такъ особенно славянскихъ, сохраняющихъ свободу ударенія: сербскаго (чакавскаго нарѣчія), словинскаго и ново-болгарскаго; само собою разумѣется, имѣютъ очень большое значеніе данныя по ударенію какъ церковно-славянскихъ Кіевскихъ глаголическихъ отрывковъ и церковно-славянскихъ стихотвореній IX—X вв., такъ и средне-болгарскихъ и сербскихъ рукописей и печатныхъ книгъ XIII—XVII вв. Затѣмъ намъ необходимо пользоваться данными русскихъ говоровъ, которые въ области ударенія представляютъ очень много отличій отъ нашего литературнаго языка; между прочимъ, весьма цѣнны по своей архаичности данныя по ударенію произведеній великорусской народной поэзіи (пѣсенъ и пословицъ). Однако мы должны имѣть въ виду, что сравнительное изученіе нашего ударенія (какъ и вообще сравнительное изученіе явленій языка) не позволяетъ приходить къ такимъ надежнымъ выводамъ, какъ изученіе историческое, и потому мы должны ограничиться лишь немногими замѣчаніями.

Природа ударенія бываетъ двоякая. Языки санскритскій и греческій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, имѣли удареніе хроматическое, основанное на повышеніи голоса. Оно извѣстно теперь въ нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ. Современные западно-европейскіе языки имѣютъ удареніе экспираторное, выдыхательное, которое основывается на усиленіи голоса. По всей вѣроятности, въ общеиндоевропейскомъ языкѣ было хроматическое удареніе, для долгихъ гласныхъ то восходящее, или повышающееся ($\bar{a}$=$a\acute{a}$), то нисходящее, или понижающееся ($\bar{a}$ = $\acute{a}a$). Это хроматическое удареніе должно было перейти изъ общеиндоевропейскаго языка въ общеславянскій (какъ перешло въ греческій) и въ немъ превратиться въ хроматическо-экспираторное (едва ли не сходное съ тѣмъ, которое было въ латинскомъ и существуетъ теперь въ литовскомъ и сербскомъ). Русскій языкъ, выступившій на историческое поприще лишь со скудными остатками древнихъ долгихъ звуковъ и потомъ, при исчезновеніи изъ произношенія массы глухихъ (ъ и ь), въ одной, сѣверо-восточной, своей части совсѣмъ не пріобрѣтшій но-

выхъ долгихъ гласныхъ, въ другой, юго-западной, —пріобрѣтшій ихъ, повидимому, лишь на короткій сравнительно срокъ, быть можетъ, въ историческое время еще обладалъ удареніемъ хроматическо-экспираторнымъ, но вѣроятно, очень давно замѣнилъ его тѣмъ самымъ выдыхательнымъ удареніемъ, которое существуетъ въ немъ теперь.

Удареніе можетъ быть свободнымъ и не свободнымъ. Свободное удареніе—то, которое находится въ различныхъ словахъ на различныхъ частяхъ словъ; несвободное удареніе прикрѣпляется къ одному или въ немногимъ извѣстнымъ мѣстамъ словъ: въ однихъ языкахъ мы видимъ его всегда на начальномъ слогѣ, въ другихъ—всегда на концѣ слова (во французскомъ языкѣ); въ латинскомъ языкѣ оно стоитъ на 3-мъ слогѣ отъ конца при 2-мъ краткомъ, и на 2-мъ, когда онъ долгій; въ нѣмецкомъ языкѣ удареніе ставится или на гласномъ корня, или въ главномъ аффиксѣ, вообще на наиболѣе существенной части слова. Свободное удареніе можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Неполное удареніе наблюдается, напримѣръ, въ греческомъ языкѣ: въ немъ удареніе не идетъ отъ конца дальше 3-го слога при конечномъ краткомъ и дальше 2-го слога при конечномъ долгомъ. Полнѣйшая свобода въ удареніи наблюдается въ языкахъ санскритскомъ и русскомъ. Въ санскритѣ мы нерѣдко находимъ удареніе на 5-мъ, даже на 7-мъ слогѣ; въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ удареніе на всевозможныхъ слогахъ; такъ, оно находится на 4-мъ слогѣ отъ конца въ словахъ человѣческаго, о́прометью, всено́щная, по́хороны, на пятомъ слогѣ въ ми́лостивые, ми́лостиваго, на 6-мъ — въ всеми́лостивѣйшему, вы́двинувшіеся, на 7-мъ—въ воспи́тывающіеся, скла́дывающіеся (въ послѣднихъ четырехъ словахъ—со слабымъ вторымъ удареніемъ на концѣ). Сверхъ того, русскій языкъ имѣетъ значительное количество словъ, могущихъ терять ударе́ніе. Именно, цѣлый рядъ существительныхъ, нечленныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ соединеніи съ предлогами становится энклитиками, передавая предлогамъ ударе́ніе: по́дъ носъ, за́ мужъ, на́ руку, за́ ногу, бе́зъ толку, по́ двору, на́ берегъ, на́ сторону, на́ сковороду, на́ людяхъ, за́-ново, из-красна, и́з-зелена, на́-веселѣ, на́ босу но́гу, про́-что, за́-что, для́ чего; срв. въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: на́ горы, на́ мори, на́ брезѣ, на́ землю, по́ ряду, до́ крове, до́ вечера, бе́зо чти, во́ имя, на́ люди, на́ се, на́ вы

и т. п.; въ Лѣчебникѣ XVII в. Син. Библ. № 481: за́ локоть, на́ полы, на́ попелъ и т. п.; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: въ́ земли, на́ земли, о́тъ земла, до́ вѣка и т. п.; соврем. ново-болгарскія: на́ душа, на́ глава, на́ ржка и т. п. Небольшая группа глагольныхъ формъ прошедшаго времени (муж. и средн. р. ед. и множ.) также можетъ превращаться—въ соединеніи съ *не* и *ни*—въ энклитики: не́ (ни́) былъ, не́ было, не́ были, не́ взялъ, не́ взяло, не́ взяли, не́ бралъ, не́ брали, не́ далъ, не́ дали, не́ спалъ, не́ спали и т. д. (еще форма 3 л. ед. не́ вѣсть, и причастія: не́ видя, не́ глядя, не́ хотя), а другая группа тѣхъ же формъ муж. р. ед.—въ соединеніи съ мѣстоименнымъ элементомъ *ся*—можетъ дѣлаться проклитиками, уступая ударе́ніе мѣстоименію: взял-ся́, принял-ся́, занял-ся́, брал-ся́, спил-ся́, поклял-ся́, завил-ся́ (рядомъ: взя́л-ся и т. п.). Срв. въ названной выше средне-болгарской Псалтыри: въмѣнисѧ́ 101, възвратисѧ́ 108 об. (аор.). Древняя форма сослагательнаго наклон., нынѣшняя частица *бы*, постоянно употребляется у насъ какъ энклитика: кто́-бы, что́-бы, о́нъ-бы, е́сли-бы, сказа́лъ-бы и т. п. Наконецъ, частица *было* при формахъ прошедш. вр. также является у насъ постоянно въ видѣ энклитики: я пошёлъ *было*, я *было* пошелъ и т. п.—По всей вѣроятности, индоевропейское ударе́ніе было столь же свободно, какъ и ударе́ніе санскритское и русское, такъ что русское ударе́ніе въ своей свободѣ имѣетъ остатокъ глубокой древности.

Если мы обратимся къ частностямъ, то увидимъ, что русскій языкъ сохранилъ кое-что обще-славянское. Слово, напримѣръ, не́бо звучитъ у насъ съ ударе́ніемъ на 2-мъ слогѣ; то же ударе́ніе въ ново-болгарскомъ не́бо; срв. санскр. nábhas, греческ. νέφος; слѣдовательно, русское слово сохранило древнее ударе́ніе, находящееся и въ другихъ славянскихъ и индоевропейскихъ языкахъ, иначе говоря,—сохранило обще-славянское и даже обще-индоевропейское ударе́ніе. Интересно сравнить русское сто́ (изъ сто́) съ санскр. çatám, греч. ἑκατόν; русск. снохá съ санскритск. snušá, русск. вы́дра съ лит. údra, съ греческ. ὕδρα; русск. рукá съ новоболг. ржкá, литовск. rankà. Равнымъ образомъ не безъинтересно сравне́ніе сербск. чакавск. видро́, вино́, зимá, гниздо́, бидá, ново-болгарск. жи́то, женá, горá, крило́, ребро́ и т. п. съ русск. ведро́, вино́, зимá, гнѣздо́ и проч. Если мы взглянемъ на систему склоне́ній

существительныхъ женскаго рода съ удареніемъ въ имен. п. ед. на послѣднемъ слогѣ, то увидимъ, что подобно русскому, литовскій языкъ ставитъ удареніе различно въ различныхъ падежахъ; напримѣръ, при имен. рука́, борода́, зима́ мы имѣемъ вин. ру́ку, бо́роду, зи́му, точно такъ же, какъ въ литовскомъ, при имен. rankà, barzdà, žẽmà, вин. пад. звучитъ ránką, bárzdą, žẽmą. Точно также, если мы разсмотримъ взаимныя отношенія по ударенію формъ имен. п. ед. мужескаго, женскаго и средняго родовъ нечленныхъ прилагательныхъ, то найдемъ, что и здѣсь литовскій языкъ согласенъ съ русскимъ; такъ, у насъ ма́лъ, мала́, ма́ло и въ литовскомъ: gẽras, gerà, gẽra.

Разнообразіе ударенія въ русскихъ говорахъ довольно значительно: формы имен. ед. великор. за́суха и засу́ха, дѣ́вочка и дѣво́чка, ля́гушка и лягу́шка, до́чка и дочка́, молонья́ и мо́лонья, бесѣ́да и малор. бе́сіда, козе́лъ и онежск. ко́зелъ, ло́коть и бѣлор. локо́ть, о́стровъ,—а и бѣлор. остро́въ,—а́, о́зеро и бѣлор. озеро́, и́мя и бѣлор.-малор. имя́, журавль и бѣлор. жо́равъ, малор. жураве́ль; вдо́вый и вдово́й, рѣ́звый и рѣзво́й (рѣзо́въ, Пушкинъ), ве́тхій и ветхо́й (срв. въ московскомъ Апостолѣ 1564 г.: ветхо́му 133, ветха́го 136 об.), ди́кій и дико́й, крѣ́пкій и крѣпко́й, гла́дкій и малор. гладки́й, родно́й и ро́дный, ста́рый и малор. стари́й; формы косвенныхъ падежей: род. ед. великор. во́лка и бѣлор. волка́, быка́ и смоленск. бы́ка, бара́на и бѣлор. барана́, никого́, ничего́ и новгор. нико́во, ничо́во, бѣлор. ничо́го; твор. ед. у́тромъ, ве́черомъ и бѣлор. утро́мъ, вечеро́мъ; имен. мн. великор. во́лосы, гу́си и бѣлор. волосы́, гуси́ и т. п. Даже литературный языкъ не владѣетъ единствомъ ударенія, и мы употребляемъ (иногда съ различными значеніями) формы имен. ед. дѣ́вица и дѣви́ца, дуби́на и дубина́ (В. Майковъ), при́зракъ и призра́къ (Пушкинъ), сво́йство и свойство́, пѣ́нье и пѣнье́ (Грибоѣдовъ); род. ед. куста́ и ку́ста, чо́рта и (ни) черта́, ве́цря и вепря́ (Языковъ); имен. мн. ко́злы и козлы́, ду́хи и духи́, гла́зки и глазки́, у́шки и ушки́, во́лки и волки́ (гр. А. Толстой), ко́ни и кони́ (Марлинскій), холмы́ и хо́лмы (Жуковскій), внуча́та и вну́чата (Грибоѣдовъ), взаймы́ и взаймы́, по у́тру и по утру́, высо́ко и высоко́, свысока́, далеко́ и далеко́, издалека́, вдалекѣ́, счастли́въ и, счастли́въ, ле́гокъ и легко́къ (Пушкинъ), слегка́, налегкѣ́, домово́й и домо́вый, и т. п.

Разнообразіе ударенія въ значительной степени зависитъ отъ измѣненій его, происшедшихъ въ русскомъ языкѣ отчасти въ до-

историческую, но главнымъ образомъ въ историческую эпоху. По нашему мнѣнію, русское удареніе потерпѣло довольно много измѣненій. Эти измѣненія въ значительной степени свойственны и другимъ славянскимъ языкамъ; т. е. русскій языкъ во многихъ своихъ новшествахъ совпалъ съ другими славянскими языками, что̀ понятно: измѣненія въ удареніи во всѣхъ славянскихъ языкахъ произошли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ—отъ исчезновенія глухихъ ъ и *и* въ концѣ словъ и отъ вліянія однихъ именныхъ и глагольныхъ формъ на другія.

Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ должно было быть много случаевъ ударенія на концѣ словъ, на гласныхъ основы *ă*, *ā* и *ĭ*.

Въ санскритскомъ языкѣ слова съ основою на *ă* мужескаго рода, особенно имена прилагательныя, почти всегда являются съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: sūnús сынъ, gurús тяжелый, mṛdús мягкій, svādús сладкій, açús быстрый. Многія изъ греческихъ существительныхъ и почти всѣ прилагательныя на ὺς имѣютъ удареніе также на послѣднемъ слогѣ: βαρύς, ἡδύς, ὠκύς, εὐρύς. Въ литовскомъ языкѣ всѣ слова на *us* звучатъ съ удареніемъ на концѣ: medús медъ, sunús сынъ, viršús верхъ, aštrús остръ, saldús сладокъ, budrús бодръ, mandrús мудръ и т. п. Несомнѣнно, обще-славянскій и затѣмъ русскій языки имѣли значительное количество словъ съ основою на ъ, которыя впослѣдствіи утратили свое старое склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *о*; также несомнѣнно, эти слова должны были имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, т. е. на ъ. Такимъ образомъ обще-славянскія и русскія слова медъ, сынъ, вьрхъ, мждръ и т. п. должны были въ древности имѣть удареніе на конечномъ ъ.

Литовскій языкъ не имѣетъ почти ни одного слова съ окончаніемъ *as* и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ; это, вѣроятно, новая черта въ литовскомъ удареніи, которая явилась вслѣдствіе вліянія однихъ словъ съ окончаніемъ *as* на другія. Въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ количество словъ съ основою на *ă* и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ весьма значительно. Всѣ прилагательныя съ суффиксомъ *ra* постоянно имѣютъ въ нихъ удареніе на концѣ: rudhirás красный, iširás сильный, çithirás свободный; καθαρός, πιερός, ἱερός, μακρός. Это заставляетъ думать, что русскія слова, образованныя посредствомъ суффикса *ra*, могли нѣкогда имѣть уда-

реніе на конечномъ ъ и только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе исчезновенія ъ, перенесли свое удареніе на ближайшій слогъ; т.-е. что прилагательныя въ родѣ добръ, хытръ, щедръ, сыръ въ древнее время могли звучать: добрѣ́, хытрѣ́, щедрѣ́, сырѣ́.—Слова съ суффиксомъ *la* въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ удареніе также на концѣ: sthulás, salilás, bahulás; ἁμαλός, χθαμαλός, τυφλός. Возможно, что многія изъ русскихъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ нѣкогда также имѣли ударе-ніе на концѣ: кислъ́, рыхлъ́, теплъ́, причаст. былъ́, жилъ́.—Далѣе, причастія съ суффиксомъ *ta* въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ очень часто бываютъ съ удареніемъ на концѣ: gatás пройденный, ditás связанный, çrutás извѣстный; βατός, γνωστός, κλυτός. Русскія прилагательныя и причастія съ суффиксомъ *ta* также могли имѣть удареніе на концѣ: густъ́, пустъ́, тълстъ́, лютъ́, святъ́, литъ́.

Если мы обратимся къ словамъ съ основою на ĭ, то сопоставленіе словъ русскихъ съ литовскими можетъ намъ показать, что многія русскія слова съ основою на ь имѣли удареніе, подобно литовскимъ, на послѣднемъ слогѣ: naktís—ночь́, žvẽrís—звѣрь́, žąsís—гусь́, ašís—ось́ и т. п.

Такимъ образомъ сопоставленіе данныхъ русскаго языка съ данными другихъ индо-европейскихъ языковъ показываетъ, что русскій языкъ могъ имѣть удареніе на ъ и ь, впослѣдствіи исчезнувшихъ.

На то же указываютъ данныя славянскихъ языковъ. Кіевскіе глаголическіе отрывки имѣютъ нѣсколько формъ род. мн. съ удареніемъ на конечномъ ъ: грѣхъ́, мжченикъ́, дѣлъ́, дѣвъ́, силъ́. Новоболгарскій языкъ сохранилъ во многихъ именахъ (имен. ед.) удареніе на конечномъ ъ или ь: медъ́-т (*т*—членъ: церк.-слав. медъ-*тъ*), дѫбъ́-т (ц.-слав. дѫбъ-тъ), мостъ́-т, димъ́-т, умь́-т, цвѣтъ́-т, светъ́-т, мжжъ́-т (ц.-слав. мжжь-тъ), дъждъ́-т, дне́-т, дне́-с (ц.-слав. дьнь-сь), ноште́-с, есене́-с, (*е* изъ ъ). Ново-болгарскія прилагательныя членныя нерѣдко имѣютъ удареніе на конечномъ слогѣ, на *и*=ц.-слав. ъі, въ основу котораго легъ старый ъ: густи́-јът, добри́-јът, кривѝ-јът, левѝ-јът живѝ-јът и т. п., изъ густъ́и-тъ, добръ́и-тъ, кривъ́и-тъ, лѣвъ́и-тъ, живъ́и-тъ.

Если мы обратимся къ русскому языку, то увидимъ въ немъ самомъ нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что глухой нѣкогда имѣлъ на себѣ удареніе: дне́-сь, ноче́-сь, ономе́-дни (=дьнь́-сь,

ночь́-сь, ономь́-дни, мѣстн. ед.); имен. ед. прилагательныхъ муж. р. съ удареніемъ на концѣ, въ родѣ великорусск. сыро́й, удало́й, жило́й, густо́й, пусто́й, живо́й, слѣпо́й, сѣв.-великор. крѣпко́й, жарко́й, гладко́й, толсто́й (*о* изъ *ъ*); малорусск. жарки́й, живи́й, густи́й, товсти́й (*и*=*ы* изъ *ъ*). Сверхъ того, въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ мы находимъ: родо́-сь 13, миро́-сь 46 об.

Вліяніе словъ, въ которыхъ исчезъ неударяемый конечный глухой, повело къ исчезновенію ударяемаго конечнаго глухого; отсюда, естественно, произошло передвиженіе ударенія отъ конца къ началу слова, т.-е. вмѣсто ночь́, вьрхъ́, добрт́ явились формы им. ед. но́чь, ве́рхъ, до́бръ. Само собою разумѣется, такого рода перенесеніе ударенія отъ конца къ началу въ тѣхъ формахъ, гдѣ конечный слогъ состоялъ изъ глухого звука (главнымъ образомъ въ формѣ имен. ед.), могло повліять на удареніе въ другихъ формахъ, гдѣ не было въ концѣ глухого звука. Такъ, представляется вѣроятнымъ, что формы, напримѣръ, род. пад. звѣ́ря, но́чи ве́рху, ча́са—формы новыя, замѣнившія древнія звѣри́, ночи́, вьрху́, часа́, что они перенесли свое удареніе съ болѣе близкаго на дальнѣйшій слогъ подъ вліяніемъ новаго ударенія въ имен. ед.— звѣ́рь, но́чь, ве́рхъ, ча́съ.

Конечно, подобныя новыя формы не вполнѣ вытѣснили древнія. Отсюда въ современномъ языкѣ рядомъ архаизмы и новообразованія: великор. бѣго́мъ, круго́мъ, толко́мъ (потолкуемъ толко́мъ), паро́мъ (покати), малор. слідо́мъ и бі́гомъ, кру́гомъ, то́лкомъ, па́ромъ, слѣ́домъ; Петрова́ дня, Петрову́ дню и Петро́ва, Петро́ву; пол-часа́ и ча́са (род.); изъ печи́, въ печи́, въ чести́, въ части́, на знати́, въ любви́ и изъ пе́чи, въ пе́чи, въ че́сти, въ ча́сти, въ зна́ти, въ любо́ви; перво́й, впервы́е (срв. сперва́), часто́й, зачасту́ю, вплотну́ю, начисту́ю и пе́рвый, пе́рвые, ча́стый, ча́стую, пло́тную, чи́стый, чи́стую; мило́й, удало́й, люто́й, Толсто́й (фамилія) и ми́лый, уда́лый, лю́тый, то́лстый; спроста́ и спро́ста; высоко́, далеко́, глубоко́ и высо́ко, дале́ко, глубо́ко; сѣв.-великор. было́, малор. було́ (при великор. было́й) и великор. бы́ло. Кажется, можно признать вполнѣ вѣроятнымъ, что изъ двухъ варіантовъ въ родѣ вышеприведенныхъ тотъ отличается большею древностью, который менѣе сходенъ съ современною формою имен. ед. на *ъ* или *ь*. Точно также изъ великорусскихъ формъ воротá (срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ: врата́, соврем. церковн. и ново-болг. врата́) и воро́та, знамена́ и знаме́на,

первыя древнѣе вторыхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ формъ род. мн. воро́тъ (изъ воротъ̀), знаме́нъ (изъ знаменъ̀); изъ великор. формъ твор. мн. ими́, всѣми́ и и́ми, всѣми первыя древнѣе вторыхъ, явившихся подъ вліяніемъ формъ мпож. ч. и́хъ, и́мъ и т. д. (срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ: ими́ 87 об., с-ними́ 155, всѣми́ 72, тѣми́ 116 об. и др.).

Кромѣ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ можно предполагать перенесеніе ударенія на одинъ слогъ впередъ, есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ удареніе было, повидимому, перенесено съ конечнаго слога не на 2-й, а на 3-й слогъ.

Это—слова съ полногласіемъ: бе́регъ, го́лодъ, го́лосъ, со́лодъ и т. п. На перенесеніе въ нихъ ударенія съ конечнаго на 3-ій отъ конца слогъ (болѣе или менѣе древнее) указываютъ ново-болгарскія данныя и русскія членныя прилагательныя. Въ ново-болгарскихъ говорахъ слова брегъ̀-т, врагъ̀-т, гладъ̀-т, гласъ̀-т, мракъ̀-т, прахъ̀-т, хлебъ̀-т имѣютъ удареніе на концѣ, на ъ; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2 мы находимъ форму твор. ед. гласо́мъ 69 об., 133 и др. (отмѣтимъ также лит. saldùs сладкій); въ русскомъ языкѣ, вмѣсто ожидаемыхъ бере́гъ, голо́дъ и т. д. (изъ берегъ̀, голодъ̀), имъ соотвѣтствуютъ бе́регъ, го́лодъ. Русское воро́ной показываетъ, что нечленная форма во́ронъ имѣла нѣкогда удареніе на концѣ; на то же указываютъ прилагательныя золото́й, дорого́й, молодо́й, холосто́й, болого́й при сопоставленіи ихъ съ нечленными формами зо́лотъ, до́рогъ и пр. Всѣ эти слова—мужескаго рода. Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ словахъ средняго рода съ ударе́ніемъ на концѣ: брашно́, благо́, злато́, дрѣво́, чрѣво́ (срв. въ сербской Шафариковой Кормчей 1646 г.: злато́ 193; соврем. чакавск. древо́), и въ нарѣчіи блазѣ; въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующія слова имѣютъ ударе́ніе на 3-мъ слогѣ: бо́рошно, бо́лого, зо́лото, де́рево, че́рево, бо́лозѣ (срв. у насъ серебро́ и се́ребро). Не излишне замѣтить, что въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ мы имѣемъ: градо́-сь 75, брашно́ 27 об., 44, 148 об. и др., рядомъ съ бра́шно.

Это—прилагательныя въ родѣ свѣтелъ, гро́зенъ, до́лженъ, ду́ренъ, кра́сенъ, ро́венъ, си́ленъ, сми́ренъ, чу́денъ, че́стенъ. Ихъ варіанты: свѣте́лъ, грозе́нъ, должо́нъ, дуре́нъ, красе́нъ, ровен̀ъ, силе́нъ, смире́нъ, чуде́нъ, ясе́нъ, безъ сомнѣнія, сравнительно съ

ними—архаизмы: срв. хитéръ, умéнъ (хи́теръ и у́менъ, кажется, не существуютъ); но они также не сохранили древняго ударенія; послѣднее должно было быть на конечномъ слогѣ и сохранилось въ формахъ дурно́й, смирно́й, чудно́й, честно́й (срв. греческія прилагательныя на ινός: ἀληθινός и т. п.). Вѣроятно, ударéніе на начальномъ слогѣ появилось прежде всего въ несуществующихъ теперь формахъ свѣ́тлъ и т. д. (изъ свѣтьлъ́), которыя оказали вліяніе на паралéльныя формы свѣтéлъ и т. д.

По всей вѣроятности, мы имѣемъ такія же вторичныя новообразованія въ формахъ твор. ед. сы́номъ, вéрхомъ. Первичныя новообразованія должны были звучать сыно́мъ, верхо́мъ (послѣдняя форма у насъ еще существуетъ какъ нарѣчіе), а древнѣйшими формами должны были быть формы сынъмь́ (срв. лит. sunumi), вьрхъмь́.

Вліяніе однихъ формъ на другія могло произвести измѣненіе ударенія, между прочимъ, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ не было исчезновенія конечнаго глухаго.

То или другое количество падежныхъ формъ членныхъ прилагательныхъ имѣютъ новое ударéніе (то же, что въ имен. ед.): род. ед. сухо́го, дурно́го, хи́трого, и т. п.; въ древнихъ формахъ, какъ видно изъ современныхъ фамилій=формъ род. п. ед., сохранившихъ древнее ударéніе: Сухово́, Дурново́, Благово́, Хитрово́,—ударéніе находилось на конечныхъ слогахъ; срв. третьево́-дни; въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ: прочаго̀ 146 об.; въ рукописяхъ Крижанича (серба-чакавца): доброго́, простого́, мудрого́, драгого́, чистого́, и др.; соврем. чакавск. род. липега́, равнега́, жутега́, дат. жутему́ и т. п. Пѣсенное горючми́ слезьми́, изъ горючими́, показываетъ, что формы твор. мн. могли быть съ ударéніемъ на концѣ: добрыими́, добрыми́ и т. п.

Можно указать на рядъ падежныхъ формъ существительныхъ, какъ единственнаго, такъ особенно множественнаго числа, по преимуществу новообразованій, какъ на имѣющія такія ударенія, въ древности которыхъ позволительно сомнѣваться. Такъ, передъ нами, по всей вѣроятности новыя ударенія въ формахъ мн. ч.: погреба́мъ, погреба́ми, острова́мъ и т. д. (вліяніе имен. мн. погреба́, острова́), учителя́мъ и т. д. (вліяніе имен. мн. учителя́), и въ формахъ мѣстн. ед.: въ погребу́, на острову́. Сверхъ того, замѣчается вліяніе другъ на друга трехъ рядовъ двусложныхъ существительныхъ женск. р. на *а*: 1) съ имен. и вин. ед. съ ударéніемъ на концѣ (жена́—жену́),

2) съ имен. ед. съ удареніемъ на концѣ и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (рука́—ру́ку) и 3) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (су́ша—су́шу). Отсюда двоякія формы имен. ед. великорусск. ве́рба и верба́, гри́ва и грива́, гу́ба (гу́ба—не дура) и губа́, по́чва и почва́, вью́га и вьюга́, ту́ча и туча́. великор. нѣ́га и малор. ніга́; вин. ед. великор. ве́рсту и версту́, и́збу и избу́, зо́рю и зорю́, ко́су и косу́, ро́су и росу́, по́лу и полу́, между которыми очень трудно выдѣлить архаизмы и новообразованія. Конечно, появленіе новаго ударенія въ имен. ед. ведетъ за собою появленіе новаго ударенія въ род. и другихъ падежахъ единств. ч.

Далѣе, существуетъ взаимное вліяніе трехъ рядовъ глаголовъ такъ называемаго 2-го спряженія: 1) имѣющихъ всѣ формы настоящаго времени съ удареніемъ на концѣ (пою́—поёшь), 2) имѣющихъ форму 1-го л. ед. съ удареніемъ на концѣ и прочія формы съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ (гоню́—го́нишь) и 3) имѣющихъ во всѣхъ формахъ настоящаго времени удареніе на предпослѣднемъ слогѣ (слы́шу—слы́шишь). Отсюда также различіе въ удареніи: ве́ртишь и верти́шь, ка́тишь и кати́шь, кре́пишь и кре́пи́шь, кру́шишь и крушѝшь, му́тишь и мути́шь, ро́дишь и роди́шь. со́лишь и соли́шь, за-тво́ришь и твори́шь, моло́тишь и молоти́шь, воро́тишь и возврати́шь, хоро́нишь и храни́шь, гово́рю—гово́ришь и говорю́—говори́шь. Выдѣленіе архаизмовъ и новообразованій здѣсь также затруднительно (срв. въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: съкру́шиши 3, смѫ́тить 3, възвра́татса 5 об., съхра́ниши 10 об.).

Если мы взглянемъ на великорусское удареніе половины XIV в., то увидимъ, что оно нѣсколько отличалось отъ современнаго великорусскаго ударенія вообще и литературнаго въ частности.

Вотъ особенности въ удареніи именныхъ и глагольныхъ формъ въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ. Слова женскаго рода на *а* нерѣдко имѣли формы имен.-вин. множ. съ удареніемъ на концѣ: жены́, сестры́, рѣки́, слуги́, бѣды́, главы́, овца́ (срв. въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича: жены́, сестры́; у В. Майкова: сестры́, скулы́, судьи́; у Ипп. Богдановича: бѣды́, войны́, судьбы́; у Грибоѣдова: судьи́, и т. п.; также срв. чакавск. жене́, сестре́). Слова женскаго рода на ъ сохраняли еще большое количество формъ съ удареніемъ на

концѣ: родит. плоти́, немощи́, ярости́, ревности́, мѣстн. по плоти́, в части́, в вещи́, в немощи́, в благости́, в кротости́, в четверти́, вин. мн. двери́, похоти́ (рядомъ: род. но́щи, сме́рти, твор. но́щью, мѣстн. в но́щи, в пло́ти, им. мн. вла́сти и т. п.). Формы сравнительной степени имѣли относительно часто ударе́ніе на концѣ: боле́ Іоны сдѣ и т. п., боли́и, болши́ (женск. р.), больша́ (множ.), меньши́, крѣпли́и (срв. соврем. формы положит. степени: большо́й, меньшо́й, старшо́й). Формы 2-го л. мн. изъявительнаго наклоне́нія очень часто были съ ударе́ніемъ на концѣ: живете́, хоще́те, може́те, пье́те, рче́те, пропне́те, ижене́те, мните́, стоите́, разрѣшите́, створите́, отпустите́, ядите́ и др. (какъ отчасти въ современныхъ говорахъ). Формы неопредѣленнаго наклоне́нія также были нерѣдко съ ударе́ніемъ на окончаніи: яти́, заяти́, взяти́, сняти́, клясти́ся, толщи́, жрети́, умрети́, отврести́, почести́, помощи́, огрѣбати́ся и др. (рядомъ я́сти и т. п.). Формы причастій настоящаго, а отчасти и прошедшаго врем., членныя и нечленныя, нерѣдко имѣли ударе́ніе на концѣ или близко отъ конца: имуще́ (мн.), бьюще́, пиюще́, зовуще́, несуще́, убивающе́, носяще́, ядуще́, лжюще́ (мн.), видящи́ (ед.), перуща́ (род.), грядуща́, браняща́, толкуще́му, сѣдяща́ (вин. мн.), гря́дуща́, творяща́я и т. п. (срв. въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ: чьстаце́); спедшю́ (дат.), явльша́гося и др. (рядомъ: тружа́ющіися, могу́щаго́, исходя́щая и т. п.; прише́дше, оше́дшема и т. п.; срв. современн. великор. идучи́, несучи́ и т. п.).

Вотъ нѣсколько словъ съ ударе́ніемъ отличнымъ отъ современнаго литературнаго: воля́, род. воля́, вин. волю́; море́, дат. морю́, (и мо́ре); горе́; дат. ново́му, мн. вся нова́ (и но́вый, род. вина но́ва; срв. пѣсенн. изъ Нова́ города, новы́я ворота́ и т. п.); о лѣву́ю, лѣвы́ми; вѣчну́ю, вѣчны́ми (срв. въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ: вѣчьна́ѣ, средн. р.); дв. ч. о бѣсно́ю; одежею свѣтло́ю; им. ед. третии́ (срв. соврем. самъ третье́й); еди́нъ, едина́, едино́, вин. едину́, им. мн. еди́ни (при еди́ного, еди́ному, о еди́номь); онъ, во время оно́. оного́, ному́, во дни оны́; те́рплю (и терплю́); тво́рю, ство́рю; ве́лю; учи́ши, учи́ть.

XII. Заключеніе.

Мы изложили исторію звуковъ и формъ русскаго языка—главную и важнѣйшую часть исторіи языка — и должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Ходъ развитія русскаго языка представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Русскій языкъ древнѣйшей эпохи былъ *одинъ* языкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ дѣлился на говоры, изъ которыхъ говоры сѣверо-западнаго угла древней Руси—новгородскій, псковской, смоленско-полоцкій—выдѣлялись въ отдѣльную группу, благодаря особенностямъ своего консонантизма. Прочіе говоры—говоры южной, западной и сѣверо-восточной части Руси—были почти тожественны, и всѣ ихъ отличительныя черты заключались въ различной звуковой окраскѣ очень немногихъ словъ (дъ*жжь* и дъ*жчь*) и въ различныхъ окончаніяхъ очень немногихъ формъ (*єсме* и *єсмо*).

Исчезновеніе глухихъ ъ и ь повело къ раздѣленію русскихъ говоровъ на двѣ группы—юго-западную и сѣверо-восточную. Большая часть древнихъ говоровъ: новгородскій, псковской, смоленско-полоцкій, западно-русскій, средне-русскій и, вѣроятно, кіевскій, утративъ въ массѣ случаевъ глухіе, черезъ это не потерпѣли никакихъ важныхъ измѣненій въ своемъ вокализмѣ; напротивъ того, въ меньшинствѣ говоровъ, точнѣе—въ говорѣ галицко-волынскомъ, исчезновеніе глухихъ повело къ тому явленію, которое имѣло мѣсто въ сосѣднихъ съ ними западно-славянскихъ языкахъ, польскомъ и чешскомъ,—къ образованію долгихъ гласныхъ.

Долгія *е* и *о*, возникшія въ галицко-волынскомъ говорѣ (*пе̄чь*, *ко̄нь* и т. п.), сначала отличались отъ краткихъ *е* и *о* (*пӗчь*, *ко̆нь*), оставшихся въ прочихъ русскихъ говорахъ, только количествомъ, и

вслѣдствіе этого не могли быть сколько-нибудь значительною, рѣзкою особенностью. Но мало-по-малу долгота *е* и *о* повела къ измѣненію качества этихъ звуковъ какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Къ XIV в. въ значительной части галицко-волынскаго говора долгія *е* и *о* превратились въ дифтонги или въ *і* и *у* (*пічь*, *кунь*); къ тому же времени въ немъ совершился переходъ *ѣ* въ дифтонгъ или въ *і* и отожествленіе древнихъ *и* и *ы*. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной группѣ русскихъ говоровъ не имѣло мѣста ни одно изъ названныхъ явленій. Такимъ образомъ произошло обособленіе двухъ частей русскаго языка—юго-западной и сѣверо-восточной, иначе говоря,—окончательное образованіе нарѣчія малорусскаго съ одной стороны и великорусско-бѣлорусскаго съ другой, изъ которыхъ каждое затѣмъ стало самостоятельно развивать дальнѣйшія особенности въ области какъ звуковъ, такъ отчасти и формъ.

Сѣверо-восточная часть русскаго языка въ свою очередь распалась на двѣ группы. Не позднѣе XIV в. получило свое начало аканье, или измѣненіе качества неударяемыхъ *о*, *а*, *е*. Оно явилось въ южной группѣ сѣверо-восточной части, оставшись чуждымъ группѣ сѣверной, и такимъ образомъ великорусско-бѣлорусское нарѣчіе раздѣлилось на говоры а́кающіе — южно-великорусско-бѣлорусскіе (древній западно-русскій говоръ, смоленско-полоцкій и часть средне-русскаго) и на говоры о́кающіе — сѣверно-великорусскіе (древній новгородскій говоръ и часть средне-русскаго). Въ XV в. аканье было уже сильно и отдѣленіе другъ отъ друга говоровъ акающихъ и окающихъ уже завершилось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало раздѣленіе южной группы сѣверо-восточной части, благодаря переходу въ западныхъ говорахъ этой группы мягкихъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*. Такимъ образомъ въ нихъ явилась новая звуковая особенность, оставшаяся почти совсѣмъ чуждою восточнымъ говорамъ той же группы; она вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелкими звуковыми чертами (постоянная твердость *р*, переходъ твердаго *л* въ рядѣ случаевъ въ *ў* и др.) послужила причиною отдѣленія говоровъ бѣлорусскихъ, съ *дз* и *ц*, отъ говоровъ южно-великорусскихъ съ мягкими *д* и *т*.

Каждая изъ названныхъ частей русскаго языка имѣетъ крупныя особенности, отсутствующія въ другихъ частяхъ. Напримѣръ, многіе говоры малорусскаго нарѣчія имѣютъ *і* тамъ, гдѣ великорусское и бѣлорусское нарѣчія сохраняютъ древнія *е* и *о* (*пічь*, *кінь*=*печь*. *конь*); наоборотъ, все малорусское нарѣчіе удерживаетъ древнія *е* и *о* въ слогахъ безъ ударенія, замѣненныя въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ черезъ *и*, *а* (*печі́*, мѣстн. отъ *пічь*, *коня́*=*пичі́*, *пячи*, *каня́*).

Рядомъ съ такого рода особенностями, отличающими одно нарѣчіе или говоръ отъ другого, есть много важныхъ чертъ, общихъ разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ и соединяющихъ ихъ въ одно цѣлое.

Всѣ русскія нарѣчія и говоры сохраняютъ исконныя особенности русскаго языка—полногласіе, *ж* изъ *д*, *ч* изъ *т*, *л* послѣ губныхъ изъ *j*, формы дат. ед. прилагательныхъ на *ому* и т. п.

Цѣлый рядъ явленій, развившихся въ русскомъ языкѣ въ историческую эпоху, свойственъ также всему русскому языку. Это—исчезновеніе глухихъ, большая часть слѣдствій исчезновенія глухихъ, переходъ сохранившихся глухихъ въ *о* и *е*, переходъ *е* въ *о*, неорганическое смягченіе гортанныхъ передъ *ы*, смѣшеніе основъ, смѣшеніе падежей и т. п.

Другія историческія явленія русскаго языка находятся въ бо́льшей части русскихъ говоровъ. Почти все великорусское, все бѣлорусское и часть малорусскаго нарѣчія имѣютъ въ концѣ словъ согласные глухіе на мѣстѣ звонкихъ. Все бѣлорусское, все малорусское и часть великорусскаго нарѣчія знаютъ *у* изъ *в* и наоборотъ и имѣютъ *г*=*h*. Во многихъ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ *ж*, *ш* и *ч* звучатъ твердо. Значительная часть великорусскихъ и всѣ бѣлорусскіе говоры имѣютъ *е* вмѣсто древняго ударяемаго *ъ* и т. д.

Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія настолько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Уже давно обращено вниманіе на близость сѣверновеликорусскаго и малорусскаго нарѣчій (сохраненіе *о* безъ ударенія и вообще неударяемыхъ гласныхъ). Точно также давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому, что дало поводъ даже включать первое въ составъ второго. Близость южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не тре-

буетъ никакихъ указаній или доказательствъ. Вообще по своему взаимному сходству русскія нарѣчія могутъ быть соединены въ слѣдующія четыре пары:

сѣверно-великорусское и южно-великорусское,
южно-великорусское и бѣлорусское,
бѣлорусское и малорусское,
сѣверно-великорусское и малорусское.

Около XVI в. русскій языкъ въ значительной части своихъ чертъ, звуковыхъ и формальныхъ, былъ уже тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни. Послѣ этого времени къ числу особенностей русскихъ говоровъ не прибавилось ничего важнаго, точно также какъ ничего и не убавилось. Измѣненія произошли только въ территоріальномъ расположеніи равныхъ частей русскаго языка.

Малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карпатами и еще до XVI в. расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтіи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережья Чернаго моря.

Южно-великорусское нарѣчіе, которымъ говорили жители сравнительно небольшой области между верховьями Волги, Дона, Донца, Днѣпромъ и Окою, съ XVI в. начало медленно подвигаться съ одной стороны на востокъ—къ Волгѣ, съ другой на югъ и мало-по-малу приблизилось къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Сверхъ того, сдѣлавшись, въ лицѣ одного изъ своихъ говоровъ—московскаго, языкомъ правительства, литературы и науки, оно нашло себѣ представителей во всѣхъ концахъ русскихъ владѣній.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе, къ XVI в. уже занимавшее всю сѣверную часть Поволжья, нынѣшнюю Вологодскую, Олонецкую, отчасти Архангельскую, Вятскую и Пермскую губерніи,—съ этого столѣтія также значительно расширило свои границы. Покореніе Казанскаго царства повело къ движенію въ его предѣлы сѣверновеликорусскихъ колонистовъ, которые затѣмъ двинулись отчасти на югъ (ихъ потомки, мѣняющіе звуки *и* и *ч*, теперь живутъ, между прочимъ, въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ), но главнымъ образомъ на востокъ—въ Приуралье и Сибирь.

Бѣлорусское нарѣчіе, уже выдвинувшееся нѣсколько на сѣверъ—въ смоленско-полоцкую область, послѣ XVI в. почти не измѣнило своихъ границъ. Можно указать лишь на распространеніе его немного на востокъ, въ нынѣшнюю Черниговскую губернію, гдѣ «литовское» нарѣчіе стало слышаться, вѣроятно, не ранѣе начала XVII в., когда эта часть древней Сѣверщины вошла въ составъ польско-литовскаго государства.

Около того же времени — въ XVI—XVII вв.—исчезъ говоръ кіевскій и сократились въ своемъ территоріальномъ объемѣ говоры псковской и смоленско-полоцкій.

Слѣды перваго теряются очень рано, въ XII—XIII в., и трудно опредѣлить, насколько онъ пережилъ страшный погромъ Батыя. Памятники послѣ-татарскаго времени, XIV—XVI вв., писанные въ Кіевѣ, не даютъ вполнѣ ясныхъ указаній. Кіевская Псалтырь 1397 г. написана человѣкомъ пришлымъ, великоруссомъ; Ев. 1411 г. (находящееся въ кіевскомъ Николо-Пустынскомъ монастырѣ) представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ малымъ количествомъ руссизмовъ (между которыми *ѣ* въ *гдѣ* 144 об., *нигдѣ* 260, *прѣшѣдше* 44, *нѣсть* 65, *вѣсть* 228 об., *зѣмлѣ* 135 об., *зѣмли* 212 об., *е* въ о *беснѣмъ* 2 об., на *пѣсцѣ* 22, въ *заповедехъ* 152 об. и др.); языкъ вкладной князя Долголдата Долголдатовича 1427 г. (вписана въ Ев. 1411 г.; Срезневскій, Св. и зам. LXV)—оффиціальный западно-русскій; духовная князя Андрея Владимировича 1446 г. (Румянц. Муз.) не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ: грамота князя Семена Александровича 1450 г. (снимокъ съ нея на сквозной бумагѣ находится въ архивѣ Кіевской Археографической Комиссіи; издана, вообще точно, у Антоновича и Козловскаго: «Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 по 1569 г.», Кіевъ, 1868), выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и написанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: *всѣи* отчизнѣ, *дидизнѣ*, при томъ *всѣмъ*, *унъ* (=онъ), *притисъненъемъ*, *завишенъемъ*; но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ, и вообще служитъ крайне-слабымъ доказательствомъ принадлежости кіевскаго населенія половины XV в. къ малорусскому племени; Кіевскій Помянникъ (Печерской Лавры)

первой половины XVI в. состоитъ изъ длиннаго ряда собственныхъ именъ и имѣетъ такую яркую особенность южно-великорусской фонетики, какъ аканье (см. стр. 80), рядомъ съ *д* и *т* изъ *г* и *к* (см. стр. 132), съ *л* изъ *в* (см. стр. 124), съ *ф* изъ *х* (см. стр. 128); онъ даетъ основаніе думать, что во время его написанія въ Кіевѣ слышался говоръ болѣе или менѣе близкій къ южно-великорусскимъ говорамъ. Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV в., нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были къ XVII в. уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ словарнымъ матеріаломъ. Отсюда теперь около Днѣпра типичныя малорусскія уменьшительныя имена собственныя на *цко, съ, ся*: Гри*цко*, Петру*съ*, Мару*ся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорускому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мьсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Рать*ша* (=Ратьмиръ?), Свято*ша* (=Святославъ); срв. въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв., русскихъ и латинскихъ: Гри*цко*, Сте*цко*, Я*цко*.

Псковской говоръ несомнѣнно еще существовалъ во Псковѣ въ началѣ XVI в.; по крайней мѣрѣ псковская грамота 1483 г. (дошедшая въ копіи XVI в.; Ак. Юр. № 2) и двѣ псковскихъ Палеи, 1494 и 1518 г. (Рум. Муз.; вторая—списокъ съ первой), еще имѣютъ въ своемъ языкѣ псковскія особенности. Но послѣ этого времени мы не находимъ уже никакихъ достовѣрныхъ его слѣдовъ. Причины его исчезновенія во Псковѣ неизвѣстны. Исторія Пскова не указываетъ, чтобы въ XV в. или въ слѣдующихъ онъ испыталъ какіе бы то ни было погромы (кромѣ осады Баторіемъ) или страшныя бѣдствія, вслѣдствіе которыхъ онъ могъ бы лишиться древняго населенія и сдѣлаться удобнымъ мѣстомъ для поселенія переселенцевъ съ юга и востока (впрочемъ псковской лѣтописецъ XVI в. не разъ жалуется на притѣсненія московскихъ чиновниковъ и на запустѣніе псковской земли: «быша дьяки мудры, а *земля пуста*», подъ 1528 г.; Полн. с. р. лѣт. IX, 297; писцовая книга 1585—1588 гг. также указываетъ на сильное запустѣніе псковскихъ пригородовъ; Чечу-

линъ, Города московскаго государства въ XVI в., 82). Вслѣдствіе этого намъ приходится ограничиться констатированіемъ факта.

Смоленско-полоцкій говоръ въ началѣ XV в. несомнѣнно еще существовалъ въ Полоцкѣ. Когда онъ исчезъ изъ большей части мѣстъ древнихъ смоленской и полоцкой областей, мы не имѣемъ возможности указать; равнымъ образомъ намъ остаются неизвѣстными и причины вытѣсненія его изъ этихъ областей бѣлорусскимъ нарѣчіямъ. Здѣсь мы опять стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ, явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ.

Изъ литературы предмета.

Сокращенія: Arch. = Archiv fur slavische Philologie; — Ж. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; — Изв. = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академія Наукъ; — Р. Ф. В. = Русскій Филологическій Вѣстникъ.

Abel. Gross- und Kleinrussisch. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie, gehalten an der Universität Oxford. Uebersetzt von R. Dielitz. Leipzig und Berlin, 1885 (срв. „Кіевскую Старину“ 1885 г. № 11).—Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej. Томы II. VII, VIII. Lwów, 1870—80.—Амфилохій архим. Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877.—Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—1128 г. М. 1877.—Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древлеславянскими рукописными евангеліями XI—XVII в. и печатными Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г.. съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 833 г. Три тома. М. 1884 (указатель погрѣшностей въ текстѣ Галицкаго Ев. у Воскресенскаго: Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія. Спб. 1888). — Апокалипсисъ XIV в. Румянцевскаго Музея. М. 1886. — Аппель. О бѣлорусскомъ нарѣчіи (Р. Ф. В. 1880 г. № 2).—Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. I. Lwów, 1887.—Бандуровъ. Евангеліе-апракосъ XIV в. Имп. Публ. Библ. какъ памятникъ древне-русскаго языка (Р. Ф. В. 1905 г. № 2).—Билярскій. Судьбы церковнаго языка. Часть 2-ая. О кирилловской части Реймскаго Евангелія. Спб. 1848. — Бобровъ. Къ исправленію печатнаго текста Сборника 1076 г. (Р. Ф. В. 1902 г. № 3). — Богородицкій. Гласные безъ удареніи въ обще-русскомъ языкѣ. Казань, 1884.—Общій курсъ русской грамматики (изъ университетскихъ лекцій). Изданіе 2-ое. Каз. 1907. — Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Каз. 1901.—(Бодянскій). Богословіе св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна Экзарха болгарскаго по харатейному списку Моск. Синод. Библіотеки. М. 1878. — Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Вып. I. Воронежъ. 1877.—

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. I. Воронежъ, 1882. — Брандтъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб. 1886. — Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880. — Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. Фонетика. М. 1892.—Brückner. Ein weisrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen (Arch. IX). — Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Каз. 1896 (срв „Отчетъ о присужденіи ломоносовской преміи въ 1897 г.“. ст. Шахматова).—Лекціи по исторіи русскаго языка. Каз. 1907.—Будиловичъ. Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI в. Спб. 1871 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1872 г. №№ 8, 11). — Буслаевъ. Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 4-е. М. 1875. — Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861. — Васильевъ. Новгородское Евангеліе Имп. Публичной Библіотеки и его западно-русскія вкладныя (Р. Ф. В. 1902 г. № 1).—Языкъ бѣломорскихъ былинъ (Изв. VII).—Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ (Изв. IX).—Нѣсколько разъясненій (по ударенію). (Р. Ф. В. 1907 г. № 1).—Верхратскій. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen (Arch. III).—Ветуховъ. Еще къ вопросу о частицахъ или присловьяхъ *стани, ста, сто, осу, съ, се* (Р. Ф. В. 1900 г. № 1). — Владимировъ. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой Библіотеки). Казань, 1878.—Волковъ. Отрывокъ Апостола XIII в. (Р. Ф. В. 1890 г. № 4). — О не новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Ев. (Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 12).—Wolter. Einige Eigenthümlichkeiten des Galizischen Aprakos-evangelium vom Jahre 1266 (Arch. VI). — Востоковъ. Филологическія наблюденія. Издалъ И. Срезневскій. Спб. 1865. — Особенность просторѣчія (Извѣстія Академіи Наукъ, VIII). — Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre von Kleinrussischen Accent. —Ueber den Accent der Verba im Kleinrussischen (Arch. II). — Hanusz. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen (Arch. VII). — Головацкій. Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ („Науковый Сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы“. Львовъ, 1865—1867, и отд., Львовъ, 1867).—Груискій. Къ исторіи удареиія въ памятникахъ древне-церк.-слав. языка (Р. Ф. В. 1901 г. № 1).—Дурново. Южно-великорусскія дѣепричастія на *мши* и

жиги (ib., 1902 г. № 3). — Дювернуа. О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 10). — Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1875 (срв. „Отчетъ о 20-мъ присужденіи уваровскихъ наградъ“, стат. Потебни). — Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Часть 1-я. Кіевъ, 1889. — Zubatý. Zur Declination der sog. -iā- und -io-Stämme im Slavischen (Arch. XV). — Ивановъ. Объ употребленіи члена въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума (Р. Ф. В. 1893 г. № 1). — Каринскій. Погодинскій Апостолъ 1391 г. (Р. Ф. В. 1896 г. № 3). — Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка (Ж. М. Н. Пр. 1903 г. № 5). — Объ удареніяхъ въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ (Изв. VI). — Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1887 г. № 5). — Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893. — Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVI вѣкахъ. Варш. 1896. — Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ. Вильна, 1893. — Что такое древнее западно-русское нарѣчіе? (Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ). — Два памятника стараго западно-русскаго нарѣчія: 1) Лютеранскій Катихизисъ 1562 г. и 2) Католическій Катихизисъ 1585 г. (Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 8). — Западно-русскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Имп. Публичной Библіотекѣ (Изв. II). — О языкѣ такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей (Варш. Унив. Изв. 1894 г. № 2). — Западно-русское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI в. (ib., 1898 г. № 11). — Особенности языка и письма рукописнаго сборника XV в., именуемаго Лѣтописью Авраамки (ib., 1899 г. № 3). — Русскія нарѣчія *домой, долой*. Нѣжинъ, 1895. — Два древнѣйшихъ русскихъ документа Главнаго Архива Царства Польскаго въ Варшавѣ (Древности, труды Археографической Комиссіи Имп. Моск. Археологич. Общ. II). — Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія („Изслѣдованія по русскому языку“, т. I; срв. Ж. М. Н. Пр. 1886 г. № 1). — Kolessa. Dialektologische Merkmale des südrussischen Denkmals Житіе св. Саввы (Arch. XVIII). — Колосовъ. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Варшава, 1876. — Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878. — Почему въ род. над. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаніе *го* смѣнилось на *во*? (Филолог. Зап. 1877 г. вып. 2). — Коробка: Звукъ *дж* въ малорусскомъ нарѣчіи (Р. Ф. В. 1895 г. № 4). — Кочубинскій. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + *л*, *р* + *ъ*, *ь* + конс.

Двѣ книги. Одесса, 1877—78.—Какъ долго жилъ русскій супинъ? (Филолог. Зап. 1872 г., вып. 4).—Крыжановскій. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Изслѣдованіе языка и сравнительная характеристика текста. Кіевъ, 1889. — Крымскій. Филологія и погодинская гипотеза (Кіевск. Стар. 1898 г. №№ 6—8, 1899 г. №№ 1, 8).—Древне-кіевскій говоръ (Изв. XII).—Куприановъ. Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки (Изв. Ак. Н., VI, и отд., Спб. 1857). —Лавровскій П. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.—Описаніе семи рукописей Имп. Публичной Библіотеки (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1858 г., кн. 4).—О русскомъ полногласіи (Извѣстія Ак. Н., VII).—Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями (Ж. М. Н. Пр. 1859 г. № 6). — О Реймскомъ Евангеліи („Опыты филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 6-го выпуска". Спб. 1852).—Laronde. Les formations verbales de la première Chronique de Novgorod („Mélanges linguistiques offerts à m. Antoine Meillet par ses élèves". Paris, 1902). — Le Juge. Das Galizische Tetroevangelium von J. 1144. Eine kritisch-paläographische Studie auf dem Gebiete des Altrussischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1897.—Leskien. Das russische двумя, тремя, четырьмя (Arch. I). — Лобода. Русскій языкъ и его южная вѣтвь. Вступител. лекція (Кіевск. Универс. Изв. 1898 г. № 3).—Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Изданъ кн. М. Оболенскимъ. М. 1851. — Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1888. — Новгородскія лѣтописи (такъ наз. Новгородская вторая и Новгородская третья лѣтописи). Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1879.—Лѣтопись Аврамки въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей", т. XVI. Спб. 1889.—Ляпуновъ. Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. Вып. I. Спб. 1900 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1900 г. № 1). — Malinowski. Ueber die Endung des Gen. Sing. masc.-neutr. des pronominalen und usammengesetzten Declination im Russischen und Kašubischen (Kuhn's Beiträge zur vergl. Sprachforschung, VIII). — Maretić. Slavenski nominalni akcent s obzirom na litavski, grčki i staroindijski (Rad Jugoslav. Akademije, CII). — Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave („Bibliothèque de l'Ecole des Hautes-Etudes"). Paris, 1897.—Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4 тома. Wien, 1875—83. Русскій переводъ 3-го тома, подъ редакціею проф. Брандта: „Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ". 5 выпусковъ. М. 1884—87 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1886 г.

№ 4).—Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's („Sitzungsberichte“ Вѣнской Ак. Н., XVI) — Милетичъ. Члевътъ въ българския и въ руския езикъ (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XVIII).—Михальчукъ. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? (Кіевск. Стар. 1899 г. № 9).—Мочульскій. Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго по пергаменной рукописи XIII в. (Записки Новоросс. Унив., LXII; срв. Записки наук. товар. ім. Шевченка, кн. VII). — Недешевъ. Историческій обзоръ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Р. Ф. В. 1884 г. № 3; срв. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 6).—Некрасовъ. Замѣтки о языкѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку (Изв. I, II). — Никольскій. О языкѣ Ипатской лѣтописи (Р. Ф. В. 1899 г.).—Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880 (дополненіе: „Rozprawy i sprawozdania“ Краковской Ак. Н. по филологич. отдѣл., X).—Pastrnek. Die altrussischen und čechischen Participia auf *a* (Arch. XIII).—Петровъ. О давности малорусскаго языка и степени его самобытности (Московск. Обозрѣніе 1878 г. № 4).—Повѣсть временныхъ дѣлъ по Лаврентьевскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1872.—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку (изданая посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1871.—Polanský. Maloruské a ceské *u* misto *y* (Listy Filolog. XX).—Помяловскій. Житіе св. Саввы Освященнаго въ древне-русскомъ переводѣ. По рукописи Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1890.—Поповъ. Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный. Воронежъ, 1881.—Попружско. Замѣтки о языкѣ новгородской служебной Миней 1095 г. (Филолог. Зап. 1889 г., вып. 3—4).—Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ, 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Томы I — II. Воронежъ, 1876; Варшава, 1880.—Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изданіе 2-ое. Харьковъ, 1889.—Розенфельдъ. Языкъ Святославова Изборника 1073 г. (Р. Ф. В. 1899 г. № 1).—Симони. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библіографическаго указателя трудовъ, касающихся русской діалектологіи и исторіи языка. Выпуска 1-го часть 1-я. Великорусское нарѣчіе. 1. Общая часть. Спб. 1899.—Smal-Stockij. Ueber den Inhalt des Codex Hankensteinianus. Wien, 1886.—Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen (Archiv für slav. Ph. VIII—XI).—Соболевскій. Изслѣ-

дованія въ области русской грамматики. Варшава, 1881.—Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1884 (дополненія: Р. Ф. В. 1884 г. № 3, 1888 г. № 2).—Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ (Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 2).—Древне-кіевскій говоръ (Изв. X).—Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Р. Ф. В. 1886 г. № 1).—Одна особенность стараго новгородскаго говора (ib., 1886 г. № 4). — Славянское *тысяча* (ib., 1885 г. № 1). — Кирилловская часть Реймскаго Ев. (ib., 1887 г. № 3).—Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897. Нарѣчіе малорусское (Жив. Старина 1892 г.).—Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ (Р. Ф. В. 1905 г. № 3).—Замѣтка о вятскомъ говорѣ (ib., 1906 г. № 1).—Замѣтки въ области русской діалектологіи (ib., 1906 г. № 3).—Церковнославянскія стихотворенія IX—X вв. и ихъ значеніе для изученія церковно-славянскаго языка (Труды XI Археологическ. Съѣзда въ Кіевѣ).—Соболевскій и Шташицкій. Палеографическіе свимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в. Изданіе Спб. Археологическаго Института. Спб. 1903.—Срезневскій И. Мысли объ исторіи русснаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. 1-е изд. Спб. 1850; 2-е изд. Спб. 1887. — Древніе памятвики русскаго письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрѣніе. 1-е изд. Спб. 1863; 2-е изд. Спб. 1882.—Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ въ 1865—1880 гг. Спб. 1885.—Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣствыхъ памятникахъ (Записки Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—1881).—Срезневскій В. Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г. (ib., LXXII).—Тихвинскій. Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в. (Р. Ф. В. 1892—1894 гг.).—Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala, 1901, 1903.—Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1883.—Finck. Ueber das Verhältniss des baltisch-slavisches Nominalaccents zum indogermanischen. Marburg, 1895. — Фортунатовъ. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache (Arch. IV).—Халанскій. Къ вопросу о происхожденіи и синтактическомъ значеніи частицы *-ста* (Р. Ф. В. 1901 г. № 1).—Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. I. О присловьяхъ *-стани, -ста, -сте, -су*. II. О членѣ въ русскомъ языкѣ (Изв. IV, VI).— Царевскій. Пергаменный списокъ Евангелія XIII—XIV в., изъ библіотеки Д. И. Образцова, въ Казани (Правосл. Собесѣдн. 1890 г. № 4—5).—Шахматовъ. Beiträge zur russischen Grammatik (Arch. VII).—Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варш. 1893 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 4).—Къ

исторіи звуковъ русскаго языка (Изв. I, VII, VIII). — Русское и словенское аканье (Р. Ф. В. 1902 г. № 3).—Къ вопросу о различенін іота и неслогового *і* въ исторіи славянскихъ языковъ (ib, 1903 г. № 3).—Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (ib., 1894 г. № 3).—Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 4).—Schmidt Joh. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. T. 2-й. Weimar, 1875.—Шимановскій. Очерки изъ исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв. Варш. 1893.—Шляковъ. Статьи по славянскимъ нарѣчіямъ и русскому языку (Р. Ф. В. 1898 г. № 3, 1900 г. № 3).—Ягичъ. Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 2).—Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889 (срв. Р. Ф. В. 1889 г. № 4).—Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (Arch. I).—Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *e*, *ъ*, *ѧ* in den slavischen Sprachen (ib., V). — Zur Berichtigung der altrussischen Texte (ib., VI).

Другія библіографическія указанія — см. выше, глава II. Смотри также ст. Котляревскаго: „Объ изученіи древней русской письменности“ (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.; перепечатана въ „Сочиненіяхъ“ А. А. Котляревскаго, изд. Академіею Наукъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Образцы древне-русскаго склоненія XI вѣка.

	Единств. ч.	Двойств. ч.	Множеств. ч.
Им.	вълкъ	вълка	вълци, вълкове
Род.	вълка	вълку	вълкъ, вълковъ
Дат.	вълку, вълкови	вълкома	вълкомъ
Вин.	вълкъ, вълка	вълка	вълкы
Твор.	вълкъмь	вълкома	вълкы
Мѣстн.	вълцѣ	вълку	вълцѣхъ.
Зват.	вълче		

Им.	конь	коня	кони
Род.	коия	коню	конь, коневъ?
Дат.	коню, коневи	конема	конемъ
Вин.	конь коня	коия	конѣ
Твор.	коньмь	конема	кони
Мѣстн.	кои	коию	конихъ.
Зват.	конѥ		

Им.	путь	пути	путьѥ, путиѥ
Род.	пути	путью, путию	путьи, путии
Дат.	пути	путьма	путьмъ
Вин.	путь	пути	пути
Твор.	путьмь	путьма	путьми
Мѣстн.	пути	путью, путию	путьхъ.
Зват.	пути		

Им.	жена	женѣ	жены
Род.	жены	жену	женъ
Дат.	женѣ	женама	женамъ
Вин.	жену	женѣ	жены
Твор.	женою	женама	женами
Мѣсти.	женѣ	жену	женахъ.
Зват.	жено		

Им.	душя	души	душѣ
Род.	душѣ	душю	душь
Дат.	души	душяма	душямъ
Вин.	душю	души	душѣ
Твор.	душею	душяма	душями
Мѣсти.	души	душю	душяхъ.
Зват.	душе		

Им.	кость	кости	кости
Род.	кости	костью, костию	костьи, костии
Дат.	кости	костьма	костьмъ
Вин.	кость	кости	кости
Твор.	костью, костию	костьма	костьми
Мѣстн.	кости	костью, костию	костьхъ.
Зват.	кости		

Им.	мати	матери?	матере, матери
Род.	матере, матери	матерью? матеріо? матеру?	матеръ, матерьи? материи?
Дат.	матери	матерьма?	матерьмъ
Вин.	матерь, матере	матери?	матери
Твор.	матерью, материю	матерьма?	матерьми
Мѣстн.	матери, матере?	матерью? материю?	матерьхъ.
Зват.	мати	матеру?	

Им.-вин.	имя	имени. именѣ	имена
Род.	имене, имени	имену?	именъ
Дат.	имени	именьма, именема, именома	именьмъ, именемъ, именомъ
Твор.	именьмь	именьма, именема, именома	именьми? имены
Мѣстн.	имени, имене?	имену?	именьхъ, именѣхъ.

Им.	горожяне
Род.	горожянъ
Дат.	горожяньмъ? горожяномъ, горожямъ
Вин.	горожяни, горожяны
Твор.	горожяньми, горожяны, горожями
Мѣстн.	горожяньхъ? горожянъхъ, горожяхъ.

	Муж. р.		
Им.	добръи, добрыи	добрая	добрии
Род.	доброго	доброю	добрыхъ, добрыихъ
Дат.	доброму	добрыма, добрыима	добрымъ, добрыимъ
Вин.	добръи, добрыи, доброго	добрая	добрѣ
Твор.	добрымь, добрыимь	добрыма, добрыима	добрыми, добрыими
Мѣсти.	добромь, добрѣмь	доброю	добрыхъ, добрыихъ.
	Женск. р.		
Им.	добрая	добрѣи	добрѣ
Род.	доброѣ, добрыѣ	доброю	добрыхъ, добрыихъ
Дат.	доброи, добрѣи	добрыма, добрыима	добрымъ. добрыимъ
Вин.	добрую	добрѣи	добрѣ
Твор.	доброю	добрыма, добрыима	добрыми, добрыими
Мѣстн.	доброи, добрѣи	доброю	добрыхъ, добрыихъ.
	Средн. р.		
Им.-вин.	доброе	добрѣи	добрая.

	Муж. р.		
Им.	синьи, сиии	синяя	сиии
Род.	синего	синею	синихъ, сииихъ
Дат.	синему	синима, синнима	синимъ, сииимъ
Вин.	синьи, сиии, синего	синяя	синѣѣ
Твор.	синимь, сииимь	синима, сииима	сиими, сииими
Мѣстн.	сииемь	синею	синихъ, сииихъ.
	Женск. р.		
Им.	синяя	сиии	синѣѣ
Род.	синеѣ	сииею	синихъ, сииихъ
Дат.	сиией	синима, сииима	синимъ, сииимъ
Вин.	синюю	сиии	синѣѣ
Твор.	синею	синима, сииима	сиими, сииими
Мѣстн.	сиией	синею	синихъ, сииихъ.

	Средн. р.		
Им.-вин.	сіе	сіи	сія.

	Муж. р.		
Имен.	ть, тьть	та	ти
Род.	того	тою	тѣхъ
Дат.	тому	тѣма	тѣмъ
Вин.	ть, тьть, того	та, тою	ты
Твор.	тѣмь	тѣма	тѣми
Мѣстн.	томь	тою	тѣхъ.
	Женск. р.		
Имен.	та	тѣ	ты
Род.	тоѣ	тою	тѣхъ
Дат.	тои	тѣма	тѣмъ
Вин.	ту, тоѣ	тѣ	ты
Твор.	тою	тѣма	тѣми
Мѣстн.	тои	тою	тѣхъ.
	Средн. р.		
Им.-вин.	то	тѣ	та.

	Муж. р.		
Имен.	(и)	(я)	(и)
Род.	іего	іею	ихъ
Дат.	іему	има	имъ
Вин.	и, -ь, іего	я, іею	ѣ
Твор.	нмь	има	ими
Мѣстн.	іемь	іею	нхъ.
	Женск. р.		
Имен.	(я)	(и)	(ѣ)
Род.	іѣ	іею	ихъ
Дат.	іи	има	имъ
Вин.	ю, іѣ	и, іею	ѣ
Твор.	іею	има	ими
Мѣстн.	іи	іею	ихъ.
	Средн. р.		
Им.-вин.	іе	и	я.

Имен.	дъва, дъвѣ
Род.	дъвою, дъву
Дат.	дъвѣма, дъвома

Вин.	дъва, дъвѣ, дъвою, дъву
Твор.	дъвѣма, дъвома
Мѣстн.	дъвою, дъву.

Имен.	язъ, я	вѣ, мы	мы
Род.	мене, менѣ	нaю	насъ
Дат.	мънѣ, ми	нама, на	намъ, ны
Вин.	мене, менѣ, мя	нaю	ны, насъ
Твор.	мъною	нама	нами
Мѣстн.	мънѣ	нaю	насъ.

Имен.	ты	ва? вы	вы
Род.	тебе, тебѣ	ваю	васъ
Дат.	тебѣ, тобѣ, тебе, ти	вама, ва	вамъ, вы
Вин.	тебе, тебѣ, тя	ва, ваю,	вы, васъ
Твор.	тобою	вама	вами
Мѣстн.	тебе, тебѣ, тобѣ	ваю	васъ.

Род.	себе, себѣ
Дат.	себѣ, собѣ, себе, си
Вин.	себе, себѣ, ся
Твор.	собою
Мѣстн.	себе, себѣ, собѣ.

II. Образцы древне-русскаго спряженія XI вѣка.

Пастоящ. время.

1-е л.	веду	ведевѣ, ведева	ведемъ, ведемы, ведемо, ведеме
2-е л.	ведешь	ведета	ведете
3-е л.	ведеть, веде	ведета	ведуть, веду.

Имперфектъ.

1-е л.	ведяхъ	ведяховѣ, ведяхова	ведяхомъ,—ы,—о,—е
2-е л.	ведяше	ведяста, ведяшета, ведяшьта	ведясте, ведяшете, ведяшьте
3-е л.	ведяше,-ть		ведяху, ведяхуть.

Аористъ.

1-е л.	ведохъ	ведоховѣ, ведохова	ведохомъ,—мы,—мо,—ме
2-е л.	веде	ведоста	ведосте
3-е л.	веде	ведоста	ведоша.

Повелит. накл.

1-е л.		ведѣвѣ, ведѣва	ведѣмъ,—мы,—мо,—ме
2-е л.	веди	ведѣта	ведѣте.
3-е л.	веди		

Будущее сложное..

буду, иму, хочю, начьну вести, весть, и т. д.

Будущее совершенное.

буду велъ.—а,—о, и т. д.

Прошедш. сложное.

ѥсмь велъ,—а,—о, и т. д.

Давнопрошедш.

1. бяхъ велъ,—а,—о. и т. д.
2. ѥсмь былъ велъ,—а—а,—о—о, и т. д.

Сослагат. накл.

быхъ велъ.—а,—о, и т. д.

Неопредѣл. накл.

вести, весть.

Супинъ.

вестъ, весть.

Причастіе наст.

веда, ведучи, веда, род. ведуча, ведучѣ, ведуча...

ведаи, ведучия, ведуче, род. ведучего, ведучеѣ, ведучего...

Причаст. прош. склон.

ведъ, ведъши, ведъ, род. ведъша, ведъшѣ, ведъша...

ведъи (ведыи), ведъшия, ведъше, родит. ведъшего, ведъшеѣ, ведъшего...

Причаст. прош. спряг.

велъ,—а,—о.

Причастіе страдат. наст.

ведомъ,—а,—о.

Причастіе страд. прош.

веденъ,—а,—о.

Настоящ. время.

1-е л.	ѥсмь, ѥсми	ѥсвѣ, ѥсва	ѥсмь, ѥсмы, ѥсмо, ѥсме, ѥсми?
2-е л.	ѥси	ѥста	ѥсте
3-е л.	ѥсть, ѥ	ѥста	суть, су.

Настоящ. время.

1-е л.	дамь	давѣ, дава	дамъ, дамы, дамо, даме
2-е л.	даси	даста	дасте
3-е л.	дасть, да	даста	дадять, дадя, дадуть, даду.

Повелит. накл.

1-е л.		дадивѣ, дадива	дадимъ, дадимы, дадимо, да
2-е л.	дажь	дадита	дадите.
3-е л.	дажь		

УКАЗАТЕЛЬ.

Абрамъ 145
абы 245.
Авдотья 32,81,124,132
авось 95
Аграфена 85, 130
ажъ 95
азбука 215
аистъ 127
Акатій 132
Аксинья 80
Акулена 85
аларъ 144
Алгинья 85, 124
Алдакея 124
Алдакимъ 124
Алдотья 124
Алексѣй 72
Алена 32, 81
Алпатовъ 124
Алтухъ 124
Алферъ 32, 63, 81
Алфимъ 124
анделъ 133
Анисимъ 80
Анофрей 80
Анучинъ 81
аньелъ 127
апекитъ 133
Апраксея 72
апрѣль 85
Апухтинъ 81
атъ, ать 168
Ахлестышевъ 81
бабенка 185
багатъ 90
баенка 109
байна 109
баринъ 101
барсукъ 81
барышня 107, 139
батя 184
батюшко 185
бачка 98
бджола 105
бегъ 66
безна 112
безмѣнъ 65
безтолочъ 64
безъименный 87
бей, повел. 233, 100
белена 24
бервно 49
беревно 27, 28, 49
берега, мн. 217
берковецъ 145
берно 49, 111
берный 109
берцовый 112
беседа 66
бестыжій 148
бесѣда 271
бить 82
благодарить 126
благодарствуй 95
благословить 126
блаженъ 63
бласловить 125
блескъ 64
близорукій 150
блоха, блыхъ 47, 59
богатъ 126
богородицынъ 146
Богухвалъ 126
Богушъ 126
бока, мн. 218, 221
бокоуша 142
болѣзный 109
Боушъ 126
боязно 109
бояра 218
боярыни, им. ед. 216
боярышникъ 101
брадобрѣй 72
бразда 81
братія, -ьи 191, 220, 222
братчина 106
Брашевая 76
бревно 28, 49, 111
бредъ 64
брежжиться 72
брезгать 64
брéшу 63
бровá 215
бронить 83
Брошевая 76
брыви, род. 58
брѣю 72
Брянскъ 49, 113
буде 246, 249
будетъ 250
буква 215
булъ 102
Буславъ 126
бути 102
Бухвастовъ 126
Бухряковъ 126
бъдръ 170, 272
бы 95, 244, 245, 270
было 168, 243, 270
бысть 235
бѣгу, -жишь 248, 250
бѣжьство 109
бѣздна 53
бѣйство 109
бѣлена 24
бѣсѣда 90
бюогъ 66
Вазуза 81
Ваня, -ятка 184
Варвара 144
варягъ 20
Васеня 184
Вася 185
Ваула 141
Вахромѣй 129, 144
ваю, вин. 199
Веденей 145
ведра 65
ведро 72, 270
вездѣ 65, 102
векша 64
великатный 145
велю 250
верблюдъ 144
веревка 28
Веремія 145
верея 72
вертебъ 120
вертепъ 63
верхъ, 28, 64, 170, 272
верьба 28
верьхъ 28
ветошь 64

ветхій 64, 271
ветчаный 106
ветчина 106
вечеромъ 271
взаимный 57
взаймы 271
взятки 212
виноходецъ 145
вирша 75
витія 82
вишь 251
Вівдя 53
вівтарь 142
вівторокъ 54
від- 142
відкіля 87
вінъ 142
владыцѣ, род. 202
влеку 71
вмѣстяхъ 178
внезапу 100
внутри 146
внучата 271
вобла 142
вобче 65
вовца 142
военный 57
вожатый 186
вождь 21
вождяться 22
волкъ 28
Володимеръ 70
волторникъ 124
волховъ, волхвъ 53
Вольга 142
вольготный 55
вонзенъ 262
вонъ 96
вообще 65
воовьця 51, 142
воробей 231
Воронежъ 82
воронье 220
воссмь 142
воспа 142
воспода 126
вострый 142, 143
вотчимъ 142
вотчина 142
вотъ 96, 142
вредъ 23, 63, 71
время 23, 71
времянъ, род. 87
всее, -ѣ, род.-вин. 65, 201
всеѣ, дат. 203
вседы 124
всенощная 63
всихъ, род. 189
встрѣча 114
всѣ, мн. 153, 196
всѣмя 167
вусли 126
вы, дв. 206
выму 100
выняти 100
высшій 138
вѣдь 93
вѣжь, -те 251
вѣкоуша 142
вѣса, мн. 218
вѣтрило 185
Вязьма 116
Вячословъ 150
Гаврило 185
Ганадей 91
гараздъ 90
Гарасимъ 91
гарячій 90
гдѣ 65. 103, 127
глаза, мн. 218
глазки 271
глашатай 186
гледи 89
глубжо 105
глычу 59
гнезда 65
гнею 47
гнѣдко 185
голка 92
головешка 63
гончаръ 111
горностай 98
города, мн. 217, 221
гортань 55
горшокъ 137
горючми 276
господа 191, 219, 221
господарь, -суд- 125
господине, зв. 191
гость 175
готкій 108
гратань 90
грати 92
гребень 56
Григорій 144
Гриць, -ко 43, 284
грѣтань 55
грыбъ 139
грытань 55. 58
грыть 149
гусенята 184
гусь 273
гыть 149
гэтотъ 66
дажь, -шь 251
Данило 185
дамь, наст. 250
дасть, 3 л. 118
Дбранескъ 49, 113
два 204, 208
двадцать 223
дванадцать 206, 208, 223
дверима, тв. 209
дверь 49
двинуть 29
двома 168, 296
двою, род. 168, 207
дву, род. 168, 207
двумъ 207
двуля 166, 207, 222
двухъ 207
двѣма 168
двѣнадцать 206, 208, 223
двѣсти 82. 208
— де 96, 127, 149, 250
деверь 72
делесе, род. 90
деревье, -я 220
дескать 149
десна 82, 83
десятильникъ 109
для 99
диесь 47, 273
Добряноскъ 49, 113
дожгь 35
дожчь 22, 37
доколя 87
долонь, -ой 94
долото 24
домовь, -ой 94
домъ 168
дóригъ 83
Дорохъ 129
доска 47
досканецъ 112
достоканъ 81, 112
дочере, вин. 201
дочка 271
дочь 97, 217
дошка 137, 138
дощь 22, 37
дощечка 137
дребезгъ 72
древній 72
дремать 72
дружена 85
дружко 185
дружья, -зья 146, 220, 221
дрыва 58, 59
дрыжати 58, 59
дубье 220
Дурново 276
духи 271
душевный 64
дую 249
дхорь 112
-дцать 97
дѣвочка 271
дѣвчонка 185
дѣловъ, род. 174
дѣля 99
Дѣулино 142
дядевья 221
дядья 219, 221, 222
дышу, -ишь 248
Дюрлій 132
Евгиній 85
Евденья 133
его, вин. 201
едва 31
единъ 31
ее 65, 71, 152, 201
ежевика 31
ежъ 31, 63
езеро 31
éкогда, éкому 64
елень 31
Елисѣй 72
елка 64
енъ 101
Ермоенъ 127
есень 31
еси 265
если 112, 250, 266
есме, -о, -ы 161, 279
есми 167
есмь, ед. 118
есмя 161
ество 111
есте, 2 л. 64
есть 118, 160, 246, 264
естя 162
ефимонъ 145
еще 31
еѣ 152
ждрать 114
-жды 104
жегзуля 143
железа, -оза 24, 143
желобъ 24
жемчугъ 64
женишко, -ище 137
женскій 64
женщина 111, 137
женю 250
жерло 98
жертва 63
жерца, род. 50
жеще 66
жиденята 184
Жидимонтъ 132
жидова 218
Жидьславичь 36
жижитель 143
жизный 109
житіе 63
жмурить 145
-жъ 95

забіяка 233
завтра 122
завтракъ 81
завтреня 122
загозка 143
заемъ 57
зазуля 143
заецъ, -йца 99
закоулокъ 142
залізо 143
залоза 143
замужъ 201
заправило 185
запречь 84
заря 80, 277
зась 96
заяцъ 99
звезды 65
звенѣть 47
звѣзда 29
звѣрь 273
зга 112
здоровъ 102
здракъ 114
здрастяуй 111
здря 114
здѣсь 95, 102
зёвъ 66
зегзица 126, 143
зегзюля 126, 143
зелѣзо 143
земель, род. 54
земельний 54
земскій 64
земчугъ 145
земя 22
змѣй, -я 72, 232
зозуля 126, 143
золовка 27
золоба 90
золѣзо 143
зорить 148
заря 80, 277
зъ 92
зѣвъ 66
зябры 145
зять 175
зятья 220, 221
и, вин. 201
Иванча 184
Иванъ 142
Ивона 142
идти, ийти 258
Ижеславъ 144
изба 112
изощрять 21
изъ 92
Илинархъ 80, 144
имаамь 167
иму, 1 л. 237
имя 271
имя, дат. 166
индрикъ,инорогъ 114
иржа 55
Ирпа 55
исподволь 98
истецъ 133
истобка 112
ишолъ, -шло 147, 148
ищьлъ 30, 44
Івга 53
Ільвівъ 55
ільняний 55
імня 140
ірвати 55
іржати 55
кабатчикъ 106
кадельница 85
казачья 220
какъ 96
калачъ 80
Калуга 76
калуеръ 127
камень, -мня 56, 193
камъ 96
камы 193
канархати 150
капелька 54
капрызъ 139
караводъ 126
Кармалиновъ 99
карманъ 81
Карташовъ 99
касатка 80
Катя 184
кафельный 129
качанъ 81
качну 107
Кашира 81
квелить, кві- 29
квітка 29
Кгедроитьскии 43
кеихъ, род. 199
кесемка 133
Кесь 40
кирпищатый 106
Книтъ 133
Кіевъ 233
кій 233
кіятръ 133
клесть 64
клешня 137
клещи 64
клохтать 106
княгини, им. 216
книгочей 217
княже, зв. 191
княжья, -зья 146, 219
кнаиня 127
ковда, -ы 126, 130
ковчегъ 63
когождо, им. 197
кождо, род. 126, 197
козелъ 271
козлы 271
ко́ймы, мн. 83
коль 177
колачъ 80
колбягъ 20
колды 124
колебать 72
колесо 177
колидоръ 144
колодезь, -цъ 82, 145
колокола, мн. 218
колоколъ 144
колыбель 72
колье 220, 221
колѣни 82
Коля 184
конешно 107
корень 56
кормчій 217
корогодъ 126
королева 63
корысть 140
Коснятинъ 145
косоуръ 142
Костянкинъ 133
косятчатый, -ящ- 106
ко́тить 83
крапива 81
крви, род. 55
крестить 49, 54
крестъ 63
крестьяна, мн 218
крестьянинъ 145
крешу 250
кривавъ 58
кромя 87
кросонька 83
кро́ю 232
крупитчатый,-ящ. 106
кры 193
крывавъ 59
крыви, род. 59
крыкъ 139
крыло 139
крылосъ 145
крынка 139
крыю 232
крышка (=кро-) 59
кстить 49, 54
кте 105
кувшинъ, кук. 129
кудри 211
кумовья 221
кумѣръ 85
купель 72
куры 211
куфня 129
кухольный 109
Къснятинъ 113, 145
кѣмъ, тв. 187
лазутчикъ 106
лакомъ 25
ланта 81
лапша 129
Ларивонъ 142
ласковъ 81
ластиться 133
ласточка 145
Латина 221
Латмирова 143
Латыгора 143
лебедь 84
лебро 144
лебяжій 84
Левонтій 142
Левтей 133
левъ 63
легокъ 271
легче 66
легчи, неопр. 259
ледъ, льда 56
лейстровий 144
лелѣять 144
лепешка 63
лесора 144
лесть 48
летать 74
лехчи 259
лещъ 63
ли (гляди) 149
лифа 128
Лифянъ 128
лицарь 144
лишь 95
лобъ 48
Логойскъ 109
локоть 271
локша 129
Лотыгола 143
во лузяхъ 178
Лукерья 145
лутче 106
-ль 96
-льза, -я 87
Льто 55
лѣкарь 65
лѣшіи 54
лѣска 65
лѣстница 112
любезный 64
любы 215
любящій 110
макітра 53
Маланья 91
Малофей 128
мальчишка 185
Мамелфа 63, 128
маненько 143
Мартьянъ 133
Маруся 284

Масальскъ 81
Матвѣй 72
матере, вин. 201
мати, неопр. 92
мать 97, 217
медлить 90
медъ 170. 272
мелкій 164
меля 86
мене, род. 65
меновати 92
менѣ, -я, род. 187
Меркулъ 144
мефимошъ 145
Мечибожье 141
мжурить 145
мизинецъ 82
Михайло 185
мново 126
мнясо 140
мого, мово, род. 100
моехъ, род. 186
мойго, род. 97
можжевельникъ 142
можу, 1 л.. 248
молвлю 250
молитовникъ 54
молнія 49, 216
молойчикъ 109
молоки 211
молоко 24
молонья 27, 49, 216, 271
моль 148
москотельный 109
мотчаніе 90
мохти 259
мохъ 48
мою 49, 232
му, 1 л. 238
мудръ 272
мужевья 221
мужило 185
мужичишка 185
мурмане 143
мущина 111
мъю 49, 231
мы, дв. 206
мь, дат. 97
мью 49
мѣстовъ, род. 174
мѣти, неопр. 92
мягокъ 105
надѣвывать 66
надо 149
нападки 211
натощакъ 145
наче 92
начну 107
нашестка 64
наю, вин. 199
ндравъ 114
небель 145
небо, ссъ 63. 270
неводъ 64
невѣдь 93
недоросль 64
некогда, -кого 64, 250
некрутъ 145
Нелидъ 145
нельга, -зя 87, 249
немудрящій 110
ненависть 64
неслухъ 64
неучъ 64
Нефедъ 128, 145
нефимонъ 145
неча 126
нечестивый 108
нехотя 64, 271
нешто 250
нигдѣ 65. 103
низшій 138
Нянипоръ 133
нишкни 112
нозри 115
нонь, -че 98
ношѣ 47
ночесь 47, 273
ночлегъ 64
ношатый 186
нутро, -яной 146
нынѣче 98
нѣмецкій 108
нѣтъ, -у 94, 249
нѣтути, -ь 97
нятецъ, -ти 146
оба 205
обаполъ 97
обвить 148
обережатый 186
обернуть 148
обиждать 139
обижу 250
облака, мн. 218
обозъ 148
оборити 148
обою, -у 168, 199
Обрамъ 145
объѣдаться 148
объѣздчикъ 136
обѣдъ 148
обязать 148
Овгенія 32
Овдотья 32, 53, 81, 132
оводъ 81
овторникъ 54
огный 109
огонь 53
Огрофена 85, 129
одва 31
одежда 21
одежа 63
одиннадцать 223
одинъ 31
однихъ, -ыхъ, род. 189
одное, род. 201
однѣ, мн. 188, 196
одъ 111
ожина 31
ожъ, -ижъ 31
озеро 31
озорной 148
ойтецъ, ойца 109
оковы 211
околесица 65
окромя 87
Оксинья 80
оксамитъ 32
октенія 32
Окулена 85
Олена 32, 63, 81
олень 31. 56
Олешье 32
Олисѣй 32
олово 31
Олсуфьевъ 124
Олтухъ 124
Олферъ 32, 63, 81
Олфимъ 124
ольняной 55
Ольто 55
омела 31
онодысь 127
ономедни 273
онѣ, мн. 188, 196
опека 64
опетъ 89
Опикуръ 32
опитемья 32
оплеуха 142
опосля 87
Опраксея 72
оргепъ 133
орелъ 31
оржаной 55
Орша 55
орябокъ 93
оседланъ 66
оседлый 66
осень 31
Осипъ 129
Ослебятевское 184
осленъ 66
Остахъ 129
острее 47
остръ, -ръ 53, 170, 272
осударь, оспо- 125
осуждать 21
отворить 148
отместка 64
ото 66, 96
отъявленный 148
Офремъ 32
Офросѣнья 85
охидна 32
оченята 184
очи 207
очима, тв. 207, 209
очнуться, очх- 111
опль 119
още 31
паду 250
память 140
пани, -ья 75
паромъ 81
паска 145
паутина 133
пашкетъ 133
пей, повел. 231
пекарь 64
пекти, -чи 259
Пелагея 72, 133
пелева 24
пенья, мн. 221
пепелъ 56
первый, перь- 28, 64
перепелъ 144
перецъ 113
перстень 56
Перфилій 144
Перхуръ 129
перчатка 44
перпим 36
песокъ 72
пестъ 64
петля 82
Петрусь 284
пехать 49
печенѣзинъ 146
печь 52
пешня 137
пещера 63
Пилипъ 129
пища 21
після 87
піявка 233
плачевный 64
плашмя 137
плащь 137
племянникъ 87
плепорція 144
плетень 56
плечима, тв. 209
плотить 83
плошка 137
Пльсковъ 49, 54
плыву 249
плѣнъ 24, 71
плюшка 137
повостъ 126

поддёвка 66
пожалуй, -ста 95
позёвывать 66
позже 137
позыватый 186
покамѣстъ 96
Поладья 133
полова, -елъ 24
полонъ 24
Полтескъ 98
полтора 111
полъ 170
польга, -за 30
по́льты 83
Польша 137
полѣнья 221
Полюдъ 145
помои 212
помялышко 89
пеперегъ 120
Поцолуть 145
портомой 145
порутчикъ 106
послальникъ 109
послуси, мн. 196
посолонь 27
потатчикъ 106
потолокъ 55
потчивать 83, 107
потшую 83
похищать 21
почтенный 64
предметъ 63
прибаутка 142
пригоршня 137
прилежно 72
притолка 56, 99
притчина 141
пріемъ 57
пріобрѣлъ 65
прічъ 95
провожатый 186
пройда 186
проклажаться 144
Прокофій 130
пролубь 144
пронзенъ 262
пропащій 106
проскура 129
просторный 56
протомой 145
протуаръ 145
протчій 141
прохлажаться 145
Прохоръ 144
прочхнуться 112
прочь 95
прыть 120
прыщъ 139
пряный 113
54, 112
пустить 133
пустомеля 186
пустынь 96, 217
путь 175
пчела 105
пъпырь 113
пьяни, мн. 196
пѣнье 271
пѣсельникъ 109
работа 25
ради, мн. 196
радошный 137
радушіе 150
ражнѣвати, раз- 29
раз- 25
развѣ 25
раззорить 148
разинуть 148
разиня 148, 186
разнощикъ 136
разумъ 25
разѣвать 148
ракита 25
рало 25
распря 25
расти 25
ратай 25, 186
ребенокъ 90
ребро 270
рева 186
редька 66, 215
ремень, -мня 56
ремесло 82
ржать 259
різдво 105, 107
ріяка 125
ріща 38
рка, -у 99, 163
робенокъ 90
ровъ, рва 56
рога, мн. 218
Родивонъ 142
рожье 35
рожу, 1 л. 250
рожчье 38
роз- 25
розвѣ 25
розиня 148, 186
розка 125
розумъ 25
ролья 25
ропотъ 48
Рославль 98
росолъ 148
рости 25
ротъ, -а 48
руга 39
ружье 93
рукава, мн. 218
рускій 108
руцѣ, мн. 205
ручей 232
Ръша 55
рыболове, мн. 160
рыгать 139
рыкать 139
рыпуться 139
рыскать 139
рысь 114, 139
рычать 139
рька,-у 99, 165
рѣдька 66
рѣсница 82
рѣшетчатый 66
рѣшиться 143
рѣшу 250
рябина 93
рябъ 93
Рясницынъ 82
са, прич. 165
-са 138
Савастьянъ 91
Садке 193
самихъ, -ыхъ 188
самое, род.-вин. 65, 201
самою, вин. 199
самыхъ, род. 189
свадьба 104
скатова, мн. 218
сватовье 220
сватовья, мн. 221
сватья, мн. 216
свекрова, -ры 215
сверёпъ 66
сверло 112
Свея 218
свидѣтель 82
свирибый 120
свирѣпъ 66, 82
свистать 29
свѣчей, род. 179
святый 140, 273
святки 211
Святославъ 98
священникъ 109
себе, род. 65
себе, дат. 158
себѣ, -я, род. 187
сёдла, мн. 66
седьмой 54
сее, вин. 211
сей 230
секлетарь 144
селгоду 124
селезенка 24
селезень 24, 56
Селиверсть 145
Селигеръ 144
семъ 266
семья 72
сентябрь 150
Сергѣй 72
сердоликъ 145
серце, -чать 112
серебро 275
серязь, -ьга 93
-си 101, 256
сидѣть 91
сіять 233
-скать 149
скверный 09
сковь 93
скорбь 190
скирдъ 133
склянка 112
скорлупа 98
скрыжетъ 58
скрыпъ 139
слабже 105
слаще 137
слезыма, тв. 209
слюни 211
слыву 249
слыза 58
смеретушка 28
смоква, -и, им. 215
снигирь 82
во сняхъ 178
Снятинъ 113
собирать, -боръ 48
собѣ, дат. 158
совѣсть 48
совѣтъ 48
соглядатай 186
со́дитъ, 1 л. 83
создамъ, 2 л. 168
сокира 72, 75
Соколиный остр. 145
соловей 231
солоноворотъ 27
солнце 112
Сопронъ 129
Сорочина 218
сосенка, -сон- 54
сосу 47
сосудъ 48
сосѣди, мн. 198
сотельный 109
сотъ, им. 48, 119
спасибо 127
спица 113
Срачина 218
срібный 112
срібро, -ло 23, 144
-ста 149
стаканъ 81, 112
сталовѣръ 144
старѣшина 110
стекло 47
Стекольна 145
Степанъ 129
стержень 55

Стецко 284
стерть 133
стихираль 143
сто 224, 270
стойло 99
стокъ 111
столбъ 120
стомя 166
сторожа 219
стпица 113
стража 219
страмъ 114
стрежень 55
стремянный 87
строкъ 114
струбъ 114
стръй, стрый 231
стрыжѣнь 59
стрымя 59
стрѣт- 114
-су, -съ 149
суда, нарѣч. 139
сударыни, мн. 216
судебный 64
судии 215
Судъ 20
Суздаль 143
сумеречный 28
Супрунъ 129
суровскій 145
суседъ 65
сусѣди, мн. 198
сутолка 99
суть, 3 л. 264
схимонахъ 149
счастливъ 112
счетъ 136
-съ 149
-сы 139
сынова, мн. 218
сыновье 220
сыщу, зв. 191
сынъ 170, 272
сыръ 273
-сь 96
ськати 92
сѣдло 66
сѣдѣти 91
сѣкира 72
сѣмъ, нарѣч. 96
сѣмянъ 87
сѣрко 185
сѣхъ, род. 189
сюда 139
ся 256
такъ 96
тамъ 96
тараторить 81
тароватый 81
татаровя 222
татрать 90
тать 175
тверезый 145
твоехъ, род. 189
твѣтъ 143
те, средн. 101
тебе, род. 65
тебе, дат. 158
тебѣ, -я, род. 187
телесе, род. 90
темя 72
теперь 91, 149
теплынь 217
терзать 30
тесть 50, 108, 175
тетеревей, род. 198
тетива 82
тетя 65
теща 47, 63
Тифинъ 128
тіеі, род. 215
тіунъ 39
то 228
тобѣ, дат. 158
тоді 127
тое, род. 65, 201
тоей, род. 214
той, нм. 230
толды 124
тонокъ 90
топерь 91, 149
тошнить 137
треба 87
тревога 47
трейтій 109
тремя 166, 222
трескать 64
тресъ 84
третéй 230, 276, 278
трею, род. 208
три 194, 208
тройка 57
трусъ 84
трывога 59
трызна 139
трыстинка 59
трѣбѣ 87
трѣскъ 64
трянье 220
тулубъ, -пъ 120
тутотка 97
туть 96
Тферь 128
тхіръ 112
ть 227
ты 265
тыква 215
тысяцкій 108
тыхъ, род. 189
тыща, -онка 99
ть, дат. 97
Тьхверь 128
тѣ 188, 196, 209
тѣсенъ 54
тэй, дат. 101, 214
уболъ 33
Уваръ 142
увесь 123
уголь 53
угольный 54
угре 20
удова 121
ужъ 95
узелъ, -олъ 54
укропъ 81
уксусъ 39
уларь 143
улизнуть 82
умершій 66
умерщвляю 21
умерщвяю 22
унукъ 120, 121
урарь 143
урождай 141
урокъ 56
уса, мн. 218
усе 121
усерязь 93
уторникъ 120
въ утряхъ 178
ухищреніе 21
учебный 64
учтивъ 108
ушки 211, 271
уязняю 22
Фалелей 144
фарталъ 129
февраль 143
филинъ 129
финифть 129
флигерь 144
флюгеръ 144
форый 129
фость 128, 129
фрязинъ 146
Фугынь 128
Хведоръ 128
хвистъ 29
Хима 128
хитръ, хитеръ 54, 272
Хитрово 276
Хівря 53, 128
Ховронья 129
Ходоръ 127
холоши 198
холопья 219
холщевый 137
Хома 127, 128
хоромы 212
хорый 129
хорь 112
хотца 98
хохолъ 56
хочу 237
хочь, хошь 247
хошти 247
хрестить 54, 145
Хролъ 127
хрусталь 145
хрушкой 137
хто 105
худящій 110
хуторъ 128
-ца 107, 138
цапля 151
царевна 64
царь 111
цвелъ 29, 66
цвѣлити 29
цвѣтъ 29, 143
церква, -и, им. 215
церьковь 28
Цна 108
цо 108
цоловать 91
цтя, род. 50, 108
цѣпь 151
чай, -ю 94
чалъ, -ть 101
чалядь 90
чанъ 44, 107
чапля 151
чары 211
Чевкинъ 151
чего 190
чей 229
человѣкъ 24
челонъ 24
чему 95, 168
чепь 151
черезъ 111
Череповецъ 145
черпецъ 50
черти 198
Чертолье 144
честить 49, 108
честь 50
четвергъ, -рь 28, 64, 127
четыре 207
четырнадцать 98
четырьмя 222
чехвалъ 107
чечевица 143
чивый 107
членъ 24, 63, 71
чмель 137
чомъ 95
чориобривий 59
чсо, им.-вин. 201
чтецъ 50
чти, род. 50, 108
чтивъ 108

чтить 49, 108
что, род. 201
чтобы 245
чту. -ишь 108, 248
чу 235
Чурило 185
чувство 111
чьсо 108
чьстивъ 108
чьстити 49, 108
чѣмъ 187
-ша (=ся) 105
шахъ, -ать 120
Шаша 143
шелемъ, -омъ 24
шеломя 24
шельшина 143
шепчешь 66
шершавый 137
шествовать 63
шестъ 64
шесть, шти 56
шея 231
шиворотъ 150
шлемъ 24
шлю 119
шмель 137
шти, им. 119
што, род. 56
што 106
штóники 83
шурья 219
щанъ 107
ще 93
щедушный 107
щелка 64
Щепанъ 145
щепка 64
щи 119. 211
щивый 107
щирый 107
що 108, 201
щолка 64
щочка 65
ѣжду 22
ѣждю 37
ѣстъ 118
ѣшь 120, 251
ѣшьте 251
э 150
эво. эдакъ, это 31 66
этотъ, эс-, эф- 150
ю, вин. 198
Юрье, -я 192, 217
Юрьи 217
ябетьникъ 20
яблоко 47
яблыко 58
Явдоха 102
Явтухъ 102
яецъ, яицъ, род. 57
яечница, яи- 57
яички 211
Яколя улица 36
Якунъ 43
Ярема 102
Ярмола 102
яровчатый 145
Ярофей 102
Ярусалимъ 102
ястребъ 82
Яхимъ 102
ячея 82

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе.	
I.	Введеніе	1— 4
II.	Источники.....	5—18
III.	Главныя звуковыя особенности русскаго языка .	19—33
	Отсутствіе носовыхъ гласныхъ.....	19
	Смягченіе зубныхъ согласныхъ въ *ж* и *ч*.....	21
	Мягкое *л* послѣ губныхъ изъ *j*	22
	Отсутствіе *д* передъ *л* и *н*.....	—
	Полногласіе.....	—
	Глухіе ъ и ь передъ плавными	28
	Русское начальное *о*=церк.-сл. ѥ	31
IV.	Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.....	34—38
V.	Звуки древне-русскаго языка	39—45
	Гласные.....	39
	Согласные	43
VI.	Исторія гласныхъ звуковъ.....	46—102
	Исчезновеніе глухихъ	46
	Слѣдствія исчезновенія глухихъ	50
	Переходъ глухихъ въ чистые.	57
	Переходъ *е* въ *о*	59
	Переходъ *о* въ дифтонги и въ *у*	67
	Отожествленіе *ѣ* съ *е*.....	69
	Переходъ *ѣ* въ *и*.....	73
	Аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія .	75
	Переходъ *е* въ *а*	86
	Переходъ *а* въ *е*	88
	Ассимиляція гласныхъ.....	90
	Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ.....	91

Стр.

Стяженіе гласныхъ 99
Измѣненія гласныхъ при вліяніи однихъ формъ и словъ на другія 101
VII. Исторія согласныхъ звуковъ ..... 103—151
Слѣдствія исчезновенія глухихъ 103
Переходъ *у* въ *в* 122
Переходъ *л* въ *ў* 124
Переходъ *в* въ *л* 124
Переходъ *г* въ *h* и въ *j* .. .. —
Мѣна *ф* и *х* 127
Смягченіе согласныхъ 130
Отвердѣніе согласныхъ 135
Образованіе *дж* изъ *ж* и *тч* изъ *ч* 140
Опущеніе и вставка *в* передъ гласными 141
Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ 143
Измѣненія согласныхъ при вліяніи однихъ словъ на другія 144
Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ и цѣлыхъ слоговъ 149
Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ 150
VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка 152—168
Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. на *ъ* 152
Формы косвенныхъ над. членныхъ имевъ прилаг.. 154
Формы дат. и мѣстн. п. *тобѣ, собѣ, тебѣ. себѣ* ... 158
Формы 2-го лица ед. ч. на *шь* 159
Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на *ть*. ..... —
Формы 1 го лица мн. ч. на *ме* и *мо* 161
Имперфектъ на *яхъ, ахъ* 162
Давнопрошедшее 164
Причастія наст. вр. на *а* 164
Неопредѣленное наклоненіе на *ть* 165
IX. Исторія формъ склоненія ..... 169—233
Смѣшеніе именныхъ основъ (на *о* и на *ъ*, на *о* и на *ъ*, на *о* средн. р. и на *ес* средн. р., на *о*, *ъ*, *ь* и на *а*, твердыхъ и мягкихъ основъ на *о*, твердыхъ и мягкихъ основъ на *а*, переходъ именъ съ основами на *т* и на *о* въ склоненіе основъ на *а*). 169
Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ 186
Смѣшеніе падежей (именит. и зват., именит. и винит., род. и винит., род. и дат.-мѣстн., дат. и твор., твор. и мѣстн., дат. и мѣстн. 190

Стр.

Смѣшеніе чиселъ 204
Смѣшеніе родовъ (потеря рода) 209
Вліяніе однихъ падежей на другіе (дател. и мѣстн.
п. на *кть* и т. п., дат.-мѣстн. и творит. пад. ед.
ч. на *оей* и т. п., именит. ед. *судья* 212
Именит. множ. ч. муж. р. на *а* 217
Измѣненія въ склоненіи именъ числительныхъ .. 222
Потеря склоненія (причастія, сравнит. степень,
членъ)..... 225
Судьба формъ на *ѣи* и *ъи*, *ъи* и *ии*..... 229
X. Исторія формъ спряженія 234
Потеря глагольныхъ формъ (имперфекта, аориста,
будущаго сложн., двойств. числа) 234
Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго..... 239
Исторія формъ давнопрошедшаго..... 242
Исторія формъ сослагательнаго накл..... 243
Исторія формъ будущаго совершеннаго 245
Исторія формъ настоящаго времени 246
Исторія формъ повелительнаго накл..... 250
Исторія формъ возвратнаго залога..... 255
Исторія неопредѣленнаго накл. (супина) 257
Исторія причастій 259
Судьба формъ глагола *быти*..... 263
XI. Удареніе..... 267
XII. Заключеніе 279
Изъ литературы предмета..... 285
Приложеніе:
I. Образцы древне-русскаго склоненія XI вѣка.... 293
II. Образцы древне-русскаго спряженія XI вѣка ... 297
Указатель 300

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания: от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Журавлев В. К. **Очерки по славянской компаративистике.**

Журавлев В. К. **Внешние и внутренние факторы языковой эволюции.**

Журавлев В. К. **Язык, языкознание, языковеды.**

Журавлев В. К. **Диахроническая фонология.**

Журавлев В. К. **Диахроническая морфология.**

Будде Е. Ф. **Русский язык.**

Шепкин В. Н. **Болонская псалтырь.**

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. **Диалектное членение русского языка.**

Мартынов В. В. **Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян.**

Лакофф Дж., Джонсон М. **Метафоры, которыми мы живем.**

Кузнецов В. Г. **Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму.**

Серия «Женевская лингвистическая школа»

Балли Ш. **Жизнь и язык.**

Сеше А. **Очерк логической структуры предложения.**

Сеше А. **Программа и методы теоретической лингвистики.**

Фрей А **Грамматика ошибок.**

Серия «Классический университетский учебник»

Селищев А. М. **Старославянский язык.**

Кузнецов П. С. **Историческая грамматика русского языка. Морфология.**

Козаржевский А. Ч. **Учебник латинского языка.**

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Соболевский А. И. **Славяно-Русская палеография.**

Поржезинский В. К. **Сравнительная грамматика славянских языков.**

Богородицкий В. А. **Очерки по языковедению и русскому языку.**

Шахматов А. А. **Синтаксис русского языка.**

Пешковский А. М. **Русский синтаксис в научном освещении.**

Вайан А. **Руководство по старославянскому языку.**

Кузнецов П. С. **Очерки по морфологии праславянского языка.**

Кузнецов П. С. **О принципах изучения грамматики.**

Лавровский П. А. **Коренное значение в названиях родства у славян.**

Ахманова О. С. **Очерки по общей и русской лексикологии.**

Селищев А. М. **Язык революционной эпохи.**

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс **(095) 135–42–16, 135–42–46**
или *электронной почтой* URSS@URSS.ru
Полный каталог изданий представлен
в *Интернет-магазине:* http://URSS.ru

Издательство УРСС

Научная и учебная литература

Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Соссюр Ф. де. **Курс общей лингвистики.**
Мартине А. **Основы общей лингвистики.**
Адмони В. Г. **Основы теории грамматики.**
Головин Б. Н. **Основы культуры речи.**
Головин Б. Н. **Введение в языкознание.**
Сиротинина О. Б. **Лекции по синтаксису русского языка.**
Сиротинина О. Б. **Порядок слов в русском языке.**
Колшанский Г. В. **Объективная картина мира в познании и языке.**
Савченко А. Н. **Сравнительная грамматика индоевропейских языков.**
Порциг В. **Членение индоевропейской языковой области.**
Мейе А. **Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.**
Мейе А. **Сравнительный метод в историческом языкознании.**
Шрадер О. **Сравнительное языковедение и первобытная история.**
Ахманова О. С. **Очерки по общей и русской лексикологии.**
Кацнельсон С. Д. **Типология языка и речевое мышление.**
Кацнельсон С. Д. **Содержание слова, значение и обозначение.**
Кибрик А. Е. **Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания.**
Чейф У. Л. **Значение и структура языка.**
Гальперин И. Р. **Текст как объект лингвистического исследования.**
Десницкая А. В. **Сравнительное языкознание и история языков.**
Арутюнова Н. Д. **Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы).**
Уфимцева А. А. **Типы словесных знаков.**
Уфимцева А. А. **Опыт изучения лексики как системы.**
Семереньи О. **Введение в сравнительное языкознание.**
Бенвенист Э. **Общая лингвистика.**
Бенвенист Э. **Индоевропейское именное словообразование.**
Есперсен О. **Философия грамматики.**
Погодин А. Л. **Язык как творчество.**
Балли Ш. **Французская стилистика.**
Балли Ш. **Упражнения по французской стилистике.**
Балли Ш. **Общая лингвистика и вопросы французского языка.**
Кузнецов С. Н. **Теоретическая грамматика датского языка.** В 2 кн.
Пизани В. **Этимология (история, проблемы, метод).**
Вольф Е. М. **Функциональная семантика оценки.**
Вандриес Ж. **Язык (лингвистическое введение в историю).**
Макаев Э. А. **Общая теория сравнительного языкознания.**
Поливанов Е. Д. **Лекции по введению в языкознание и общей фонетике.**
Поливанов Е. Д. **Введение в языкознание.**
Шухардт Г. **Избранные статьи по языкознанию.**
Дельбрюк Б. **Введение в изучение языка.**
Улуханов И. С. **Словообразовательная семантика в русском языке.**

Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Серия «Школа классической филологии»

Нидерман М. **Историческая фонетика латинского языка.**
Эрну А. **Историческая морфология латинского языка.**
Шантрен П. **Историческая морфология греческого языка.**
Тронский И. М. **Вопросы языкового развития в античном обществе.**

Серия «История лингвофилософской мысли»

Вайсгербер Й. Л. **Родной язык и формирование духа.**
Радченко О. А. **Язык как миросозидание.**
Лосев А. Ф. **Введение в общую теорию языковых моделей.**

Серия «Новый лингвистический учебник»

Кобозева И. М. **Лингвистическая семантика.**
Баранов А. Н. **Введение в прикладную лингвистику.**
Плунгян В. А. **Общая морфология: Введение в проблематику.**

Серия «Языки народов мира»

Степанов Г. В. **Испанский язык Испании и Америки.**
Карпов В. А. **Болгарский язык.**
Сыромятников Н. А. **Развитие новояпонского языка.**
Гуру К. **Грамматика хинди.** В 2 т.
Дудина Л. Н. **Турецкий язык. Практический курс.**
Юшманов Н. В. **Грамматика литературного арабского языка.**
Вессен Э. **Скандинавские языки.**

Серия «История языков народов Европы»

Борковский В. И., Кузнецов П. С. **Историческая грамматика русского языка.**
Тронский И. М. **Общеиндоевропейское языковое состояние.**
Брунер К. **История английского языка.**
Ярцева В. Н. **Развитие национального литературного английского языка.**
Бах А. **История немецкого языка.**
Мейе А. **Основные особенности германской группы языков.**
Доза А. **История французского языка.**
Браше О. **Историческая грамматика французского языка.**
Бурсье Э. **Основы романского языкознания.**
Льюис Г., Педерсен Х. **Краткая сравнительная грамматика кельтских языков.**
Стеблин-Каменский М. И. **Древнеисландский язык.**
Стеблин-Каменский М. И. **Грамматика норвежского языка.**
Шишмарев В. Ф. **Очерки по истории языков Испании.**
Григорьев В. П. **История испанского языка.**
Вольф Е. М. **История португальского языка.**
Гуйер О. **Введение в историю чешского языка.**
Ананьева Н. Е. **История и диалектология польского языка.**

Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Русский язык

Караулов Ю. Н. **Русский язык и языковая личность.**
Шмелев Д. Н. **Современный русский язык. Лексика.**
Шмелев Д. Н. **Очерки по семасиологии русского языка.**
Голев Н. Д. **Антиномни русской орфографии.**
Москвин В. П. **Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры.**
Борисова И. Н. **Русский разговорный диалог: структура и динамика.**
Векшин Н. Л. **Русский язык в афоризмах.**
Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Лексика. В 2-х кн. Под ред. *Сиротининой О. Б.*
Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Ягубова М. А. **Русский язык и культура речи.**
Лаптева О. А. **Русский разговорный синтаксис.**
Лаптева О. А. **Речевые возможности текстовой омонимии.**
Лаптева О. А. **Живая русская речь с телеэкрана.**
Прохоров Ю. Е. **Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев.**
Золотова Г. А. **Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.**
Иссерс О. С. **Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.**
Русский язык зарубежья. Под ред. *Красильниковой Е. В.*
Голубева-Монаткина Н. И. **Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века.**
Голубева-Монаткина Н. И. **Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века.**
Голубева-Монаткина Н. И. **Вопросы и ответы диалогической речи.**

Перевод и изучение языков

Катфорд Дж. К. **Лингвистическая теория перевода.**
Алимов В. В. **Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации.**
Алимов В. В. **Юридический перевод: практический курс. Английский язык.**
Косарева Т. Б. **Международный коммерческий контракт: составление и перевод.**
Знаменская Т. А. **Стилистика английского языка. Основы курса.**
Швейцер А. Д. **Литературный английский язык в США и Англии.**
Разинкина Н. М. **Стилистика английского научного текста.**
Гак В. Г. **Беседы о французском слове.**
Гак В. Г. **Русский язык в сопоставлении с французским.**
Степанов Ю. С. **Французская стилистика (в сравнении с русской).**
Ришар-Фавр Э. **Истории ни о ком. Билингва.**
Корди Е. Е. **Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке.**
Славка Симеонова Савова. **Словарь испанской разговорной речи.**
Булатова Е. Г., Григорьев В. П., Сорокопуд Л. П. **Прогулки по старому Мадриду.**
Немецкие и русские пословицы. Ред. *Штраймель В. Ш.*
Фельдман Н. И. **Японский язык.**
Киэда М. **Грамматика японского языка.** Т. 1, 2.
Рытова М. Л. **Учебник греческого языка. Практический курс.** С кассетой.

Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Пинкер Ст. **Язык как инстинкт.**
Лайонз Дж. **Язык и лингвистика.**
Ягелло М. **Алиса в стране языка.**
Ажеж К. **Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки.**

Общее языкознание

Бодуэн де Куртенэ И. А. **Введение в языковедение.**
Слюсарева Н. А. **Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики.**
Степанов Ю. С. **Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика).**
Степанов Ю. С. **Методы и принципы современной лингвистики.**
Карпов В. А. **Язык как система.**
Комлев Н. Г. **Слово в речи. Денотативные аспекты.**
Падучева Е. В. **Высказывание и его соотнесенность с действительностью.**
Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. **Общая терминология.** В 2 кн.
Шеворошкин В. В. **Звуковые цепи в языках мира.**
Николаева Т. М. **Семантика акцентного выделения.**
Селиверстова О. Н. **Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания.**

Лингвистика текста

Новиков Л. А. **Художественный текст и его анализ.**
Одинцов В. В. **Стилистика текста.**
Папина А. Ф. **Текст: его единицы и глобальные категории.**
Дымарский М. Я. **Проблемы текстообразования и художественный текст.**
Барт Р. **S/Z. Бальзаковский текст (опыт прочтения).**
Москальчук Г. Г. **Структура текста как синергетический процесс.**

История письма

Фридрих И. **История письма.**
Фридрих И. **Дешифровка забытых письменностей и языков.**
Дирингер Д. **Алфавит.**
Струве В. В. **Происхождение алфавита.**
Гельб И. Е. **Опыт изучения письма. Основы грамматологии.**
Чегодаев М. А. **Папирусная графика Древнего Египта.**
Папина А. Ф. **Происхождение славянской письменности.**

Издательство УРСС **(095) 135-42-46,** **(095) 135-42-16,** **URSS@URSS.ru**	**Наши книги можно приобрести в магазинах:** «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457) «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 203-8242) «Москва» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7355) «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (095) 238-5083, 238-1144) «Дом деловой книги» (м. Пролетарская, ул. Марксистская, 9. Тел. (095) 270-5421) «Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (095) 939-4713) «У Кентавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чаянова, 15. Тел. (095) 973-4301) «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)

Алексей Иванович СОБОЛЕВСКИЙ

(1856–1929)

Выдающийся русский филолог-славист. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1878). Действительный член Академии наук по ОРЯС (с 1900 года). Его научные интересы касались самых разных проблем и областей: это развитие славянской письменности и истории книгопечатания, особенности языка древнейших памятников, развитие звукового и грамматического строя старославянского языка, сравнительная грамматика славянских языков, историческая и описательная диалектология, русская и славянская историческая лексикология, ономастика, топонимика, история литературы, а также этнография и археология. В общей сложности им опубликовано более 450 научных трудов, среди которых «Исследования в области русской грамматики» (1882), «Статьи по славянорусскому языку» (1883), «Общеславянские изменения звуков» (1889), «Древний церковнославянский язык. Фонетика» (1891), «Опыт русской диалектологии» (1897), «Славянорусская палеография» (1901–1902), а также знаменитые «Лекции по истории русского языка» (первое издание вышло в свет в 1888 году, четвертое — в 1907 году).

Предлагаемое читателю книга строится на обширном фактическом материале, почерпнутом из древнерусских памятников и наблюдений над живыми говорами. Здесь впервые была дана наиболее полная научная характеристика звуковых и морфологических особенностей русского языка разных периодов его истории; эти лекции высоко ценились не только современниками А. И. Соболевского, но и последующими поколениями ученых. В свое время они, по авторитетному мнению академика А. А. Шахматова, «получили значение последнего слова исторической науки в русском языке».

3084 ID 25686

9 785354 010943

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

OZON
5628935
www.ozon.ru

Любые отзывы о настоящем издании, а та
по адресу URSS@URSS.ru. Ваши зам
и отражены на web-странице этой книги в